

Матанья Соранья
КОНСТААНЦА

КОНСТАНЦА

Пролог.

Низкое серое небо цеплялось за вершины сосен клочьями облаков. Холодный осенний, пополам с ледяной крупой, ветер хлестал в лицо, чёрной громадной птицей развевал плащ за плечами лорда Нежина дар Кремона. Копыта бешено скачущего коня, которого он в ярости нахлёстывал плетью, глухо стучали по подмёрзшей лесной тропе. Мрачный Косарь бы побрал заговорщиков, его собственную доверчивость, неуклюжесть Ласси и, в конце-то концов, эту глупую девчонку, которая только дрожала и лила слёзы в три ручья. Она не стоила того, чтобы трястись из-за неё чуть не три десятка роенов.*

Арбалетная стрела с силой ударила в плечо и выбила его из седла. Конь, доведённый до безумия шпорами и плетью, рванулся вперёд и исчез в сгущающейся темноте. Лорд Нежин, ударившись затылком о выступающий на тропе корень, потерял сознание.

* роен — мера длины, около 1,5 км

Глава 1.

Констанца была дочерью деревенского кузнеца. Она являлась обладательницей симпатичного курносого носика, тёмно-серых, живых, любопытных глаз, мягкого, округлого подбородка и смешливого рта. Ей исполнилось пятнадцать лет, и она ничуть не походила на мать. Иногда, поглаживая светлые, пушистые, чуть вьющиеся волосы дочери большой заскорузлой ладонью, Даниил качал головой: доченька ничего не взяла от матери. Шестнадцать лет назад жгучая черноглазая красавица привела к нему в кузню коня. Гнедой жеребец косил бешеным взглядом и недовольно всхрапывал. Он потерял подкову, и красotka хотела, чтобы кузнец его перековал. Её бродячее племя расположилось на лугу за деревней, раскинув цветастые шатры. Всю ночь пели и плясали вокруг костров смуглые, черноволосые люди, а к утру шатры исчезли. Лишь ветер гонял по опустевшему лугу обрывки ярких лент, да темнели чёрными пятнами кострища.

Племя исчезло, а черноглазая Марго осталась с кузнецом. Его серая однообразная жизнь расцвела доселе невиданными красками. Целую неделю он не показывался в кузнице, и мальчишка-подмастерье лишь виновато разводил руками: гора всевозможного железа, требующего к себе внимания, росла, как снежный ком, недовольные заказчики заглядывали в кузню, но огонь в горне потух, а влюблённый Даниил хвостом ходил за красавицей — женой. У Марго были ярко-красные, как кровь, полные мягкие губы, нежное сладостное тело, огненный взгляд и громкий заразительный смех. Через девять месяцев она родила дочь и назвала её Констанцей, а ещё через год в деревне снова появилось её племя. Опять на лугу раскинулись яркие шатры, опять ночами звучал перебор струн и берущие за душу песни. Марго не ходила на луг, но вечерами подолгу стояла у открытого окна, вглядываясь в отсветы костров на тёмном небе, вслушиваясь в звуки песен, то грустных, рыдающих, а то бесшабашных, безудержных. Однажды утром шатры снова исчезли, а с ними исчезла и жена кузнеца.

Даниил замкнулся, перестал улыбаться. Вся жизнь его теперь заключалась в подрастающей дочери. Боль, со временем, утихла, но он так и не женился, боясь даже думать о мачехе для Констанцы.

Девочка росла ласковой, доброй и умненькой. Она рано взвалила на себя домашние заботы. Соседи лишь качали головами, видя, как шестилетняя кроха с трудом тащит ведро с водой из колодца, чуть свет провожает в стадо корову и тщательно пропалывает грядки в

огороде.

Кузнец был единственным на несколько деревень. Ему щедро платили за работу, на которую никто не мог пожаловаться. Он имел хороший тёплый дом из толстых брёвен, а в доме был даже деревянный пол, а не земляной, как у всех соседей. В хлеву стояли корова и десяток овец, а в конюшне благодушествовал толстый мерин.

Однажды к Даниилу пришла жена местного священника, данна* Эдита. Деревня была большой, в ней даже имелся храм Всеблагого.

Данна Эдита, суровая, сухопарая женщина со строго поджатыми бледными губами, изящно присела на предложенную кузнецом скамью и внимательно осмотрела комнату. Без изысков, но чистенько. Добела выскобленный пол застелен домоткаными половичками, на столе старенькая, но тщательно выстиранная скатерть, окна сияют чистыми стёклами. Она перевела взгляд на Даниила, который мялся на стуле, не зная, куда девать большие руки с намертво въевшимися в них окалиной и сажей.

— Даниил, у тебя подрастает дочь. Скажи мне, к какой жизни ты её готовишь? — Её голос был холоднее, чем лёд на реке.

Кузнец растерянно смотрел на неё: — дак, данна Эдита, ну... вырастет — замуж пойдёт, может, человек хороший сыщется.... — К концу фразы его голос упал чуть не до шёпота, он виновато опустил глаза, не зная, что говорить.

Гостья продолжала: — замуж, значит. А за кого? В нашей деревне есть семья, в которую ты хотел бы отдать свою дочь?

Даниил добросовестно задумался. Потом покачал головой: — нет, данна, в нашей деревне нет такой семьи...

Жена священника незаметно усмехнулась. Ещё бы! В деревне были разные семьи. Кто-то жил бедно, зимой голодал, а летом выбивался из сил на крохотном участке земли. Были те, кто имел большие наделы, хорошие дома, много скота. Всех их роднило одно: женщины за людей не считались. И в бедных, и в богатых семьях они работали много и тяжело, а частые роды быстро старили их. Не считалось зазорным бить жену, мало ли, чем мужу не угодила. Особенно страдали молодые.

Данна Эдита снова безжалостно вернула кузнеца к своему вопросу: — так как же, Даниил, за кого твоя дочь замуж пойдёт? Не заметишь, как десять лет пролетят.

Он тяжело вздохнул, решился: — в город её увезу, может, в какой господский дом поступит работать, а там, глядишь, и познакомится с кем!

Женщина поражённо смотрела на хозяина: — ты что, на самом деле веришь, что какой-нибудь господский сынок соблазнится и женится на Констанце??

— А что? — Он робко смотрел на неё, — она ведь красивая. И добрая, весёлая...

— Дани-и-ил! Что же ты такой глупый-то, а? Глупый и наивный! — у неё не было даже злости, одно удивление. А кузнец съёжился на своём стуле, насколько это было возможно мужику, легко поднимающему на воздух телегу. — Богатый мальчик, может, и соблазнится, но никогда на ней не женится, олух ты неотёсанный, прости, Всеблагой, мою гневливость! И приедет твоя Констанца обратно к тебе, униженная, растоптанная, да ещё с ребёночком! Да и в качестве кого, как ты думаешь, она сможет работать в господском доме? — Кузнец опустил голову, не зная, что сказать, а гостья беспощадно продолжала: — в лучшем случае, её возьмут посудомойкой.

Несчастный отец поднял на неё глаза, наполненные слезами: — данна Эдита, помилосердствуйте! Пожалейте мою доченьку, посоветуйте, как быть!

— Вот! — Гостья выпрямилась на неудобной скамье, — успокойся, Даниил, я и пришла к тебе, чтобы поговорить о будущем Констанцы. Скажи, как бы ты отнёсся к тому, что я стала бы учить твою дочь?

Кузнец вытаращил глаза на гостью, как на диковину: — дак, данна, я бы вам до самой своей смерти служить стал! Всё для вас бы сделал, что прикажете!

Женщина усмехнулась: — я бы хотела, чтобы ты платил за учёбу дочери, Даниил. Деньги будут небольшие, но я сделаю из неё образованную девушку.

— Данна Эдита, да я... да для вас..., - он часто заморгал, не в силах совладать с обуревающими его чувствами.

Дверь в комнату открылась. Вошедшая Констанца присела в неловком реверансе, с любопытством глядя на гостью. Та холодно посмотрела на неё: — подойди ко мне, девочка. Скажи, сколько букв ты знаешь?

— Ни одной, данна, — тихо прошептала малышка.

— Ну, а считать ты умеешь?

— Да, данна. Я умею считать до ста.

— Хорошо. Констанца, я предлагаю твоему отцу отдать тебя мне в ученицы. Весь день я буду учить тебя разным умным вещам, а вечером ты станешь возвращаться домой. Как, ты согласна?

Глаза девочки вспыхнули радостью, щёчки заалели: — о, данна Эдита, вы, правда, стали бы меня учить? — Но тут же её взгляд потух, а улыбка сползла с лица: — но папа... корову надо доить, огород полоть...

— Ясно, — что-то вроде жалости мелькнуло в глазах гостьи, — папе придётся кого-то нанять для домашней работы, чтобы ты могла учиться!

Даниил, счастливый, радостно закивал головой: — доченька, не отказывайся, я найму кого-нибудь, да вон хоть ту же Наину, ей лишний медяк не помешает. А ты у меня будешь грамотная, как настоящая данна!

— Значит, договорились, кузнец, — данна Эдита встала и величаво, несмотря на сухопарость и нескладность, выплыла из комнаты. Даниил, непрерывно кланяясь ей в спину, пошёл провожать гостью.

В этот вечер отец с дочерью долго не могли уснуть, обсуждая свалившуюся на них новость.

Констанца, в силу малолетства, а кузнец, из отвращения к сплетням, не знали, что данна Эдита воспитывалась как благородная леди, да и происходила она из знатной и богатой семьи. Сухопарость и нескладность была присуща ей и в молодости, да и красотой она не блистала. Но при хорошем приданом на это никто внимания не обращал, так что женихов находилось немало. К несчастью, Эдита ещё и характер имела твёрдый и уравновешенный. Она категорически отказала всем претендентам на её руку, в том числе и семидесятидвухлетнему, чрезвычайно богатому и приближённому к королевской особе лорду. Взбешённый отец посадил дочь на хлеб и воду и запер её в комнате. Но девушка вылезла в окно и сбежала из родного дома с молодым священником Всеблагото, который был беден, получил направление на служение в захолустную деревню, но без ума любил свою ненаглядную Эдиту. Она тоже испытывала к нему нежные чувства. Так что, наскоро принеся брачные обеты в храме, молодые отбыли по месту назначения, откуда девушка известила отца о своём замужестве и просила прощения. Ответ не задержался. Отец проклинал её, лишал приданого и наследства и запрещал показываться на глаза. Позднее

пришло слезливое и укоряющее письмо от матери, а с ним несколько золотых монет.

С тех давних пор данна Эдита со своим мужем несколько раз переезжали на новое место жительства, пока священник не был направлен в большую и богатую деревню Вишняки, где умер старый настоятель храма. Вот тут-то и состоялось знакомство с кузнецом и его дочерью. Свои дети у данны Эдиты давно выросли, имели семьи и жили в городе. Она скучала и втайне презирала деревенских, чьи интересы не простирались дальше корчмы. Ну а у женщин вообще не было времени на что-либо помимо детей, домашней работы и ухода за скотом. Вот так и получилось, что, присмотревшись к маленькой Констанце, данна решила взяться за её обучение.

Со следующего дня девочка стала с утра приходить в дом священника. Она с трепетом прикасалась пальчиками к грубым серым листам бумаги, сшитым вместе толстой льняной ниткой. Впервые увиденный карандаш вообще поверг её в смятение. Данна Эдита не собиралась давать ей время для того, чтобы она могла с восторгом осмотреть мебель, хоть и грубоватую, но сделанную самолично священником Краусом с большой любовью и старанием. Всё же Констанца присела на корточки и потрогала настоящий ковёр на полу. На нём были вытканы необыкновенные узоры. Ещё хозяйка показала ей большой шкаф в кабинете мужа. Он был доверху уставлен книгами, и Констанца подумала, что потом, когда она научится читать, она обязательно упрощит святого отца разрешить ей брать книги из этого великолепного шкафа.

Девочка оказалась способной и не ленивой. Она горько плакала, когда буквы, выводимые неуверенной ручонкой, получались вкривь и вкось, но, успокоившись и вытерев глаза, она упорно заставляла их выстраиваться стройными рядами.

Очень скоро Констанца с гордостью прочла отцу небольшое стихотворение из тонкой книжки, сохранившейся в семье священника со времён детства сыновей. Казалось, от счастья Даниил пребывает в чертогах Всеблагого. Он снова и снова просил дочку почитать ему книжку, и, затаив дыхание, внимал ей, пока не выучил коротенький детский стишок наизусть.

Данну Эдиту радовало упорство и прилежание Констанцы, и она учила её всему, что знала сама. А знала она и, главное, помнила, немало. Девочка, как губка, впитывала историю королевства Семи Холмов, в котором она жила, а также соседних: Междуречья и Закатного. Она изучала географию, растения и животный мир, биографию короля Рихарда IV и его семьи. Королевство Семи Холмов состояло из двадцати трёх лордств. Лордства были разной величины, и их хозяйственная деятельность тоже была различной. Расположенные на юге имели прекрасные и обширные пахотные земли и фруктовые сады. В средней полосе такие лордства, как Кремонское и Джулемское были покрыты густыми лесами, преимущественно хвойными. Помимо добычи древесины население выращивало много овощей, отправляемых на продажу даже в столицу. Ещё в лесах водилось множество зверья, и пушнина тоже немало способствовала процветанию лордств. Совсем на севере, вплоть до самой границы с королевством Междуречья, было несколько не слишком больших владений лордов, в которых население занималось, преимущественно, разведением овец.

Строгая учительница требовала, чтобы девочка много читала, для чего ей была выделена целая полка с книгами в вожделенном шкафу. Через три года кузнец с удивлением отметил, что из речи его дочки совершенно исчезли словечки, которыми часто обменивались деревенские жители. Теперь она употребляла слова и выражения, которыми изъяснялась сама данна Эдита. Кроме того, она хорошо знала счёт, а её красивый почерк

поверг в восхищение значительную часть населения Вишняков, что привело к тому, что Констанцу всё чаще стали просить написать родственникам письмецо. Девочка не отказывала никому, потому что имела чуткое и отзывчивое сердечко. Кузнец был чрезвычайно горд её успехами и даже стал изредка навещать корчму, чтобы выпить большую кружку пива и послушать, как окружающие хвалят его дочь. Он долго думал, как отблагодарить данну Эдиту за обучение дочери, ведь денег, которые он платил, едва хватало на бумагу и карандаши, которые священник привозил для Констанцы из города. Всё получилось, как нельзя лучше. У святого отца захромала лошадь, потому что одна подкова сносила больше остальных. Кузнец с радостью перековал её, поменяв все подковы, а дополнительно подремонтировал и старую бричку, на которой тот ездил. От денег он категорически отказался.

Годы шли, Констанца по-прежнему оставалась прилежной ученицей жены священника. Пожалуй, данна Эдита даже полюбила её, радуясь успехам и огорчаясь неудачам. На своё пятнадцатилетие девочка испекла необычный пирог, который назвала “торт”, благо, продукты для него: масло, сметана, яйца были свои. Она постеснялась пригласить в гости священника с данной Эдитой, но, отрезав большой кусок от своей стряпни, завернула его в чистую тряпицу и унесла им. Её дорогая учительница посмеялась над ней и ткнула в сырую середину торта, пообещав, что один из уроков будет посвящён кулинарному искусству.

Теперь Констанца ходила, не горбясь и не размахивая руками. Её реверанс был изящен и нетороплив. Она научилась быть сдержанной, но её природная весёлость и непоседливость нет-нет, да и прорывалась сквозь привитые данной Эдитой благородные манеры. У неё оказался приятный, хотя и не слишком сильный голос, и она превосходно танцевала. А вот играть на клавесине так и не научилась: не хватало терпения и усидчивости.

Втайне данна Эдита надеялась, что со временем, сможет устроить свою воспитанницу в какой-нибудь приличный дом в качестве гувернантки к маленькому ребёнку. Она уже поговорила об этом со своим старшим сыном, который служил начальником канцелярии у градоправителя. Он обещал подумать и разузнать о возможностях.

В один из летних тёплых дней жена священника пришла к кузнецу. Она выставила из комнаты недоумевающую Констанцу и внимательно посмотрела на хозяина:

— Даниил, сегодня утром муж сказал мне, что на следующей неделе нашу деревню навестит наш господин, лорд Нежин дар Кремен. — Она замолчала, глядя на кузнеца. Тот побледнел:

— данна Эдита..., а что делать-то? Может, обойдётся?

— Не будь дураком, Даниил, — жёстко ответствовала гостья, — не обойдётся! У тебя имеется несколько дней, чтобы спрятать дочь. — С этими словами она встала, и ещё раз окинув его холодным взглядом, вышла.

А кузнец, обхватив голову руками, закачался на стуле. Вбежавшая Констанца в панике бросилась к отцу:

— папа, папа! Что с тобой!? Что тебе сказала данна Эдита?? — И, поскольку он не отвечал, обняла его за шею и принялась тормошить: — ну папа же!

Кузнец поднял голову: — доченька, тебе надо спрятаться куда-то! Ненадолго, два-три дня, но чтобы никто не знал, где ты есть.

— Зачем? Что случилось, папа?

— Констанца, ты ещё маленькая, не поймёшь, но мне надо тебя спрятать! Но куда?? — Он в отчаянии опять обхватил голову руками. Спустя некоторое время кузнец поднялся: —

дочка, я сейчас уеду, но к вечеру вернусь, не беспокойся.

Растерянная, недоумевающая Констанца осталась одна. До конца дня она разбирала с данной Эдитой формы стихосложения древних поэтов Семи Холмов. Затем ей самой было предложено сочинить небольшое стихотворение. Так что, когда она пришла, отец уже возился в кузне. Увидев, что дочь вернулась, он направился следом за ней в дом:

— дочка, завтра утром мы поедем с тобой к Феонисте. Ты поживёшь у неё с недельку, а потом я за тобой приеду.

— К Феонисте? Зачем, папа? А как же моя учёба?

Кузнец отвернулся, пробурчал: — данна Эдита знает, что тебя несколько дней не будет, — и, повысив голос, добавил: — перестань задавать мне вопросы!! — Констанца поразилась, ведь отец никогда не кричал на неё.

Рано утром, когда в деревне ещё все спали, толстый мерин, запряжённый в бричку, вёз Даниила и его дочь по дороге, уходящей на север. Немного времени спустя бричка свернула в лес. Теперь отец с дочерью отправились по широкой тропе, которая, вначале, вилась параллельно дороге, а потом отклонялась влево. Через десяток роенов она выбегала из леса на луг. За ним, в отдалении, возвышалась серая громада замка хозяина всей округи, лорда Нежина дар Кремона. Тропа значительно сокращала путь к замку в отличие от дороги, которая огибала и лес, и луг.

Но Даниил и Констанца, проехав по тропе с полроена, свернули в лес. Кузнец привязал лошадь к дереву. Дальше предстояло идти пешком. Девушка с удовольствием прикасалась ладонью к гладким мощным стволам сосен, гладила по вершинкам, как детей, молодую поросль. Она любила этот чистый, пронизанный солнцем, сосновый бор с толстым, пружинящим под ногами, слоем старой хвои, с густым смолистым запахом и звенящей тишиной. Лишь порой, когда налетал ветерок, высоко в голубом небе возникал неясный размеренный шум, как будто лесные великаны лениво шептались между собой.

Они шли около часа. Чистый хвойный лес уступил место смешанному, с густым подлеском. Наконец, деревья расступились, открыв поляну, на краю которой притулился небольшой домишко о двух окнах с покосившимся крыльцом. Его ограждал невысокий плетень. Где-то недалеко журчал ручей. Около крыльца бродило с десятков кур во главе с красавцем-петухом.

Кузнец нерешительно открыл калитку. Скрипнула дверь, и на крыльцо вышла хозяйка, Феониста. Она была старой. Годы сгорбили её спину и избороздили морщинами лицо, но выцветшие, когда-то голубые, глаза смотрели остро и насмешливо. Констанца хорошо знала Феонисту и немного побаивалась. Та слыла травницей и ведьмой. Девочка вполне верила этим слухам. Ведь не зря же старуха жила в глубине леса. Она лечила скот и людей, её звали, когда у женщин бывали трудные роды и местная знахарка не справлялась. А ещё, как шёпотом передавали деревенские, она умела разговаривать с животными и её слушался лес. На Феонисте была надета длинная тёмная юбка и неопределённого цвета кофта с длинным рукавом. И на юбке, и на кофте красовались заплаты, но одежда чистая, как и тёмный платок, скрывающий совершенно седые волосы.

Кузнец поклонился, приобнял дочку за плечи: — здоровья тебе желаю, Феониста! А это моя дочь, Констанца... — Девочка с опаской посмотрела на старуху, робко поклонилась, не зная, что сказать.

— Ну-ну, Констанца, значит. Дочка твоей бродячей вертихвостки!

Они продолжали молча стоять в раскрытой калитке. Старуха усмехнулась: — заходите,

чего встали.

Гости прошли в дом. Костанца украдкой посмотрела по сторонам. В переднем углу маленький алтарь Всеблагого. На нём теплится свечка, лежит пучок каких-то трав. Под окнами широкая лавка, перед ней большой стол, покрытый старой реденькой скатертью в красную и белую клетку. Большая выбеленная печь перегораживает комнату на две половины. Что за ней — не видно. У другой стены стоит большой сундук, на него брошен пухлый матрас. По стенам висят пучки сухих трав. Несколько полок между окнами заняты плотно закрытыми банками, мешочками, от которых пахнет травами.

Потоптавшись у двери, кузнец сказал: — ну, дак я пойду, Феониста? Как этот вражина уедет, так я сразу и приеду за Констанцей...

Старуха кивнула: — поезжай, Даниил. Небось, некогда прохладиться-то.

После ухода кузнеца воцарилось молчание. Потом старуха внимательно посмотрела на девочку и улыбнулась: — не бойся, милая, я хоть и ведьма, но людей не ем. Хотя, — она задумалась, перестала улыбаться, — вот такого негодяя, как ваш лорд, не грех было бы и скормить кому-нибудь, тем же волкам, к примеру...

Констанца с ужасом смотрела на Феонисту: — данна, что такое страшное вы говорите? Разве можно желать смерти человеку?

— Ты ещё слишком молода, Констанца, — старуха тяжело вздохнула, — есть люди, смерть которых была бы во благо другим. Ну, да ладно, давай, будем тебя устраивать на новом месте.

До самого вечера они занимались домашними делами. Гостья разобрала свою дорожную сумку, которой очень гордилась, потому что та была собственноручно сшита ею из кусочков кожи, оставшихся у сапожника и выброшенным им за ненадобностью. Аккуратной стопкой она сложила несколько книг, которые хотела бы прочесть в ближайшее время, развесила на плечиках в чулане пару платьев. Там же, на небольшую полку, сложила своё нехитрое бельё. После этого Констанца отправилась в небольшой огород за домом, где Феониста выращивала немного овощей. Они вместе пололи, а потом поливали привядшие растения. Как-то незаметно Констанца стала называть хозяйку “бабушкой”, а та и не возражала. Девочка рассказывала о своей учёбе, о данне Эдите, о деревенской жизни.

Вечером они пили чай и Констанца, наконец, решилась спросить Феонисту о том, что не давало ей покоя: — бабушка, а почему, всё же, мне надо прятаться у вас? Ни папа, ни данна Эдита мне не стали ничего говорить, а папа вообще на меня прикрикнул и сказал, что я маленькая ещё, чтобы знать причину?

Старуха тяжело вздохнула: — не прав кузнец. Может ему, отцу, и неловко и тяжело говорить о таком, а вот твоя наставница должна была тебе рассказать. Ты ведь знаешь, Констанца, почему Всеблагий род людской разделил на мужчин и женщин? — Молча кивнув, девочка во все глаза смотрела на хозяйку. — Ну вот, должны они жить вместе, быть супругами, рожать и воспитывать своих детей, множить род человеческий. Но есть мужчины, пренебрегшие заповедями Всеблагого. Они не хотят состоять в честном супружестве и прожить жизнь с одной женщиной. Лорд Нежин из таких. Он жесток и бессердечен. По его приказу в деревнях ловят молодых девушек и доставляют к нему в замок. Через несколько месяцев они возвращаются домой обесчещенные, опозоренные. На всю жизнь к ним прилипает презрительная кличка “падшая”. У некоторых из них рождаются дети. В этом случае лорд Нежин время от времени выделяет несчастным женщинам небольшие суммы. Все они молоды и красивы, поэтому большинство из них, всё же, выходит

замуж, но до конца своих дней мужа издеваются над ними, попрекая тем, что лорд Нежин был их первым мужчиной. — Феониста замолчала, переводя дух. Констанца слушала её, затаив дыхание. — Вот поэтому-то твой отец, милая, и попросил меня приютить тебя на несколько дней. А теперь давай-ка уберём со стола да будем ложиться спать, — закончила старуха.

Позднее, лёжа в темноте на матрасе, набитом душистым сеном, Констанца думала о том, что рассказала ей Феониста. Конечно, девочка была деревенской жительницей и рано узнала об отношениях мужчины и женщины. Вначале на примере животных, а потом и людей. Деревенские не очень-то беспокоились о приличиях, и Констанца не раз натыкалась в лесу и на лугу, в стоге сена, на уединившиеся парочки. Припомнила она и исчезновение девушек несколько старше её по возрасту. Позднее они снова появлялись в деревне. Бледные, с опущенными глазами они тенью скользили по улице, люди шарахались от них, а парни бросали вслед грязные словечки. Констанца даже вспомнила, как несколько лет назад одна из этих девушек, весёлая черноволосая красавица Гортензия, первая певунья на всех деревенских праздниках, вернувшись из замка, через несколько дней повесилась. Хоронила её вся деревня. Люди мрачно и угрюмо шли за гробом, а рыдающая мать призывала на чью-то голову все кары небесные. Говорят, через несколько дней к родителям Гортензии приезжал всадник из замка. Он вошёл в дом и тут же выскочил обратно. Вслед ему неслись проклятья.

Страх закрался в душу девочки. Она подумала, что данна Эдита права: нужно прилежно учиться, чтобы найти работу в городе.

Спустя несколько дней кузнец забрал Констанцу домой. Он был мрачен и нерадостен. В деревне соседка, Наина, шёпотом, чтоб не услышал отец, сказала, что лорд Нежин приезжал сам, с ним десяток стражников. Он приказал привести к нему всех девушек, живущих в деревне. Явились те, кто не успел уехать к родственникам. Он забрал с собой дочь вдовы Параньи, не обращая внимания на слёзы и мольбы убитой горем матери. Уходя, он бросил ей кошель с деньгами.

За два последующих года Констанца ещё несколько раз пряталась у Феонисты. Травница нравилась ей, несмотря на язвительность. И да, людская молва не врала: старуха действительно была ведьмой. Однажды Констанца увидела, как Феониста, склонившись над кустом боярышника, что-то тихо шептала ему, а куст клонился к ней всеми ветвями, хотя стояло безветрие.

Девушке исполнилось восемнадцать, парни всюду заглядывались на милое личико и старались привлечь к себе её внимание. Констанца была со всеми приветлива, но никого особенно не выделяла. Данна Эдита, через своего старшего сына, нашла ей работу в городе. Пожилая богатая данна хотела бы иметь молодую симпатичную компаньонку, чистоплотную, скромную, умеющую читать и писать. Кузнец радовался, что его девочка весной уедет из деревни, будет жить в хорошем доме, где её никто не обидит. Там, глядишь, и муж подходящий отыщется. Констанца о муже не загадывала, но о городе мечтала. Она представляла, как вместе со своей хозяйкой будет посещать театры, ездить в каретах и носить красивые платья. Ей обещали небольшое жалованье, а питаться она должна будет с хозяевами. Девушка думала, что сделает всё, чтобы понравиться пожилой даме. Ей хотелось, чтобы её полюбили.

Она часто навещала Феонисту. Старуха в последнее время сдала, частенько ложилась передохнуть. В такие минуты Констанца садилась рядом, на низенькую скамеечку, и та

рассказывала ей о повадках животных, о птицах, растениях и их целебных свойствах. Девушка уже не занималась с данной Эдитой, хотя, по-прежнему, была частой гостьей в доме священника. Вожделенный шкаф с книгами давно распахнул свои дверцы и теперь не представлял для неё интереса. Все книги были прочитаны, а некоторые, самые любимые, не на один раз. Но из каждой своей поездки в город святой отец обязательно привозил недавно выпущенные издания, да и сыновья нет-нет, да и присылали родителям очередной, увековеченный на бумаге труд какого-нибудь мыслителя, а то стихи модного поэта.

*данна, данн — уважительное обращение

Сегодня Констанца решила унести Феонисте круг копчёной колбасы и кусок масла. Ещё в её сумке имелся горшочек. Один из заказчиков рассчитался с кузнецом за мелкую работу мёдом. Большая глиняная миска была наполнена доверху, под самую крышку. Девушка сразу же ополовинила её, налив по горшочку данне Эдите и Феонисте.

Домашние дела задержали её, так что она вошла в лес, когда уже смеркалось. Констанца не боялась ходить по нему одна, даже если и темнело. Деревенские слыхом не слыхивали ни о каких разбойниках, а дочку кузнеца они все знали и любили. Вишняки были единственным поселением на всю ближайшую округу, и встретить кого-то пришлого ей представлялось маловероятным.

Констанца, тем не менее, торопливо шла по тропе. Луна уже вошла. Её слабый свет пробивался сквозь кроны сосен, сплетая призрачные, подрагивающие узоры на земле, подмороженной первыми осенними заморозками.

Внезапно девушка услышала шорох, потом слабое постукивание копыт и фырканье лошади. Она замерла. Что может делать всадник в такой час на лесной тропе? Констанца тихо отступила за толстую сосну, прислушалась. Её тёмный плащ с капюшоном должен был скрыть её от чужого взгляда. Разве что лицо может выдать... Она надвинула капюшон поглубже и снова прислушалась. Лошадь опять

фыркнула и переступила с ноги на ногу. Осторожно ступая, Констанца двинулась через лес, рядом с тропой. Вскоре она увидела здорового коня. Он стоял, запутавшись поводьями за терновый куст. Хозяина видно не было. Она медленно подошла к лошади. Крупный рыжий жеребец всхрапнул и, покосившись на неё, дёрнул головой, но куст держал крепко.

Констанца подошла и положила руку на круп. Жеребец вздрогнул всем телом. Она отдёрнула руку и присмотрелась: весь бок у лошади был изодран плетью. Девушка ахнула:

— о, Всеблагой! Да кто же тебя так? А где твой хозяин? — Она стала распутывать поводья. Жеребец стоял смирно, иногда переступая с ноги на ногу. Констанца погладила его по шее, нащупав в кармане плаща кусочек хлеба, который она припасла, чтобы угостить Феонистиных кур, протянула его коню. Тот взял, деликатно прихватывая ладонь мягкими губами. Она решила, что отведёт его к Феонисте. Травница подлечит раны на боку, а потом они подумают, где искать хозяина.

Констанца потянула за повод, и жеребец послушно двинулся за ней. Она негромко разговаривала с ним, успокаивая его и одновременно ломая голову, откуда в лесу мог взяться такой конь. Видно было, что он благородных кровей, не деревенская покладистая лошадка. Да и седло на нём дорогое, из хорошей кожи.

Она шла по тропе дольше обычного. Темнота сгустилась, наступила ночь, и Констанца

вовсе не хотела запнуться и растянуться на мёрзлой земле. Впереди что-то темнело, и она с досадой подумала, что упавшее дерево задержит её ещё больше. Но это оказалось не дерево. На тропе, растянувшись во весь немалый рост, лежал мужчина. Конь фыркнул, попятился, чуя запах крови. Человек лежал неподвижно, неловко подвернув под себя правую руку. Констанца торопливо запутала повод вокруг ближайшей сосны, и подошла к мужчине, с опаской наклонилась. Он был молод, бледен, глаза закрыты, а вокруг головы и верхней части туловища расплылась большая, уже подмёрзшая, лужа крови. Из плеча торчало древко короткой арбалетной стрелы. Она наклонилась ниже. Он дышал, значит, пока жив.

Девушка боязливо оглянулась: вдруг тот, кто стрелял в незнакомца, всё ещё где-то здесь? Но кругом было тихо, лишь фыркал привязанный жеребец. Она подумала, что мужчина умрёт, если оставить его здесь в ожидании, пока она сбегает за помощью. Делать нечего, надо как-то справляться самой.

Констанца отвязала жеребца и подвела его вплотную к незнакомцу. Он наклонился к его лицу, обдавая тёплым дыханием. Девушка поняла, что её догадка верна: это и есть хозяин коня. Она потянула повод вниз, к земле, одновременно нажимая на спину жеребца и уговаривая его лечь. Тот понял, подогнул ноги и опустился рядом с женщиной. Констанце предстояла тяжёлая работа: нужно было затащить раненого на лошадь, при этом перевернув его на живот, а затем привязать его, чтобы он не упал. Деревенская жизнь сделала её сильной, но мужчина был тяжёл. Ей пришлось снять седло и спрятать его в кусты, потому что оно мешало уложить незнакомца. Было бы проще затащить его поперёк конского крупа, но Констанца боялась, что в темноте не сможет уследить за тем, чтобы его голова не ударилась о дерево. Её возня разбередила раны. Из-под стрелы побежала струйка крови, а с разбитого затылка закапало.

Она запыхалась, взмокла и совершенно выбилась из сил, но кое-как взвалила мужчину на спину жеребцу. Найденным в седельной сумке ножом она разрешила свой плащ на ленты и крепко привязала раненого к коню. Пришлось разорвать нижнюю юбку, чтобы завязать рану на голове. Стрелу она трогать не решилась.

Дорога через ночной лес была сущим мучением, но, наконец, Констанца вышла на поляну перед домом Феонисты. Та уже спала, но вышла на крыльцо, услышав шум. Она подошла к жеребцу, и, наклонившись, заглянула незнакомцу в лицо. Отшатнувшись, сурово сказала:

— Констанца, где ты его нашла? — Девушка сбивчиво объяснила, не понимая, почему старуха хмурит брови. — Тебе надо было оставить его там, на тропе, а не тащить ко мне.

— Бабушка, но он же ранен! Он совершенно беспомощен! Я не могла его там бросить! — Она запнулась, расширенными глазами посмотрела на Феонисту, — он бы умер, бабушка!

— Туда ему и дорога, — пробормотала, всё также хмурясь, старуха, — это лорд Нежин дар Кремон, глупая. Тот, от кого тебя отец прячет столько лет.

Вдвоём они стащили незнакомца с коня и, уложив его на одеяло, волоком затащили в дом. В сознание он не пришёл, но глухо застонал, когда его волокли по ступеням. Им даже удалось затащить его на сундук, на котором иногда спала Констанца.

До самого утра они возились с раненым. Феониста выдернула стрелу, чудом не попавшую в сердце, промыла и туго забинтовала рану. Потом они перевернули его на бок, и Констанца выстригла волосы вокруг раны на затылке. Травница сказала, что череп цел, но лорд Нежин сильно ударился головой и рассек кожу, оттого и кровь. Эту рану они промыли

отваром воин-травы, которая останавливает кровотечение и препятствует воспалению. Голову тоже забинтовали чистыми холщовыми тряпками. Он очень сильно замёрз, поэтому Феониста велела нагреть в недавно протопленной печи несколько плоских камней и, завернув их в тряпки, обложить ими мужчину. Выгнав Констанцу, старуха раздела его догола и растёрла тело жёсткой травяной мочалкой до красноты. Девушка, тем временем, промыла и засыпала порошком всё той же воин-травы израненные бока жеребца, потом принесла ему охапку сена и чистой воды в ведре. Она закрыла его в пустующем сарае, решив, что за седлом сходит утром.

Когда Констанца вернулась в дом, лорд Нежин лежал, переодетый в старую-престарую вылинявшую рубаху и такие же подштанники. Всё это кто-то из жителей Вишняков отдал старухе, чтобы не выбрасывать сравнительно целые вещи. Обложенного тёплыми камнями, укрытого двумя одеялами, раненого, тем не менее, трясло в ознобе. Травница, всё такая же хмурая, покачала головой: — он потерял много крови и сильно промёрз. Не хватало ещё, чтобы он умер у меня в доме! — Она, бормоча что-то, нашла на полке мешочек с сушёными ягодами малины и липовым цветом: — надо заварить и выпоить ему, не дожидаясь утра.

Вдвоём они напоили лорда Нежина отваром. Констанца приподняла его голову, а старуха ловко вливала в рот отвар маленькой ложкой.

Наконец, его перестало трясти, лоб покрылся испариной. Феониста полезла спать на печь, а Констанце велела лечь на своё место. За печкой имелась небольшая комнатка, отгороженная занавеской, там стояла узкая деревянная кровать. Констанца решила, что она немного посидит и обдумает случившееся.

Она придвинула табурет поближе к сундуку, на котором лежал раненый, и задумчиво посмотрела ему в лицо. Он был очень бледен. Тёмно-русые волосы спутались, слиплись, все в засохшей крови. Они не длинные, но густые и мягкие. Нос прямой, с хищным вырезом ноздрей, губы плотно сжаты. Подбородок с ямочкой посередине, а ресницы длинные, пушистые, как у девушки. Феониста сказала, что ему двадцать шесть лет. Он показался Констанце очень красивым. А ещё он высокий, широкоплечий, вон как натянулась на груди ветхая рубашка, того и гляди расплзётся по швам. И руки сильные, с длинными пальцами. Она вдруг представила, как он может обнять, поцеловать, и дрожь прошла по её телу. Не может быть, чтобы он был жесток. Здесь что-то не так. Но надо идти спать, скоро утро.

Глава 2.

Лорд Нежин с недоумением осмотрелся вокруг. Голова была тяжёлой, тупая боль затаилась внутри. Какого Мрачного Косаря он здесь делает? Он что, слишком много выпил вчера? И что это за убогая комнатка? Маленькое покосившееся окошко с какими-то цветастыми занавесками, грубый деревянный стол, домотканые половики на полу, длинная лавка под окном... Он поднял руку: — Всеблагой! Что за рваньё на него надето?! — С отвращением откинув лоскутное одеяло, попытался резко вскочить и тут же со стоном упал обратно. В глазах потемнело, боль накрыла волной. Зверски болела не только голова, но и чуть ниже левого плеча. Он скосил глаза и увидел, что грудь перетянута широкой холщовой лентой. Почувствовал, что и на голове такая же повязка. Пришло воспоминание, как поехал к соседу, лорду Корту дар Джулему. Тот, зная слабость приятеля к молоденьким хорошеньким девушкам, сообщил, что привёз из одной из своих деревень красотку. И она не прочь познакомиться с лордом Нежином поближе. Он, как распоследний дурак, в сопровождении лишь своего слуги, Ласси, проскакал чуть не три десятка роенов ради обладания пятнадцатилетней девчонкой, которая совсем не желала познакомиться с ним поближе, как

обещал Корт, а, наоборот, кричала, плакала, отбивалась и исцарапала ему всю спину. Когда он потом, бросив её на свитых в клубок, заляпанных кровью простынях, рыдающую в голос, вошёл, мрачный, в гостиную, где его ждал улыбающийся хозяин. Он только спросил: — зачем? Зачем ты уговорил меня приехать? Неужели ради обычной деревенщины, совсем не красавицы? Да у неё даже груди-то нет, так, один намёк!

Приятель скабрёзно ухмыльнулся: — зато девственница. Ты же любишь таких!

Лорд Нежин плюхнулся в кресло, откинувшись на спинку, поморщился, пожаловался: — она, как дикая кошка. Всю спину мне исцарапала.

Лорд Корт расхохотался: — ничего, до следующей заживёт! Я не знал, как тебя заманить к себе. Есть разговор, Нежин.

Следующий час лорд Нежин с всё возрастающим изумлением слушал рассказ соседа о заговоре против короля. По словам лорда Корта, заговорщиков поддерживали многие знатные семьи. После свержения Его Величества Рихарда IV на трон должен был взойти его младший брат, принц Демонд.

Лорд Корт, изящный, тонкокостый, с холёными белыми руками, яркими полными губами, томным взглядом бледно-голубых глаз и локонами, струящимися по плечам, с воодушевлением рассказывал о богатстве и предпочтениях, которые обещаны тем, кто поддержит принца Демонда в его стремлении добыть трон.

Несмотря на то, что лорд Нежин был значительно моложе своего приятеля, он слушал его с некоторым скептицизмом. Сам факт существования заговора против законного правителя был ему неприятен. Он, конечно, не стойкий последователь Учения Всеблагого, а его любовные забавы с молодыми девушками вообще противоречили нравственным постулатам Учения, но свержение Его Величества Рихарда IV — это уж чересчур. Поэтому он категорически отказался участвовать в аванюре, объяснив, что богатства ему и своего хватает, блистать при дворе ему лень, а собственная голова ему ещё не надоела.

За поздним обедом хозяин ещё раз попытался вернуться к разговору, но лорд Нежин снова отказался. После обеда он хотел немедля вернуться домой, но лорд Корт всё тянул с расставанием. Предложил осмотреть недавно купленного жеребца-трёхлетку зеланийских кровей. Зелания, лордство в королевстве Междуречье, занималось разведением коней. Жеребец был хорош, но у лорда Нежина и свой был такой, только чуть старше. Потом хозяин уговорил гостя наведаться в оранжерею, где росли диковинные цветы и фрукты. Лорду Нежину всё это надоело. Вот-вот стемнеет, а ехать далеко. Он совсем было открыл рот, чтобы сказать об этом гостеприимному хозяину, но подошедший человек с поклоном сообщил, что случилось несчастье: слуга лорда Нежина, Ласси, оступился на лестнице и подвернул ногу. Выругавшись, его милость пошёл за провожатым. Ласси лежал на кушетке в каморке за кухней. Девушка-служанка обкладывала распухшую ногу компрессами. Лорд Нежин, подвинув себе стул, сел напротив кушетки. Неловко поклонившись, девушка выскочила за дверь. Ласси жалобно посмотрел на хозяина:

— ваша милость, я не виноват! Честное слово, меня толкнул слуга лорда Корта!

— Ну-ну, Ласси, не надо наговаривать! Зачем ему тебя толкать. Ты сам неуклюжий.

В общем, кое-как отвязавшись от назойливого приятеля, лорд Нежин, злой и разочарованный, оставив Ласси отлёживаться на кушетке, в одиночестве отправился домой. Он страшно спешил, торопясь вернуться в замок хотя бы в сумерках, поэтому свернул с дороги на малознакомую лесную тропу, которая, он знал, значительно быстрее приведёт его в замок.

Резкий удар в плечо на всём скаку выбил его из седла. Дальше наступила темнота.

На крыльце послышались шаги, дверь открылась и в дом вошла старуха. Он внимательно посмотрела на лорда Нежина: — очнулся, твоя милость?

— Э-э, кто ты? И как я здесь очутился? — Он попытался приподняться, но снова со стоном откинулся на подушку. Старуха ухмыльнулась:

— я Феониста. Люди считают, что я ведьма, но это так, по глупости. На самом деле, я травница. А тебя моя внучка подобрала ночью в лесу, на тропе. Ты был ранен арбалетной стрелой, да ещё разбил голову, упав с коня.

— Стрелой??! — Лорд Нежин был поражён, — кому понадобилось стрелять в меня??

Феониста иронически хмыкнула: — ну, тебе, твоя милость, лучше знать, кому ты так насолил, что тебя решили убить. Если бы стрелок в темноте не промахнулся и попал чуть ниже, то его стрела проткнула бы твоё сердце. А если бы Констанца не наткнулась на тебя, да если бы она не была такой храброй и решительной, ты бы истёк кровью или замёрз там, на тропе.

Он задумался. Собственно, ничего удивительного. Его пытались задержать до темноты, его слугу столкнули с лестницы и он, отказавшись участвовать в заговоре, стал опасен. Ему стало обидно. Ведь вот, столько лет они с Кортотом приятельствовали. Не то чтобы закадычные друзья, но и врагами никогда не были, а поди ж ты, тот даже раздумывать не стал, послал убийцу. Он вспомнил о лошади: — а Рыжик где? Твоя внучка его тоже нашла?

— Нашла, нашла. На нём тебя и привезла.

Лорд Нежин представил здоровую деревенскую бабу, с грубым обветренным лицом, сильными руками, привыкшую к тяжёлому физическому труду и способную поднять на коня далеко не хилого мужчину. Он ровно сказал: — я благодарен твоей внучке за спасение. Она обязательно будет награждена. Нельзя ли попросить её, чтобы она сходила в замок и сообщила, что я жив?

Старая ведьма зло посмотрела на него: — нет, она в замок не пойдёт. Я найду кого-нибудь другого. — Вдруг дверь открылась, и из-за старухиной спины раздался нежный голосок:

— бабушка, я вполне могу сбегать в замок!

Травница резко обернулась и прошипела: — почему ты до сих пор здесь? — Констанца опустила глаза и пожала плечами. Не могла же она сознаться, что ей до смерти хотелось посмотреть, какие же глаза у лорда Нежина. А ещё ей хотелось услышать его голос, увидеть улыбку, обращённую к ней. Так что она осталась, несмотря на приказ Феонисты отправляться к отцу, пока лорд не пришёл в сознание.

Тем временем лорд Нежин потерял дар речи, увидев её. Самым ласковым голосом, на какой он был способен, он спросил: — кто ты, прелестное создание? Наверно, ты лесная фея и снишься мне? Если ты пришла забрать моё сердце и превратить меня в своего раба, то я не стану сопротивляться и охотно покорюсь твоей власти!

Констанца вспыхнула, робко подняла глаза на мужчину и встретила с его восхищённым взглядом.

— Твоя милость, познакомься, это моя внучка, Констанца. Она спасла твою жизнь. — Феониста с трудом выдавила из себя эти слова. Она не собиралась объяснять ему, что на самом деле, девушка ей не внучка. Может быть, он поостережётся причинять ей вред, суеверно полагая, что старуха нашла на него порчу?

Между тем, лорд Нежин заливался соловьём: — но как же ты, милая Констанца, смогла поднять меня на лошадь? Такая нежной, хрупкой девушке это не под силу, я думаю. Наверно, ты очаровала какого-нибудь лесного духа, и он помог тебе? А может быть, твои чары сделали меня легче пушинки?

Констанца осмелела. Не может быть, чтобы этот красавец, который смотрит на неё так ласково, говорит такие забавные, смешные слова, может быть злодеем, которого ненавидят в деревне. Они ошибаются! Наверняка девушки сами соглашаются, чтобы он сделал с ними что-то!

Ей было любопытно и жутковато. Вот он, ужасный лорд Нежин, лежит перед ней и смотрит на неё жалобно и умоляюще:

— позволь мне, милая Констанца, поцеловать твою руку в знак моей глубочайшей благодарности за своё спасение!

У неё за спиной оглушительно хлопнула дверь. Разгневанная Феониста вышла на улицу, бормоча себе под нос ругательства.

Констанца механически оглянулась, а потом подошла к постели раненого. Он взял её за руку и прижался к ней губами. Не спеша принялся целовать ладошку, потом отдельно каждый пальчик. — Может быть, ты посидишь со мной? — Он лукаво улыбался, глядя ей в глаза.

Она смущённо спросила: — как вы себя чувствуете, Ваша милость? Мы боялись, что вы простыли, пока лежали на мёрзлой земле...

Он страдальчески закатил глаза: — о-о-о, я совершенно не могу пошевелиться! Ужасно болит голова и в глазах всё плывёт. И рана тоже очень болит! — Он видел, как округлились доверчивые милые глазки, как жалость и сострадание отразились на её лице:

— вам нужно лежать, ваша милость! Наверно, вас даже нельзя перевозить в замок, потому что раны могут снова открыться!

— Да-да Констанца, ты совершенно права, мне придётся немного задержаться у вас с бабушкой! Но как, ради Всеблагого, ты меня нашла, и как тебе удалось погрузить меня на коня?

Она пожала плечами: — Я шла к бабушке..., - он перебил:

— а разве ты не здесь живёшь?

— О нет, Ваша милость, — она засмеялась, — я живу в Вишняках, вместе с папой. Он кузнец. — Лорд Нежин понимающе кивнул. — Так вот, уже темнело. Потом я увидела вашего коня. Он запутался в кустах. Я распутала повод и повела его за собой. — Тут она остановилась, нахмурила брови и укоризненно посмотрела на собеседника: — у бедного животного на боку были кровавые полосы от плети!

Лорд Нежин нарочито виновато вздохнул и потупился: — да, Констанца, я знаю. Я страшно разозлился, ведь меня чуть не вовлекли в заговор против короля. Поэтому и стреляли, ведь мёртвый я не могу проболтаться и выдать заговорщиков.

— Но, Ваша милость, чем конь-то виноват!? Вы были очень жестоки с ним!

— Ох, Констанца, какое доброе у тебя сердечко! Я обязательно извинюсь перед Рыжиком, если ты хочешь! — Он опять лукаво улыбался ей.

Она только что заметила, что он так и держит её за руку, поглаживая, перебирая пальчики. Констанца опять покраснела и выдернула руку из его ладони. Он страдальчески закатил глаза и девушка не выдержала, засмеялась, до того уморительный вид был у него.

— Так вот. Потом, на тропе, я увидела вас. У вас из плеча торчала арбалетная стрела, а

под головой натекла лужа крови. Я подумала, что времени, чтобы бежать за помощью, совершенно нет. Поэтому мне пришлось самой затащить вас на лошадь и привязывать к ней лентами, которые я сделала из своего плаща.

— О, проклятье! Да как же ты смогла??

Она пожала плечами: — мне было тяжело, но я же не могла вас оставить на тропе! Я уговорила коня лечь. Он подогнул ноги и опустился на землю. Ну, а дальше... я тащила вас волоком по земле, потом затащила на лошадиную спину, примотала покрепче и... привезла к бабушке.

— Ох, милая девочка, ты спасла мне жизнь! Ты получишь десяток самых лучших плащей взамен изрезанного, а также всё, что пожелаешь. — Он с ласковой улыбкой смотрел ей в лицо и думал, как сладостны эти губы, а ладная, гибкая фигурка с уже оформившейся грудью, длинной точёной шейкой манит взор и заставляет мечтать о том, что скрыто под тёмным платьем из грубошёрстной ткани. Он чувствовал, как напрягается и тяжелеет его плоть, как поднимается в нём желание обладать ею, целовать, ласкать, наслаждаться нежным телом. Он представил, как тонкие руки обнимают его, ласково пробегают по груди, опускаются ниже... и содрогнулся.

Констанца видела, как вспыхнул его взор, и счастливо подумала, что нравится ему, в этом нет сомнения. Вслух же сказала: — благодарю вас, Ваша милость, мне не нужен десяток плащей, достаточно и одного! — Они ещё немного поговорили, а потом пришла Феониста и с ворчанием стала кормить раненого завтраком. Он послушно ел пшённую кашу, запивая её молоком. Видно было, что он устал. Лицо побледнело, лоб покрылся потом. После завтрака старуха решила посмотреть его раны. Он не протестовал. Феониста выгнала Констанцу за занавеску, а сама размотала повязки. На голове тряпки присохли и старуха без жалости их оторвала, чем вызвала его негромкий стон. Констанца сразу же выглянула из-за занавески и жалобно сморщившись, спросила: — вам очень больно, лорд Нежин?

— Констанца!! — рывкнула на неё Феониста, а лорд Нежин подмигнул.

После завтрака он уснул, а девушка, накинув на Рыжего уздечку, отправилась за седлом. Кроме седла она оставила в кустах и меч лорда Нежина, длинный и тяжёлый. Его рукоять и ножны были украшены красивыми камнями и удивительным узором. Она с опозданием ужаснулась, подумав, что ей крупно повезло, что ни седло, ни меч не украли. Всё было на месте, так что Констанца, с трудом взвалив седло на жеребца, кое-как затащила подпругу, закинула пояс с пристёгнутым мечом, и, довольная, отправилась в обратный путь.

Когда она, разругавшись от лёгкого морозца и быстрой ходьбы, торопливо вошла в дом, её встретил радостный взгляд лорда Нежина. Она смутилась, опустила глаза под его откровенно-жадным взглядом, но тут же кокетливо улыбнулась: — вам лучше, Ваша милость? — Он приглашающе похлопал рукой по скамейке рядом с его постелью:

— я буду чувствовать себя замечательно, если ты посидишь со мной, Констанца!

Она, не жеманясь, села, с улыбкой посмотрела ему в лицо. Волна нежности к этой девочке захлестнула лорда Нежина. Он осторожно взял её за руку, поднёс к губам, перебирая, целуя каждый пальчик. От девушки пахло свежестью, морозным лесом. Она потихоньку стала высвобождать руку, а он не удерживал, боясь спугнуть преждевременной настойчивостью.

Констанца с удовольствием смотрела ему в глаза. Они оказались тёмно-синими и в них временами сверкали искорки. Она в замешательстве спросила: — а где бабушка?

— а, она пошла в Вишняки, чтобы кого-нибудь отправить в замок. Хотя, боюсь, я ещё

несколько дней не смогу сесть на коня. — Он с ликованием заметил, как погрустнело милое личико при мысли, что они скоро расстанутся. Они знакомы всего лишь один день, но Констанца невероятно нравилась ему. Он подумал, что эта малышка может доставить ему море наслаждения, надо лишь не спешить, не пугать её своим нетерпением. А потом! О, его ласки не оставят её равнодушной! Он поёжился, представив, сколько дней воздержания ему придётся пережить.

На крыльце послышались шаги, вошла Феониста. Девушка бросилась к ней, помогая снять тяжёлый зимний плащ, забирая из рук большую корзину, с которой старуха, обычно, ходила в деревню. Незванный гость с любопытством наблюдал за ними. Феониста хмуро сказала: — ну что, твоя милость, завтра утром, я думаю, твои прихвостни нагрянут к нам. Староста Вишняков отправит парнишку в замок, чтоб сообщить, что ты у старой ведьмы обретаешься. — Констанца испуганно глянула на него, а он мягко сказал:

— ну что ты, Феониста, какие же они прихвостни! Эти люди работают, получают за свой труд неплохое жалованье, а кому не нравится — я их не держу, они вольны искать другого хозяина. — Старуха скептически хмыкнула, но вступать в спор не стала, а он, между тем, вкрадчиво продолжал: — значит, завтра утром приедут мои слуги. Но, Феониста, разве я смогу уехать с ними? Ведь я даже просто сесть в постели не могу, не говоря уж о том, чтобы трястись верхом на коне по лесу!

Скрепя сердце, травница была вынуждена признать, что её больного пока что нельзя перевозить. Его голова при падении с лошади и ударе затылком о мёрзлую землю получила такое сильное сотрясение, что даже при попытке повернуться на бок у него резко усиливалась головная боль, появлялись головокружение и тошнота. Она неохотно кивнула: — да, твоя милость, ты прав. Поездка тебя убьёт.

Он постарался, чтобы женщины не заметили его радость. Итак, он остаётся. Лорд Нежин даже простил старухе явную неприязнь и неуважительное обращение “твоя милость”, решив, что ради Констанцы старую ведьму можно и потерпеть.

Глава 3.

На следующее утро, в сопровождении двух десятков стражников, приехал Ласси. Феониста поморщилась, увидев, как, ломая кустарник и маленькие сосёнки, на поляну перед домом вывалился отряд вооружённых всадников. Они спешили перед крыльцом, настороженно оглядываясь и не снимая рук с рукояти мечей. Старуха презрительно фыркнула: — твои вояки, лорд Нежин, испугались старой ведьмы и девчонки! Ну и храбрецы!

Тот подмигнул Констанце: — так, Феониста, женская красота — самое страшное оружие. Против неё ни один храбрец не устоит.

Дверь открыли без стука. Вошёл высокий пожилой мужчина с серым непримечательным лицом. Цепкий взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз, быстро пробежался по комнате и остановился на раненом:

— Ваша милость!! О, Всеблагой, какая радость, что вы живы! — Он подбежал к сундуку, на котором лежал лорд Нежин, и опустил на колени: — вы видели, кто стрелял? Выходит, в наших лесах завелись вольные охотники?

Лорд Нежин поморщился: — не мели чепухи, Ласси, какие вольные охотники? Не нужно так называть обычных грабителей, но, к моему счастью, их в наших лесах нет. Иначе я был бы догола раздет, потерял бы меч и коня. — И, переведя взгляд на замерших у печки женщин, добавил: — Феониста, Констанца, познакомьтесь: это мой слуга, Ласси.

Мужчина вежливо поклонился, чуть задержав взгляд на девушке, и ей показалось, что в нём мелькнула жалость. Но, конечно, ей это показалось.

Ласси привёз одежду лорда Нежина и собирался увезти его в замок, но ему пришлось согласиться, что поездка верхом на лошади для того смертельно опасна. То же самое сказал и личный лекарь лорда, который тоже приехал в лесную избушку.

Феониста потребовала, чтобы вся эта прорва народу немедленно убралась с её поляны. Констанца выглянула в окно: перед домом стало тесно от стражников и их коней. Копыта вывернули едва подмёрзшую землю, и вся маленькая полянка была покрыта неопрятно чернеющими рытвинами. Она скривилась, ей стало жаль и вывернутую с корнями, хотя и пожухлую, траву, и сломанный куст боярышника, и сосенку с обломанной вершинкой. Лорд Нежин, внимательно следивший за выражением её лица, сказал: — Ласси, хозяйка права. Отправь всех в замок. Сам можешь остаться, если Феониста не будет возражать. — Он вопросительно посмотрел на старуху. Она, отвернувшись, буркнула:

— пусть тоже уезжает, а завтра продуктов везёт. Ты у нас все запасы съел!

Лорд Нежин расхохотался, но тут же, сморщившись, зажал голову руками и пожаловался: — аж в глазах потемнело от боли. На самом деле, Ласси, поезжай-ка ты со стражниками, а завтра привези продуктов. И деньги прихвати. Да, чуть не забыл: скажи Анхель, чтобы подобрала несколько женских тёплых плащей. Констанца изрезала свой, когда привязывала меня к коню.

Ласси ничего не понял, но согласно кивнул. Получив ещё несколько указаний, он уехал, сопровождаемый стражниками.

— Констанца, — хозяйка сурово посмотрела на девушку, — отправляйся домой. Отец заждался тебя.

Та жалобно посмотрела на лорда Нежина, но он поджал губы и едва заметно пожал плечами. Пришлось Констанце собирать свою сумку из кожаных лоскутков. Она тянула, сколько могла, переглядываясь с раненым. Наконец, поймав осуждающий взгляд Феонисты, тяжело вздохнула и, распрощавшись с обоими, отправилась в Вишняки в тёплом плаще старухи.

Вернувшись домой, Констанца места себе не находила. Перед глазами стояло лицо лорда Нежина, его ласковая улыбка, весёлые глаза. Она вспоминала, как он целовал её пальцы, а слова, которые он ей шептал, она читала лишь в романах. Да, вот это уж не деревенские кавалеры, которые не то что руку поцеловать — двух слов связать не могут, а все их мысли направлены на одно: побыстрее уговорить девушку пойти на сеновал или в кусты.

Спустя несколько дней Констанца уже изыскивала причину, по которой ей необходимо наведаться к Феонисте. Это было несложно, ведь она унесла у старой травницы её плащ. Она хотела, как бы невзначай сказать отцу, что ей нужно вернуть его, но не знала, как подступиться. Кузнец был хмур, неразговорчив и время от времени наведывался в домик священника.

Однажды утром к Даниилу и Констанце пришла Феониста. Наступил первый зимний месяц, снежень, выпал снег, на улице похолодало. На травнице был новый тёмно-синий тёплый плащ на меху. Такой же она принесла Констанце, но другого цвета. Ярко-алый, с широкой меховой оторочкой из коричневого пушистого меха по краю капюшона и по подолу, он укутывал девичью фигурку, спадая с плеч мягкими тяжёлыми складками. Хозяин

оставил кузню на подмастерье, а сам уселся с гостьей на кухне пить чай. Дочери он велел отправляться в свою комнату. Ослушаться она не посмела, но вначале завернула в гостиную, чтобы забрать шитьё. Под руководством данны Эдиты она училась кроить и шить самые необходимые вещи: платья, юбки, блузки. Теперь ей хотелось сшить отцу новую тёплую рубашку.

Ни Феониста, ни кузнец даже и не подумали приглушить голос, поэтому Констанца, умирающая от любопытства и не спеша собирающая со стола в гостиной выкройки, ножницы, ткань и коробку с нитками и иголками, услышала самое главное: лорду Нежину стало лучше, и два дня назад он уехал в замок. На прощанье подарил Феонисте и Констанце вот эти плащи, благодарил за своё спасение, а благодарность Констанце пообещал выразить лично. Девушка слышала, как охнул отец и, многозначительно, замолчала старуха. Потом кузнец стал рассказывать, что данна Эдита старается ускорить отъезд Констанцы в город к даме, соглашающейся взять девушку в компаньонки, но дама хотела бы, чтобы девушка приехала к ней весной. Данна Эдита пытается уговорить её изменить решение. Теперь Констанца поняла, почему отец стал часто бывать у священника.

Она ушла в свою комнату, прижимая к груди шитьё и думая о том, что лорд Нежин её не забыл и намерен встретиться с ней. Её сердце замирало от сладостных мыслей о встрече. Может быть, он поцелует её? Она совершенно точно знала, что влюбилась в красавца-лорда. Кажется, он тоже к ней неравнодушен. По крайней мере, в его глазах она видела восхищение и нежность. А вдруг он сделает ей предложение? Констанца решила, что ни за что сразу не согласится. Нет, ей нужно подумать. Он поцелует у неё руку и скажет, что готов ждать её хоть всю жизнь, а она загадочно улыбнётся в ответ.

За своими мыслями она даже не слышала, как ушла Феониста. Вошедший к ней в комнату отец тревожно посмотрел на неё: — что с тобой, Констанца? Ты вся горюшь! Уж не заболела ли?

Она вскочила, обняла его за шею: — папа, я не хочу уезжать! Я познакомилась с лордом Нежином и совершенно уверена, что его оболгали! Не может быть, чтобы он был таким чудовищем, как о нём говорят! Наверно, эти девушки сами согласились на всё, ведь он такой красивый!

Кузнец оторвал дочь от себя, с ужасом глядя на неё: — Констанца, да ты с ума сошла! Всеблагой лишил тебя рассудка! Немедленно собирайся! Завтра утром я увезу тебя в город, сниму комнату у какой-нибудь приличной женщины, и ты будешь ждать, когда решится, наконец, дело с твоей работой. О-о-о! — Обхватив голову, Даниил вышел из комнаты.

Констанца побежала следом. Она не помнила, чтобы отец был так растерян и напуган. Его отчаяние поколебало её уверенность, но она тут же взяла себя в руки: — папа, если ты так настаиваешь, я уеду. Но позволь мне, хотя бы, попрощаться с лордом Нежином!

Он остановился: — Констанца, завтра ты уедешь в город. Если понадобится, я увезу тебя связанной, как овцу.

Расплакавшись, она вернулась в свою комнату.

Поездка не состоялась. Рано утром деревню разбудил грохот копыт десятка коней. Выскочивший из дома кузнец ударом рукояти меча по голове был отброшен в снег да там и замер. Ввалившиеся в комнату Констанцы стражники выдернули её из постели, завернули, как была, в ночной рубашке, в одеяло. Визжащую, бьющуюся в руках мужчин девушку перекинули через спину лошади впереди одного из стражников, дюжего краснолицего

громилы с низким лбом, приплюснутым носом и гадостной ухмылкой. Он сильно ударил по одеялу и, наклонившись, сказал: — я буду бить тебя плетью, девка, до тех пор, пока ты не замолчишь.

Замёрзшую, полумёртвую от страха, почти потерявшую сознание от долгой бешеной скачки Констанцу небрежно бросили на пол в спальне лорда Нежина. Она услышала, как вёзший её громилы со смешком сказал: — мы привезли её, Ваша милость!

Такой знакомый, звучный голос с удивлением спросил: — как, Кром, ты привез девушку, завёрнутую в одеяло? Как ты посмел ослушаться моего приказа? Убирайся с глаз моих, негодяй! — Констанца не видела улыбок, которыми обменялись мужчины.

Хлопнула дверь, а в следующую минуту девушка почувствовала, как торопливые руки разматывают одеяло. Она вновь яростно забилась в своём коконе... и предстала перед насмешливым взглядом лорда Нежина во всей красе: в ночной рубашке до пят из грубого домотканого полотна, всклокоченная, с красным, распухшим носом и заплаканными глазами. Не помня себя от ужаса, она бросилась на шею хозяину, видя в нём единственную защиту и помощь.

Всё ещё всхлипывая, она прерывающимся голосом рассказала, как налетели его стражники и выдернули её, сонную, из постели, завернули в одеяло и бросили на коня. Как она плакала и кричала, но отец не пришёл ей на помощь, и она боится, что его убили. Она снова расплакалась, крепко прижимаясь к лорду Нежину и смачивая слезами отворот его бархатного утреннего халата.

Он с трудом отцепил от себя её крепко стиснутые пальцы, подхватил на руки и осторожно положил на кровать, с которой только что встал. Затем прилёг рядом, обнимая, поглаживая её по спине и шёпотом утешая. Когда Констанца затихла, он ласково сказал: — ах, милая, эти стражники, как всегда, всё напутали. Хочешь, я прикажу их всех выпороть, а тебе поставим кресло, и ты понаблюдаешь за их наказанием?

От его предложения Констанца пришла в ужас: — нет — нет, Ваша милость, не надо! Вы же говорите, что это была ошибка? Только, — слёзы опять покатались по её щекам, — что они сделали с папой?

Лорд Нежин тихо наслаждался ситуацией. Девочка не шарахается от него, а, наоборот, тесно прижимается, не замечая двусмысленности своего положения. Она даже не обращает внимания на то, как напряжена и пульсирует его плоть, как он осторожно пытается вдвинуть свою ногу между её ножек. Он с улыбкой посмотрел на её лицо: блестящие от слёз глаза, припухшие алые губы, спутанные волосы и доверчивый взгляд. От неё пахло сонным теплом. Лорд Нежин с трудом удержался, чтобы сейчас же не содрать с неё эту нелепую грубую рубашку. Вместо этого он, не спеша, гладил Констанцу по спине, по плечам, по голове, не опуская руку ниже талии, чтобы не спугнуть раньше времени. Прижимая её к себе, он чувствовал, как напрягаются у неё груди, ощущая даже через полотно рубашки и свой халат их упругость и сладость.

— Я думаю, с твоим отцом ничего страшного не случилось. Возможно, они заперли его в сарае. Или в кузне. Сейчас я вызову стражников и строго спрошу с них за безобразное поведение, а ты пойдёшь в гостевые комнаты, где сможешь надеть что-нибудь приличное, — он лукаво улыбнулся, и она только что поняла, что лежит в постели с мужчиной и на ней одна ночная рубашка. Она смущённо отодвинулась, покраснела. Он не стал удерживать, добавил: — ведь этим мужланам было приказано пригласить тебя в гости. Я надеялся, что ты не откажешь мне в такой малости. Признаться, я скучал без тебя.

У Констанцы радостно встрепенулось сердце. Оказывается, он тоже думал о ней и даже скучал!

Комнаты, в которых девушке предстояло жить, после того, как хозяин извинился за безобразное поведение своих стражников и проникновенно умолял её погостить в замке в знак того, что она его простила, поразили её своей роскошью. Их было две: спальня и гостиная. В спальне, на возвышении, стояла большая кровать под парчовым балдахинном. Белейшие льняные простыни, гора подушек, настоящие пуховые перина и одеяло. У самой Констанцы одеяло было набито овечьей шерстью и простёгано, чтобы шерсть не сбивалась в комки. Шёлковое покрывало расшито яркими цветами по зелёному полю. На стенах гобелены и красивые картины, а во весь пол светло-бежевый ковёр с толстым ворсом.

В спальне имелся большой шкаф, битком набитый платьями. Все они выглядели потрясающе: украшенные кружевами, вышивкой золотой и серебряной нитью. Имелось и десятка три обуви для любого времени года. Правда, Констанце показалось, что и платья, и обувь не новые, а поношенные. Здесь же, в шкафу, имелось несколько плащей. Тонких, для прохладного лета, на шёлковой подкладке, и тёплых, меховых. В другом отделении, на полках, к своему смущению она обнаружила аккуратно отглаженное бельё. Корсеты, тонкие, из батиста и шёлка, ночные рубашки, такие же тонкие панталоны, отделанные кружевом и вышивкой.

Гостиная тоже была великолепа. Украшенный позолоченной лепниной потолок, массивные медные, до блеска начищенные канделябры, бордовый ковёр, мягкие диваны и кресла, столики, бюро с множеством ящичков. В одном из них она нашла чью-то незаконченную вышивку.

Не успела Констанца, в сопровождении угрюмо молчащего Ласси переступить порог отведённых ей покоев, как следом пришла девушка в кружевном передничке и таком же чепчике. Она сказала, что её зовут Майя и она — служанка данна Констанцы. Майя предложила девушке выбрать какое-нибудь платье, в котором пойдёт на завтрак.

Констанца была ошеломлена лавиной обрушившихся на неё событий. И нельзя сказать, чтобы они ей не нравились. Конечно, способ её доставки в замок был возмутителен, но лорд Нежин так искренне сокрушался и сожалел, так просил простить его и погостить в замке, что у Констанцы просто не было сил ему отказать.

Она с удовольствием искупалась в большой медной лохани, наполненной тёплой водой, а потом Майя помогла ей надеть красивое белое кружевное платье поверх нижнего, из голубого шёлка. Служанка расчесала и уложила волосы, и Констанца, посмотрев на себя в зеркало, радостно улыбнулась. Майя проводила её в столовую. По дороге девушка с интересом рассматривала убранство замка и пришла в восторг от красоты, роскоши и великолепия, о чём не замедлила сообщить лорду Нежину, ожидающему её за столом. Он ласково улыбнулся и сказал, что рад тому, что ей понравился замок. Она сочла неуместным рассказывать, как неприязненно, а порой, с жалостью, косились на неё встреченные в коридорах слуги.

На кухне Даниила, в угрюмом молчании, сидели трое: сам кузнец с перевязанной головой, хмурая, сжавшая губы в тонкую полоску данна Эдита и злющая Феониста.

— Я поеду в замок, и пусть он только посмеет не отдать мне мою дочь! — Кузнец грохнул по столу кулачищем. Стоящие на нём чашки с остывшим чаем подпрыгнули и звякнули. Данна Эдита холодно посмотрела на него:

— тебя не пустят дальше ворот, Даниил!

— Неужели, вы думаете, я не справлюсь с двумя-тремя стражниками, данна?

— С двумя-тремя, может быть, и справишься. Но их там значительно больше. Тебя убьют и закопают в ближайшем овраге. Когда, опозоренная, Констанца вернётся, здесь её постигнет ещё один тяжёлый удар. У неё не будет отца.

— М-м-м-м-м...о-о-о-о — замычал-завыл, обхватив руками голову и закачавшись на стуле, кузнец, — бедное моё дитячко..., несчастная, неразумная моя малышка... Как не хотела она уезжать! Это чудовище заморочило ей голову, и она поверила ему!

— На свою беду она приволокла его из леса, — пробормотала Феониста, — я говорила ей, что надо было его там бросить, пусть бы сдох.

Данна Эдита покачала головой: — наш стенания ей не помогут, но я не представляю, как мы можем вырвать девочку из его лап...

— Я всё же поеду сейчас в замок, — упрямо сказал кузнец. Данна Эдита вздохнула. Уже темнело, но разве что-то остановит убитого горем отца.

— Не знаю, — медленно сказала Феониста, — меня хоть и считают ведьмой, но я мало что могу. Так, ветками исхлестать, коня попросить, чтоб его сбросил. Так он этого коня потом плетью избьёт, жалко животное. Могу ещё проклятье неразделённой любви на него наслать. А завязать проклятье на Констанцу. Будет мучиться наш лорд, пока на ней не женится.

— Нет, Феониста, — данна Эдита криво усмехнулась, — любовь по принуждению рано или поздно развеется, и будет лорд Нежин срывать зло на нашей девочке. Жестокий он и бессердечный. Не будет Констанца с ним счастлива. Да и не женится он на дочери кузнеца.

Уже совсем стемнело, когда кузнец запряг в бричку толстого мерина и отправился в замок. Через два часа он подъехал к воротам. Они были закрыты, а вверху, в надвратной башне, мерцал огонёк. Кузнец загрохотал кулаком по окованным железом воротам. Вверху открылось окошко, и сонный голос стражника неприязненно спросил: — ну? И чего тебе не спится? Алебардой по шее захотел?

— Открывай! — Крикнул Даниил, — мне нужен твой лорд!

Вверху нагло захохотали: — А Мрачного Косаря тебе не нужно? А то могу поспособствовать! — Окошко закрылось, а потом и фонарь в башне погас. Кузнец ещё некоторое время колотил кулаком по воротам, но замок был погружён во тьму.

Он вернулся домой, в бессильном отчаянии опять сел на кухне. Немного времени спустя вышел и направился к дому священника. Хозяева не спали, в окнах горел огонь. Он тихо дёрнул за шнурок. В глубине раздался звон колокольчика. Дверь открылась, на пороге стоял отец Клаус. — Простите меня, святой отец, — несчастный опустил голову, горло перехватило.

— Заходи, Даниил, — кротко сказал священник, — мы с Эдитой ждали тебя.

Утром следующего дня бричка священника подъехала к воротам замка. Две скрещенные алебарды преградили ей путь. Не выпуская из рук вожжи, отец Клаус нахмурился и строго посмотрел на стражников: — не гневите Всеблагого, воины, не допуская меня к сыну его, лорду Нежину!

Те усмехнулись: — сначала мы спросим, захочет ли лорд видеть посланника папаши! — Пришлось священнику, как нищему, топтаться у ворот замка в ожидании, пока ему разрешат войти во двор.

Лорд Нежин, вальяжно раскинувшийся в глубоком кресле, с холодным любопытством

посмотрел на отца Крауса: — я слушаю вас, святой отец? — Тот нерешительно посмотрел ему в глаза:

— нечестивые поступки вы совершаете, лорд Нежин! Опять ваши злодеи увезли невинную девушку! Отпустите Констанцу со мной, именем Всеблагого вас прошу!

Лорд Нежин нахмурился, вкрадчиво спросил: — плетей захотел, святой отец? Я сам разберусь с Всеблагим, без твоего посредничества! Что стоишь? Ждёшь, когда тебя пинками выгонят из замка? — Ссутулившись и опустив голову, отец Клаус шёл к своей брочке, провожаемый насмешками стражников.

Глава 4.

В следующую неделю Даниил ещё дважды пытался освободить дочь, но пройти дальше замковых ворот ему не удалось. В последний раз стоящие в карауле стражники с сочувствием отнеслись к его горю, но откровенно сказали, что он ничем не сможет помочь Констанце. Раньше, чем через четыре — пять месяцев его милость девушку не отпустит: — моли Всеблагого, кузнец, чтобы он не обрюхатил её, иначе совсем девчонке житья в деревне не будет, — сказал один из стражников, пожилой дядька со шрамом, наискось пересекающим лоб и левую щеку.

Даниил не мог ни есть, ни пить, он забросил все дела в кузне и сидел, часами уставясь невидящими глазами куда-то вдаль. А иногда он рычал, как смертельно раненый зверь и бешено, в бессильной ярости метался по дому, в конце концов, рухнув на кровать Констанцы, и тогда глухие рыдания сотрясали его тело.

Неделя жизни в замке пролетела для Констанцы незаметно. Она немного беспокоилась об отце, но лорд Нежин как-то утром сказал ей, что посылал к кузнецу слугу с извинениями и просьбой разрешить дочери погостить у него подольше. Тот не возражал, так что Констанца может не беспокоиться.

Она облегчённо улыбнулась и принялась благодарить его милость за любезность, он, рассмеявшись, сказал лукаво, что принимает от неё благодарность только в виде поцелуя. Констанца вспыхнула и закрыла глаза, когда лорд Нежин обнял её и прижался губами к её рту. Он слегка посасывал её нижнюю губу, а потом его язык настойчиво протиснулся между зубов и поцелуй стал каким-то другим, жадным, грубым. Его милость тяжело дышал, и ей стало страшно. Она упёрлась ладонями ему в грудь, и он неохотно отпустил её. Отвернувшись, подошёл к окну. Констанца робко подошла сзади, притронулась к его напряжённой спине: — вы обиделись на меня, Ваша милость? — Он резко повернулся, схватил её руку, прижался губами:

— мне не нравится, что ты меня отталкиваешь, Констанца. Разве я тебе не нравлюсь? — Его глаза смотрели ласково и ждущее, она не могла лгать, потупившись, шёпотом ответила:

— нравитесь, Ваша милость... — Констанца не видела, как торжествующе блеснули его глаза, а по губам скользнула усмешка. Тем не менее, хитрец грустно сказал:

— ты вселяешь в меня надежду, а я уж подумал, что противен тебе!

За целый день лорд Нежин больше не делал попыток поцеловать её, и она поймала себя на мысли, что огорчена этим. Вечером, перед сном, Майя принесла ей книгу и сказала, что его светлость советует её прочитать. После ухода служанки Констанца лениво раскрыла толстый том и, вспыхнув, захлопнула его. Книга открывалась красочной картинкой, на которой обнажённые мужчина и женщина занимались постыдным делом.

Девушка посидела некоторое время без единой мысли, прижав ладони к пылающим щекам. Наконец, решившись, снова осторожно открыла книгу, закрыла глаза, привыкая,

потом перевернула страницу. Вся книга состояла из картинок, на которых в невозможных позах, с довольными и счастливыми лицами мужчины и женщины делали что-то, о чём ей было стыдно даже подумать. Отдельные большие картинки в подробностях изображали устройство тела. В книге ещё имелся и текст, но читать это было свыше её сил. Она захлопнула книгу и, задув свечи, быстренько юркнула под одеяло.

В темноте нахлынули мысли. О, Всеблагой, она не сможет завтра смотреть в глаза лорду Нежину! Констанца вспомнила его поцелуй, и сладкая дрожь пробежала по телу.

Казалось, утром Его милость даже и не помнил о том, какую книгу он предложил почитать Констанце. За завтраком она, робея, не смела поднять на него глаза, но он был так весел, так остроумен, что её скованность вскоре развеялась и она снова смеялась его шуткам.

А лорд Нежин поймал себя на том, что девочка ему очень нравится. Да, конечно, он вообще равнодушен к молоденьким симпатичным малышам, чьи тела так соблазнительно-невинны, а губы никогда не знали поцелуев. Но Констанца! Он много общался с ней, будучи прикован к сундуку в домишке старой ведьмы. Ещё тогда она удивила его хорошими манерами, правильной речью, а более того, разнообразными познаниями. Они не были сколь-нибудь глубокими, чувствовался недостаток хороших учителей. Тем не менее, многие придворные дамы, с которыми был знаком лорд Нежин, не знали и половины того, что прилежно хранила Констанца в своей хорошенькой головке. Признаться, Его милость тоже не мог похвастаться высокой образованностью. В детстве, несмотря на то, что суровый отец не раз драл плетью ленивого наследника, учителя напрасно выбивались из сил, пытаясь привить ему любовь к наукам.

Лорд Нежин исподтишка наблюдал за девушкой, стараясь понять, заглядывала она в переданную ей накануне книгу, или нет. “Искусство любовных утех”, творение старинного автора, он получил в наследство, как и замок, и лордство с городами и деревнями, от своего отца.

Кажется, Констанца, всё же, познакомилась с некоторыми картинками, потому что стыдливо прятала глаза и мило краснела, когда он к ней обращался. Его милость решил, что, пожалуй, пора заканчивать с ухаживанием. Его воздержание затянулось, а девочка никуда не денется, ну, поплачет немного, как и все они, и смирится.

В течение дня лорд Нежин был необычно ласков, и Констанца терялась в догадках. Её сердечко сладко затрепетало, когда вечером, после ужина, он притянул девушку к себе властным, хозяйским жестом и прошептал на ушко: — ты не станешь возражать, если я сегодня приду к тебе? — Она непонимающе посмотрела ему в глаза, а он не стал ничего объяснять, лишь снова поцеловал её, да так, что у Констанцы ослабели и подогнулись ноги.

Он проводил её до самой двери в гостиную и напоследок опять поцеловал. Она посидела немного в кресле, раздумывая над необычным поведением лорда Нежина. Констанца отгоняла от себя мысль, что его фраза могла означать, что сегодня с ней случится то же, что происходило со всеми девушками, попадавшими в замок. Этого просто не может быть! Его милость такой добрый, такой любезный! Он всегда безукоризненно вежлив с ней, и она просто не могла представить, что он способен на насилие. Ну и что же, что он целовал её! Она вынуждена признаться, что его поцелуи ей нравились.

Служанка помогла ей принять ванну, подала свежую ночную рубашку и, ни слова не говоря, вышла. Констанца пожалала плечами, распустила волосы, которые она закалывала на макушке, чтобы не замочить, и открыла дверь в спальню. У неё перехватило дух: на её кровати, поверх одеяла, вольготно расположился лорд Нежин. Он выдернул руки из-под

головой и с улыбкой протянул их к девушке: — иди скорее ко мне, Констанца! Я уже ждался тебя!

Она, в растерянности, забыв, что кроме ночной рубашки на ней ничего нет, замотала головой: — н-н-нет, Ваша милость, н-не надо.... Вы не можете здесь находиться...

Он расхохотался, вскочил на ноги, и она увидела, что он стоит перед ней босиком, в халате, который, кажется, одет на голое тело, потому что полы халата, удерживаемые лишь поясом, широко открывали его грудь, поросшую редкими тёмными курчавыми волосками. Ей стало неловко, и она опустила глаза, тут же покраснев: ниже пояса халат сильно оттопыривался. Констанца догадалась, что его мужское естество готово к близости с нею. Она испугалась, сообразила, что стоит перед ним в одной ночной рубашке и отступила к шкафу, стараясь отодвинуться от него подальше.

— Ну, довольно, Констанца, я не собираюсь ловить тебя по всей комнате! — Уже без улыбки сказал он, — снимай рубашку и ложись в постель.

Она опять замотала головой, со страхом глядя на него. Перед ней стоял совершенно незнакомый мужчина с холодным взглядом, неприятно сжатыми губами и... его дыхание было тяжёлым, а руки сжались в кулаки. Она осторожно отошла за кровать, глядя на него округлившимися глазами. Её первой мыслью было закричать, позвать на помощь, но тут же пришло понимание, что это бесполезно. Он хозяин в этом замке и все ему подчинены. Она чувствовала себя совершенно беспомощной, на глаза навернулись слёзы:

— Ваша милость, пожалуйста, не надо! Отпустите меня, я... никому ничего не скажу, пожалуйста, прошу вас!

Он усмехнулся: — не бойся, малышка, это только первый раз будет немного больно, а потом тебе понравится. Ты же прочитала книгу, которую я тебе дал? А как тебе картинки? Мы с тобой обязательно попробуем все позы, которые там нарисованы.

Ужас охватил её. Констанца рванулась к двери, надеясь выскочить в коридор, где ему станет сложнее её поймать. Дверь была заперта. Лорд Нежин с усмешкой вынул из кармана ключ и показал ей. Затем неспешно подошёл, притиснул девушку к стене и впился ртом в губы. Слабость охватила Констанцу, лишая сил к сопротивлению. Его руки жадно тискали её тело, сжимая грудь, ягодицы. Он с силой вдвинул свою ногу между её раздвинутых, принялся тереться своей плотью о её бедро. Констанца с отвращением чувствовала, как огромен его мужской орган, какой он твёрдый и горячий. Она попыталась вытолкнуть его язык из своего рта, но не смогла.

Наконец, он отстранился, но только затем, чтобы намотав её волосы на руку, потащить к постели. Страх почти парализовал её. Она плакала и пыталась вырваться, но лорд Нежин толкнул её на постель и навалился сверху. Рванув ночную рубашку, он коленом прижал её, не позволяя освободиться, пока сам сдирал с себя халат. Увидев прямо над собой его громадную плоть, сизо-багровую, пульсирующую, готовую вонзиться в неё, Констанца завизжала и принялась биться с новой силой. Лорд Нежин, засмеявшись, ударил её по щеке: — ты будешь получать пощёчины каждый раз, как твоё сопротивление станет чересчур активным.

Более не церемонясь, он с силой вошёл в неё, и Констанца вскрикнула от резкой боли, пронзившей всё её существо. Лорд Нежин на минуту замер и поцеловал девушку: — ну всё уже, всё, больше не будет больно. Если бы ты не сопротивлялась, то боль не была бы такой сильной. Расслабься, не сжимай его там, я ведь всё равно не остановлюсь.

Констанца не понимала, что он говорит. Потрясение было ужасным. Мерзкое

совокупление, как у животных, боль, его самодовольная похоть, грубые руки, тискающие грудь. Она плакала, захлёбываясь слезами. Он приподнялся и с силой снова вошёл в неё. Ей показалось, что её разрывают изнутри. Констанца закричала и впилась ногтями в его спину. И тут же снова пощёчина звоном отозвалась в её голове.

— Малышка, веди себя хорошо, я же тебя предупредил!

Ей казалось, что этот кошмар никогда не кончится. Наконец, он содрогнулся и скатился с неё на постель. Полежав несколько минут, лорд Нежин встал, натянул халат и накинул на Констанцу одеяло:

— отдыхай, сладкая моя! — С этими словами он наклонился и куснул её за нижнюю губу. Девушка вскрикнула, а он, хохотнув, вставил ключ в замочную скважину, открыл дверь и вышел.

Сжавшись в комок, Констанца лежала и думала, что лучше бы ей умереть. Она ругала себя за доверчивость и наивность. Она не верила тем, кто был умнее, кто желал ей добра. Теперь она растоптана, её жизнь уничтожена, разбита. Виновата в этом лишь она сама. Плакать не было сил. Если она умрёт — что станет с отцом? Констанца помнила, как выла и висела на руках соседок, идущих за гробом, мать Гортензии, девушки, вернувшейся из замка и покончившей жизнь самоубийством. Нет, невозможно, отцу не пережить её смерть.

Теперь Констанца с иронией подумала, что едва ли лорд Нежин женится на ней, как она мечтала. Она всего лишь одна из многих.

В дверь тихонько поскреблись. Вошла Майя, служанка. Не поднимая глаз, она сказала: — данна Констанца, вам надо вымыться, а я, тем временем, поменяю постель.

Со стыдом Констанца поняла, что посещение лорда Нежина не является тайной для обитателей замка. Она чувствовала себя грязной, ей хотелось смыть его прикосновения, поцелуи. Только сейчас она обратила внимание на то, что простыня под ней мокрая и липкая, а рубашка изодрана в клочья.

Завернувшись в одеяло, Констанца сползла с кровати и увидела, что постель вся в пятнах крови, а по центру расплылась желтоватая, дурно пахнущая липкая лужа. Она содрогнулась, глянув на Майю, почувствовала, что краснеет.

Служанка грустно улыбнулась ей: — я привыкла данна Констанца. В этой спальне перебивало много девушек. Да и все мы, служащие у Его милости, не миновали его постели.

Констанца с ожесточением тёрлась мочалкой. Ей хотелось содрать саму кожу, вместе с его прикосновениями. Наконец, она вышла из ванной. Майи уже не было, но постель была застелена чистым бельём, на кровати лежала новая ночная рубашка, ничто не напоминало о произошедшем. Девушка прилегла на кровать, укрылась одеялом. Ощущение саднящей боли притупилось, но тело продолжало гореть от грубых, безжалостных прикосновений. Мыслей не было, только отчаяние и безысходность. Давно наступила ночь, но Констанца не могла уснуть.

Под утро она задремала, и проснулась оттого, что в спальню вошла Майя:

— данна Констанца, я принесла вам завтрак. Лорд Нежин сказал, что вы, возможно, плохо чувствуете себя, поэтому распорядился принести завтрак вам в гостиную. — Служанка сочувственно смотрела на девушку: — я помогу вам одеться и причесаться. — Та отстранённо кивнула. Есть не хотелось, вставать тоже. А ещё было ужасно стыдно выйти в коридор, встречаться глазами со слугами замка.

Она, всё же, встала, молча умылась и оделась. Сидя перед зеркалом, пока Майя возилась с её не слишком длинными волосами, всмотрелась в своё лицо. Губы припухли, на нижней

след от укуса, глаза красные. Констанца вздохнула. Ей было всё равно, как она выглядит. Служанка её вздох расценила по-своему: — не расстраивайтесь, данна, всё пройдёт. Его милость несколько дней не будет к вам приходить, чтобы всё зажило. Ну да, он всегда грубый, когда первый раз, а потом очень даже ничего, ласковый. Только он не любит, когда ему перечат, сразу злиться начинает.

Причесав Констанцу, Майя ушла, а девушка нехотя принялась за завтрак. Она ещё задумчиво ковыряла вилкой пышную котлету, когда дверь открылась, и вошёл лорд Нежин. Она подняла на него испуганные глаза, а он, широко улыбаясь, поцеловал её и уселся в кресло напротив, внимательно разглядывая девушку. Констанца густо покраснела, опустив глаза, а он расхохотался, довольный:

— Констанца, как ты себя чувствуешь? — Не дожидаясь ответа, небрежно сказал: — сама виновата, не надо было сопротивляться. Ну, ничего, через пару дней всё заживёт, и тогда мы с тобой приступим к изучению той интересной книги! — Он снова засмеялся и, подмигнув ей, вышел из комнаты.

Констанца с отвращением отодвинула тарелку. Надо что-то делать. Невозможно оставаться в замке, быть игрушкой в руках лорда Нежина. Надо бежать, но куда? Домой нельзя, там найдут. Может быть, к Феонисте? Она что-нибудь придумает. Но как пройти около десятка роенов по зимнему лесу? Придётся заночевать. Значит, будет нужен костёр.

Она встала, но тут же поняла, что не сможет идти. Подумав, решила, что уйдёт завтра, ближе к вечеру. А пока нужно найти тёплый плащ, сапожки и кремь, чтобы развести костёр.

Глава 5.

Обедала Констанца снова в своей гостиной. А потом явился лорд Нежин, жизнерадостный, счастливый и... до умопомрачения красивый. Тёмно-синие глаза искрились лаской и весельем, тонкая белая, с пышным кружевным жабо рубашка расстёгнута у ворота, открывая сильную шею. Легко прошёлся по гостиной, не делая попыток поцеловать девушку или просто прикоснуться к ней, опять заинтересовался её самочувствием, заботливо сказал: — что-то ты очень бледненькая, малышка? Не настолько уж и велика твоя кровопотеря, чтобы ты так плохо выглядела! — Он улыбнулся: — наверно, ты просто не выспалась? Может быть, приляжешь?

Констанца не верила своим глазам: неужели этот обаятельный красавец сегодня ночью терзал её тело, грубо и безжалостно обладал ею и несколько раз ударил по лицу? Вдруг она дерзко подумала, что надо попробовать обмануть его, чтобы добыть тёплую одежду и обувь. Смущённо потупившись, она тихо сказала: — Ваша милость, позвольте мне выйти на свежий воздух. Я не привыкла сидеть взаперти! — Лорд Нежин удивлённо посмотрел на неё:

— Констанца, тебя никто взаперти не держит! Ты вполне можешь погулять хоть по замковому двору, хоть по саду. Правда, он занесён снегом, но аллеи расчищены. К сожалению, я не могу составить тебе компанию, — он ухмыльнулся, — не люблю я такие прогулки!

Она обрадовалась: — спасибо, Ваша милость, я и одна погуляю с удовольствием! Только... у меня нет никакой тёплой одежды...

— О-о-о, я терпеть не могу женских стенаний по поводу отсутствия нарядов! Поищи в шкафу или скажи служанке. Она найдёт, что тебе нужно.

Вскоре лорд Нежин ушёл, на прощанье одарив Констанцу ласковой улыбкой, а она немедленно зарылась в шкаф в поисках тёплой одежды. Поскольку ни плаща, ни сапожек

она не нашла, ей пришлось звонить в колокольчик, чтобы вызвать служанку. Майя несколько не удивилась её просьбе, а спустя некоторое время вернулась в покои, таща ворох одежды: два тёплых меховых плаща, меховой капор, длинная и толстая шерстяная юбка, тёплый вязаный жакет и такие же, вязанные из овечьей шерсти, длинные панталоны. Майя назвала их рейтузами. Затем она снова сбегала куда-то и теперь принесла три пары, на выбор, тёплых женских сапожек. Констанце все они оказались велики, но она отобрала пару поменьше. Все вещи были не новые, видно, что их носили, но немного. Она спросила об этом служанку, и та шёпотом подтвердила, что всё это носили девушки, которые жили в этих покоях.

Теперь у Констанцы было всё необходимое для побега, за исключением, увы, кремня. Она задумалась. Может быть, Ласси согласится помочь ей? Но тогда придётся выходить из комнаты под любопытные взгляды слуг. До сих пор она так и не решилась показаться людям на глаза, стыд сжигал её. Она представила, как будут переглядываться служанки, как бесстыже осматривать с головы до ног мужчины. Девушка прижала ладони к вспыхнувшим щекам, не решаясь шагнуть за порог.

Ей нужно было всего лишь пройти в другое крыло замка на этом же этаже. Комната Ласси располагалась рядом со спальней лорда Нежина.

Опустив глаза, она по стеночке проскользнула к нужной двери, тихонько постучала. Дверь распахнулась, удивлённый Ласси стоял на пороге и смотрел на неё.

— Данн Ласси, можно мне с вами поговорить? — Он жестом предложил ей войти, закрыв за ней дверь. Констанца находилась в маленькой, скромно обставленной комнатке. Узкая кровать у стены покрыта полосатым домотканым покрывалом, небольшой стол у окна, пара жёстких стульев, довольно обшарпанное кресло, двустворчатый шкаф, на полу вытертый в некоторых местах, до основы, ковёр, бюро со стопкой бумаги и парой книг на нём.

Констанца подняла голову. Ласси грустно смотрел на неё, потом слабо улыбнулся: — Присаживайтесь, данна. Что привело вас ко мне?

Она не могла решиться. А что, если он спросит, для чего ей нужен кремень? Она неуверенно присела на край стула, помявшись, спросила: — данн Ласси, не могли бы вы дать мне пару кремней? — Констанца

умоляюще смотрела на него, страхась его вопроса.

Ласси серьёзно глянул ей в глаза, потом молча подошёл к шкафу и, порывшись на полках, подал ей небольшой холщовый мешочек: — а вы умеете пользоваться кремнем, данна Констанца?

Она благодарно схватила подарок, быстро закивала: — да-да, данн Ласси, умею! Спасибо вам большое! Только... — она замаялась, а он опять слабо улыбнулся:

— я никому ничего не скажу, данна, не бойтесь. Только вот подумайте, надо ли? Хотя зима стоит тёплая, но, всё же...

Констанца торопливо вскочила: — спасибо вам, данн Ласси, за всё спасибо!

Вечером ей пришлось идти в столовую, потому что лорд Нежин прислал за ней Майю. Он с интересом смотрел на Констанцу, но она постаралась не встречаться с ним взглядом. Его милость усмехнулся и пожал плечами: — ты выглядишь задумчивой, Констанца. Хотел бы я знать, какие мысли витают в твоей голове?

Она испугалась. Неужели у неё всё на лице написано? Собрав всё своё мужество, постаралась робко улыбнуться: — ничего особенного, Ваша милость. Просто мне нечем

заняться, а я не привыкла сидеть весь день без дела...

Лорд Нежин ласково улыбался: — я с удовольствием найду тебе занятие, Констанца. Поскучай ещё завтрашний день, хорошо?

Она покраснела, поняв, на что он намекает, но заставила себя поднять на него глаза: — Ваша милость, не позволите ли мне читать книги из вашей библиотеки?

Нет, положительно, она ему нравилась. Ему даже приходилось напоминать себе, что она всего лишь дочь кузнеца. Никаких слёз, жалких, униженных взглядов. Кажется, она смирилась со своим положением, и, хотя и стыдится его, но старается держаться с достоинством. Что особенно удивительно — не делает попыток требовать с него, лорда Нежина, денег или нарядов. И ночью не кричала на весь замок, не звала на помощь. Хорошая девочка. Пожалуй, действительно, она надолго задержится в замке. Его милость задумался: а если забеременеет? Он на мгновение представил её с ребёнком на руках, улыбающуюся и ласково смотрящую на него. Хм-м, интересно, но об этом будем думать, когда возникнет необходимость. А пока пусть отдыхает. Он потерпит ещё один день, а потом, пожалуй, вообще заберёт её в свою спальню, но говорить ей об этом преждевременно.

После ужина лорд Нежин предложил девушке взять его под руку, и она не посмела отказаться. Таким манером они поднялись на третий этаж, в библиотеку замка. У Констанцы захватило дух при виде стройных рядов книг, размещившихся на стеллажах вдоль стен. Его милость подивился, как загорелись её глаза. Она высвободила руку из-под его локтя и медленно двинулась вдоль стеллажей, любовно прикасаясь кончиками пальцев к переплётам. Он серьёзно наблюдал за ней, впервые неприятно задумавшись, что вообще не знает эту девушку, видя лишь хорошенькое личико и стройную соблазнительную фигурку.

Он помог Констанце донести до её комнаты выбранные ею книги и не зашёл, как она опасалась, а лишь поцеловал не очень чистую, после библиотеки, ладошку и ушёл, пожелав спокойной ночи.

Девушка подумала, что день прошёл очень удачно. А завтра к ночи, если всё получится, она будет уже далеко.

Она проснулась наутро в возбуждённом состоянии. Главное, ничем не выдать себя. Констанца хорошо продумала своё поведение. Она улыбалась лорду Нежину, старалась поддерживать разговор за совместным завтраком. Потом попросила Майю принести с кухни кусок жареного мяса и немного хлеба под тем предлогом, что плохо позавтракала, а теперь проголодалась.

Днём Констанца, тепло одевшись, вышла на улицу и долго гуляла сначала по заснеженным аллеям сада, а потом по дороге, ведущей от замка в сторону леса. Во время прогулки она внимательно осмотрела тропу, выющуюся через занесённый снегом луг. Тропа была не слишком широкой, но наезженной. Купцы, привозившие в замок продукты, предпочитали пользоваться именно тропой через луг, чем колесить лишние роены по дороге в объезд.

За ужином Констанца вскользь сказала, что хотела бы прогуляться перед сном, чтобы лучше спать. Поморщившись, лорд Нежин спросил, нужен ли он ей в качестве сопровождающего? Девушка заверила, что далеко уходить не будет, так, пройдёт по садовым аллеям. Она видела, что он с интересом поглядывает на неё, поэтому, кокетливо улыбаясь, напомнила, что он обещал не торопиться. Он удивился, потому что ожидал, скорее, с трудом подавляемого страха и неприязни, а уж никак не игривой улыбки, но решил, что она смирилась со своим положением.

В нетерпении Констанца металась по комнате. Всё было готово к побегу и спрятано в шкафу. Наконец, назначенное ею самой время подошло. Она тщательно оделась: рейтузы, тёплая юбка и жакет. В кармане юбки мешочек с кремнем. Тёплые сапожки, плащ на меху, такой же капор. В кармане плаща свёрток с мясом и хлебом, а вокруг талии, под верхней одеждой, обмотана белая льняная простыня с постели.

Она постаралась не торопясь выйти из замка и также неспешно направилась к воротам. Стоящие в карауле стражники, краснорожий громила Кром и второй, молодой, внимательно посмотрели на неё, но ничего не сказали. Констанца миновала их, независимо вздёрнув нос и не глядя по сторонам. Вдогонку ей полетело наглое и оскорбительное предложение от Крома. Молодой что-то тихо сказал, увещевая его. Сразу за воротами девушка свернула налево и скрылась из вида стражников. Она специально вышла в это время. Караул скоро сменится, а Кром и его напарник едва ли будут сообщать вновь заступившим о её прогулке.

Действительно, вскоре послышался звон оружия, мужские голоса, смех, а некоторое время спустя заскрипели закрывающиеся ворота. Уже стемнело, и стражники спешили уйти в караульное помещение. Лязг и грохот сообщили девушке, что створки замковых ворот закрыты. Она размотала с талии простыню и накинула её прямо поверх капора и плаща, завязав концы под подбородком. Простыня была большой, так что, придирчиво осмотрев себя, Констанца постаралась закутаться в неё так, чтобы тёмная одежда нигде её не выдала. После этого она решительным шагом направилась по тропе через заснеженный луг, направляясь к темнеющему впереди лесу.

Один из стражников, зевая, глянул в узкое и грязное окно караулки. В сгустившейся темноте ему показалось, что на тропе, уходящей к лесу, что-то шевелится. Он сморгнул, попытался присмотреться: кругом бело, ветер переметает снег. В неясном свете восходящей луны слабо колышутся зыбкие тени. Стражник вернулся к столу, на котором радовали глаз большие кружки с пивом и тарелка с копчёным мясом.

Констанца давно сняла и выбросила простыню. Полная луна освещала лесную тропу, девушка устала и думала, что ей нужно пройти ещё немного, а потом она свернёт в лес и разведёт небольшой костёр. Едва ли удастся немного поспать, но завтра она обязательно доберётся до домика Феонисты и всё будет хорошо. Не останавливаясь, она съела мясо и хлеб. Хотелось пить, но есть снег она не решилась. Она шла и шла, пока ноги не подкосились от усталости. Констанца свернула с тропы и села на ствол поваленной ветром сосны, вытянув онемевшие ноги.

Так и застали её стражники, посланные лордом Нежином на поимку беглянки.

Зайдя поздно вечером к Констанце, чтобы пожелать ей спокойной ночи, хозяин замка обнаружил, что комната пуста. Вызванные стражники сообщили, что девушка вышла за ворота. Его светлость усмехнулся: что-то такое он и подозревал. Ему было даже приятно, что он правильно угадал её характер и не поверил в её покорность и смирение.

Кром, самый доверенный из стражников, грубо втолкнул Констанцу в кабинет лорда Нежина. Тот уютно устроился у камина с бокалом подогретого красного вина. Он некоторое время с любопытством разглядывал девушку, потом сказал: — я считал тебя умнее. Неужели ты думаешь, что сможешь убежать от меня?

Констанца, в сбившемся капоре, в плаще с оторванными пуговицами, горделиво вздёрнула подбородок: — Ваша милость, вы жестокий человек! Я не верила в это, пока не убедилась на себе. Я всё равно убегу, а если не смогу, то лучше умру, но не стану игрушкой для вашего развлечения!

Лорд Нежин задумчиво отпил из бокала, мягко сказал: — Кром, завтра утром накажешь её десятью плетями во дворе замка, а сейчас отправь её спать. Потом зайдёшь ко мне.

У Констанцы задрожали губы, но она сдержала слёзы. Ухватив за плечо, стражник бесцеремонно развернул её к дверям. Она попыталась сбросить его руку, но он сжал ещё сильнее. Поморщившись, девушка подумала, что от его пальцев обязательно останутся синяки.

Кром втолкнул её в комнату. Констанца услышала, как в замке повернулся ключ.

— Ваша милость, я закрыл её, как вы приказали, — Кром стоял, ожидая приказаний лорда Нежина. Тот допил вино, поставил бокал на столик и задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Ха, какая девочка, а, Кром? Нет, каково — она сбежала от меня! Ночью, зимой, одна, пешком!

— Дура она, Ваша милость, только и всего! Я вот тут подумал... может, вы её мне... потом отдадите? Я её живо бегать по лесам отучу!

— Не-е-ет, Кром, она не дура, ты ошибаешься. Гордая девочка, смелая и независимая. Ей опыта не хватает, но это дело наживное. Я тебе её не отдам, думать об этом забудь. Она и тебя, и себя убьёт, решимости ей хватит. — Лорд Нежин встал с кресла, улыбаясь прошёлся по кабинету: — она мне нравится, Кром. Очень сильно нравится! Ишь, как глазки-то гневно на меня блистали! Одно удовольствие такую непокорную объезжать! Начнём, пожалуй, с плетей. Но, смотри у меня, шкурку не портить! Бей, да силу рассчитывай. Это тебе не мужчина, девичья кожа нежная, живо порвёшь.

Кром, с удовольствием исполняющий в замке обязанности палача, лениво пожал могучими плечами: — до первого крика, ваша милость? Как закричит, с такой силой и буду бить...

Хозяин машинально, думая о своём, кивнул: — да, пожалуй, так. Ступай, поздно уже.

Она думала, что ни за что не сможет уснуть, но усталость взяла своё. Даже не умывшись, Констанца, как была, в тёплой юбке и жакете, прилегла на кровать. Она с ужасом ждала предстоящей расправы, при одной мысли о которой у неё темнело в глазах, а зубы начинали стучать. В отчаянии она подумала, что самоубийство — хороший выход, но образ отца, безмерно любящего её, заставил отказаться от решительных действий.

Так ничего и не придумав, Констанца незаметно погрузилась в сон.

Рано утром её разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Вошедшая Майя, бледная, не поднимающая глаз, положила на кровать рядом с Констанцей грубую холщовую рубашу до пят, тихо сказала:

— данна Констанца, вам надо это надеть. В замке такие правила. Потом за вами придут. — Она заплакала, всхлипывая и утирая катящиеся по щекам слёзы тыльной стороной ладони.

Констанца была тронута: — не плачь, Майя, не убьют же меня, в конце концов, — помолчав, добавила: — да лучше бы убили! Ненавижу его! Всё равно убегу!

Когда за ней пришли два стражника, девушка ждала их, сидя на постели в грубой рубаше из домотканого холста, напоминающей мешок с длинными рукавами и дыркой для головы. Она встала им навстречу, её глаза были сухи, бледное, без кровинки, лицо закаменело.

Стражники вели Констанцу по коридору, но она не замечала, с каким ужасом и жалостью смотрели на неё слуги, жавшиеся к стенкам. Не знала она и о том, что утром

Ласси, который никогда ни о чём не просил хозяина, чуть не на коленях умолял его отменить наказание. Разгневанный лорд Нежин пригрозил тому самыми страшными карами.

В центре двора она увидела широкую длинную скамью, около которой стоял ухмыляющийся Кром. Он поигрывал кожаной плетью, постукивая по голенищу высокого сапога её рукоятью. Констанца содрогнулась, но, взяв себя в руки, гордо подняла голову... и наткнулась на взгляды стражников, выстроившихся шеренгой напротив скамьи. Около полусотни мужчин смотрели на неё с сочувствием и жалостью. Она дрогнула, внезапно ощутила себя маленькой девочкой, несчастной и беззащитной. На глаза навернулись слёзы, покатались по щекам.

Дёрнув её за руку, Кром рванул рубаху за ворот и разорвал до пояса. Констанца инстинктивно закрыла ладонями обнажившуюся грудь, а палач толкнул её на скамью. Обнажённое тело обожгло холодом. Жёсткие верёвки, которыми Кром привязал ноги и руки, впились в тело. Она закрыла глаза и стиснула зубы в ожидании боли. Её истязатель не дожждётся от неё криков и мольбы о пощаде!

Свистнула плеть и впилась в обнажённую спину. Констанца вздрогнула всем телом, но, закусив губу, не проронила ни звука. Снова и снова взвивалась плеть, из прокушенной губы текла кровь, а девушка провалилась в благословенную тьму.

Лорд Нежин в ожидании завтрака сидел в своём кабинете, глядя на огонь камина. Окно выходило во двор замка, и его милость слышал, как началась экзекуция. Он не стал наблюдать за наказанием, потому что не сомневался в результатах. Слёзы, крик и просьбы о прощении. Да, он великодушно её простит, а вечером возьмёт её так, как хочет уже давно: грубо, жадно, несколько раз подряд.

В дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, вошёл стражник, Джеймс. Пожилой мужчина давно служил у лорда Нежина, и тот ценил его за незаметность, ненавязчивость, отсутствие наглости при абсолютной честности и преданности. Кроме того, стражник был умелым и бесстрашным воином.

Благодушествуя, лорд Нежин спросил: — чего тебе, Джеймс?

Тот запнулся, на секунду опустил глаза, затем посмотрел на хозяина сурово и твёрдо: — Ваша милость, Кром искалечит девушку! Он исполосовал ей всю спину, она потеряла сознание, а Кром озверел!

Лорд Нежин вскочил, метнулся к окну, рванул раму: — стой, Кром!! — Тот замер с поднятой над головой плетью. Его милость увидел, что спина Констанцы и скамейка под ней залиты кровью, а сама она не подаёт признаков жизни. Он бешено крикнул стражникам: — несите её в замок, а ты, идиот, иди ко мне!

Мужчины бросились к девушке, отвязали намокшую в крови верёвку, подхватили на руки, бегом понесли к крыльцу.

Кром вошёл в кабинет, выпрямился во весь рост, вызывающе глядя на хозяина: — я сделал всё, как вы велели, Ваша милость! Она не кричала!

— Болван! Я тебе что приказал?? Почему она вся в крови?? Ты порвал ей кожу на спине, урод!! — он в раздражении позвонил в колокольчик. Вошедшему слуге приказал позвать начальник стражи. Когда тот вошёл, сказал ему, хмуро глядя на стоящих перед ним стражников: — этим двоим по двадцать плетей. Одному за то, что нарушил мой приказ, а другому — за доносительство. А теперь пошли вон!

До поздней ночи горели свечи в кабинете лорда Нежина. Сам хозяин, уперев подбородок в сцепленные пальцы рук, нахмурившись, смотрел на огонь в камине, и мрачная

тень лежала на его лице.

Глава 6.

Слабый свет одинокого канделябра очертил жёлтый круг на полу у стены. Остальная комната погружена в темноту. Спина горит огнём, и нет сил терпеть эту боль. Рядом с кроватью, в кресле, кто-то дремлет, уронив голову на грудь. Констанца облизала сухие запёкшиеся губы, попыталась повернуться на бок и вскрикнула. Фигура в кресле вздрогнула, вскочила на ноги. Над девушкой склонилась Майя: — данна Констанца, слава Всеблагому, вы очнулись!

— Констанца сглотнула вязкую горькую слюну, прошептала: — пить...

Служанка загремела посудой на столике у кровати, потом осторожно приподняла голову девушки, поднесла к губам чашку с прохладной водой.

Напившись, Констанца устало опустила голову на подушку. В голове прояснилось. Она вспомнила свой страх при виде скамьи для наказаний, стыд, когда палач разорвал на ней рубаху, потом свист плети и обжигающую боль, и своё упрямое решение не позволить своим мучителям торжествовать, слыша её крики. А потом накатила темнота.

— Что... как я здесь очутилась...?

Служанка, с жалостно кривившимся лицом, стала торопливо рассказывать: — так, данна Констанца, вы же не кричали, когда Кром стал вас плетью бить, ну, он и озверел. Джеймс, вы его знаете, пожилой такой стражник, не вытерпел, побежал к Его милости, да и пожаловался, что Кром вас убивает. Когда вас принесли без памяти, на вас смотреть страшно было: кожа на спине лохмотьями, а кровищи, кровищи! Так и капала! А лорд Нежин кричал, что Кром нарушил его приказание сильно вас не бить, а так, поугагать, и приказал самому палачу двадцать плетей отвесить, в наказание. Ну, стражники постарались. Они вас сильно жалели, а Крома все ненавидят, потому что он злой. Правда, Джеймсу тоже досталось. Лорд Нежин и ему наказание назначил, чтобы, значит, не жаловался. Теперь оба лежат в казарме, в разных углах. А Его милость прислал к вам своего лекаря, тот вам спину промыл и заживляющей мазью намазал, а потом сказал хозяину, что три длинных рубца всё равно останутся. Хозяин-то сколько времени около вас сидел, за руку держал, да вы без памяти были, а потом велел мне от вас не отходить и не спать, а я — девушка виновато потупилась, — задремала...

— Не надо сидеть около меня, Майя, иди, отдохай.

— Нет — нет, — та испуганно замотала головой.

У Констанцы не было сил спорить: — хорошо, оставайся, только возьми у меня одну подушку и ляг на диван. Если ты будешь мне нужна, я позову.

Накатила слабость и апатия. Она как-то притерпелась к боли и даже задремала. Утром проснулась от тихих голосов: Майя разговаривала с лордом Нежином. Констанца не хотела его видеть, слышать его голос, но он уже заметил, что она проснулась. Сквозь полуприкрытые ресницы девушка увидела, что хозяин замка сидит у кровати на низеньком пуфике. Прекрасные тёмно-синие глаза смотрели с сочувствием. Но ни грамма вины, ни тени раскаяния! Как ни старалась она сдержаться, слёзы выступили из-под ресниц. Он ласково похлопал её по руке:

— ну — ну, не плачь, всё заживёт. Ты сама виновата, малышка! Если бы не убежала, то не была бы наказана, а если бы смирила гордость и не молчала под плетью, то Кром бы не разошёлся.

Она разозлилась! Злость высушила слёзы, заставила вспыхнуть румянцем бледные щёки.

Он наклонился к её губам, но не поцеловал, сказал укоризненно: — вот что ты, глупая, сделала с собой? Губы-то как искусила! И на спинке рубцы останутся! Некрасиво. Да-а. Констанца, я думал, что ты умнее. — Он поцеловал её в волосы, прикусил ухо, шепнул: — думаешь, отвертелась от моей постели? И не надейся! Такая ты мне ещё желанней! — Улыбнувшись, он вышел из комнаты.

О, как же она ненавидела его! Это была чистая, искренняя, ничем не замутнённая ненависть. Констанца обрадовалась ей, потому что ненависть раскрыла ей глаза, помогла увидеть его истинное лицо и избавиться от глупой девичьей влюблённости.

Она плохо помнила эти дни. Постоянная, непрекращающаяся ни ночью, ни днём боль в истерзанной спине, посещения лекаря, накладывающего свежую мазь, доброе, простоватое лицо Майи, её слёзы и умелые сильные руки. Её прежняя жизнь казалась ей нереальной, далёкой. Тихая, мирная деревенская улица, лишь из отцовской кузни доносится перестук молота о наковальню, родные и любимые лица: отец, данна Эдита, ворчливая Феониста... Она думала о том, что никогда уже не вернётся её счастливая и беззаботная жизнь.

Но наступило время, когда боль отступила, и она смогла, наконец, повернуться с живота на бок. Днём пришёл Ласси, сел на стул у кровати, помолчав, сказал: — ты оказалась очень сильной и мужественной девочкой, Констанца. Твой отец не оставляет попыток освободить тебя, но его не пускают в замок. Святой отец и его жена написали жалобу наместнику короля, но она пришла к лорду Нежину. Он сжёг бумагу, а священнику пригрозил плетьюми.

Констанца, поражённая, слушала Ласси, потом с горечью сказала: — значит, лорд Нежин обманул меня! Он уверял, что отец не возражал, когда меня увезли в замок.

Ласси улыбнулся: — Его милость не хотел, чтобы ты волновалась. Он всем девушкам так говорит.

— Он чудовище и негодяй, ваш лорд! — Констанца негодовала. Ласси, оглянувшись на дверь, зашикал на неё:

— ш-ш-ш, девочка, нельзя так говорить о Его милости. Он не посмотрит на твою израненную спину и прикажет снова избить. Смирись, Констанца, ты ничего не сможешь сделать, а твоя строптивость дорого тебе обойдётся. Теперь тебе даже за ворота выходить запрещено. Если ты будешь с ним поласковой, то жизнь в замке покажется тебе не столь уж и плохой.

— Ни за что! Данн Ласси, я всё равно сбегу из замка! Пусть он лучше меня сразу убьёт.

Уходя, Ласси сказал от двери: — обдумай всё хорошенько, Констанца! И если не передумаешь, мы ещё вернёмся к этому разговору.

— Джеймс, ты долго ещё намерен отлёживаться в постели? Можно подумать, твоя дублёная шкура так уж сильно пострадала!

— Хе, несмотря на все старания Крома, я всё ещё жив. Да и он, к сожалению, тоже. А как там девочка? Нам было жутко смотреть на её спинку. Ребята прямо рассвирепели, я думал, наш палач сам под плетями умрёт.

— Да-а-а, негоже мужчине бить плетью маленькую девочку.

— Да и приказывать такое тоже негоже!

— Джеймс, ты бы выздоравливал уже, а? Раз уж пожертвовал своей шкурой ради неё, так придётся тебе ещё раз рискнуть. Она опять собралась бежать, но если мы не поможем, то всё повторится.

Стражник расхохотался: — да ты что? Ай да малышка!

— Надо всё хорошо обдумать. Пешком она далеко не уйдёт. Значит, нужна лошадь. Все эти женские тряпки тоже не годятся. Через ворота её не выпустят, лорд Нежин запретил.

— Ну, это ерунда. В задней стене замковой ограды дыру видел? Для нас она маловата, а девочка пролезет.

— Ладно, пойду я. Ты пока думай.

Констанца стала потихоньку вставать. Лорд Нежин забежал к ней по несколько раз в день. Он снова был тем любезным, ласковым, чуточку насмешливым мужчиной, который очаровал её в лесном домишке Феонисты. Он не вспоминал о побеге и жестоком наказании, да и об их единственной ночи тоже не вспоминал. Порой Констанца ловила себя на том, что снова любит его мужественной красотой, сильной, ладной фигурой, смеётся его шуткам и краснеет под его восхищёнными взглядами. Она с иронией думала, что слишком быстро забыла всё плохое, что он принёс в её жизнь.

Как-то вечером, когда она сидела в кресле с книгой, взятой в замковой библиотеке, дверь открылась и, как всегда, без стука, вошёл лорд Нежин. Она подняла на него вопросительный взгляд, а он, ни слова не говоря, подошёл к креслу и принялся жадно её целовать. Она не сопротивлялась, покорно позволив его настойчивому языку проникнуть в её рот. С силой сжав грудь, он потянул её из кресла, заставляя встать, обнял и прижал к себе. Его руки грубо надавили на раны на спине. Боль была ужасной. Констанца тихо ахнула. Лорд Нежин сразу же отстранился, внимательно посмотрел ей в лицо: — что, Констанца? Неужели всё ещё больно?

Она кивнула, закусив губу и опустив голову. Его милость повернул её спиной к себе, и она почувствовала, как он распускает шнуровку на платье. Она стояла молча, опустив руки, потому что знала, что он увидит. Констанца чувствовала, как намокает и прилипает к телу рубашка. Вскоре лорд Нежин тоже увидел кровавые пятна на тонком полотне. Он выругался сквозь зубы и резко сказал: — ложись в постель. Сейчас я пришлю Майю, она поможет тебе раздеться, а потом лекарь снова займётся твоей спиной. — Он оттолкнул девушку от себя и, бормоча проклятья, выскочил из комнаты.

Вскоре пришла служанка, с ахами и охами раздела Констанцу и помогла ей лечь в постель. Следом появился лекарь. Укоризненно качая головой, смазал вскрывшиеся раны заживляющей мазью, утешающе сказал: — ничего страшного, данна Констанца. Это кое-где лопнула молодая кожа. Вам надо бы поберечься.

Констанца усмехнулась, но вслух сказала: — я вам очень благодарна, данн Хоррш. После вашей мази мне сразу стало легче.

Вскоре она осталась одна. Сон не шёл. Побаливала спина, а грустные мысли окончательно развеяли дремоту.

В темноте скрипнула дверь, и голос Ласси тихо спросил: — Ты не спишь, Констанца?

Она обрадовалась ему: — данн Ласси, я думала, вы забыли обо мне! — Ей стало жалко себя, опять глаза подозрительно защипало. В конце концов, она всего лишь молоденькая неопытная деревенская девчонка! Ей плохо, страшно и нет рядом человека, который помог хотя бы советом.

Ласси почувствовал, как дрогнул её голос. Он подошёл и сел на постель рядом с ней, осторожно погладил по голове: — как ты себя чувствуешь, Констанца? — Он улыбался, она услышала смех в его голосе: — ты ещё не передумала распрощаться с лордом Нежином?

Она обрадованно схватила его за руку: — данн Ласси, вы что-то придумали, да?

Он ласково похлопал её по руке, держащей его: — завтра, после обеда, лорд Нежин уедет на пару дней. Его сосед, лорд Анастэзи, претендует на нашу деревеньку. Она стоит как раз на границе с его лордством. Он на неё давно зуб точит. Так что Его милость поедет к соседу утрясать спор, а ты, тем временем, сможешь спокойно покинуть замок.

— Но, данн Ласси, я, наверно, не смогу долго идти. — Она всё же не сдержалась и заплакала. Мужчина опять погладил её по голове:

— не плачь, девочка. Мы с Джеймсом поможем тебе.

Она прерывисто вздохнула. Неужели Всеблагой услышал её молитвы и послал помощь и двух добрых людей? Ласси продолжал: — завтра тебе нужно оставаться в постели. Его милость придёт попрощаться с тобой. Будь умницей, постарайся вести себя, как обычно. Как только он уедет, я принесу тебе одежду. Ты спустишься по лестнице для слуг и выйдешь из замка.

Констанца слушала его, затаив дыхание: — а как же..., - он понял, о чём она хотела его спросить:

— ты не пойдёшь через ворота, а обогнёшь замок и в его стене, сзади, увидишь небольшую дыру. Она там с незапамятных времён. Дыра маленькая, но ты пролезешь, если постарайся. За стеной будет привязана лошадь. Констанца, тебе нельзя ехать домой... — Она испуганно спросила:

— а...а куда же я поеду?

— Ты поедешь в город. Но не по основной дороге мимо ворот замка, а по объездной, вокруг него. Это немного дальше, но зато тебя не увидят стражники у ворот.

Констанца была в панике: — данн Ласси, я никого не знаю в городе! Что я буду там делать: без денег, без знакомых! Может, я лучше к Феонисте поеду?

— Денег я тебе дам. Правда немного. Успокойся и хорошо подумай: может быть, ты всё же знаешь кого-нибудь в городе? Одной тебе, даже в Гостином дворе, находиться небезопасно.

Девушка добросовестно задумалась. Нет, у неё нет знакомых в Гваренедде. Та дама, у которой она должна была работать, примет ли её теперь, после того, что случилось? Да и адреса её Констанца не знала.

И вдруг её осенило, и она радостно вскрикнула: — да, у меня есть знакомые в городе! Данн Ласси, я знакома с сыном данны Эдиты и знаю, где живёт его семья! — Тут её голос упал: — вернее, я примерно знаю... А ещё мне известно, где он работает!

— Хорошо, — Ласси встал, — мне нужно идти. Нельзя, чтобы кто-то видел, что я к тебе заходил. Да, ещё: немного продуктов ты найдёшь в седельной сумке. Подумай, Констанца, ещё раз, стоит ли тебе снова убежать?

Она молчала, тогда Ласси, покачав головой, вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Спала Констанца плохо. Утром, бледная, зевающая, она кое-как умылась, но одеваться не стала. Майе сказала, что лекарь велел ей полежать ещё пару дней. К её удивлению, спина не болела. Она снова улеглась в постель, отправив служанку за завтраком.

Вместо Майи пришёл лорд Нежин. Её бледный вид, кажется, вызвал у него жалость. Он мягко поцеловал её в лоб, присел на постель, вглядываясь в её лицо. Памятуя о наказе Ласси, Констанца заставила себя улыбнуться своему мучителю. Он взял её за руку, потёрся щекой о ладонь: — малышка, мне нужно уехать на день — два. Я надеюсь, к моему приезду ты будешь на ногах. — Он насмешливо посмотрел ей в глаза: — ну, а если ты, всё же, не сможешь лежать на спине, то мы придумаем что-нибудь другое, — он расхохотался, глядя,

как она покраснела и смущённо потупилась. К счастью, Майя принесла завтрак, и Его милость, подмигнув Констанце, оставил их.

Сразу после обеда лорд Нежин, в сопровождении десятка стражников, уехал из замка. Девушка видела в окно, как всадники не спеша выехали из ворот, и те закрылись за ними.

Вскоре пришёл Ласси, принёс узел с одеждой. Констанца торопливо его развязала. Там оказались грубошёрстные мужские штаны грязно-серого цвета и чёрная треконда*, в которую девушку можно было дважды обернуть. Под неё полагалась застиранная серая рубаха из полотна. Кроме этого имелся синий, довольно вытертый меховой плащ, такая же круглая шапка и стоптанные кожаные сапоги. Несколько разочарованная, Констанца разложила на диване одежду. Посмотрев ей в лицо, Ласси сказал: — ну, извини, девочка, это то, что мы с Джеймсом смогли раздобыть. И не думай, что это было просто.

Констанца почувствовала себя распоследней неблагодарной скотиной. Она смущённо пробормотала: — простите меня, данн Ласси. Просто я не ожидала, что одежда будет мужской!

— Ну, в женской юбке до пят ты уже убежала, — он усмехнулся, — теперь пришла пора что-то изменить в твоём привычном облике. А вот это тебе на дорожные расходы. — Он достал из кармана штанов маленький мешочек, тяжело вздохнул, — знаю, что маловато, но ничего не поделаешь.

Дрожащей рукой Констанца взяла мешочек с деньгами. Секунду помедлив, обняла Ласси за шею, всхлипывая, сказала: — данн Ласси, я всю жизнь буду благодарна вам и данну Джеймсу! Я погибла бы здесь, если бы не вы. И я никогда...никогда не забуду вашей доброты!

Растроганный, тот погладил её по спине и тут же отдернул руку, опасаясь причинить ей боль. Но его прикосновение было столь лёгким, что Констанца ничего не почувствовала. Они договорились, что Ласси придёт через час. К тому времени девушка должна быть одета. Она не боялась, что Майя ей помешает. Сразу после завтрака служанка отпросилась навестить родителей в деревне. Вернуться она должна была лишь к завтрашнему вечеру.

Когда через час Ласси вошёл в комнату, ему навстречу поднялся худенький подросток в треконде с чужого плеча, перепоясанной облезлым кожаным поясом, в мешковатых штанах, заправленных в сапоги. Надвинутая на глаза шапка и небрежно наброшенный длинный плащ дополняли наряд. А кроме того, в лице девушки что-то неуловимо изменилось. Мужчина, нахмурившись, внимательно посмотрел на неё. Она смутилась: — данн Ласси, я подумала, что, ну, в общем, мой цвет лица не очень подходит для мальчика, который так бедно одет. Поэтому я взяла немного золы из очага и растёрла её по лицу. А угольком я зачернила брови, чтобы они казались шире...

Ласси засмеялся: — действительно, у тебя болезненный вид, Констанца! Ну что, ты готова?

Он вышел в пустой коридор, прислушался. Пользуясь отсутствием хозяина, слуги решили побездельничать. Даже домоправительница Анхель прилегла отдохнуть после обеда в своей комнате за кухней.

Констанца в сопровождении Ласси благополучно дошли до чёрной лестницы. Открыв ей дверь, мужчина пропустил её вперёд, сам остался стоять на пороге, грустно сказал: — будь осторожна и внимательна, Констанца, Не верь никому, ничего про себя не рассказывай. И... если будет такая возможность, напиши мне, как ты устроилась. Только не сообщай, где находишься. Его милость бывает очень любопытен. Ну, ступай, пусть Всеблагой тебя хранит,

девочка!

Она опять обняла его, быстро поцеловала в колючую щёку и побежала к углу замка. Никто из находившихся во дворе стражников не обратил внимания на щуплого подростка, выскочившего из дверей чёрного хода.

Обогнув замок, Констанца остановилась. Она никогда здесь не была, поэтому растерялась. Прямо перед ней красовалась большая помойка. Левее, вдоль мрачной глухой замковой стены уходила узкая извилистая тропинка. Она изгибалась, приближаясь к стене вечнозелёного кустарника, а потом ныряла в просвет между ветками. Решив, что ей туда, девушка быстро направилась вперёд. Вскоре тропинка привела её к пролому в стене. Он и правда был невелик, но Констанца, наклонившись, храбро полезла через него. Внезапно её схватили сильные руки и выдернули наружу. Она вскрикнула от ужаса, но в следующее мгновение увидела знакомое лицо. Пожилой стражник, Джеймс, улыбался, держа её в охапке. Она осторожно высвободилась и тоже улыбнулась: — вы меня испугали, данн Джеймс!

Он поставил её на ноги, поднял упавшую с головы шапку и, отряхнув от снега, нахлобучил ей на голову.

— ну-с, молодой данн готов к путешествию? Кстати, а как данна зовут?

Констанца нахмурилась, чуть было не назвав своё имя. Джеймс насмешливо смотрел на неё:

— что, данн забыл своё имя? Это подозрительно. А не сдать ли нам его ближайшим стражникам?

— О-о-о, меня зовут... Стан! — Выпала девушка, — да, Стан, так правильно!?

Стражник одобрительно улыбнулся: — хорошо, Стан. А откуда же вы идёте, данн Стан? И куда?

Констанца жалобно посмотрела на мужчину: — я не знаю, данн Джеймс!

Он вздохнул: — Ласси забыл сочинить твою жизнь, а у нас совсем нет времени. Так, запоминай: ты сирота, жил при храме Всеблагого в Вишняках, работал переписчиком молитв, благопожеланий, а также некоторых, особо ценных, книг. Да, так. Рискнём и назовём Вишняки. Вдруг кому-нибудь взбрédёт в голову расспрашивать тебя о деревне. Называть незнакомую тебе будет опасно. — Он задумался.

Констанца осторожно спросила: — может быть, не переписчиком? Он, наверно, был бы известен? А пусть я буду... ну... сыном селянина? Их ведь много, всех не запомнишь.

Стражник хмыкнул. Взяв её руку, показал ей её собственную ладонь: — ты думаешь, кто-то поверит, что эти пальчики привыкли держать косу, рукояти плуга, топор, пилу и прочее?

Она покраснела и вырвала руку.

— То-то, глупая. Будь осторожна, лучше молчи, а больше слушай. Теперь о том, куда наш Стан направился.

— А очень просто, данн Джеймс! Я приехал за книгами в лавку. Они давно заказаны святым отцом, но вот забрать их вовремя он не смог. Поэтому и послал меня!

Мужчина улыбнулся: — сойдёт. В большинстве своём наш брат неграмотен и книги его не интересуют. Пока будешь ехать, подумай, о чём мы говорили. Если тобой кто-то заинтересуется, твой рассказ должен выглядеть правдоподобно. А теперь пойдём.

Они завернули за выступ стены. Там, привязанная к чахлому деревцу, стояла небольшая соловая лошадь. Джеймс подвёл Констанцу к кобылке: — вот, познакомься, это Веста. Она

не красавица, конечно, но очень умная, послушная и выносливая. — Он погладил лошадь по шее, а она ткнулась ему мордой в плечо. К седлу был приторочен небольшой мешок. — Это тебе продукты на первое время. Ну, давай, Констанца, я тебя подсажу. Скоро стемнеет, а ты должна засветло добраться до посёлка охотников. Попросись у них переночевать, обычно они никому не отказывают. — Она расцеловала его тоже, плача и благодаря.

Стражник долго стоял на пустынной дороге, глядя вслед удаляющейся всаднице. Потом, тяжело вздохнув, пошёл к воротам замка, где его ждал встревоженный Ласси. — Она уехала. Но перед этим мы придумывали сказку о мальчике по имени Стан.

*треконда — вид одежды

Глава 7.

Уже три часа Констанца ехала по дороге, уводящей её в сторону, противоположную родной деревне. Она ни разу в жизни не была в Гваренедде, но знала, что это самый большой и красивый город Кремонского лордства. Его милость как-то вскользь упоминал, что в центре Гваренедда у него имеется дом, но он предпочитает жить в замке, подальше от города. Констанца подумала, что уж, конечно, этот дом самый богатый и роскошный из всех. Следовательно, она легко узнает его и постарается держаться подальше.

Чем ближе к городу, тем больше бричек, телег, конных всадников и идущих пешком людей появлялось на дороге. И сама дорога стала шире. Иногда она пересекала деревни, которые, на взгляд Констанцы, были больше и богаче её родных Вишняков.

Худенький подросток в поношенной одежде, неторопливо трусивший на невзрачной лошадке по обочине дороги, не привлекал ничьего внимания. Констанца понемногу успокоилась. Раны на спине почти не болели, преследования она не боялась. Её хватятся, но на поиски отправятся, только когда приедет лорд Нежин, а он будет только послезавтра. К этому времени она рассчитывала добраться до Гваренедда.

Впереди, в сгустившихся сумерках, возник придорожный столб с надписью: “Оленьё”. Констанца обрадовалась. Так назывался посёлок охотников. Дорога уходила вперёд, а девушка, вслед за двумя бричками и одной телегой свернула к посёлку. Он был огорожен невысоким забором из цельных брёвен, а у ворот стояла группа женщин. Брички и телега остановились возле них. Констанца натянула поводья, и Веста послушно остановилась. К девушке подошла одна из женщин: — не желает ли милостивый данн поужинать и переночевать в тепле и уюте?

Констанца спрыгнула с лошади. Женщина оказалась одного с ней роста, круглолицая, улыбчивая, лет пятидесяти. Она повторила: — я говорю, может, вы пожелаете переночевать в посёлке? Могу предложить вам ужин и чистую постель. — Путешественница обрадовалась. Это было именно то, что нужно: — спасибо, данна, я с радостью переночую у вас! Вы обещаете накормить меня ужином, а для моей лошади сена не найдётся?

Женщина радостно всплеснула руками: — да как же не найдётся-то, данн! Не только сено, но и овса дадим лошадке, и в тёплую конюшню определим! — Оживлённо разговаривая, они двинулись по единственной улице посёлка к дому данны Калиты. Как оказалось, женщина была вдовой. Взрослые дети жили тут же, в посёлке. Она не бедствовала, в хозяйстве имелась и лошадь, и корова. Большой огород обеспечивал овощами, но — лишний медяк ведь не помешает, правда? — Поэтому она принимала на одну-две ночи путников, проезжающих по дороге и нуждающихся в крыше над головой.

В свою очередь, Констанца довольно бойко рассказала Калите о своей вымышленной жизни. За разговорами они подошли к маленькому домику на три окна, огороженному почерневшим от времени забором. За домом виднелись хозяйственные постройки. Привязав Весту к столбу у крыльца, Констанца, вслед за хозяйкой, вошла в дом. Дверь открывалась сразу на кухню. Здесь жарко топилась печь, вкусно пахло мясной похлёбкой и свежими пирогами. Калита зажгла свечи в подсвечнике на столе, торопливо повесив на вешалку плащ, предложила девушке располагаться. Та отказалась: — данна Калита, покажите мне, пожалуйста, куда поставить лошадь и где можно взять сена и воды для неё.

Та захопотала: — да-да, Стан, пойдём. Поставим твою лошадку, напоим-накормим её, а потом уж тебя будем устраивать.

Констанца сначала даже не поняла, кто это — Стан? Потом, мысленно, обругала себя: какая же она рассеянная и невнимательная! Стан — это она и есть! Надо привыкать к новому имени, если она не хочет быть пойманной. Простое обращение её не смутило. Было бы странно, если бы пожилая женщина обращалась к молоденькому парнишке на “вы”.

Они снова вышли во двор. Отвязав уставшую Весту, девушка повела её вслед за хозяйкой. В темноте сухой конюшни пахло теплом, сеном и навозом. Калита повесила фонарь со вставленной в него толстой свечой на ближайшее стойло. Оно было пустым, а в следующем стояла обычная неказистая крестьянская лошадь. Она равнодушно посмотрела на вошедших.

Сняв плащ и засучив рукава трекотты, Констанца расседлала Весту и скрученным в жгут сеном тщательно её растёрла. Тем временем хозяйка ходила где-то над головой, на сеновале. Вскоре большая охапка сена упала в кормушку в глубине стойла. Затем лошади насыпали овса и принесли ведро воды. Оглядев конюшню придирчивым взглядом, Калита вместе с постояльцем направились в дом.

Засиживаться допоздна не стали. Хозяйка вставала рано, да и Констанца хотела как можно скорее добраться до города. От горячей и сытной пищи путница разомлела. Калита, улыбаясь, повела её в комнатку для гостей. Полусонная Констанца всё же рассмотрела две узких кровати под домоткаными покрывалами, такой же половичок на полу, на спинках кроватей чистые большие полотенца из отбеленного полотна, столик у единственного окна и на нём небольшое зеркало с отколотым уголком, на табуретке таз, мыло в коробочке, а рядом большой глиняный кувшин с водой. Два стула скромно стоят у стены.

Хозяйка откинула покрывало на одной из кроватей, взбила пышную подушку.

Уже проваливаясь в сон, Констанца с наслаждением вдохнула запах чисто выстиранного и высушенного на морозном ветерке постельного белья и ещё раз с благодарностью подумала о Ласси и Джеймсе.

Встали затемно. Позавтракали творогом с молоком и вчерашним хлебом. Констанца чувствовала себя отдохнувшей. В душе царили спокойствие и умиротворённость, лишь в глубине жила тревога. Всё же, она надеялась, что ей удастся найти сына данны Эдиты.

Распрощавшись с гостеприимной хозяйкой и оседлав сытую и довольную Весту, девушка вновь направилась по дороге, ведущей в город. Несмотря на ранний час, движение было оживлённым. В город тянулись телеги, гружённые мороженой рыбой, тушами быков и коров, битой птицей, бочонками с вином, мешками с крупой и овощами, большими глиняными мисками с творогом и маслом. Зачастую рядом с подводами ехали вооружённые всадники. Хотя на дорогах лордства было спокойно, но время от времени торговцы, всё же, сталкивались с грабителями. Так что бережёного Всеблагой бережёт.

Констанца пристроилась в хвост такому обозу и не спеша ехала вслед за телегами и всадниками.

В одной из деревень, встретившихся на пути, она пообедала большим куском колбасы с хлебом и запила сидром из бутылки, заботливо уложенной в мешок кем-то из мужчин. То ли Джеймсом, то ли Ласси. Веста тоже была накормлена и напоена.

И опять Констанца покачивалась в седле. За долгие скучные часы она привыкла к мужской одежде, обдумала, что расскажет данну Отису, сыну святого отца и данны Эдиты. Девушка решила, что, пожалуй, не следует подробно рассказывать о своих зловключениях малознакомому мужчине. Она молила Всеблагого, чтобы данн Отис согласился поговорить с пожилой дамой, которая предлагала Констанце работу. Будущее представлялось ей определённым и довольно безоблачным. Она немного приуныла, когда подумала, что вероятно никогда не сможет выйти замуж. Едва ли найдётся мужчина, который согласится жениться на ней, зная, что она была любовницей лорда Нежина.

Воспоминания о той единственной ночи с болью, отвращением, пятнами крови и липкой лужей на простынях совершенно испортили настроение. Она поёжилась, отгоняя неприятные мысли.

Внезапно впереди послышались громкие крики, телеги и брички стали сворачивать к обочинам, освобождая середину. Констанца увидела, как слева, с боковой дороги, на основную, по которой она ехала, выскочил отряд всадников. К своему ужасу в переднем она узнала лорда Нежина. Её сердце забилося, как пойманная птица. Спрятаться было некуда, оставалось ехать за телегами в надежде, что её не узнают. Она надвинула поглубже капюшон плаща, ссутулилась, низко опустив голову. Всадники проскакали рядом, даже не посмотрев в её сторону. Она лихорадочно думала, что хозяин замка возвращается домой раньше на целые сутки, а значит, уже завтра к вечеру за ней отправится погоня.

Всадники скрылись за поворотом дороги, а Констанца задумалась. По всему выходило, что уже вечером она будет в городе.

Она не знала, что один из проезжающих стражников лорда Нежина сказал скачущему рядом сослуживцу: — послушай, а ведь парнишка, который едет за последней телегой, сидит на лошади из конюшни Его милости! Я даже знаю, как зовут кобылу: Веста, по-моему. Похоже, хозяина в его отсутствие обокрали.

Приятель лениво ответил: — ну и что? Небось, не обеднеет Его милость. Он и не знает наверно, сколько лошадей стоит у него на конюшнях. Я бы, на твоём месте, не стал ему ничего говорить. Твоё дело сторона, а за лошадьми пусть конюхи смотрят. — Первый стражник пожал плечами и подумал, что, пожалуй, сослуживец прав. Не его это дело.

А Констанца пребывала, как в лихорадке. Время от времени она привставала на стременах, в нетерпении ожидая появления городских стен. Но прежде пришлось сделать ещё одну остановку. Лошадь нуждалась в отдыхе, да и сама всадница еле сползла с седла.

Уже в темноте показались высокие городские стены. Она в панике подумала, что пока въедет в город, окончательно стемнеет.

Очередь из телег, бричек и всадников двигалась быстро. Стражники у открытых городских ворот собирали въездную пошлину, равнодушно спрашивая о причине посещения Гваренета. Девушка сунула в протянутую к ней руку два медяка и пробормотала, что едет в книжную лавку забрать заказанные книги. Стражник махнул ей, чтобы проезжала побыстрее и не задерживала очередь. Констанца толкнула Весту каблуками сапог и миновала ворота.

Город раскинулся перед ней десятком улиц и переулков. Ярко горели фонари на столбах и у дверей домов, разноцветные фонарики болтались над дверцами проезжающих мимо карет и витринами лавок.

Зачарованная, Констанца слезла с лошади и медленно пошла по ближайшей улице, ведя Весту в поводу. Чем дальше она углублялась в город, тем шире становились улицы, выше и красивее дома. Толпы нарядно одетых людей неторопливо текли по тротуарам. По дороге мчались кареты и открытые коляски, гарцевали всадники в богатых одеждах, на сытых, холёных лошадях.

Констанца нерешительно обратилась к важному полному мужчине, который медленно шёл по тротуару, опираясь на массивную резную трость: — извините, ваша милость, не подскажете ли мне, как найти улицу Принцессы Орланды?

Мужчина внимательно посмотрел на неё и сурово сказал: — а позволю себе спросить юного данна, что ищет он на этой улице?

Она окончательно смутилась и пролепетала: — мне нужен дом данна Отиса, начальника канцелярии Градоправителя. Я... привёз ему... письмо от его родителей...

— Ну — ну, я знаю данна Отиса. А где живут его родители?

Констанца поняла, что мужчина, от скуки, решил устроить ей проверку. Она решительно ответила: — его родители живут в деревне Вишняки! И данн Отис знает меня!

Ещё раз окинув девушку взглядом, мужчина указал тростью: — ступай по этой улице. В конце её будет городской парк. Обойди его справа. Там будет улица Принцессы Орланды.

Торопливо поблагодарив мужчину, Констанца потянула Весту за собой. Можно было бы ехать на лошади, но тогда пришлось бы двигаться по дороге, уворачиваясь от карет, бричек и скачущих всадников. Она не знала, сможет избежать столкновения.

Спустя полчаса Констанца стояла у дверей двухэтажного дома из красного камня и старалась унять бурно колотящееся сердце. Дом имел широкое крыльцо с колоннами и небольшой сад по обе стороны. Окна были темны, лишь светились два на первом этаже. Страх закрался в её душу, но она постаралась успокоить себя мыслью, что, возможно, хозяева находятся в комнатах, выходящих окнами в сад. Или они уехали в театр, например.

Вздыхнув, Констанца потянула за шёлковый витой шнур. В глубине дома она услышала далёкий звон колокольчика. В тишине раздались неспешные шаркающие шаги, дверь открылась. На пороге стоял высокий худой старик в бордовой трекотте, расшитой золотой ниткой, чёрных брюках из тонкой шерсти и лёгких тапочках. Он строго посмотрел на Констанцу: — Что угодно данну?

— Э-э, мне нужен данн Отис. Я приехал из Вишняков и мне нужно с ним поговорить!

Старик покачал головой: — хозяев нет дома. Сегодня у данна Отиса начались каникулы, и утром он с семьёй отбыл к родителям в те самые Вишняки. Как ни жаль, вы где-то с ним разминувшись.

Такого Констанца не ожидала. Одна — одинёшенька в чужом ночном городе. Она растерялась, неуверенно спросила: — а... не скажете, когда он приедет?

— Данн Отис с семьёй приедут через неделю. — Слуга стоял, ожидая новых вопросов, а девушка в панике почувствовала, как глаза наполняются слезами. Старик, кажется, проникся её состоянием, его голос смягчился: — я прошу меня извинить, что не приглашаю вас в дом, но у хозяина строгие правила: в его отсутствие мы не пускаем посторонних людей. У вас есть, где переночевать? — Констанца отрицательно помотала головой, не в силах сдержать горестный всхлип. Старый слуга окончательно растрогался:

— ну — ну, не расстраивайтесь так, молодой человек! Здесь, неподалёку, есть неплохая таверна, “Кружка наёмника”. Наверху у хозяина есть недорогие комнаты. Вы могли бы пожить эту неделю там. Готовят в таверне тоже вполне съедобно. Я отправлю с вами провожатого, чтобы вы не заблудились.

Констанца уже справилась со слезами и горячо благодарила старика за заботу. На самом деле, почему бы и не пожить в таверне, если там не слишком дорого? В мешочке, переданном ей Ласси, было с десяток серебряных монет и около тридцати медных. Правда, медные она поистратила, ночуя в посёлке охотников и уплатив пошлину при въезде в город. Теперь ей нужно быть поэкономнее. Придётся не ужинать, а может быть, и не завтракать. Девушка подумала, что вполне сможет, время от времени, покупать пирожки с лотков уличных разносчиков. Она видела их, когда добиралась на улицу Принцессы Орланды.

Слуга скрылся в доме, не забыв закрыть за собою дверь, а спустя некоторое время Констанца, сопровождаемая шустрим мальчишкой лет десяти, внуком старика, бодро шла по тёмной аллее городского парка, направляясь к таверне “Кружка наёмника”.

Мальчуган распрощался с ней у массивных дверей, ведущих внутрь довольно неказистого, сложенного из серого, грубо обработанного камня, дома. Его окна были ярко освещены, а из полуоткрытых дверей тянуло теплом и запахом жареного мяса. Констанца сглотнула слюну. Только сейчас она поняла, что голодна и устала. Теперь она не была столь уверена в благополучном исходе своего путешествия и со страхом думала, куда ей податься, если в таверне не будет свободных комнат.

Путница привязала лошадь к коновязи и толкнула дверь. Небольшой зал таверны был довольно уютным. По стенам, в четырёхрожковых подсвечниках, горят толстые свечи. В большом очаге над открытым огнём жарится на вертеле тушка поросёнка. Пол засыпан не слишком грязными опилками, а на столиках, в маленьких глиняных вазочках стоят веточки вечнозелёного кустарника.

Из полутора десятков столов занята лишь половина. У дальней стены, из-за стойки с напитками, на Констанцу выжидающе смотрел невероятно толстый мужчина. С бьющимся сердцем девушка направилась к нему: — благословение Всеблагого этому дому, милостивый данн! — она неглубоко поклонилась мужчине. У того в округлившись глазах появились смешинки:

— ты, парень, деревенский житель, как я погляжу!

Констанца смутилась: — ну... да..., я только сегодня приехал в Гваренед. Вот, хотел бы узнать, нельзя ли остановиться у вас на несколько дней? А как вы узнали, что я из деревни?

Мужчина засмеялся: — ни один городской житель не станет так уважительно здороваться с хозяином таверны! Уж кланяться — то точно не будет!

Девушка пожалала плечами. Данна Эдита всегда внушала ей: хочешь расположить к себе человека — отнесись к нему с уважением. Она повторила: — а на комнату я могу надеяться? И... на ужин?

Хозяин кивнул: — свободные комнаты есть. Сколько ты хочешь пожить у меня?

— Ну-у... дней семь, пожалуй. И ещё у меня лошадь...

— Хорошо. Три медных монеты в день. Овёс и сено для лошади — ещё монета ежедневно. Конюшня бесплатно. Еда за отдельную плату.

Констанца прикинула, что ей хватит денег, чтобы заплатить за себя и за Весту. А вот питание... Она решила, что сегодня поужинает, а завтра определится, от чего откажется: от завтрака или ужина.

Миловидная подавальщица проводила девушку в комнату и, пообещав прислать кого-нибудь с водой для мытья, убежала в зал.

Констанца присела на кровать и осмотрелась. Комната была маленькой. Узкая кровать, стол, стул, за ширмой большая бочка для мытья, там же таз, кувшин с водой, крохотный кусочек серого вонючего мыла, на полу вытертый и довольно грязный ковёр. Всё же она надеялась, что конец её пути близок. И, она не могла скрыть радостной улыбки, лорд Нежин не сможет её найти!

Вскоре пришёл молодой мужчина и принёс большие вёдра с горячей, даже слишком, водой. А чуть позже — с холодной. Но вначале Констанца решила поесть.

Она спустилась в обеденный зал, где по-прежнему сидели те же люди: несколько наёмников, торговцы, возчики, мастеровые. Она присела за ближайший столик. Подавальщица подошла к ней, спросила, будет ли уважаемый данн есть жареное мясо с отварным картофелем? Или, может, подать овощной суп? Ещё есть тушённая в маринаде рыба. Голодная Констанца попросила принести мясо и суп и спросила, накормили ли её лошадь? Её уверили, что лошадь вычищена, поставлена в конюшню и накормлена. Всё же Констанца решила, что попозже обязательно сбегает к Весте.

После сытного ужина почувствовала, что за день устала, но всё же наведалься в конюшню. Лошадка была устроена, и Констанца со спокойной душой отправилась в комнату. Она вымылась, а потом выстирала снятое с себя бельё, вскользь пожалев, что не сообразила взять смену. Конечно, ни Ласси, ни Джеймс даже и не подумали ей подсказать.

Она с наслаждением вытянулась на чистой постели и лениво подумала, что, пожалуй, всё складывается не так уж и плохо.

Лорд Нежин задумчиво постукивал пальцами по подлокотнику кресла. В другой руке он держал полный бокал вина, в котором лишь смочил губы. Настроения совершенно не было. Малышка сбежала, перехитрив его.

Он с радостью возвращался домой. Казалось, всё обстоит великолепно. Лорд Анастэзи был трусоват, и приезд агрессивно настроенного соседа с десятком стражников помог ему принять правильное решение. Он пообещал, что отныне отказывается от своих притязаний на пограничную деревню, но намекнул, что было бы правильно, если бы он что-то получил взамен. Поскольку лорду Нежину не хотелось отдавать ни лес, ни породистых лошадей, ни участок реки, он, не мудрствуя, предложил соседу тысячу золотых. Лорд Анастэзи с удовольствием согласился, благо и сам предпочитал наличные.

Лорд Нежин торопился домой, предвкушая встречу с Констанцей. Её спинка, наверняка, зажала, так что в ближайшую ночь он сполна вознаградит себя за вынужденное воздержание. Он с удовольствием вспоминал её сладкие губы, чистый запах тела, расширенные от страха глаза, упругую тесноту девичьего лона и чувствовал, как тяжестью и жаром желания наливается его плоть.

Соскочив во дворе замка с коня, он бегом поднялся в её комнату, представляя, как будет её целовать, сжимая в своих объятиях.

Комната была пуста. В растерянности он сел на кровать. В спальню заглянула домоправительница и молча встала перед хозяином. Он поднял голову: — где она, Анхель?

— она сбежала, Ваша милость. — Голос женщины дрожал, она боялась поднять на него глаза.

Он глухо спросил: — когда?

— мы не знаем, Ваша милость. Её просто не стало и всё.

Он тяжело встал, прошёл в свои комнаты. Его ждал Ласси, горячая вода и чистая одежда. Но прежде он вызвал начальника стражи и приказал отправить всех на поиски девчонки.

— Перетряхните всю деревню, выверните наизнанку домишко ведьмы в лесу, но найдите её. — Его тихий, безжизненный голос пугал людей сильнее, нежели угроза жестокого наказания. Стражники выехали в ночь, двор замка опустел, а хозяин заперся в спальне.

Посланные вернулись утром. Начальник стражи вошёл в гостиную, где в ожидании сидел лорд Нежин: — её нет, Ваша милость. Мы перерыли всю деревню и старухин дом в лесу, с трудом отбили от её отца, который, как безумный, налетал на стражников с топором. Её нет, и она не появлялась в деревне.

Лорд Нежин посмотрел на него мёртвым взглядом, тихо сказал: — ты свободен, уходи.

Начальник стражи, пятась, вышел в коридор.

Теперь Его милость сидел с полным бокалом вина и совершенным отсутствием мыслей в голове. Тихо вошёл Ласси и, бесшумно передвигаясь по спальне, стал стелить постель. Лорд Нежин поднял голову и задумчиво спросил: — как ты думаешь, Ласси, она жива?

Слуга улыбнулся краешком губ: — Ваша милость, откуда такие мрачные мысли? Я думаю, что Констанца жива.

— А почему я не могу её найти? Я боюсь..., что она погибла в лесу.

Ласси пожал плечами, потом спросил: — если вы её найдёте, что её ждёт, Ваша милость? Опять плеть?

Лорд Нежин тихо ответил: — я женюсь на ней, Ласси.

Слуга удивлённо, молча смотрел на хозяина.

Глава 8.

Уже четыре дня Констанца жила в Гваренедде. Она выходила из таверны только в сумерках, опасаясь встретить знакомых. Этот город был ближайшим к её деревне, всего в трёх днях пути, поэтому жители побогаче время от времени навещали на его базары и в лавки.

Деньги таяли, как снег в солнечный весенний день, и она со страхом думала, что ей делать, когда они закончатся. У неё появлялись мысли поискать временную работу и, преодолевая смущение, она робко спросила о ней хозяина таверны, неповоротливого и громкоголосого данна Линдсея. Тот понятливо кивнул и ответил, взглядываясь в бледное личико и тонкие черты лица парнишки: — моему работнику нужен помощник, данн Стан. Только едва ли у тебя хватит силёнок, чтобы колоть дрова для обогрева комнат и закатывать в погреб привезённые бочки с вином.

Приунывшая девушка понимала, что искать работу прислуги в доме совершенно бесполезно. У неё не было денег, чтобы купить женское платье, она не собиралась устраиваться надолго, а самое главное, у неё не было рекомендаций! При всей своей наивности и неопытности, она понимала, что никто и никогда не примет в дом прислугу, даже и посудомойку, не удостоверившись, что она не ограбит хозяев.

Констанца урезала расходы на питание, лишь обедая в таверне. На завтрак и ужин она покупала с лотков уличных разносчиков по паре пирожков, запивая их колодезной водой. Она думала, что вскоре ей придётся отказаться и от обеда. Она могла бы продать лошадь, но думать об этом не хотелось. Во-первых, они с Вестой очень привязались друг к другу, а во-

вторых, ещё неизвестно, как сложится её жизнь. Теперь Констанца уже не была столь уверена в безоблачном будущем.

После некоторого размышления Его милость сообщил Ласси, что он отправил десяток стражников в Гваренед. Он приказал им объехать все гостиные дворы, таверны и дома, хозяева которых сдают комнаты внаём. Кроме было дано письмо к Градоправителю, в котором тому предписывалось организовать поиск беглянки. Домоправителю городского дома указания были даны более подробные. Он должен обеспечить прибывших стражников питанием и проживанием. После поимки Констанцы отправить её в карете, под охраной и в сопровождении служанки в замок. Проследить, чтобы девушка была тепло одета и ни в чём не нуждалась.

Довольный собой, лорд Нежин вопросительно посмотрел на слугу: — как ты думаешь, я ничего не забыл?

— Нет, Ваша милость, вы всё предусмотрели, кроме одного: едва ли Констанца согласится выйти за вас замуж.

Хозяин фыркнул: — дочь кузнеца откажет лорду?? Ты совсем спятил, Ласси! Кроме того, я знаю, что нравлюсь ей! Как только её привезут, я прикажу привезти священника из храма Всеблагого. Мне надоело гоняться за ней. Я хочу, чтобы она всегда была рядом со мной.

Констанца считала дни. Сегодня пошёл шестой. Ещё чуть-чуть, и можно наведаться в дом на улице Принцессы Орланды.

За время, проведённое в городе, она неплохо его изучила. Не раз гуляла по городскому парку, а потом ноги сами несли её к дому данна Отиса. Но окна были темны, а на присыпанной снегом дорожке не появлялось следов.

В один из вечеров она осмелилась пойти к резиденции лорда Нежина. Площадь короля Рихарда IV окружена великолепными большими домами. Но, бесспорно, самым красивым был особняк его милости. Трёхэтажное здание выходило на площадь парадным крыльцом. Две статуи драконов из голубоватого мрамора поддерживали над ним козырёк. Четыре башенки по углам дома, увитые затейливым каменным узором, вздымались в тёмное небо островерхими крышами. Стены из белого, гладко отполированного камня сияли и искрились в свете фонарей. За домом, окружённый ажурным кованым забором, дремал зимним сном заснеженный сад.

Длинный ряд окон первого этажа был освещён, на плотных шторах мелькали тени.

Констанца долго стояла на другой стороне площади, в тени арки, пока её не спугнула въезжающая карета.

Этот день был последним в её ожидании. Завтра можно наведаться на улицу Принцессы Орланды. Если счастье не окончательно отвернулось от неё, данн Отис с семьёй не станет задерживаться в гостях и вернётся домой.

Констанца позавтракала в своей комнате вчерашним пирожком с капустой и запила его водой из кувшина на столе. Вздохнув, посмотрелась в маленькое зеркало за ширмой. Волосы отросли, и их приходилось завязывать ленточкой в короткий хвостик. Лицо осунулось, побледнело, под глазами залегла синева. До обеда она занималась тем, что чинила брюки. Выпросив у Косты, подавальщицы, нитки и иголку, подшила обтрепавшиеся штанины,

защопала дырку на колене. Полюбовалась на свою работу: шпопку было почти незаметно.

Ей до смерти надоела её одежда с чужого плеча, но, к сожалению, выхода не было. Её природный оптимизм и жизнелюбие не позволяли девушке надолго впасть в депрессию, а потому Констанца подумала, что ей нужно набраться терпения и подождать. Её жизнь обязательно изменится к лучшему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она спустилась в обеденный зал и заняла привычный столик у лестницы. Попросив у Косты принести ей самое дешёвое на сегодня блюдо, она осторожно посмотрела по сторонам. Обычно народу в таверне было немного. Что поделаешь — не сезон. Зимой сокращалось количество торговых обозов, наёмники старались не менять нанимателей и не искать лучшей жизни, колеся по лордствам. Даже паломники предпочитали поклоняться святым местам в тёплое время года.

Сегодняшний день не стал исключением. Зал таверны был наполовину пуст. В центре, за двумя сдвинутыми столами праздновали успешное окончание контракта наёмники. Дюжина мужчин с грубыми, обветренными лицами, хриплыми простуженными голосами громко хохотали, гремели пристёгнутыми к поясам мечами, стучали по столу тяжёлыми глиняными кружками с крепким вином.

Чуть подальше от них трое возниц, неизвестно, как забредших в эту таверну и которых можно было узнать по заткнутым за пояс кнугам и характерным островерхим шапкам, чинно беседовали, обгладывая жареную утку.

Напротив Констанцы, за столиком, одиноко сидел мужчина лет тридцати. Навалившись грудью на стол и широко расставив локти, он шумно, с жадностью хлебал густую мясную похлёбку, регулярно откусывая по большому куску от целого круглого хлеба. Констанца не видела толком его лица, но чёрные, как вороново крыло, длинные, грязные, небрежно завязанные таким же грязным шнурком волосы, грязная и мятая, в пятнах, потрёпанная одежда, замызганный плащ с вытертым мехом, брошенный на спинку стула, а поверх него кожаный широкий пояс с длинным и даже на вид тяжёлым, мечом с рукоятью, обмотанной затёртым кожаным же, ремнём — всё просто кричало, что перед ней тоже наёмник. Не самый удачный, не богатый и, вдобавок, смертельно уставший и голодный.

Тем временем мужчина дочиста опустошил немаленькую миску с похлёбкой и с энтузиазмом придвинул к себе тарелку, полную жареного мяса с картошкой. Одновременно он окинул настороженным взглядом зал и наткнулся на любопытные глаза Констанцы. Растерявшись, она не успела их опустить. Наёмник нахмурил чёрные густые брови, обветренные тонкие губы сурово сжались, а глаза, которые оказались такими же чёрными, как волосы, раздражённо глянули на неё. Она почувствовала, что краснеет и поспешно уткнулась в свою тарелку. Когда, некоторое время спустя, девушка посмела осторожно посмотреть на соседа, он уже вымакал куском хлеба остатки соуса, а затем, благодушествуя, откинулся на спинку стула, лениво пожёвывая, в качестве зубочистки, кусочек веточки, отломленной от стоящей на столике. Констанца заметила обломанные, с чёрной каёмкой, ногти.

Внезапно дверь с шумом распахнулась. Взгляды всех, сидящих в зале, уставились на вошедших. Кровь отлила у Констанцы от лица. Десяток стражников лорда Нежина ввалились в таверну. Первым шёл Кром.

Ален устал, как целая стая гончих, загоняющих оленя. Серьёзно задумался и решил, что

сравнивать его противников с оленем — значит оскорбить благородное животное. Он не мог припомнить ни одного хищника, который так же, как его враги, нападал бы подло, исподтишка. Оставив это занятие, Ален сосредоточился на мясной похлёбке. Уже много дней он не ел нормальной еды. Бывало, что за целый день ему перепадал лишь завалившийся в мешке кусок хлеба и горсть снега вместо воды.

Добравшись, наконец, до Гваренета, Ален сразу же направился в “Кружку наёмника”. Бросив поводья работнику Линдсею, он приказал тщательно вычистить Грома и накормить его. — Да не забудь принести ему воды! — Крикнул он след парню, уводящему в конюшню коня.

Линдсей только головой покачал, увидев грязного, исхудавшего и потрёпанного Алена. Тот упал на стул, кое-как содрал с себя плащ и отстегнув пояс с мечом. Хозяин таверны уже стоял у стола, укоризненно глядя на гостя. Ален устало улыбнулся: — всё в порядке, дружище. Сейчас есть, потом мыться и спать. — Он был счастлив. Три месяца он метался в одиночку по королевству Семи Холмов, боясь не успеть, не отследить, пропустить. Его люди тоже не бездельничали, но дело было слишком серьёзным, чтобы он перекладывал его на чьи-то плечи. Теперь он знал всё. Кто, когда, сколько.

Линдсей принёс похлёбку. Куски мяса в ней восхитили Алена, да и пахла она великолепно. Мысленно махнув рукой на приличия, он приступил к еде. Закончив с похлёбкой, он задумался о том, не попросить ли добавки, но решил, что съест второе блюдо, а перед ужином ему ничто не мешает сбегать на кухню и что-нибудь перекусить.

Уже некоторое время он чувствовал на себе внимательный взгляд. Поправив в рукаве треконды закреплённый там метательный нож, он придвинул к себе тарелку, где лежало изумительное жаркое, одновременно вскинув глаза. И...мысленно расхохотался. За соседним столом его разглядывала любопытными глазёнками девчонка! Тоненькая, худенькая, бледная до прозрачности, она изящно обгладывала крылышко цыплёнка и с некоторой долей осуждения наблюдала за его вульгарными манерами. Его взгляд застал её врасплох. Девочка покраснела и опустила глаза в тарелку, а он насмешливо подумал, что девица, видать, сбежала из дома в поисках приключений. Конечно, её мужской костюм кого-то может и обмануть, но не его, видящего суть вещей.

Наконец Ален почувствовал приятную сытость. Он отломил веточку от какого-то кустика на столе и мысленно усмехнулся: — Линдсей-то у нас не чужд прекрасному. Веточка хорошо пахла и он, неизвестно почему, подумал, что шейка у этой девчушки тоже, наверно, пахнет свежестью и чистотой. Ему окончательно стало смешно, но тут дверь с шумом распахнулась, и в таверну ввалились наёмники.

Десяток крупных, высоких мужчин в меховых плащах, высоких сапогах, с мечами, цепляющимися за шпоры, встали у дверей, оглядывая зал. Ален внутренне насторожился, не меняя расслабленной позы, незаметно потянул к себе пояс с мечом. Мельком удивлённо отметил, как побледнела и съёжилась, стараясь стать незаметной, девушка.

Один из стражников, дюжий краснорожий громила скабрёзно ухмыльнувшись, шагнул к ней и, ухватив за плечо, вздёрнул со стула: — всё, хватит бегать! Его милость тебя ждёт! — Он расхохотался. Стражники стояли молча.

Девушка отчаянно отбивалась, но не кричала. Она пыталась дотянуться кулачками до лица громилы, но он легко схватил кисти обеих её рук своей ладонью, а другой рукой обхватил за талию. Она билась в его руках, пытаясь укунить или пнуть по ногам, но силы были неравны.

Ален с любопытством наблюдал за схваткой, предполагая, что стражники отца настигли, наконец, беглянку и теперь ей грозит возвращение под кров отчего дома. В этот момент девушка, которую краснорожий поволок к двери, бросила умоляющий взгляд на Алена. И столько ужаса было в её глазах, что он нахмурился и нехотя встал из-за стола.

Когда он вышел на крыльцо, стражники садились на коней. Краснорожий громила сражался с девушкой, пытаясь то ли связать её, то ли завернуть в плащ. Остальные не спешили ему на помощь. Ален встал на крыльце, ещё не решив, стоит ли ему ввязываться в чужие дела. В этот момент он поймал отчаянный взгляд девушки и неожиданно для самого себя сказал: — отпусти девушку, наёмник! — Он увидел, как удивлённо взметнулись её брови, и улыбнулся краешком губ. Глупышка думала, что она и вправду похожа на мужчину.

Стражник остолбенел, а Ален, предвидя всё, что последует, лениво зевнул: ужасно хочется спать после такого сытного обеда, и повторил: — отпусти девчонку, болван. Видишь, она не хочет с тобой ехать.

Кром, нагло улыбающийся, довольный, грубо схватил её за плечо и дёрнул вверх. Она попыталась ударить его кулаком в лицо, но он схватил её за запястья рук и прижал к себе. Констанца понимала, что кричать бесполезно. Ей никто не придёт на помощь. Наёмники в центре зала развернулись на стульях, грязными шутками и смехом подбадривая её похитителей. Сосед напротив тоже не торопился её спасать, да и что он мог сделать один против десятка. Всё же она сопротивлялась изо всех сил, и ей даже удалось пару раз ощутимо пнуть Крома, на что он, зашипев от боли, пообещал спустить с неё шкуру, когда привезёт домой.

Она удивилась, что стражники не помогали ему, и даже когда Кром стал обматывать её верёвкой, остальные сделали вид, что заняты своими конями.

Констанца понимала, что пропала. Отчаяние захлёстывало её, ей хотелось завывать в голос, закричать, но она знала, что её страх радует Крома, поэтому она молчала, сжав зубы и продолжая биться в его медвежьих тисках.

Он, ругаясь и проклиная, волок её к лошади. Вдруг дверь тихо открылась, и на крыльцо вышел сосед, которого она так невежливо разглядывала. Констанца выбилась из сил. Ей хотелось позвать его на помощь. Внезапно он спокойно сказал: — отпусти девушку, наёмник! — Она удивилась краем сознания, но думать о том, как он догадался, не было возможности. Кром, поражённый вмешательством мужчины, остановился. Констанца рванулась, но он держал крепко, а тот зевнул и повторил: — отпусти девчонку, болван. Видишь, она не хочет с тобой ехать.

Кром взревел, как раненый зверь. Отбросив Констанцу к стражникам, он кинулся к мужчине, на ходу выдернув меч из ножен. Мужчина тихо повёл рукой, насмешливо глянул Крому в глаза. Тот побелел, резко остановился и стал пятиться назад. Поражённая Констанца увидела, как меч в руках стражника покрылся ржавчиной, затем от него стали отваливаться куски, и вскоре он осыпался ржавой пылью, оставив в руках Крома рукоять.

Стражники, недовольные таким поворотом дела, тоже потянули мечи из ножен. Мужчина перевёл на них взгляд, вздохнув, резко провёл рукой справа налево. Констанца, пользуясь всеобщим замешательством, рванулась к крыльцу. Мужчина кивнул ей и указал на дверь за своей спиной.

Стражники, чьи мечи тоже осыпались ржавой пылью, отступали к коням, с ужасом глядя на него: — ведьмак! Колдун!

Ален спокойно смотрел, как люди торопливо садились на коней, а потом вернулся в таверну и, поймав укоризненный взгляд Линдсея, подмигнул ему и сказал: — раз уж мой сон откладывается, тащи мне кружку чего-нибудь покрепче, — и, переведя взгляд на сидящую за его столом Констанцу, добавил: — а девочке сидра.

Пока не принесли заказанное, они молча сидели друг против друга. При этом Констанца, видя его полный иронии насмешливый взгляд, низко опустила голову, скрывая слёзы.

Наконец, перед ними поставили кружки, и мужчина сказал: — меня зовут Ален. Можешь даже обращаться на “ты”, я не возражаю. Как твоё имя?

Не поднимая головы, она тихо ответила: — Констанца. — Опять воцарилось молчание.

Ален фыркнул. Это начинало его раздражать. Он смертельно устал и хочет спать. А ещё ему просто необходимо вымыться. Он прямо физически чувствовал, как грязь коркой покрывает его. Кроме того, ему срочно нужно возвращаться в столицу, дело не терпит промедления. К сожалению, в его планы непрошено ворвалась беглая девица. Теперь она сидит перед ним, потихоньку льёт слёзы и молчит.

Он с досадой сказал: — хорошо, Констанца. А дальше? Не заставляй меня жалеть о вмешательстве. Кто ты? Непослушная дочь, сбежавшая из дома? Неверная невеста? Рассказывай! Иначе, когда эти люди вернутся с подкреплением, я не стану тебя защищать.

Она вскинула на него испуганные глаза: — прошу вас, не бросайте меня, данн Ален! Завтра утром я уже смогу уйти из таверны!

Ален поморщился: — я сказал тебе, что обращай ко мне по имени, без ”данна”. Ну, не хочешь на “ты” — дело твоё. Но рассказать тебе придётся. Я не хочу чувствовать себя преступником, укрывающим беглую дочь.

Констанца послушно кивнула: — хорошо,... Ален. — Она рассказала о своей коротенькой жизни до встречи с лордом Нежином, умолчав только о том, при каких обстоятельствах она произошла. Ей показалось нескромным сообщать незнакомцу, что она спасла жизнь лорду дар Кремону. Впрочем, он не был расположен слушать подробности. Она запнулась, когда пришлось рассказывать о пристрастии его милости к молоденьким девушкам. Ещё тяжелее было вспоминать о своём похищении последующих событиях. Кажется, её спаситель всё же заинтересовался историей, он даже перестал неприлично, во весь рот, зевать. И, нахмурившись, покачал головой, когда она, собрав всё своё мужество, дрожащим голосом рассказала о наказании и последующем бегстве.

Когда Констанца, наконец, замолчала, пряча руки на коленях, чтобы он не заметил, как, в волнении, стискивает она пальцы так, что побелели косточки, Ален сказал: — стражники обязательно вернутся. Возможно, сегодня вечером. Твой данн Отис тебя не спасёт. В конце концов, градоправитель всего лишь служащий лорда Нежина. Я уж не говорю про начальника канцелярии. Так что, Констанца, тебе надо уезжать. И лучше в столицу. Но, думаю, миновать городские ворота будет не так просто. Стражники лорда дар Кремона наверняка уже стоят рядом с городскими.

Констанца растерялась. О, Всеблагой! Как плохо быть женщиной! У неё нет денег, ей неоткуда ждать помощи, ей не скрыться от преследования его милости.

Ален внимательно наблюдал за ней. От него не ускользнули дрожащий подбородок и прикушенная нижняя губа, широко распахнутые глаза и отчаянное стремление сдержать слёзы. Он одобрительно подумал, что девочка не падает духом, не срывается в женскую

истерику, а ищет выход. Но едва ли его найдёт. Он с иронией подумал, как права его матушка, пеняя ему на то, что он всегда ввяжется в историю, которая его не касается. Вслух сказал: — Констанца, если хочешь, ты можешь ехать со мной. Я еду в столицу. По прибытии я могу поселить тебя к своим родителям, а потом мы что-нибудь придумаем.

Он даже улыбнулся, видя какой неприкрытой радостью вспыхнули её глаза: — о, ... Ален, спасибо вам! Если вы возьмёте меня с собой, я обещаю, что вы даже не заметите моего присутствия! — Внезапно она, сникнув, прошептала: — но ведь у меня совсем нет денег... Я, конечно, могу продать лошадь, но тогда мне не на чем будет ехать...

Нет, положительно, она ему нравилась! Вместе с наивностью и глупостью молодости, в девчонке проглядывали неплохие задатки. Другая на её месте охотно взвалила бы на его плечи все заботы о ней, и думать бы не думала о возникших проблемах.

— Констанца, давай, мы с тобой договоримся. Я оплачиваю все наши расходы, а потом, когда ты найдёшь в столице работу, ты постепенно со мной рассчитаешься. Договорились?

Как обрадовалась девочка! А глазки у неё очень живые, выразительные. В них легко можно прочесть все её мысли и чувства.

— Ален, пожалуйста, поверьте, я обязательно с вами расплачусь! Только вот... — она смущённо улыбнулась, — найдёте ли вы столько денег, чтобы платить за двоих...

Ну да, видок — то у него ещё тот. — Не беспокойся, мы будем очень экономны.

Она согласно кивнула головой, а спаситель встал из-за стола и направился к стойке, за которой на высоком табурете восседал хозяин таверны. Переговорив о чём-то с Линдсеем, спаситель вернулся к столу, скомандовал: — пошли! — И, не оборачиваясь, двинулся к лестнице. Констанца поплелась за ним. Пройдя в конец коридора, он открыл ключом дверь и, пропустив девушку вперёд, вошёл сам. Она услышала, как сзади щёлкнул замок и внутренне сжалась. Наёмник, конечно, заступился за неё, но неизвестно, что у него на уме. Он поймал её опасливый взгляд и подумал, что девочка итак напугана, а он ведёт себя просто по-хамски. Ален мягко сказал: — Констанца, пока ты со мной, тебе нечего бояться. Но я очень устал и мне надо немного поспать. Я планировал ещё вымыться, но к моему великому сожалению, времени совершенно нет. Так что сейчас я ложусь. Ты можешь тоже прилечь на эту же кровать, места нам хватит. Ближе к вечеру мы уедем. Линдсей всё подготовит. Но сейчас — спать! — С этими словами он, кое — как стянув сапоги, упал на кровать. Лёжа на животе, с закрытыми глазами передвинулся ближе к стенке. Спустя минуту он уже спал.

Констанца присела на стул и осмотрела комнату, куда привёл её Ален. Эта была чуть больше той, что занимала она сама, да кровать была двуспальной.

Мужчина дышал ровно и глубоко, лицо расслабилось, и Констанца подумала, что он выглядит почти красивым. Густые чёрные брови почти срослись на переносице, грязные волосы выбились из завязанного хвоста и падают на гладкий лоб, ровный нос, твёрдо сжатые губы. Она продолжала рассматривать его, отмечая невысокий рост, худобу и отпечаток крайней степени усталости, лежащей на нём. Падая на кровать, он неловко подвернул под себя руку, да так и уснул. Констанца подумала, что он обязательно её отлежит, и потом по руке будут бегать противные мурашки. В комнате стало прохладно, и она заметила, как наёмник поёжился, но не проснулся. Она встала, тихо сняла с вешалки

потёртый зимний плащ и осторожно его укрыла. Он сразу расслабился, вытянул из-под себя подвёрнутую руку. Посидев немного, Констанца тоже решила прилечь. Она нерешительно легла на бок, спиной к мужчине, и потянула на себя полу плаща. Сквозь сон

он слышал её, обнял, подвинув к себе и уткнувшись лицом ей в затылок. Наёмник был грязным и вонючим, но Констанца с удивлением поняла, что совершенно успокоилась и мужчина, мерно дышащий ей в волосы, не вызывает отвращения, а наоборот, глубоко ей симпатичен.

Глава 9.

Его милость был вне себя. Со сдерживаемым бешенством он смотрел на Крома, не смеющего поднять на хозяина глаза.

— Значит, вы просто уехали и оставили её в таверне??

— Ваша милость, там был ведьмак. Он превратил наше оружие в ржавую пыль. Мы ничего не могли сделать.

Ржавые обломки мечей валялись на ковре посредине кабинета. Лорд Нежин в гневе пнул их ногой. — От вас не требовалось нападать на него с оружием!! Чтоб Мрачный Косарь и все его нечистики побрали вас, дармоедов! Если бы вы вели себя вежливо с ним и девушкой, она уже была бы здесь! А ты, наверняка, тащил её и угрожал плетью! Он вынужден был вмешаться, болван ты этакий! — Он помолчал, собираясь с мыслями: — что было дальше, рассказывай, пока я не приказал выпороть тебя!

Кром поёжился: — мы, Ваша милость, на следующий день опять в таверну пришли, а хозяин, наглый такой, вначале вообще не хотел разговаривать. Я его малость припугнул, ну, он и сказал, что девушка и ведьмак ушли, а куда — он не знает. Я думал, они так, по городу шляют, вернутся к вечеру, у городских-то ворот все кареты осматривают и всадников проверяют, чтобы, значит, девчонка в мужской одежде не проскочила. Градоправитель-то распорядился, я на вас сослался. Но они так и не появились. Городские стражники потом сказали, что через ворота всего четыре кареты проехало, а остальные всё подводы были. Рыбу везли, мясо..., крупу какую-то. — Кром замолчал, подобострастно глядя на хозяина.

Тот поморщился: — ну, дальше!! Какие кареты, куда ехали? Подводы куда направлялись? Шевели мозгами, не то я плетью твой мыслительный процесс ускорю!

Стражник переступил с ноги на ногу: — а кареты, Ваша милость, всё знатным да известным людям принадлежали: — супруга градоправителя с дочкой в гости изволили отбыть, потом лекарь ихний вроде как к любовнице поехал, ещё настоятельница монастыря, матушка Рамона с сёстрами к источнику поехала, начальник городской тюрьмы с семейством тоже отбыл. А груз на подводах стражники палками потыкали и так, руками, поворошили.

Лорд Нежин совершенно успокоился: — как ведьмак выглядел, можешь описать?

— Парень не шибко заметный, — Кром пожал плечами, — ростом пониже меня будет, но жилистый, а взгляд нехороший, тяжёлый, прямо к земле гнёт. Брови чёрные и волосы тоже. Ещё губы помню, тонкие, ехидные, он их всё кривил, улыбался вроде как. Одежка на нём совсем плохая, затрёпанная, грязная, наёмники и то лучше одеты.

Отпустив Крома, Его милость задумался. В королевстве Семи Холмов он знал только одного ведьмака и по описанию тот вполне подходил, но что он делает так далеко от столицы? Может, приехал навестить родственницу? Лорд Нежин усмехнулся и покачал головой. Нет, едва ли. А настоятельница — то какова, а? Та ещё любительница приключений.

Уже два часа на дороге, ведущей в столицу, мягко покачивалась роскошная карета. Сидящая на сиденье, оббитом малиновым бархатом Констанца, украдкой посматривала на

полную пожилую женщину в чёрном монашеском одеянии. Настоятельница женского монастыря святой Рубекии, матушка Рамона, ответила ей спокойным, безмятежным взглядом и вновь углубилась в чтение какого-то романа.

Констанца заново переживала все события вчерашнего дня.

Она лежала, притиснутая к телу наёмника его тяжёлой рукой и пребывала в глубокой растерянности. Её немного сердило, что он обращается с ней, как с маленькой девочкой, но она не смела протестовать. Даже себе она не хотела признаться, насколько это приятно, и какое облегчение доставляет тот факт, что заботу о ней в такой нелёгкой ситуации принял на себя взрослый и уверенный в себе мужчина. Внутренний голос шептал ей, что в его бескорыстие верится слабо, и она уже обожглась, безоговорочно поверив лорду Нежину, но Констанца старалась прогнать эту мысль.

В какой-то момент, пригревшись, она задремала, но сразу открыла глаза, когда её спаситель убрал руку и откатился от неё к стене. Она села на кровати. Он смотрел на неё, и смех искрился в его глазах.

— Ну что же, Констанца, пора приниматься за дело. Уже вечер, а нам обязательно нужно уехать завтра и, желательно, пораньше. Сейчас мы будем ужинать, а потом я уйду. Постараюсь вернуться побыстрее, но не обещаю. Ты должна закрыться в своей комнате и никому не открывать. Ты поняла? Что бы тебе ни говорили — не открывай. Исключение можешь сделать лишь для Линдсея. Его можешь впустить.

— Ален, вы обещали... Что ответите на мои вопросы...

Он недовольно поморщился: — у нас очень мало времени. Пойдём в обеденный зал, и пока накрывают на стол, ты спросишь всё, что хотела.

Констанца смутилась. Не могла же она сказать ему, что у неё совсем нет денег. — Я не хочу есть, Ален. Можно, я просто посижу с вами, пока вы ужинаете?

Он внимательно посмотрел на неё, но ничего не сказал. Они спустились вниз и сели за облюбованный наёмником столик. Девушка оказалась спиной к дверям, а у него сзади была стена.

К ужину в таверну набралось много народа. Торговцы, наёмники, мастеровой люд. Подавальщица торопливо носила по залу тяжёлые подносы с тарелками и большими кружками. Ей помогал сам хозяин. Он сразу же подошёл к ним, склонившись к наёмнику, тихо сказал: — всё готово.

Ален кивнул: — хорошо. Линдсей, принеси нам что-нибудь поесть. Потом я уйду, боюсь, что надолго. Присмотри, чтобы Констанцу никто не беспокоил.

Хозяин таверны внимательно посмотрел на девушку. Ей стало неловко, она хотела возразить, что не хочет есть, но не успела. Мужчина отошёл. Вскоре он вернулся с подносом. Ален поставил перед Констанцей большую тарелку с целым жареным цыплёнком, рядом такую же — с овощами. Следом на стол перекочевало блюдо с копчёной рыбой, хлеб, свежие сладкие булочки, кувшины с вином и подогретым сидром, в маленьких глиняных горшочках мясо, тушённое с грибами. От запаха блюд у девушки рот наполнился слюной. Она постаралась незаметно сглотнуть. Всё же уже несколько дней она жила впроголодь.

Не обращая на неё ни малейшего внимания, наёмник навалился на еду, так же широко расставив на столе локти, но при этом умело орудуя ножом и вилкой.

Она не знала, как ей быть. Отодвинуть тарелку было бы, пожалуй, невежливо. Кроме того, ей очень хотелось есть, но мысль об отсутствии денег повергала её в трепет.

Проглотив очередной кусок и, по-прежнему не глядя на неё, наёмник пробормотал: —

ешь, глупышка!

И Констанца сдалась. В конце концов, они же договорились, что она расплатится, когда станет работать и получать деньги.

Она дождалась, когда Ален сыто откинется на спинку стула, опять пожёвывая веточку из вазочки на столе и внимательно оглядывая зал.

— Ален, можно мне вас спросить...?

Он перевёл на неё насмешливые чёрные глаза: — да, Констанца, я ведьмак, но слабый. Так, по мелочи, никакого серьёзного колдовства. Стражников там напугать, муху на расстоянии взглядом убить, заставить лошадь всадника сбросить. И да, с Линдсеем мы знакомы много лет. Он мой... впрочем, подробности тебе знать ни к чему. Что ещё ты хочешь узнать?

Ей хотелось узнать о нём многое: сколько ему лет, где он живёт, женат ли, но она видела, что он торопится. Поэтому Констанца вежливо улыбнулась и сказала, что больше не знает, что спросить. Ей показалось, что он облегчённо вздохнул.

Потом Ален ушёл, снова строго-настрого наказав никому не открывать.

Он вернулся поздно ночью. Констанца не спала, ей было тревожно. Она удивилась своему беспокойству за чужого малознакомого мужчину. Ей рисовались самые ужасные картины. То она представляла Алена, окровавленного, лежащего на земле, на тёмной улице. То ей виделось, что стражники лорда Нежина донесли на него, и он, избитый, в разорванной и ещё более грязной, одежде, валяется на каменном полу в мрачном подземелье.

Когда он, наконец, постучал в дверь и назвал её по имени, девушка от облегчения чуть не расплакалась. Он удивился радости, с которой она встретила его, но лишь велел собрать вещи и перейти в его комнату. На её вопросительный взгляд жёстко сказал: — тебе придётся спать в моей постели, если не хочешь вернуться к лорду Нежину, — потом добавил, увидев, как испуганно она опустила глаза: — Констанца, поверь, я не кусаюсь, тебе ничего не грозит.

Таким образом, они опять спали на одной кровати, только Ален велел ей ложиться у стены. Сам лёг с краю, прислонив к изголовью вынутый из ножен меч. Они, конечно же, не раздевались, и если наёмник

уснул, едва коснувшись подушки, то Констанца долго смотрела в темноту.

Всё же под утро она уснула, а проснулась оттого, что Ален осторожно освободился из её объятий. Она почувствовала, что крепко прижимается к нему, обнимая за шею, её нос и губы касаются его щеки, а голова покоится на плече.

В ужасе Констанца села на постели. Наёмник хриплым со сна голосом засмеялся: — ты мне всё плечо отлежала! Выспалась?

Ей было ужасно стыдно. Что о ней подумает мужчина? Она чувствовала, что краснеет и просто не знала, куда девать глаза.

Продолжая улыбаться, Ален встал с кровати и направился за ширму. Она слышала плеск воды и поёжилась. За ночь комната выстыла, вода тоже была очень холодной.

Он вышел, обнажённый по пояс, продолжая растираться грубым льняным полотенцем. Капельки воды блестели на его плечах.

Констанца отвела взгляд. Было стыдно смотреть на полуобнажённого мужчину. Тем не менее, она успела заметить, как ладно он сложен, как перекачиваются мускулы на его руках и груди. Ещё её взгляд зацепился за шрамы, один из которых, длинный, пересекал гладкую кожу на спине от левой лопатки вниз, почти до пояса.

Ален бросил ей другое полотенце: — бегом, Констанца. У нас совершенно нет времени. — Он хохотнул: — а ведь я рассчитывал задержаться у Линдсея на пару дней. Отдохнуть, отоспаться, вымыться, наконец!

О, Всеблагой! Она хорошо понимала, что повесилась на шею незнакомому человеку, у которого имеется своя жизнь, свои планы, которые она успешно нарушила: — Ален ..., мне, правда, очень стыдно, что я вторгаюсь в вашу жизнь... и — она подняла глаза и жалобно посмотрела на него, — у меня даже нет слов, чтобы сказать, как я вам благодарна за своё спасение!

Он скривился: — Констанца, бегом! Нам нужно ещё позавтракать и переодеться, так что поторапливайся.

Она юркнула за ширму. Холодная вода обжигала, но девушка мужественно поплескала её в лицо и быстро вытерлась сдирающим кожу полотенцем.

Наёмник стоял у окна, вглядываясь в темноту. Они быстро спустились вниз, в слабо освещенный обеденный зал. На их столике уже стояли тарелки с тушённым в сметане кроликом, отварным картофелем, неизменными овощами.

Ален быстро прошёл на своё место, придвинул к себе еду, хмуро посмотрел на девушку: — побыстрее, Констанца. Сейчас не до церемоний.

Сконфузившись, она села, неуверенно взяла вилку. Он торопливо ел, не глядя на неё. Подчистив свои тарелки, глянул на стол и поманил пальцем Линдсея, дремлющего у стойки: — заверни во что-нибудь этого несчастного кролика. Она его в дороге съест, как проснётся.

Улыбаясь, Линдсей сказал: — Ален, я же уложил для вас продукты, как ты велел!

— Неважно, это тоже туда, лишним не будет.

Хозяин таверны пожал плечами и отошёл.

Время для Констанцы понеслось вскачь. Почти бегом наёмник вернулся в свою комнату, постоянно поторапливая девушку. Она увидела на стуле два больших узла, которых не было, когда они уходили. Констанца вопросительно глянула на мужчину, но он лишь удовлетворённо кивнул головой. Бросив ей узел поменьше, приказал: — Быстро переодевайся.

Он подхватил второй и скрылся за ширмой.

Констанца развязала концы плотной чёрной ткани и удивлённо уставилась на одежду. Потом осторожно её развернула. Просторное чёрное одеяние монашки, наглухо застёгивающееся под горлом, с капюшоном. Чёрный капор, напоминающий присборенный платок, один конец которого пришит к неширокой белой полоске ткани, плотно охватывающей лицо. Такой же чёрный монашеский плащ.

Девушка стала торопливо одеваться, натягивая одежду прямо поверх собственных треконды и штанов. Завязав под подбородком белые тесёмки капора, она присела на стул. Ждать пришлось недолго. Тихое шипение и негромкие неприличные ругательства свидетельствовали о том, что наёмник примеряет какой-то наряд.

В следующую минуту Констанца от изумления потеряла дар речи. Ален вышел из-за ширмы тоже в одежде монашки. Из наглухо застёгнутых манжет длинных рукавов торчали большие мужские ладони. Белая тесьма капора плотно облегла вокруг лица, опускаясь до самых глаз, скрывая густые чёрные брови. Лицо покрывала какая — то матовая сероватая мазь, — чтобы скрыть пробивающуюся чёрную щетину, — догадалась девушка. Она прыснула и тут же зажала себе рот, стараясь унять смех. Наёмник недовольно покосился, но ничего не сказал, лишь накинул поверх капора капюшон, отбрасывающий на лицо тень.

Мельком осмотрев Констанцу, он кивнул ей и быстро пошёл к двери.

К удивлению девушки, Ален не стал спускаться в обеденный зал, а направился в конец коридора, где толкнул такую же, как и все остальные, дверь. За ней открылась узкая крутая лестница. Наёмник торопился и пару раз, наступив на длинный подол, поминая Чёрного Косаря и всех нечистиков, с трудом удержался на ногах. Глянув на Констанцу, он тоже подобрал спереди одеяние и, продолжая ругаться, устремился вперёд.

Наконец, лестница кончилась и Ален, а вслед за ним Констанца, толкнув дверь, вышли на улицу. Они оказались в глухом переулке за таверной. Выход из него перегородила небольшая карета, запряжённая парой лошадей. На облучке, ссутулившись, дремал кучер.

Бесцеремонно схватив девушку за руку, мужчина почти бегом кинулся к ней. Он рванул дверцу и, схватив Констанцу за талию, приподнял её и втолкнул внутрь. Следом вскочил сам и быстро захлопнул

дверцу за собой, успев крикнуть кучеру: — поехали!

От рывка кареты девушка упала на сиденье. Прямо перед собой она увидела внимательные глаза на полном, без единой морщинки, лице. А потом разглядела и саму женщину в монашеском одеянии с белым капором, знаком принадлежности к высшей иерархии служителей Всеблагого. Растерявшись, Констанца попыталась встать, стукнулась головой о потолок кареты, снова упала на сиденье и, в смущении, хотела сползти на колени перед монахиней. Та тихо удержала её, и перед своим лицом девушка увидела протянутую ей мягкую белую руку. Она поцеловала её, а, разогнувшись, с изумлением наблюдала, как наёмник торопливо сдёрнул с головы капюшон и капор, невежливо схватил монахиню за пальцы, сначала прижался щекой к ладони, а потом поцеловал. Констанца поражённо увидела, как монахиня грустно улыбнулась, погладила грязную склонённую макушку, а потом, наклонившись, поцеловала! Тихо спросила: — Ален, Ален, куда ты влез на этот раз?

Он разогнулся, насмешливо сморщил нос: — позволь представить тебе Констанцу. Констанца, познакомься с настоятельницей монастыря святой Рубекии матушкой Рамоной! — Он расхохотался, вскочил, обнял монахиню: — и, по совместительству, моей родной тётей!

Настоятельница улыбнулась ему, как шаловливому мальшу, а потом перевела взгляд на девушку: — мы поговорим чуть позже, если ты не возражаешь, Констанца. Скоро городские ворота. Возьмите молитвенники и сосредоточьтесь на молитвах.

— Тётя Рамона!

— А уж тебе-то, Ален, сам Всеблагой велел молитвенник хотя бы в руках подержать!

Наёмник фыркнул, но подчинился. Пассажиры склонились над раскрытыми книгами в чёрных переплётках, низко надвинув на лоб капюшоны монашеских одеяний. Настоятельница погасила один из двух фонарей, освещавших внутренность кареты.

Вскоре в крышу постучал кучер. Он сообщал, что карета подъезжает к городским воротам.

Лошади остановились, дверца открылась. Мужской голос сказал: — прошу великодушно простить, матушка Рамона! По приказу градоправителя мы проверяем всех, выезжающих из города.

— Понимаю вас, данн. Не думаю, что вы должны извиняться за честное исполнение долга. Мы с сёстрами едем поклониться источнику святой Рубекии и набрать целебной воды.

Констанца просто физически ощущала взгляд, которым её окинул стражник. Затем он

сказал: — благословите, матушка! — и наклонился к руке настоятельницы. Та очертила над его головой знак Всеблагого — треугольник, заключённый в круг, и прошептала:

— пусть хранит тебя святая Рубекия!

После этого стражник пожелал им счастливого пути, и дверца захлопнулась.

— Фу-у-у, тётя Рамона, ты спасла нас от крупных неприятностей! — Ален с омерзением содрал с головы капор, обращаясь к Констанце, сказал: — менять одежду пока не будем. К вечеру пересечём границу Кремонского лордства, тогда и снимем эти тряпки.

Но к концу дня они всё ещё были во владениях лорда Нежина. Несмотря на нетерпение Алена, настоятельница категорически отказалась заставлять кучера погонять лошадей. Констанца подумала, что матушка Рамона права. Неторопливо едущие монахини не привлекают внимания, тогда как мчащаяся карета всегда притягивает любопытный взгляд.

Вечером путники подъехали к высоким глухим воротам на окраине небольшого городка. Кучер соскочил с козел и рукоятью кнутовища постучал в небольшое, закрытое металлической заслонкой, окошко. Спустя некоторое время оно открылось, и в нём показалось бородатое мужское лицо. Глянув на карету, мужчина что-то пробормотал и захлопнул заслонку, а спустя минуту ворота закрипели и медленно открылись. Кучер взял лошадей под уздцы и повёл их во двор. Проезжая мимо открытой створки ворот, Констанца увидела монаха, согнувшегося в поклоне до земли. Она поняла, что они приехали в мужской монастырь.

Карета остановилась, кучер открыл дверцу. Матушка Рамона, а вслед за ней Ален и Констанца ступили на вычищенный от снега, мощёный гладкими каменными плитами двор. Навстречу им от длинного приземистого здания монастыря уже спешил высокий дородный мужчина в тёплом меховом плаще поверх чёрной монашеской рясы. Концы его высокого белого клобука развевались за спиной.

— Матушка Рамона! — Он притянул настоятельницу за руки и расцеловал в обе щёки. Женщина чинно ответила на поцелуй, приложившись к гладким румяным щекам встречающего:

— батюшка Михасий, благополучен ли ты, свет мой?

Настоятель расхохотался густым сочным басом: — да что мне сделается, матушка! Святой Амвросий нас с братией бережёт!

— Ну — ну, — настоятельница усмехнулась, — не позволишь ли ты мне с сёстрами переночевать в твоих гостевых покоях? Мы направляемся к святому источнику, но не успели добраться засветло.

— Добро пожаловать, в нашу скромную обитель, святые сёстры! — Настоятель Михасий посмотрел на стоящих у кареты монахинь. Они низко поклонились ему, потупив глаза и спрятав руки в рукава мешковатых одеяний.

Вскоре они сидели в уютной комнате гостевых покоев мужского монастыря святого Амвросия. Скромно обставленная не новой мебелью, она, тем не менее, была чистой и тёплой. Две двери в противоположных её стенах вели в такие же чистенькие бедные спальни. В каждой из них стояло по две узких кровати, застланных бельём из грубого отбелённого холста. Голый каменный пол, тонкое вытертое одеяло, стол под домотканой тёмно-синей скатертью и два жёстких деревянных стула. За ширмой — таз и кувшин с холодной водой.

Заглянувший в одну из комнат Ален присвистнул: — ну и ну! Хуже, чем в таверне! Тётя Рамона, что, монастырь святого Амвросия на самом деле такой бедный?

Та улыбнулась: — Ален, это комнаты для вас, чужих. Вы должны с благоговением взирать на скудость и аскетизм, с которым живёт братия. Считается, что женские монастыри более подвержены соблазнам, а вот в мужских нечистики не имеют никаких шансов заполучить грешную душу. — Она хмыкнула и весело добавила: — но вот если бы я приехала одна, то жила бы в покоях с толстыми дамьянскими коврами и спала на постели с бельём из нежнейшего хлопка и под пуховым одеялом.

Ален засмеялся: — надо полагать, кормить нас станут холодной кашей без масла, сваренной на воде!

Монахиня не успела ответить. В дверь постучали и, получив приглашение, вошёл отец — настоятель.

— Ну что же, гости дорогие, не обессудьте, в вашем-то монастыре побогаче будет, а мы с братией плоть умерщвляем, дённо и ночью молимся Всеблагому и святому Амвросию, чтоб отринули люди мерзость богатства и довольства благами мирскими! — Он размашисто очертил знак Всеблагого. Ален негромко хмыкнул. Отец Михасий покосился на него и сказал: — ужин вам сюда принесут, дабы лик ваш не смущал душевное спокойствие братии. А тебя, матушка Рамона, я приглашаю к себе в покои, разделить со мной мою скромную трапезу.

Констанца украдкой, недоверчиво поглядывала на монаха. Как-то не походил он на человека, умерщвляющего плоть. Громадный кольшущийся живот, тройной подбородок, уютно устроившийся на широкой груди, гладкое розовое лицо человека, любящего много и вкусно поесть.

Настоятельница улыбалась: — батюшка Михасий, прости за то, что ввели тебя в заблуждение. Во дворе-то ты не один нас встречал! Это не монахини, а Ален и с ним девушка, которую он... опекает.

Монах растерянно сел: — Ален??

Тот поднял голову, стянул с себя капор, криво улыбнулся настоятелю: — благословите, батюшка Михасий и за обман простите!

— Да... как же..., Ален..., откуда ты..., почему..., - он машинально осенил наёмника знаком Всеблагого, подал руку для поцелуя. Тот прикоснулся губами к пухлому запястью:

— дела у меня тут были, святой отец. Теперь вот надо бы в столицу, но так получилось, что нас с Констанцей, — он улыбнулся девушке, глядящей на них широко распахнутыми глазами, пытаются изловить. Спасибо тёте Рамоне, вывезла нас из Гваренета.

— Да-а, дела-а... Ну, ладно, — теперь настоятель был деловит и собран: — давайте-ка сейчас переезжайте в хорошие комнаты, там и поужинаем. А потом ты, Ален, скажешь мне, чем я могу вам с девушкой помочь. Может, охрану дать? У нас братия много с мечами упражняется, глядишь, тебе и пригодится их умение.

— Спасибо, батюшка Михасий, — Ален отрицательно мотнул головой, — не надо нас переселять, мы здесь переночуем. Разве что тётя Рамона? — Он вопросительно посмотрел на монахиню. Та махнула рукой:

— я тоже здесь останусь. Хочу с вами поговорить, прежде, чем лечь спать.

— Ну, смотрите, — отец Михасий пожал могучими плечами, скомандовал: — Ален, накинь капюшон на голову, — потом оглушительно хлопнул в ладоши. Дверь тихо отворилась, вошёл молодой послушник, поклонился присутствующим. — Накрывай на стол, брат Феофил!

В последующий час они предавались греху чревоугодия. Громадная жареная индейка,

тающая во рту рыба, копчёные колбасы, пироги с дичью, мясом, соленья и маринады, маленькие сладкие пирожки с яблоками, вишней, медовые коврижки, красное и белое вино.

Настоятель с аппетитом вкушал яства, шутил, громко и со вкусом хохотал, не забывая подкладывать куски то индейки, то рыбы матушке Рамоне и Констанце. Ален в уговорах не нуждался, успевая энергично подчищать тарелку и расспрашивать отца — настоятеля о жизни в монастыре.

Насытившись и допив оставшееся в кувшинах вино, гостеприимный хозяин и гости распрощались до утра.

Констанца поняла, что сейчас ей предстоит разговор с матушкой Рамоной. Она была полна решимости рассказать ей всю историю своей коротенькой жизни и, может быть, даже попросить совета.

Монахиня зевнула, деликатно прикрыв рот ладонью: — Позволь мне умыться первой, Констанца. — Потом повернулась к наёмнику: — шёл бы ты, Ален, к себе в комнату. Завтра рано вставать.

Девушка встала, нерешительно двинулась вслед за настоятельницей, но мужчина придержал её за руку. Глядя в спину скрывающейся в спальне матушке Рамоне, прошептал: — Констанца, пообещай мне, что не станешь безоговорочно соглашаться с ней, что бы тётушка тебе не предлагала!

Констанца с недоумением посмотрела на него: — но, Ален, она хорошая! Мне кажется, она сможет посоветовать, как мне жить дальше!

— Конечно, хорошая, и я искренне люблю её, но дай мне слово, что не будешь принимать никаких решений сегодня вечером! Обещаешь?

Она неуверенно кивнула, — хорошо, не буду.

Наёмник облегчённо вздохнул: — вот и умница. Не забудь — ты дала мне слово.

Констанца постелила постель себе и монахине. Та вскоре вышла из-за ширмы, одетая в длинную, до полу, шёлковую ночную рубашку. Такую же она подала девушке: — я думаю, твой багаж остался в таверне, так что не побрезгуй принять от меня эту. Слава Всеблагому, я успела собрать свой дорожный сундук.

— Матушка Рамона, у меня нет никакого багажа! Спасибо вам за рубашку, иначе я бы спала в одежде.

Та спокойно кивнула: — садись, милая. Расскажи мне, как же получилось, что молодая невинная девушка путешествует с чужим незнакомым мужчиной.

Констанца покраснела, опустила голову: — матушка, я... потеряла невинность... — слёзы заструились из глаз против её воли. Монахиня нахмурилась:

— Ален??

— Нет — нет, Ален не причём. Я расскажу вам всё...

Сцепив руки на коленях так, что побелели косточки, сдерживая дрожь, Констанца рассказала настоятельнице, как она не верила тому, что говорили о лорде Нежине, как встретила с ним и почти влюбилась, как стражники увези её из родного дома, а он обманом удерживал её в замке. Она снова заплакала, рассказывая, как его милость лишил её невинности, а потом наказал за побег. Девушка даже решилась приспустить с плеч ночную рубашку, показывая рубцы. Монахиня ахнула, увидев три грубых багровых полосы, изуродовавших девичью спинку.

— Матушка Рамона, я глупая, неблагодарная, падшая женщина! Я принесла несчастье и

горе папе, я не верила людям старше и умнее меня и за это жестоко наказана! Я не знаю, что будет со мной и, порой, мне кажется, что было бы лучше, если бы я умерла! — Рыдания сотрясали её тело. Тронутая таким отчаянием, мать-настоятельница села рядом с Констанцей на постель, обняла за плечи, привлекла к себе.

— Не плачь, девочка, всё пройдёт, твоя боль заживёт, твой папа простит тебя, ведь он тебя любит. Успокойся, расскажи мне, где ты встретила с Аленом.

Констанца выпила воды из стоящего на столе кувшина, постаралась взять себя в руки. Монахиня смотрела на неё печально и ласково, и сердце Констанцы переполнилось благодарностью к этой спокойной доброй женщине, жалеющей её, готовой выслушать и, может быть, наставить на верный жизненный путь.

— Матушка Рамона, я снова убежала от Его милости. Он... он снова пытался сделать ЭТО со мной. Он смеялся и говорил, что я буду спать в его спальне и ..., - она замолчала, стискивая пальцы. — Добрые люди помогли мне, дали одежду и лошадь, научили, что говорить. Я приехала в Гваренед, но оказалось, что данн Отис уехал на каникулы к родителям. Он был моей единственной надеждой, поэтому я решила ждать, когда он вернётся. Я поселилась в “Кружке наёмника”. У меня оставалось совсем мало денег, я боялась, что его милость меня найдёт, поэтому совсем не выходила из таверны. Но это не помогло. Меня нашли стражники лорда Нежина, а самый страшный из них Кром. Он потащил меня на улицу, а я плакала и отбивалась. В обеденном зале сидел наёмник. Это был Ален. Он вступился за меня. Я напугалась, когда он оказался ведьмаком. Ален спас меня от возвращения в замок, а потом не бросил. Матушка Рамона, — Констанца подняла на монахиню заплаканные глаза, — прошу вас, не ругайте Алена за то, что он связался с глупой девчонкой! Я...не знаю, что бы было со мной, если бы не он! Я всю жизнь буду молить за него Всеблагого!

— Констанца, ты, действительно, глупышка, — мать-настоятельница мягко улыбалась, — я не собираюсь его ругать, Алenu тридцать один год, он взрослый человек и сам решает, как ему поступать. Но скажи мне, с чего ты взяла, что он наёмник? Это он тебе сказал?

Девушка пожала плечами: — нет, он ничего не говорил, это я сама догадалась. Он... такой...какой-то жёсткий, у него большой длинный меч и рукоятка сильно потёрта, а одет он плохо и, когда я его увидела, он ел... так жадно, быстро... Я подумала, что ему мало платили, он был голодный и усталый. А он не наёмник?

Матушка Рамона развеселилась: — ну, если он показался тебе наёмником, значит, так и есть! Констанца, — она серьёзно посмотрела на девушку, — твоя жизнь не определена, вернуться домой ты не можешь, но я могу предложить тебе замечательное будущее...

— О, матушка, я знаю, что вы не посоветуете мне плохого!

— Да, милая, я предлагаю тебе жизнь, полную добра, мира и спокойствия. Ты станешь послушницей, а потом и монахиней в моём монастыре. Поверь, лорд Нежин не сможет достать тебя из обители, а ты посвятишь свою жизнь молитвам, заботам о бедных и болящих, отринешь все мирские суетные тревоги.

Констанца мрачно подумала, что ей предлагают заживо лечь в гроб. Не зря Ален требовал, чтобы она не соглашалась на предложение его тётки. Он догадывался, какое оно будет. Мысль об Алене тёплой волной накрыла всё её существо. Она поймала себя на мысли, что, если бы не настоятельница, она побежала бы сейчас в его комнату, чтобы только посмотреть, как он спит, твёрдо сжав сухие губы и хмурясь даже во сне.

— Констанца, ты слышишь меня? — Голос монахини вернул её к действительности.

Она покраснела:

— простите меня, матушка Рамона. Я думала о ваших словах. Матушка, я не могу так сразу решиться. Позвольте мне подумать!

Настоятельница укоризненно покачала головой: — твоё сердце в смятении, Констанца, но разум должен подсказать, что ты не можешь стремиться к замужеству и семейной жизни обычной женщины. Ведь это значило бы обмануть поверившего тебе мужчину. Каждый из них ждёт, что его избранница придёт к нему непорочной девой.

— Матушка Рамона, — Констанца упрямо стояла на своём, хотя в её голосе звенели слёзы, — позвольте мне дать вам ответ завтра утром!

— Хорошо, милая, надеюсь, ты примешь верное решение, — сухо сказала настоятельница, выпустив девушку из объятий и укладываясь в свою постель.

Глава 10.

Нет, Ален не спал. Он слишком хорошо знал свою тётушку. При всей её внешней мягкости и доброте, настоятельница Рамона железной рукой руководила крупнейшим и одним из самых влиятельных женских монастырей в королевстве Семи Холмов. Он поймал себя на мысли, что у него сжимается сердце, едва он подумает, что Констанца может навечно схоронить себя в мрачных каменных стенах обители. Её юное свежее личико так беззащитно выглядело в обрамлении чёрного капора, а наивные глаза доверчиво взирали на ласковую и участливую матушку Рамону.

Если она забудет его просьбу или не решится отказать монахине, ему будет нелегко вернуть ей свободу. Ален даже приподнялся на постели, решая, не пойти ли ему к женщинам, плюнув на приличия и позднее время. Но благоразумие возобладало. Всё же, спустя некоторое время он неслышно подошёл к дверям соседней спальни и прислушался. Усмехнувшись, вернулся к себе. Богатырский храп матушки Рамоны свидетельствовал, что разговор давно закончен.

Не спал и лорд Нежин дар КрEMON. Сгоряча вырвавшиеся слова о том, что он женится на Констанце, заставили его задуматься о его истинном к ней отношении. Он снова, с неудовольствием признал, что ни одна девушка не интересовала его так, как дочь кузнеца. Никогда он не был столь внимателен к попадающим в замок девчонкам, никогда не старался понравиться им. Он искренне жалел, что решил напугать её наказанием. В душе опять поднялась злоба на Крома, не сдержавшего свои садистские наклонности. И он даже не подозревал, какое бешенство вызовет у него её новый побег. Желание во что бы то ни стало вернуть Констанцу, не давало покоя. Женится он, или нет, но ему просто необходимо встретиться с ней, убедить, что она сама виновата в таком к ней отношении.

Он вспомнил, как ласково она смотрела на него, лежащего на сундуке у старой ведьмы, как заразительно смеялась его шуткам, как доверчиво позволяла подолгу держать себя за руку.

Он встал с постели, позвонил в колокольчик. Заспанный Ласси осторожно открыл дверь.

— Распорядись, чтобы мне приготовили коня. Я поеду за Констанцей. Да, ещё двое стражников пусть будут тоже готовы ехать.

Ваша милость, вы же говорили, что она уехала из Гваренедана? Где вы будете её искать? Да ещё этот ведьмак...

Лорд Нежин досадливо поморщился: — Ласси, я знаю свои земли лучше любого пришедшего ведьмака. Им некуда деваться. Мне известно, что Гваренед они покинули в карете настоятельницы монастыря святой Рубекии. Едва ли они едут назад, в сторону замка. Нет, они стремятся в столицу, торопятся побыстрее пересечь границу и оказаться на территории Ферренского лордства. За один день до границы они не доберутся, значит, им надо где — то ночевать. Ведьмак с девушкой могли бы, пожалуй, переночевать и в лесу, но пожилая настоятельница связывает их по рукам и ногам. До самых земель лорда дар Феррена на моих территориях в той стороне нет ни одного города, одни посёлки и деревни. Монахине не по чину останавливаться в сельском домишке. Значит, они будут ночевать у настоятеля Михасия. Мне соваться к нему бесполезно. Он ни за что не скажет, когда и куда они уехали. Но! — Он торжествующе расхохотался, — в столицу ведёт только одна дорога! Кроме неё есть только тропы, по которым карета не пройдёт, а вот всадники, воспользовавшись ими, сократят путь и окажутся на территории Ферренского лордства значительно быстрее, чем карета! Ступай, Ласси, через час я выезжаю!

Констанца спала и не слышала, когда монахиня встала. Она вышла в общую гостиную и увидела что оба, тётушка и племянник, уже умытые и одетые по-дорожному, сидят за столом. Настоятельница улыбнулась: — доброе утро, Констанца. Мы решили, что ты можешь поспать немного подольше. Ну, раз уж ты встала, умывайся и садись завтракать.

— Девушка смущённо улыбнулась, пробормотала: — доброе утро, матушка Рамона, доброе утро, Ален! Нужно было разбудить меня, раз вы встали. Так нехорошо получилось, что я всех задерживаю...

Ален кивнул ей, внимательно глядя ей в лицо, а настоятельница снисходительно сказала: — ну, поспи, пока есть такая возможность. В монастыре мы с сёстрами встаём довольно рано. Когда ты присоединишься к нам, ты тоже привыкнешь рано вставать.

Наёмник нахмурился, остро глянул Констанце в глаза, на скулах выступили желваки. Она растерянно глянула на него, умоляя о помощи, но он молчал. Тогда девушка решила: — матушка Рамона, простите меня, пожалуйста, но я не хочу в монастырь! — Та удивлённо посмотрела на неё, а Констанца, путаясь, торопливо говорила: — я не могу, матушка, я не готова,... мне кажется, во мне...нет...такой крепкой веры! Простите меня, прошу вас!

Ален откровенно с облегчением вздохнул и расслабился. Настоятельница с ласковой улыбкой на лице принялась убеждать Констанцу, что ей нужно просто решиться, со временем она привыкнет, а сейчас ей не хватает смирения и покоя в душе.

Опустив голову, та молча и упрямо смотрела в пол. Племянник решил вмешаться: — тётя Рамона, оставь Констанцу в покое. Давайте уже завтракать, я есть хочу!

Несостоявшаяся послушница благодарно взглянула на него и не смогла сдержать улыбки. Всё же он выглядел очень забавно в одежде монахини.

Они быстро прошли по тёмному двору, не встретив ни одного человека. Из монастырского храма доносилось пение множества мужских голосов. Карета ждала их с неизменным кучером на облучке. Констанца удивилась, что настоятель Михасий не пришёл их проводить, но Ален шепнул, что не надо привлекать к ним излишнее внимание. Они всего лишь путники, каких немало ночует в монастыре.

За воротами монастыря карета присоединилась к повозкам и телегам, едущим в сторону Ферренского лордства. Ехали медленно, обогнать попутчиков на узкой дороге было

невозможно. К вечеру пересекли границу. Констанца выглядывала в окна кареты в надежде увидеть какой-либо пограничный знак, Но Алэн сказал, что всем известно: деревня, которую они проехали не останавливаясь, принадлежит лорду Нежину. Сразу за ней начинаются земли лорда дар Феррена. Он с облегчением стянул с себя монашеское одеяние и остался в своей обычной одежде. но меч отсутствовал. Чёрные блестящие волосы по-прежнему были грязны. Констанца пожалела, что в монастыре отца Михасия им не удалось вымыться. Матушка Рамона сказала, что монахи моются в холодной воде, дабы усмирять плоть. Просить, чтоб её согрели, Алэн не разрешил, не желая привлечь внимание монахов к гостям.

Освободившись от чёрного одеяния, наёмник с удовлетворением похлопал себя по бокам, а потом велел Констанце сесть напротив, рядом с матушкой Рамоной, которая опять безмятежно читала свою книгу.

Девушка пересела, наблюдая за мужчиной. Тот бодро поднял освободившееся сиденье и перво-наперво торжественно вытащил из ящика, находящегося под ним, свой тяжеленный меч. Затем извлёк тёплый плащ и повесил его на крючок под потолком, при этом, едва не свалившись к Констанце на колени. Карету трясло немилосердно. На дороге, видимо, стало свободнее, и кучер поторапливал лошадей.

О чём-то сосредоточенно думающий наёмник молчал, а настоятельница сказала: — ты уже можешь снять облачение, Констанца. Я заберу его с собой. — Та с недоумением посмотрела на монахиню:

— матушка Рамона, а вы...разве не едете в столицу?

— Нет, милая, я провожу вас до деревни и вернусь в монастырь, — она внимательно и ласково смотрела на девушку: — надеюсь, ты скоро приедешь ко мне. Помни, Констанца, это самое лучшее для тебя!

Констанца потупилась и ничего не сказала.

Путешественники почувствовали, что лошади свернули с дороги. Вскоре они увидели убогие домишки, крытые соломой. Кое-где в окнах мелькал огонёк свечи.

Карета медленно ехала по улице и, наконец, остановилась у дома, выглядевшего чуть лучше остальных. попрощавшись с настоятельницей, причём Алэн обнял тётушку, а она расцеловала его в обе щёки, наказав передавать от неё благословение родителям, наёмник и Констанца вылезли, с трудом распрямив ноги, и направились к воротам. Карета развернулась и уехала, а они остались на тёмной заснеженной улице. Девушке было жутковато. Она мёрзла в своём старом вытертом плаще, неизвестность пугала. Алэн хмурился и молчал. Лишь после того, как он снова забарабанил кулаком в окованную железной полосой калитку, где — то в доме хлопнула дверь, заскрипел снег под тяжёлыми шагами. Под невнятное бормотание калитка распахнулась и перед ними предстала здоровущая тётка в больших мужских сапогах, небрежно наброшенной стёганой треконде и длинной складчатой юбке. Наёмник облегчённо вздохнул: — Ну, хвала Всеблагому, ты дома, Джен! Я уж подумал, что ты к очередному ухажёру убежала. — Он шагнул во двор, кивнув Констанце, чтобы следовала за ним. Женцина басом сказала:

— ты, Алэн, всё надо мной смеёшься, а я тебя весь день жду, с тех пор, как лошадей привели. Мальчишка — то у тебя совсем замёрз. В баню пойдёте?

— Констанца запнулась и чуть не упала, а наёмник спокойно сказал: — это не мальчишка, Джен, это девушка. Ты сходи с ней, поможешь, что ли...

Женщина первой вошла в дом. Там жарко топилась печь, на большом, добела

выскобленном деревянном столе в кованом подсвечнике горели четыре толстых свечи, а хозяйка с интересом посмотрела на Констанцу: — что же она у тебя такая заморенная-то? Гляди-ка, прямо прозрачная вся!

Девушка неловко улыбнулась: — данна Джен, я не заморенная, я вообще такая...не толстая.

Та укоризненно покачала головой. При свете свечей Констанца рассмотрела, что их хозяйка и впрямь была очень большой. На голову выше Алена, с грудью, возвышавшейся как две подушки, с широченными бёдрами и большими мужскими руками. А вот лицо очень миловидное, большеглазое. Полные яркие губы, точёный нос и толстая коса, уложенная короной вокруг головы. На вид ей никак не больше сорока.

Дом состоял из одной большой комнаты. У дальней стены стояла кровать совершенно под стать хозяйке: массивная, широкая, аккуратно застеленная ярким лоскутным покрывалом с горой пышных подушек в цветастых наволочках. Под окнами длинная лавка, на которую и сели гости. Несколько красивых сундуков разных размеров поставлены друг на друга. Сундуки расписаны яркими цветами, диковинными птицами и зверями. Ещё большой комод со множеством ящиков, громоздкий, внушительный, сверху прикрыт вязаной кружевной скатертью. Посередине комнаты печь с очагом. От неё пышет жаром, а на огне стоит чугунная жаровня и распространяет аромат тушёного мяса с приправами, от которого Констанца непроизвольно сглотнула слюну. Джен заметила, засмеялась: — Ален, вы как, сначала мыться и потом ужинать, или наоборот?

Он вопросительно посмотрел на Констанцу. Та мотнула головой: желание вымыться, почувствовать своё тело чистым, пересилило голод: — ой, я бы сначала в баню, а потом ужинать...

— Хорошо, — Ален шлёпнул ладонью по столу, — давай так, сначала пойду я, потому что там очень жарко, а потом вы с Джен. Согласна?

Гости, чисто вымытые, распаренные, сидели за столом, на который радушная хозяйка водрузила здоровенную чугунную жаровню, полную мяса, тушёного с картошкой и приправами из сушёных душистых трав. У Констанцы закрывались глаза, так сильно она хотела спать. За печкой, на верёвке, висело их с Аленом выстиранное бельё, а сами они сидели, наряженные в старые, вылинявшие, но чистые хозяйские одёжки. Девушке Джен дала своё платье, которое, как она пояснила, лежало в сундуке со времён её молодости. Платье было ужасно велико, но Констанца подвязала его бечёвкой, а рукава подогнула. Зато оно пахло чистотой и пижмой, которой проложены вещи, чтобы в сундуке не завелась моль.

Наёмнику досталась старая мужская рубашка, которую Джен носила вместо блузки и такие же старые лёгкие штаны из грубого полотна. Все эти вещи также были извлечены из сундука, потому что давно вышли из обращения.

Констанца, сидевшая напротив Алена, обратила внимание, как натянулась на широкой груди ветхая рубашка, как горделиво посажена его голова на крепкой шее, как чётко очерчен подбородок и жёсткая линия рта. Наконец-то промытые чёрные волосы отливали синевой. В живых, блестящих чёрных глазах искрился смех: — Констанца, ты меня так разглядываешь, что я подумал: может, ты меня не узнала, когда с меня корка грязи смылась?

Констанца смутилась. Ей показалось, что его глаза смотрят на неё ласково, обволакивая всю её тёплой заботой и нежностью. Джен, глянув на них, понимающе хмыкнула, сказала: — жениться тебе давно пора, Ален. Жена — то не позволила бы по королевству месяцами

болтаться.

Продолжая смотреть на Констанцу, Ален задумчиво сказал: — пожалуй, я с тобой впервые согласен, Джен.

Сердечко Констанцы встрепенулось. Оказывается, он не женат! И невесты у него нет! Предательский румянец заливал щёки, она не знала, куда девать глаза. Подняв взгляд на наёмника, увидела, что он продолжает смотреть на неё, но при этом ещё и улыбается. Широко, открыто, а в глазах... Окончательно смутившись и покраснев так, что, казалось, даже тело горит, Констанца торопливо выскочила из-за стола и, сбивчиво пробормотав слова благодарности, пошла к кровати. Ей предстояло спать с Джен, но постель была столь широка, что она не боялась, что хозяйка придавит её во сне своими обширными телесами.

Алену предстояло спать на лавке, куда уже был положен толстый тюфяк, сверху застеленный грубыми льняными простынями.

В темноте Констанца слышала, как он раздевался, категорически отказавшись спать в штанах и рубашке. Сама она раздеться не решилась, потому что под платьем ничего не было, а спать голой рядом с хозяйкой она не могла. В темноте ничего не было видно, но она отвела глаза, представив, что наёмник, сняв одежду, остался голышом и таким сейчас укладывался в постель. К своему стыду, она вдруг мысленно увидела его обнажённым, и, о, ужас! — представила, с затаённым интересом то, что внушало ей такое отвращение у лорда Нежина — возбуждённую, налитую желанием плоть. Констанца закрыла глаза и постаралась отогнать бесстыдные мысли, но они снова пришли к ней, и, уже засыпая, она подумала, что у него очень сильные руки, а пальцы длинные, гибкие, и наверно очень приятно, когда он обнимает и прижимает к своей груди. А пахнет от него тоже приятно, чистым мужским телом.

Вздохнув, Ален полез под прохладную простыню. Его выдержка подвергалась немало испытанию. Встреча с Констанцей обрекла мужчину на длительное воздержание. В самом деле, не мог же он в таверне у Линдсея подмигнуть заинтересованно глядящей на него женщине и увести её в свою комнату, когда девушка постоянно находилась рядом с ним? Да и Джен грустно вздыхала, глядя на него. Она ждала, зная, что на обратном пути в столицу Ален обязательно заедет к ней. Он ничего ей не обещал, да она и не ожидала. Просто они были симпатичны друг другу, и им было хорошо, невзирая на устрашающие габариты женщины. Они оба считали, что главное, чтобы Ален имел подходящие размеры в определённом месте, а так как у него всё было в порядке, они с удовольствием предавались любовным играм во время нечастых встреч.

Констанца нарушила его хладнокровное смирение. Он знал, что под платьем, туго перетянутым в тонкой талии, нет белья. Оно сушилось где-то за печкой, выстиранное Джен вместе с его собственным и развешенное на протянутой верёвке. Ален порадовался, что темнота скрыла его тело, не позволяя девушкам разглядеть восставшую плоть.

Утром, за плотным завтраком, Констанца улыбалась наёмнику, и он подумал, как же она хороша. Ясные глаза смотрели доверчиво и открыто, ровные белые зубы и нежные губы притягивали взгляд. Чистые волосы не желали смиренно лежать в гладкой причёске, а непослушными прядями падали на лоб.

Она нерешительно взглядывала на него, и он сказал: — что, Констанца? Говори уже. Я же вижу, что ты хочешь что-то спросить.

Она замялась: — Ален, а на чём мы поедем? Вчера Джен говорила о каких-то лошадях... Это для нас?

— Констанца, — он удивился, — а ты разве не видела, как карету обогнал работник из таверны Линдсея? Он проехал рядом с нами, а в поводу вёл моего Грома и твою лошадь.

Она обрадовалась. Признаться, девушка иногда вспоминала свою спокойную послушную Весту. Она не понимала, почему они не привязали лошадей сзади к карете, как иногда делали путники, но Ален сказал, что стражники лорда Нежина могли бы опознать беглецов по лошадям.

Завтрак был закончен, высохшее бельё надето, а хозяйские вещи заняли своё место в сундуке. Благодарная Констанца расцеловала Джен в обе щёки, а та, посмотрев наёмнику в глаза, грустно улыбнулась: — счастливого пути вам обоим. Будь осторожен, Ален и подумай о моём совете! — Он подмигнул женщине и бодро вскочил на коня. Констанца уже сидела верхом на Весте, которую до этого долго обнимала. Лошадка тоже обрадовалась хозяйке и шумно вздыхала, прихватывая пальцы девушки мягкими губами.

Опять перед ними вилась дорога, запруженная телегами и повозками. Иногда они обгоняли кареты, а иногда их обгоняли конные всадники.

Казалось, Ален не спешил. Они ехали, временами касаясь стремянами. Он рассказывал о Ферренском лордстве, его городах и людях. Констанца, предвкушая конец пути, позволила себе помечтать о будущем. Оно рисовалось ей смутным, но Ален обещал ей свою помощь, а она уже привыкла во всём полагаться на него.

Они пообедали в придорожной таверне плохим овощным супом и жёсткой жареной курицей, накормили коней и, не задерживаясь более, продолжили путь.

Смеркалось, когда они въехали в Зеленайск, большой город Ферренского лордства. Констанца устала и хотела есть. Она не смотрела по сторонам, а лишь старалась не потерять из виду Алена, ехавшего впереди. Шум и гомон толпы, двигавшейся по тротуарам, крики возниц, требующих пропустить подводы, щёлканье кнутов и стук копыт по мощёной мостовой — всё слилось для неё в единую какофонию звуков.

Наконец Ален свернул на боковую улицу и остановился перед большим зданием с ярко освещёнными окнами. Большая, украшенная резьбой и металлической чеканкой дверь всё время открывалась, впуская и выпуская людей. Ален спешил, помог спрыгнуть с лошади Констанце и бросил поводья подскочившему юркому парню: — коней вычистить, накормить, поставить в конюшню. — Сунув руку в карман треконды, извлёк несколько медных монет и кинул слуге. Тот ловко поймал их и повёл лошадей куда-то за дом. Констанца увидела над дверью большую, ярко раскрашенную вывеску: “Весёлый Свин”. Она фыркнула. Толстая розовая свинья, изображённая над входом, стояла на задних ногах, а в передних держала большую кружку с хмельным напитком, покрытую шапкой пены.

Ален подтолкнул её, открыв дверь. Констанца шагнула в шумный жаркий зал — и вскрик застрял у неё в горле. Ноги подкосились, кровь отлила от лица: от ближайшего столика на неё, издевательски улыбаясь, смотрел лорд Нежин.

Глава 11.

Она остановилась так резко, что наёмник налетел на неё сзади. Он мягко обошёл её, встав рядом, улыбнулся краешком рта. Его милость лениво встал из-за стола и двинулся им навстречу. Констанца, бросив панический взгляд на своего спутника, прижала ко рту пальцы, чтобы удержать рвущийся наружу крик. На них не обращали внимания. Люди в зале громко разговаривали, смеялись, спорили, кто-то пел, его фальшиво поддержали несколько

пьяных голосов.

Констанца смотрела на приближающегося мучителя взглядом загнанного в угол зверька. Она не видела с ним стражников, но итак знала, что они где-то неподалёку. Едва ли Ален, простой наёмник, решится возразить лорду. Не осмелится он и применить к тому пусть и слабые, но колдовские силы. Она обречена. Сейчас Констанца не понимала, как могла влюбиться в этого жестокого человека, который приближался к ним с холодной улыбкой на красивом лице. Он подошёл совсем близко и... вежливо поклонился! — Лорд Ален, приветствую вас.

Лорд?? — Констанца вздрогнула, глядя на наёмника испуганными глазами. Тот, не глядя на неё, равнодушно кивнул: — лорд Нежин, не скажу, что счастлив видеть вас.

Тот через силу расхохотался: — ну, ещё бы! Едва ли вы рады мне после того, как украли мою невесту!

Констанца широко раскрыла глаза, не находя слов, совершенно растерявшись под грузом обрушившихся на неё известий. Ален — высокородный лорд, она — невеста Его милости! Между тем наёмник равнодушно сказал: — я думаю, лорд Нежин, прежде, чем считать девушку своей невестой, вам необходимо получить её согласие.

— Малышка? — теперь воплощение её ночных кошмаров напрямую обращался к ней, — ты же согласна стать моей женой? — Его ласковая улыбка напомнила ей того, давнего лорда Нежина, который, раненый, лежал в домике Феонисты. Тёмно-синие глаза излучали нежность и ожидание, обещание счастья и блаженства.

— В-в-вы шутите, Ваша милость! — Она с трудом выдавила эту фразу прерывающимся голосом, так велик был её страх перед ним.

— Ну что ты, Констанца, я на самом деле готов на тебе жениться. Ведь твоя невинность уже принадлежит мне, — он гадостно улыбнулся, а она вспыхнула, чувствуя, как лицо и даже шея наливаются жаром.

— Н-н-нет, не надо...пожалуйста, прошу вас... — она сделала шаг назад, упёрлась спиной в стену. Ален мельком глянул в её сторону, холодно сказал:

— довольно, лорд Нежин. Я думаю, вы поняли, что она не собирается выходить за вас замуж. — Повернувшись к девушке, кивнул ей: — идём, Констанца, нам нужно получить комнаты и ужин.

Лорд Нежин не собирался уступать им дорогу: — ты так удивилась, малышка, что путешествуешь с лордом Аленом! — Он продолжал улыбаться, — а знаешь ли ты, что лорд Ален дар Бреттон является Главным королевским дознавателем, считай, главным законником? Ему подчиняются все палачи королевства Семи Холмов.

На подгибающихся ногах Констанца подошла к ближайшему столику, не глядя, опустилась на стул. Ей казалось, что почва ушла у неё из-под ног. Ален, полунищий наёмник в грязной треконде и вылинявших штанах, шумно хлебавший похлёбку, ложкой, зажатой в кулаке, оказался дознавателем, да ещё Главным. И, при этом, страшные существа, палачи — его подчинённые! А ещё он — благородный лорд и запросто бывает в королевском дворце.

Ужас и растерянность владели Констанцей. Двое мужчин стояли перед нею. Один со снисходительной улыбкой оглядывал её с головы до ног, второй, к которому был обращён её умоляющий взор, отвернулся, хмуро сдвинув брови и разглядывая посетителей таверны.

— Хватит капризничать, малышка! Вставай! Мы переночуем на постоялом дворе, в более приличных условиях, — лорд Нежин презрительно окинул взглядом таверну, — а завтра отправимся домой. Обещаю, ты не будешь наказана за побег!

Констанца замотала головой, вцепившись обеими руками в стол и решив, что будет отбиваться, куда хватит сил: — Ваша милость, я не поеду с вами! Лучше убейте меня здесь! Нет, ни за что на свете я не вернусь к вам добровольно!

— А как же твой отец, Констанца? — Голос его милости был угрожающе тих, — ты не боишься за него?

Вздыхнув, к ним повернулся Ален, спокойно сказал: — достаточно терзать девушку, лорд Нежин. Она не желает выходить за вас замуж и отказывает вам, — он усмехнулся, — Констанца, не бойся за отца, с ним ничего не случится, — и добавил с нажимом: — я тебе обещаю.

Их собеседник скривился: — вы мне угрожаете, Ваша милость?

— Ни в коем случае, — Ален шутовски поклонился, — я лишь напоминаю, что Его Величество не любит, когда в отношении его подданных нарушаются законы.

— Да уж, куда нам, скромным лордам провинций до вас, дворцовых щеголей, ежедневно общающихся с Его Величеством!

Констанца точно бы расхохоталась, если бы не была так напугана. Она покосилась на лорда Алена: в своей любимой старой замызганной треконде, в стоптанных, никогда нечищенных сапогах, в штанах неизвестной расцветки с обтрепавшимися штанинами он никак не походил на дворцового щёголя.

Он поймал её взгляд, усмехнулся уголком рта: — желаю счастливого пути, лорд Нежин.

Тот процедил сквозь зубы: — я надеюсь, мы ещё встретимся, Ваша милость!

Вдруг лорд Ален искренне и от всей души расхохотался: — я думаю, вам лучше не встречаться со мной, лорд Нежин!

Взбешённый лорд дар Кремон выскочил из таверны.

Констанца сидела на кровати в комнате на втором этаже таверны “Весёлый Свин”.

Час назад она чуть было снова не попала в лапы ненавистного красавца — лорда Нежина. Лишь вмешательство Алена снова её спасло. Она напомнила себе, что теперь должна обращаться к нему, как положено — лорд Ален. Это повергло её в уныние. Как-то разом он отдалился от неё, стал человеком другого мира. Сейчас она думала, что всегда догадывалась — с наёмником что-то не так. Уж очень правильная у него речь. Его манеры, обхождение с ней никак не соответствовали грубому поведению наёмного солдата. Но как же грустно, как тяжело понимать, что в столице они расстанутся навсегда. Он сменит свою нищенскую одежду на расшитую золотым узором треконду, будет улыбаться и говорить комплименты красавицам на приёмах в королевском дворце. Её ждёт участь гувернантки в богатом доме. Возможно, к ней посватается сын лавочника или пекаря и она, конечно, не решится ему отказать из страха остаться одной на всю жизнь.

Она не хотела думать об обязанностях Главного королевского дознавателя. Одно упоминание лорда Нежина о том, что Алену подчинены все палачи королевства, повергало её в смятение. И, всё же, Констанца думала, что, как бы ни сложилась её жизнь, она никогда не забудет яркие чёрные глаза, глядящие то с насмешливой иронией, то задумчивой отрешённостью, а то ласково и понимающе.

После ухода лорда Нежина к ним подошёл хозяин таверны, данн Петрож. Лорд Ален спокойно попросил накормить их и предоставить две комнаты. Констанца не помнила, что ела. Потрясение было настолько велико, что она опомнилась только когда увидела перед собой пустую тарелку. Они не разговаривали. Констанца не видела, что Ален, порой, грустно

поглядывал на неё, впервые не решаясь заговорить.

Данн Петрож вручил им ключи от комнат. Также молча они поднялись наверх. Ален помог ей открыть комнату и наказал закрыться изнутри. Она кивнула, потом, спохватившись, неловко поблагодарила лорда Алена за заботу. Он скривился, но ничего не сказал.

Посидев немного на кровати, Констанца подумала, что ведёт себя просто безобразно. Ведь она даже не подумала объяснить лорду Алену, что её молчание связано с испытанным ею потрясением, а на самом деле, она сердечно благодарна ему за спасение.

Решившись, девушка вышла из комнаты и робко постучала в соседнюю дверь. Она резко распахнулась. Лорд Ален, в одной рубашке, заправленной в штаны, и с мечом в руке стоял на пороге. Увидев её, улыбнулся: — заходи, Констанца. Не испугалась?

Она помотала головой: — нет-нет, я... Ваша милость..., - он перебил:

— Ален, Констанца, Ален! Разве ты стала относиться ко мне по-другому?

Она прерывисто вздохнула: — Ален, простите меня, я вела себя, как последняя дурочка. Я вам ужасно благодарна! Если бы не вы, лорд Нежин уволок бы меня, несмотря на моё сопротивление.

Ален положил меч на стол и уселся в кресло, внимательно глядя на неё: — Констанца, а знаешь, ты можешь отблагодарить меня за своё спасение...

Она растерянно сказала: — но как? Вы знаете, что денег у меня нет... Я обещала, что расплачусь с вами, когда стану работать...

Он продолжал внимательно смотреть на неё: — мне не нужны деньги, Констанца. Мне надо другое... Надеюсь, ты незамедлительно расплатишься со мной!

Он поднял на неё глаза и поразился ужасу, с которым она на него смотрела. С неудовольствием и раздражением он бросил: — что такое? Я не собираюсь просить тебя о чём-то невозможном!

Внезапно он заметил, как задрожал мягкий подбородок, беззвучно шевельнулись губы, а глаза неумолимо наливались слезами. Дрожащие руки с трудом расстёгивали пуговицы на треконде.

— да в чём дело-то, нечистики тебя побери! — Уже гневно выкрикнул он. Внезапно понял и, в растерянности, выругался.

Ален возвращался в столицу усталым до последней степени. Усталым и неудовлетворённым. Напряжённая четырёхмесячная работа его подчинённых и его самого увенчалась успехом. Все заговорщики установлены, найдены доказательства их преступной деятельности. Из двадцати трёх лордов королевства в заговоре участвуют семеро. Возглавляет его принц Демонд, младший и непутёвый брат короля. Ещё предстояло выяснить, как удалось заговорщикам склонить к измене глупого, безалаберного, но не злого и совершенно не завистливого принца. Но это уж пусть сам Рихард выясняет.

Ален по крупицам собирал и проверял сведения, предоставленные ему доверенными лицами, много лет служившими его ведомству верой и правдой. Линдсей, хозяин таверны в Гваренеде, староста деревушки Джен, данн Петрож из “Весёлого Свина” и многие другие, незаметные, добросовестные люди, его подчинённые и друзья.

Его неудовлетворённость проистекала из того факта, что он не смог выяснить ничего конкретного о лорде Нежине дар Кремоне. Его соседи, лорд Корт дар Джулем и лорд Фёрт дар Феррен активно участвовали в заговоре, искали и подкупали людей, долженствующих в

нужный момент напасть на охрану короля и отсечь её от кареты Рихарда.

О лорде Нежине ничего не было известно. Ну не верил Алэн, что молодой самолюбивый бездельник остался в стороне от соседей-заговорщиков, с которыми был далеко не в худших отношениях.

Сегодня он вплотную столкнулся с объектом своего пристального внимания. Тот держался нагло и бесцеремонно, но это ещё ни о чём не говорило. Алэн немало повидал таких, дерзких, самоуверенных. Многие из них закончили свою жизнь под топором палача.

Когда Констанца, явившись к нему поздно вечером, принялась сбивчиво благодарить за своё спасение, его осенило: так вот же он, источник столь нужной ему информации! Только нужно расспросить её осторожно, не пугая. Он и начал издалека, но она побледнела, в глазах появился ужас, трясущимися руками принялась расстёгивать треконду. Он не понял, потому что возможность выяснить, наконец, всё, что давно не давало ему покоя, начисто затмила все другие мысли. Когда понял — испугался. Того, что она видела в нём такого же насильника, как лорд Нежин, того, что он не сможет убедить её доверять ему.

Прикусив губу, Констанца пыталась совладать со своим отчаянием. Значит, она действительно падшая женщина. Даже Алэн, её спаситель и благородный защитник, оказался таким же, как лорд Нежин. Всем им нужно только тело, а её чувства, мысли и устремления не интересны. Она плакала не оттого даже, что ей были омерзительны его прикосновения. Как раз наоборот! Иногда, ночью, лёжа в темноте с открытыми глазами, она, стесняясь себя самой, представляла, как он целует её, осторожно, ласково. Она почти физически чувствовала его жёсткие обветренные губы, вдыхала его дыхание. Нет, она плакала потому, что вновь поверила и доверилась тому, кто не был великодушным героем, а всего лишь обычным мужчиной с присущей всему их роду похотью и презрением к женщине.

Она вздрогнула, когда Алэн грубо выругался, подняла на него испуганные глаза. Его лицо было искажено бешенством, он вскочил на ноги, встал перед ней, жёстко сказал: — Констанца, ты маленькая идиотка! Мне не нужно твоё тело, я не собирался тащить тебя в постель! Всё, чего я хотел, это немного сведений о лорде Нежине! Ведь ты жила в его замке, значит, видела, кто к нему приезжал, часто ли он сам уезжал куда-то и надолго ли. Твои подозрения унижают меня! Я думал, что пользуюсь твоим полным доверием, что мы друзья. Оказалось, ты считаешь меня таким же подонком, как и лорд Нежин! Ты напрасно раздеваешься, я хотел просить тебя о помощи, но теперь не буду. Уходи, Констанца, видеть тебя не могу!

Кое-как застегнув треконду, плачущая девушка выскочила за дверь. В своей комнате, рыдая, она упала на кровать. Её душил стыд. О, Всеблагой! Она, действительно, идиотка! Алэн назвал её совершенно правильно.

Проплакавшись и умывшись, она подумала, что, наверно, нужно извиниться перед лордом Алэном за свои гадкие подозрения. Где-то в глубине души шевельнулось радостное чувство: он действительно великодушен и благороден. Тут же пришла непрошенная грустная мысль: он сказал, что она ему не нужна.

Уже успокоившись, Констанца сидела и не могла решиться вновь постучать в соседнюю дверь. Ей хотелось извиниться перед ним, попросить, чтобы он не обижался, но смелости не хватало.

Стук в дверь прервал её размышления. Она вскочила, прижимая руки к груди. На пороге стоял лорд Алэн: — Констанца, прости меня. Я просто не ожидал, что ты так отреагируешь,

поэтому не сдержался..., - он не смотрел на неё, отвернувшись.

Тёплая волна накрыла Констанцу. Ей хотелось обнять его, сказать, что ей очень стыдно. Вместо этого она сказала: — лорд Ален, это вы меня простите! Я виновата перед вами и вела себя, как последняя дурочка. — Потом, жалобно, добавила: — не сердитесь на меня, пожалуйста!

Ален поднял на неё суровый взгляд: — поверь, Констанца, порядочных людей гораздо больше, чем тебе кажется. Что же касается меня, я никогда не принуждал женщин к близости со мной.

Девушка видела, как тяжело ему даётся объяснение с ней. Она решительно подошла к нему, подняв голову, заглянула в глаза: — Ален, вы на меня так сильно обиделись, что даже не можете простить? — Ей ужасно хотелось поцеловать твёрдо сжатые губы. Он внимательно посмотрел ей в глаза, его взгляд смягчился:

— глупышка ты, Констанца.

Она нерешительно улыбнулась: — я вам всё расскажу, что знаю, Ален. Только скажите, что вас интересует.

Он улыбнулся в ответ: — спасибо. Давай, присядем, что ли. Что-то у нас с тобой выдался сегодня очень напряжённый день.

Некоторое время Констанца отвечала на его вопросы, стараясь припомнить всё, что видела или слышала в замке. К её великому сожалению, знала она немного. Лорд Нежин ездил к соседям, но редко. Они тоже нечасто его навещали. Никаких посторонних людей в замке она не видела. Если они и появлялись, то ей на глаза ни разу не попадались.

Ален видел, что она неохотно говорила о лорде Нежине. Воспоминания были ей тяжелы, и он, пожелав спокойной ночи, отправился к себе, обдумывая услышанное.

Глава 12.

Они встретились утром в обеденном зале таверны. Оба чувствовали себя неловко. Каждый из них считал именно себя виновным в сложившейся ситуации. Ален, почти не спавший ночью, думал о том, что обидел Констанцу, грубо разговаривая с ней и назвав её идиоткой. На самом деле он вовсе так не думал, а наоборот, ему нравилось её самообладание, умение молчать, чувство собственного достоинства. Ему было интересно слушать её рассуждения. Иногда смешные, наивные, а иногда неожиданно интересные, наводящие на размышления. О Констанце, как о женщине, он запрещал себе думать. Может быть, поэтому он так резко отреагировал на её подозрения в его адрес. С некоторым раздражением он мысленно попенял себе, что, вместо того, чтобы думать о деле, ради которого он, как распоследний бродяга, три месяца скитался по городам и деревням королевства, он весь сосредоточен на том, что по его вине плачет молоденькая глупая девчонка.

Констанца спала урывками, снова и снова вспоминая их ссору и примирение. Она уже не знала, что же обидело её больше: то ли подозрение, что он принуждает её к близости с ним, то ли его презрительные слова о том, что он не собирался тащить её в постель. В конце концов, она должна была грустно признаться, что второе гораздо обиднее.

Ей хотелось, как учила данна Эдита, посмотреть на ситуацию отстранённо и решить, всё же, чего она хочет. Конечно, в первую очередь ей нужна работа в приличном добропорядочном доме. Ей также хотелось бы, со временем, выйти замуж, иметь семью и детей, любящего и любимого мужа. Но почему-то при этой мысли перед глазами возникает

лицо с сурово сдвинутыми бровями и холодным взглядом чёрных глаз. Именно так он смотрел на неё вчера. Наверняка он подумал, что её близость с лордом Нежином превратила её в распущенную женщину, которая вцепилась в него, как репей в собачий хвост, и он вынужден постоянно спасать её и везти с собой в столицу.

Эта мысль показалась Констанце до того обидной, что она опять поплакала, чувствуя себя потерянно и одиноко.

За завтраком Ален был непривычно любезен. Это ещё более смущало Констанцу, она терялась, не решаясь поддержать разговор, а лишь робко улыбалась. Наконец, она съела свою молочную кашу, а он большую миску тушёных овощей в дополнение к солидному куску мяса. Они решили, что после завтрака отправятся дальше. Решал, конечно, Его милость, а Констанца соглашалась. Она была непривычно тихой и послушной и соглашалась со всем, что он говорил. Ему это не нравилось, но он понимал, что девушка обижена и растеряна, поэтому старался держать себя в руках.

Они выехали из “Весёлого Свина” по дороге, ведущей в столицу. Ален торопился побыстрее убраться из лордства дар Феррена. Раз лорд Нежин смог выследить их, значит, его пребывание во владениях одного из заговорщиков уже не является тайной. Он знал, что по дороге предстоит миновать четыре довольно больших деревни, а потом будет город, Синайя. К сожалению, даже достигнув Синайи, они всё ещё продолжают находиться на враждебной территории. Значит, надо поторапливаться. В городе Ален собирался купить новую одежду себе и девушке, потому что носить их нынешнюю не решился бы и последний нищий.

Дорога не располагала к разговору. Скрип телег и повозок, бряцание железа, крики возниц — на дороге к столице было довольно шумно.

Они пообедали в придорожной таверне, а затем продолжили путь. Констанца, по-прежнему, была молчаливой и задумчивой, но с готовностью отвечала на вопросы попутчика. Её поведение невероятно раздражало Алена, хотя он не мог бы достоверно ответить, что больше злило его: её покорность или собственная растерянность.

На ночь остановились на постоялом дворе в деревне, через которую проходила дорога. Сама деревня была небольшой, всего десятка два домов, но добротных, с тесовыми, а не соломенными, крашеными крышами, высокими глухими заборами. Все её жители так или иначе работали на постоялом дворе. Стоящий на оживлённой дороге, ведущей в столицу, он процветал. Все три его этажа были отданы постояльцам. К удивлению Констанцы, комната имела отдельное помещение для мытья. По крайней мере, как сказал Ален, у каждого гостя имелась возможность смыть дорожную грязь в лохани, наполненной тёплой водой.

Немного в стороне располагалась таверна с неплохим выбором блюд. Они плотно поужинали. Ален, обнаружив, что его спутница пытается обойтись лишь тушёными овощами, нахмурился: — в чём дело, Констанца? Если ты не будешь есть, ты не сможешь целый день сидеть в седле. — Она подняла на него несчастные глаза:

— Ален, мне никогда не расплатиться с вами! Вы столько уже истратили на меня!

Он фыркнул: — успокойся. Несколько монет меня не разорят. Вот приедем в Синайю, я ещё и одежду тебе куплю. Ну и себе тоже. Сейчас мы с тобой похожи на парочку нищих. — Она неуверенно улыбнулась, впервые за целый день посмотрела ему в глаза. Кажется, он больше не сердился на неё. Холодность и суровость во взгляде сменились усмешкой.

Констанца воспряла духом. Может быть потом, когда они расстанутся, она сможет хоть изредка видеть его? Тут же пришла мысль, что это невозможно. Ведь он не крестьянский

парень из её деревни — бегать к ней на свидание. О, Всеблагой, ведь он — лорд, занимающий высокую должность при Его Величестве. Что она возомнила о себе, глупая наивная простушка?! У него, наверно, даже любовниц две или три. Она вдруг представила, как он целует и обнимает какую-нибудь красивую, роскошно одетую женщину, чёрные глаза ласково смотрят ей в лицо. И ещё, наверно, он шепчет такие слова, от которых у женщины захватывает дыхание... Нет, невозможно, как ей жить, если ежедневно не видеть его! Пусть хмурого, чем-то недовольного. Но ведь иногда он улыбается ей, и тогда в глубине его глаз блестят весёлые искорки.

Она чуть не расплакалась тут же, за столом. Ален снова нахмурился: — Констанца, я не заставляю тебя есть насильно. Я просто сказал, что силы тебе ещё понадобятся. Но если не хочешь, дело твоё. — Он недовольно ткнул вилкой в большой кусок зайчатины на блюде и подумал, что опять, сам того не желая, обидел её.

Они молча вернулись на постоялый двор и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим комнатам.

Прошло уже пять дней со времени их ссоры и примирения. Констанца с тоской вспоминала, как спокойно и легко ей было с Аленом — наёмником. Появление лорда Нежина всё испортило. Те дружеские отношения теперь уже никогда не вернуться. Она не может быть другом Главному королевскому дознавателю, облечённому немислимой властью, имеющему в подчинении не одну сотню людей. Да ещё, она с содроганием вспомнила, ему подчинены все палачи королевства! Это внушало ей ужас.

Покачиваясь в седле рядом с девушкой, Ален угрюмо думал, что Констанца так и не поверила ему, что он не хотел близости с ней по принуждению. Эти пять дней стали тяжелы для него. Он смирился с тем, что думает не о заговоре, а о девчонке рядом с ним. Скоро он, наконец, расстанется с ней. Нет, он не станет просить матушку дать ей приют, а сразу увезёт к деду. А что? Вот ей и работа, о которой она мечтает. Дед как-то говорил, что ему одному скучно. Вот и пусть развлекает его разговорами, книжки ему читает. А дед ей станет деньги платить, и оба будут довольны. В голове всплыла лукавая мысль, что он, иногда, навещает старика. Редко, конечно, и это неправильно, надо будет исправляться.

В Синае хозяин постоялого двора — данн Джорджий. Он работает в ведомстве даже дольше самого Алена, поэтому и относится к нему немного снисходительно. Пусть его, главное, что опытный агент и дело своё знает. Он последний, с кем нужно повидаться. А там, через сутки они пересекут границу Ферренского лордства и всё. Ещё неделя — и они в Орегонии, столице королевства. Рихард, наверно, с ума сходит, придворные перед ним, как мыши, разбегаются. Ещё бы! Главный дознаватель исчез и три месяца о нём ни слуху, ни духу. Но Ален не мог рисковать. Стоит заговорщикам узнать, что он здесь, рядом с ними, и за свою жизнь он не дал бы и пуговицы от своей драной треконды. От внезапного удара камнем по голове или мечом в спину не спасёт никакое колдовство. В душе всё время жила тревога за Констанцу. Ей очень опасно находиться рядом с ним. Если заговорщики решат убить его, то уж свидетелю наверняка не поздоровится. Ален думал, что надо бы как-то предупредить её, но не знал, как. Чего доброго, она решит, что он хочет от неё избавиться и в одну прекрасную ночь сбежит от него, благо, опыт имеется. Однозначно, он не хотел её терять и при мысли, что рано или поздно им придётся расстаться, болезненно сжималось сердце. Он усмехнулся про себя: думай, лорд Ален, думай! Что ты можешь предложить

молоденькой девчонке, дочери кузнеца, неглупой, но наивной и доверчивой? Место твоей любовницы, благо, оно сейчас вакантно? Он представил, как она, с негодованием, отвергает его предложение, как дрожат у неё губы и наливаются предательской влагой глаза. А ему хотелось бы, чтобы они радостно сияли ему навстречу, а розовые нежные губы улыбались. Он вздохнул. Пока что он не может даже откровенно поговорить с ней, объяснить, что он, порой, бывает резок и груб, хотя и старается сдерживаться. Ещё раз попросить у неё прощения, в конце концов.

Но это были лишь мысли. Даже себе он не мог признаться, что боится увидеть в её глазах, в ответ на свои оправдания, холод и презрение. Нет, словами она, конечно, ничего не скажет. Всё же сейчас девушка целиком и полностью зависит от него. Да и просто, в силу характера, не захочет его обижать. Но ясно, что она ещё больше отдалится и тогда ни о какой сердечности и думать не стоит.

Он иронически хмыкнул: неясно даже, как она к нему относится. Зато очень даже заметно, как тщательно теперь, после сведений о нём, она обдумывает свои слова, с какой осторожностью общается с ним.

Синайя — всего лишь один из городов Ферренского лордства. Он значительно уступает по величине и благоустройству Зеленайску.

Вечером путешественники беспрепятственно проехали через городские ворота и неспешно двинулись вдоль по центральной улице. Констанца была разочарована. Слабо освещённая фонарями, улица не могла похвастаться красивыми домами. Все довольно старые, с облезлой краской, одно — двухэтажные, они равнодушно смотрели подслеповатыми, давно немывтыми окошками на проезжающих мимо людей.

Констанце хотелось спросить Алена, почему этот город на границе Ферренского лордства и королевских земель выглядит так убого, но не решилась. Тот был погружён в свои мысли и были они, кажется, нерадостными, потому что смотрел он отсутствующим взглядом, а твёрдо сжатые губы казалось, не помнили, что такое улыбка. Констанца лишь надеялась, что не она является причиной такой холодной задумчивости.

Впрочем, несмотря на внешнюю непритязательность города, жизнь в Синайе кипела ключом. Многочисленные прохожие торопливо спешили по тротуарам, по мостовой катились кареты и повозки. Между ними протискивались всадники. Витрины лавок, освещаемые фонарями, завлекали покупателей модными шляпками, рулонами ярких тканей, разнообразной одеждой, обувью и оружием.

Не глядя по сторонам Алел торопливо обгонял кареты и повозки и, наконец, свернул с центральной улицы на боковую. Почти сразу же он остановился у низкого, одноэтажного приземистого здания и спрыгнул с коня. Констанца спешила следом за ним и облегчённо вздохнула. Наконец — то отдых. Они привязали коней к коновязи, и Алел первым вошёл в дом. Это был постоялый двор. Констанца не обратила внимания, была ли у него какая — то вывеска. Наверное, была, но выглядел он таким же обшарпанным и неухоженным, как и все виденные ею дома в Синайе. Хозяин этого постоялого двора держал небольшую кухню, чему девушка была очень рада. Ей даже думать не хотелось о том, чтобы ещё куда — то идти в поисках ужина. В небольшом зале стояло несколько столиков, один — свободный.

Кажется, Алел ждали. К ним навстречу поспешил хозяин, крошечный человечек с гордо вскинутой головой, абсолютно лысый, но с густыми кустистыми бровями. Как показалось Констанце, он был стар, но двигался легко и уверенно. Широко улыбаясь, он

протягивал руки к Алену. Тот наклонился и почтительно обнял человечка: — Джорджий, я рад, что ты по — прежнему бодр и здоров!

Хозяин постоянного двора снисходительно похлопал его милость по спине: — Тебя долго не было, Ален! Я уж начал беспокоиться! А что за юношу ты привёл ко мне? — Он перевёл взгляд маленьких блестящих глазок на Констанцу.

Ален наклонился к самому уху Джорджия и что-то прошептал ему. Тот удивлённо поднял брови и покачал головой, но больше ничего не сказал.

Получив ключи от комнат, они прошли по коридору вглубь здания. Вдоль него тянулись закрытые двери, одну из них Ален толкнул, предварительно открыв ключом. Констанца вошла следом, огляделась. Маленькая темноватая комнатка, вмещающая узкую кровать с тощей подушкой, небольшой столик, пару стульев. За ширмой таз и кувшин с водой. От печки, обогревающей две комнаты, веет теплом.

Ален прошёлся по комнате, выглянул в тёмное окно: — располагайся, Констанца, а потом пойдём ужинать.

После его ухода она с удовольствием посидела на кровати, но нужно было хотя бы умыться с дороги. Констанца сняла надоевшую до нечистиков треконду и, оставшись в одной нижней мужской рубашке, тоже грязной и надоевшей, отправилась за ширму.

После ужина девушка устало вытянулась на твёрдом матрасе, но сон не шёл. Неопределённость будущего тревожила её, а ещё она скучала об отце. Наверно теперь, когда лорд Нежин оставил её в покое и больше не ищет, она сможет послать весточку домой. Нужно только спросить у Алена. Эта мысль принесла ей успокоение, и она заснула.

Утром, после завтрака, как Ален и обещал, они отправились покупать одежду. В радостном предвкушении у Констанцы внутри всё трепетало. Всё же, из вежливости, она попыталась отказаться, уверяя, что её вполне устраивает нынешняя треконда и штаны. Его милость окинул её ироническим взглядом, от которого она покраснела, и сказал: — иди, бери плащ и пойдём.

Он неплохо знал расположение улиц и, побродив немного по центру, они отправились на одну из площадей, где, как сказал Ален, можно было купить самую лучшую одежду: доброкачественную и модную. На площади кипел базар. Люди потоком текли вдоль наскоро сооружённых навесов, под которыми горластые продавцы нахваливали свой товар. У девушки рябило в глазах и закладывало уши от криков, смеха, воплей зазывал и гула толпы.

В первой же лавке, где продавали платья, у Констанцы захватило дух от обилия красок, фасонов и, конечно, цен. Всё было ужасно дорого. Она смущённо спряталась за спину своего спутника, но он бесцеремонно вытолкнул её вперёд. Стоящей перед ним хозяйке лавки строго сказал: — прошу вас, данна, подберите этой красивой девушке всё, что необходимо. Вещи упакуйте и отправьте в “Уютную гавань”. Я скоро приду. — Он развернулся и вышел из лавки, а Констанца осталась во власти хозяйки и двух её помощниц.

Её крутили и вертели, примеряя платья, юбки, блузки, а также предлагая разноцветные шёлковые штанишки, тончайшие чулки, кружевные нижние юбки и ночные рубашки. Она растерялась в этом ворохе прекрасных вещей, а женщины наперебой расхваливали их, намекая, что её мужчине наверняка понравится надетое на неё кружевное бельё и эти великолепные платья, так изумительно подчёркивающие её тонкую талию и плавную линию бёдер. Внезапно Констанца обнаружила, что на прилавке отложены для оплаты не менее десятка блузок, несколько юбок, дюжина платьев и большая стопка белья. Она решительно встала со стула, где сидела последние несколько минут, не устояв под напором женщин, и

подошла к прилавку. Не слушая охи и ахи лукавых торговок, девушка отложила в сторону две блузки, одну юбку, а также пару платьев из тонкой шерсти вишнёвого и практичного тёмно — синего цвета. Ей хотелось взять хотя бы одну кружевную нижнюю юбку и ночную рубашку, но она удержалась, а отложила обычные, из тонкого отбелённого полотна. В конце концов, даже при её скромных запросах, получился приличных размеров свёрток, который хозяйка обещала немедленно отправить на постоянный двор. Констанца не устояла и надела вишнёвое платье вместо надоевших мужских брюк и треконды. Старые сапожки скрылись под длинным подолом, тонкую талию опоясал широкий, расшитый блестящим шёлковым шнуром пояс, тоненькая длинная шейка выглядела трогательно и незащищённо.

Незаметно вошедший Алён залюбовался девушкой. Он впервые видел её в платье. Мешковатая треконда с чужого плеча и широкие мужские штаны напрочь убивали её природное обаяние. Сейчас перед зеркалом крутилась очаровательная, шаловливая и необычайно счастливая юная девушка. Она поймала в зеркале его восхищённый взгляд и вспыхнула, смутилась, опустила глаза, а руки неуверенно теребили платье. Он улыбнулся, взял из рук хозяйки новый меховой плащ и аккуратно надел его ей на плечи. На мгновение приобняв её, он почувствовал, как напряглось её тело. Алён отпрянул, с грустью подумав, что, похоже, во всех мужчинах Констанца теперь видит насильников.

Он расплатился за покупки, а потом они направились в обувную лавку, где девушка с облегчением выбросила свои старые изношенные сапожки и там же, в лавке, переобулась в новые, восхитительно удобные и лёгкие. Совершенно счастливая, она улыбнулась Алёну, и он ответил такой же улыбкой, радуясь её радости.

Затем они направились в конец базара, где находились лавки мужской одежды. Любопытная Констанца без устали вертела головой, и Алён вынужден был время от времени оглядываться, боясь, что она потеряется. В какой — то момент он оглянулся, она перевела на него взгляд, и ужас вспыхнул в её глазах. Он резко дёрнулся в сторону, но опоздал. Удар обрушился ему на голову, и свет померк в его глазах.

Констанца была в совершеннейшем восторге. Она никогда не видела базаров, лишь слышала о них от подруг. Отец редко бывал в городе и никогда не брал с собой Констанцу. Шум и суета ужасно утомляли его. Он предпочёл бы подковать десяток лошадей, чем пройтись один раз по беспокойным городским улицам. По простоте душевной он считал, что его нежная скромная девочка будет неприятно поражена разгульной городской жизнью, где женщины лёгкого поведения открыто пристают к мужчинам, где в канавах валяются пьяные грязные люди, а оборванные ребятишки цепляются к прохожим и ругаются грязными словами.

Сейчас она крутила головой, стремясь всё увидеть и ничего не упустить. Вон вдалеке по канату, высоко над толпой, скользит тоненькая девушка в коротенькой юбочке. Рядом, под навесом, мальчишка бойко торгует расписными глиняными свистульками, а тут же кряжистый мужик, заросший бородой до самых глаз, выставил на длинный стол деревянные миски с мёдом. Медовый дух плыл над толпой, заставляя людей оглядываться в поисках источника.

Она видела идущего впереди Алёна. Он беспокоился за нее, и всё время оглядывался, но выше её сил было ускорить шаги и не рассмотреть узорные, ядовито — розовые пряники, которые продавала с повешенного на шею лотка толстая крикливая тётка. Она с интересом замедлила шаг у стойки, сплошь увешанной яркими платками из шерсти, пуха и шёлка.

Ален опять оглянулся, а она, вдруг, увидела, как из толпы рядом с ним вынырнули несколько мужчин и один занёс над его головой рукоять кинжала. Она не успела крикнуть, но он понял по её глазам, рванулся в сторону, но натолкнулся на одного из окруживших его людей. Рукоять с силой ударила его по голове, и он осел, а толпа сомкнулась над ним.

Констанца дико закричала и рванулась к Алену, расталкивая людей. На неё оглядывались, её толкали, вслед ей неслась ругань, но она ничего не замечала. Она, наконец, прорвалась к тому месту, где, она видела, упал Ален. Но там никого не было. Вдалеке, скрываясь за углом, мелькнули всадники.

Глава 13.

Не помня себя, Констанца бежала в “Уютную гавань”. Именно так претенциозно назывался этот убогий постоялый двор. Сейчас ей было не до рассуждений о чистоте и удобстве проживания. Она осталась одна в чужом незнакомом городе, но меньше всего Констанца думала об этом. Ален! Его похитили, ударив по голове рукоятью кинжала. Жив ли он? Кто эти люди, что появились так внезапно и так же внезапно исчезли? Вначале она растерялась, но сразу же вспомнила о Джорджии. Кажется, они с Аленом друзья. Он должен помочь ей найти его милость!

Она влетела в зал, едва переводя дыхание. Навстречу ей уже спешил Джорджий. Он радостно улыбался: — данна Констанца, ваши наряды прибыли. Я велел занести их в вашу комнату.... Улыбка медленно сползла с его лица: — вы... что — то случилось? Где Ален?

Слёзы хлынули из её глаз: — его похитили! Данн Джорджий, Алена ударили по голове рукоятью кинжала и увезли! Я не смогла этому помешать!

Сдвинув кустистые брови, маленький человечек заставил её подробно рассказать о похищении. Она мало что могла добавить к своему рассказу. Похитителей не запомнила. Одеты обыкновенно, лица неприметные, скрылись верхом и очень быстро.

Хозяин постоялого двора прошёл вместе с Констанцей в её комнату и сел на стул, глядя на неё. Она металась по комнате, заламывая в отчаянии руки: — данн Джорджий, надо немедленно сообщить о похищении городской страже! Они должны догнать похитителей! — Остановившись перед ним, в нетерпении топнула ногой: — прошу вас, не сидите! Алену угрожает опасность, а вы ничего не делаете!

Он усмехнулся: — успокойся, Констанца! Садись, я тебе хочу кое-что рассказать. — Она торопливо села, в нетерпении глядя на него, — Главный дознаватель, девочка, не ради развлечения путешествует по королевству. Он проверяет некие сведения, которые ему стали известны. Касаются они многих знатных лордов, поэтому Ален так скрытен. К сожалению, о его нахождении здесь стало известно. Я думаю, что похитившие его люди посланы одним из лордов.

— Но почему он сам проверяет эти сведения? Я думала, что у него в подчинении находится много людей! Неужели он не мог послать кого-то?

Мужчина покачал головой: — Констанца, об этом ему говорили многие, в том числе и король. Конечно, у него в ведомстве служит много людей и большинству из них он доверяет. Но вот такой уж он, лорд Ален. Это очень опасно, я имею в виду то, чем он занимался, а потому он не хотел рисковать жизнями своих подчинённых и поехал сам.

Констанца снова вскочила на ноги: — опасно? То есть, его могут убить? За что?

— Я не могу сказать тебе всего, но лорды без колебаний убьют его, лишь бы сведения, которыми он обладает, остались неизвестны.

Девушка побледнела, с гневом глядя на хозяина “Уютной гавани”: — и вы так спокойно

об этом говорите?? Надо немедленно ехать на его поиски! Невозможно допустить, чтобы его убили! — Стиснув кулаки, она подскочила к мужчине: — да что же вы сидите-то!!

Тот грустно смотрел на неё: — мы не сможем ему помочь, Констанца. Неизвестно, куда его увезли, сколько там было человек, жив ли он сейчас... Едва ли мы с тобой в состоянии сразиться с хорошо обученными воинами. Кроме того, как только они узнают, что за ними погоня, его немедленно убьют.

— Нет, невозможно! — Она снова заметалась по комнате, — не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать! — Она остановилась, глядя на собеседника: — данн Джорджий, а разве он не может применить свои способности? Я видела, как мгновенно заржавели и рассыпались мечи у стражников, когда он их заколдовал!

— Едва ли он сможет что — то сделать, — маленький человечек покачал головой, — его силы невелики, а кроме того, его наверняка чем — то поят, чтобы он не очнулся. Да и руки ему, конечно, связали. — Данн Джорджий не стал делиться с ней опасениями, что руки ему могли и сломать, чтобы он стал беспомощен.

— Так! Вы не собираетесь что-то предпринимать, как я поняла..., - хозяин таверны перебил её:

— собираюсь, Констанца! Как только ты перестанешь потрясать кулаками перед моим лицом, — он усмехнулся, — я отправлю человека с письмом к градоначальнику ближайшего города на королевских землях. Он будет там дня через четыре — пять. Надеюсь, через две недели нам придёт помощь.

— Две недели??! Да Алена убьют за это время!! — Она не выдержала и снова заплакала но тут же постаралась взять себя в руки. Кажется, ему никто не поможет, но она не бросит его! Её сердце сжималось от боли. О, Всеблагой, научи её, наставь на путь истинный, ведь она всего лишь молоденькая, слабая глупенькая девчонка!

Констанца решительно повернулась к мужчине: — я еду искать Алена. Пока не знаю, что смогу сделать, но и сидеть и ждать помощи я не могу. Данн Джорджий, если можете что —нибудь посоветовать, то я прошу вас: ради Алена, скажите мне, научите! — Она выжидающе смотрела на собеседника. Тот опять покачал головой, тяжело вздохнул:

— ты погибнешь с ним вместе, Констанца.

— Ну и пусть. Главное, что с ним!

Лихорадочное нетерпение охватило её. Она готова была ехать сейчас, не медля ни минуты. Почти силой данн Джорджий усадил её, мягко сказал: — хорошо, Констанца, поезжай, но вначале послушай меня. Я думаю, Алена похитили люди лорда дар Феррена. Он постоянно живёт в своём городском доме в Зеленайске. Главного дознавателя должны доставить к нему. Однозначно, что он не отпустит Алена. Если тебе не удастся освободить его по дороге, то его уже не спасти.

Констанца взвилась со стула, на котором сидела, но мужчина жестом остановил её: — до Зеленайска далеко, значит, похитители будут ночевать в деревнях по дороге. До ближайшей — день пути. Значит, ночью тебе тоже надо быть там. Я советую взять Грома. На нём ты быстрее доскачешь до деревни.

Она нерешительно посмотрела на хозяина постоянного двора: — я боюсь, он не станет меня слушаться. Тот пожал плечами:

— попробуй. Он же знает тебя, ты всё время рядом с Аленом. Может быть, и получится.

У Констанцы получилось. Жеребец недовольно косил глазом и всхрапывал, но она протянула ему припасённый ломоть подсоленного хлеба, и Гром решил, что потерпит её.

Она уже садилась в седло, одетая в свою старую грязную треконду, штаны и плащ, когда подошедший данн Джорджий протянул ей небольшой тонкий кинжал в ножнах. Она помотала головой: — я не умею им пользоваться, да и девать его мне некуда.

— Бери, — раздражённо сказал тот, — ты не умеешь, зато Ален очень даже умеет!

Она прикусила губу, поняв, что мужчина прав. Тот сунул кинжал в ножнах ей в сапог и хлопнул по крупу коня.

Констанца подъехала к деревне ночью. Вскользь она подумала, что это просто счастье, что в деревне нет, как в её родных Вишняках, собак. Проходящая рядом большая и наезженная дорога на столицу была бы нескончаемым источником собачьего лая.

Это была та самая деревня, где они с Аленом ночевали с такими удобствами. Она совершенно не представляла, где его искать. Спешившись и привязав Грома у крайних домов, она решила осторожно пройтись по ночной деревне и осмотреться.

На небе нехотя всходила полная луна, освещая слабым призрачным светом два десятка домов за глухими сплошными заборами и двухэтажное здание постоянного двора.

Медленно двигаясь вдоль домов, она пришла к выводу, что похитители не остановились ни в одном из них. К наглухо закрытым калиткам вели узкие, протоптанные в снегу тропинки. Она подумала, что такое большое количество людей обязательно бы оставило много следов. Значит, если они в деревне, то остановились на постоялом дворе. Она тихо подошла к его плотно закрытым воротам, медленно нажала на створку. Та со скрипом поползла в сторону, открывая проход во двор. Констанца проскользнула внутрь, прикрыла ворота и прижалась к ним спиной, прислушиваясь к тишине.

Тёмные окна постоянного двора свидетельствовали, что за ними спят усталые люди, которых поутру ждёт дальняя дорога.

Она решила, что обойдёт здание кругом и поищет какой-нибудь вход. Где искать Алена в таком большом доме она тоже, пока, не представляла. Крадучись, она двинулась вдоль стены постоянного двора, ежеминутно опасаясь наткнуться на работника или постояльца, но всё было тихо.

За домом начались конюшни. Она слышала, как вздыхают и переступают с ноги на ногу лошади, чувствовала их тепло и запах навоза. Констанца обошла вокруг три конюшни, не решаясь заглянуть внутрь. Наконец, приоткрыла небольшую дверь и сразу же закрыла обратно. Она поняла, что Алена здесь нет, иначе дверь была бы заперта. Точно также она проверила остальные. Дальше, во дворе, стоял дровяной сарай. Она видела внутри, через настежь распахнутые ворота, аккуратно уложенные поленицы. За сараем была ещё одна конюшня, старая, с провалившейся соломенной крышей и небольшим отверстием высоко в стене.

Констанца, в нерешительности, постояла, глядя на это ветхое сооружение. Едва ли Ален может быть там. Всё же она направилась к конюшне и... замерла. Ей показалось, что она услышала какое-то бормотание. Крадучись, она обошла вокруг и тихо-тихо заглянула за угол. У запертой двери сарая сидел, закутавшись с головой в большой меховой плащ, человек. Он недовольно бормотал и время от времени прикладывался к какому-то сосуду, который извлекал из-за пазухи.

Её радости не было предела! Она нашла его! Наверняка Ален закрыт в этом сарае, не почему он не убегает?

Констанца оглянулась по сторонам в поисках какой-нибудь подсказки, которая помогла

бы ей проникнуть внутрь. Сможет ли она влезть на крышу, а оттуда попасть в конюшню? Она посмотрела вверх. Отверстие в стене было под самой крышей, но как до него добраться? Она вспомнила про деревянный сарай. Может быть, там найдётся что-то подходящее?

Путаясь в полах плаща, Констанца побежала к сараю, заглянула в распахнутые ворота. Её глаза сразу наткнулись на массивную колоду, на которой, видимо, кололи дрова. Она подошла, с сомнением потрогала её рукой. Та стояла незыблемо. Девушка изо всех сил навалилась на её край, и колода покачнулась, нехотя опрокинулась на бок. Констанца обрадовалась. Теперь нужно укатить её под стену старой конюшни. Она не боялась насторожить охранника. Было видно, что он изрядно пьян, но всё же она старалась не шуметь.

Взобравшись на колоду, Констанца смогла просунуться в отверстие в стене. В конюшне было темновато, и ей пришлось некоторое время переждать, чтобы привыкли глаза. А потом она сразу увидела человека, неподвижно лежащего на куче старой прелой соломы. Ален! Она принялась торопливо протискиваться в отверстие. Плащ мешал, и его пришлось снять и протолкнуть вперёд себя.

Наконец, она пролезла в дыру, или это было что-то вроде окошка? И спрыгнула на пол. Ален не двигался. Она подбежала, упала около него на колени, прошептала: — Ален, вы живы? — Человек шевельнул головой и снова замер. Она наклонилась к нему, всматриваясь в лицо. Луна светила в прорехи в соломенной крыше и в её слабом свете Констанца увидела, что его лицо залито запёкшейся кровью, а рот заткнут какой-то грязной тряпкой. Она осторожно потащила её. Он застонал, стал судорожно хватать воздух ртом. Констанца даже не замечала, как слёзы стекают по её щекам. Она чувствовала запах крови, видела, что у него разбиты губы и заплыл один глаз, а волосы на лбу, брови и ресницы слиплись. Он с трудом прошептал: — Констанца! Как ты сюда попала? Скорее беги! Скорее!

Не слушая, она стала его ощупывать, не зная, что делать, как вытащить его из этого сарая. Он сказал уже твёрже: — Констанца, немедленно уходи! Ты слышишь? Я приказываю тебе — уходи! — Она замотала головой:

— нет, мы уйдём вместе!

Он разозлился: — глупая! Нам вместе не уйти! Если они тебя поймут... — его голос дрогнул. Она прошептала:

— ну да, убьют, данн Джорджий мне сказал, но я не боюсь. Мы убежим, там охранник совсем пьяный, а я приехала на Громе, он увезёт нас двоих.

— Констанца, убирайся немедленно! Они не просто тебя убьют, а сначала..., - он судорожно вздохнул: — я прошу тебя, умоляю, беги, девочка! Ты поедешь в столицу и приведёшь помощь, меня спасут. Беги, милая! — Он попытался сесть, и она только сейчас увидела, что у него связаны руки и ноги. Стыд обжёг её:

— Ален, повернись, я развяжу тебя! — Он с трудом повернулся на бок. Она видела, что он сильно избит, его движения замедленны, а говорит он с трудом.

Констанца наклонилась над его руками, стянутыми за спиной, и едва сдержала рыдания. Верёвка глубоко впилась в кисти рук, они опухли и побелели. Она попыталась подёргать грубый узел, но поняла, что ей ни за что его не развязать. Внезапно девушка вспомнила про кинжал в сапоге. Через минуту Ален, скрипя зубами, растирал рубцы от верёвки.

Она даже не заметила, что стала говорить ему “ты”. Жалость терзала её, его боль эхом отдавалась в её душе.

Он обрадовался, увидев кинжал, и снова хотел выпроводить её: — Констанца, теперь ты можешь спокойно оставить меня. С оружием им меня не взять.

Она, не слушая его, разрежала верёвки, стягивающие ноги, и, обняв его за плечи, попыталась поднять. Он хмыкнул ей в ухо: — ты сильна духом, девочка, но не физически. — Он с трудом встал на ноги, покачиваясь, тяжело опёрся на неё, — они здорово попинали меня, ублюдки, да ещё чем-то напоили, какой — то сонной гадостью.

Ален увидел ужас в глазах Констанцы и резко дёрнулся в сторону. Помешала толпа. Казалось, от удара треснул череп, и в затухающем сознании мелькнуло: только бы они не заметили её! А потом свет померк в глазах.

Он очнулся оттого, что стал задыхаться. Открыв глаза, увидел перед собой жёсткую лошадиную гриву, в которую он уткнулся лицом. Попытался пошевелиться и понял, что опутан верёвками и привязан к лошади. Наклоняясь вперёд, он упал на шею лошади и пришёл в сознание. Тут же понял, что не только связан по рукам и ногам, но и во рту какая-то вонючая тряпка. Вытолкнуть её языком не получилось. Повернув голову, увидел скачущих рядом всадников. По виду — обычные наёмники: грубые лица, бычьи шеи, потёртые плащи из толстого сукна сбоку оттопыривают пристёгнутые к поясу мечи. Увидев, что он зашевелился и пытается выпрямиться, наёмники свернули с дороги на обочину, спешили. Отвязав Алена, сгоготом скинули его на землю и принялись пинать ногами. Он прижал подбородок и колени к груди, стараясь максимально защитить внутренние органы. Почувствовал, как кровь заливает глаза и услышал, как один из наёмников сказал: — хватит! Лорд Фёрт разрешил его убить только в крайнем случае.

Стоящий рядом прошипел: — Прикуси язык, дурак! Ты забыл, что нельзя называть никаких имён?

Ален усмехнулся разбитыми губами: значит, лорд Фёрт. Он самый старший из заговорщиков и самый решительный. Ишь, не побоялся выкрасть Главного дознавателя. За одно это полагается смертная казнь. Но он уверен, что о похищении никто не узнает. Сгинул где-то на просторах королевства Семи Холмов лорд дар Бреттон и следов не оставил. А то, что следов не останется, Ален был уверен.

Старый лис почувствовал опасность и решил, что со смертью Главного королевского дознавателя сгинут и многочисленные улики его измены. Оказывается, лорд Ален, вы довольно предсказуемы. Похоже, заговорщикам известно, что, пока вы, самолично, не убедитесь в достоверности имеющихся сведений, никаких обвинений предъявлено не будет.

Но вначале будут пытки. В этом Ален не сомневался. Лорд Фёрт должен точно знать, что известно о его преступной деятельности. Шансов на спасение нет, значит, надо тщательно подготовиться к будущему разговору. Голова нестерпимо болела, но он старался не обращать на неё внимания, как и на боль в избитом теле.

Наёмники и их пленник опять скакали по дороге, и Ален, с трудом удерживая затухающее сознание, понял, что они приближаются к деревне, где они ночевали с Констанцей. На одной из стоянок его силой напоили каким-то питьём, и он вскоре почувствовал, что его неудержимо клонит в сон. Всё правильно. Связанные руки, заткнутый рот и сонное зелье не позволят применить ему даже имеющиеся малые силы ведьмака.

Мысль о Констанце обожгла огнём, на минуту прояснив разум. Только бы Джорджий догадался побыстрее отправить её в столицу! Печально, что он никогда больше не увидит её, но он страстно желал, чтобы девушка как можно скорее покинула Синаю. Ален знал, что

никакие, даже самые страшные пытки не заставят его признаться в том, что она была с ним.

Его грубо скинули со спины лошади и отволокли в старый сарай в глубине постоянного двора. Сквозь полуобморочное забытье он слышал, как подошедший работник велел поставить лошадей в ближайшую к сараю пустую конюшню. Руки не развязали и кляп изо рта не вытащили. Ален, в тупом оцепенении лежал на охапке полусгнившей соломы и пытался обдумывать свои дальнейшие действия. Думалось плохо, мешала боль во всём теле. Он совершенно не чувствовал рук, заломленных за спину и туго стянутых верёвкой.

Внезапно его внимание привлёк шорох за стеной сарая. Лунный свет в небольшом окошке под потолком померк. Какая-то фигура протиснулась в отверстие, и дрожащий голос Констанцы прошептал: — Ален? Вы живы?

Ужас объял его. Констанца! Что делает здесь эта дурёха?? В эту минуту он проклял свою службу, их встречу и саму свою жизнь. Она вытащила кляп и он, с трудом ворочая языком, прошептал: — Констанца! Как ты сюда попала? Скорее беги! Скорее!

Глупая девчонка замотала головой, а он, в панике, зашипел на неё: — Констанца, немедленно уходи! Ты слышишь? Я приказываю тебе — уходи! — Ален знал, что никогда в жизни он не был так напуган, как в этот момент. Ведь если её поймают здесь, в этом сарае, её ждёт участь похуже смерти. От собственного бессилия и страха за неё он был готов биться головой об стену.

Неожиданно Констанца вытащила из сапожка небольшой узкий кинжал в ножнах. Он не поверил своим глазам: появилась надежда на спасение.

Она разрешила верёвки, и некоторое время Ален был не в состоянии что-либо говорить. Боль в опухших кистях рук была такова, что он только стискивал зубы. Постепенно кровообращение восстановилось, и он смог посмотреть на свою спасительницу. Она стояла перед ним на коленях, а на её бесхитростном личике отражались сочувствие, жалость, боль и ...что-то ещё, от чего она опустила и отвела глаза. И внезапно Ален, холодный, расчётливый и обладающий незаурядной силой воли и самообладанием, в отчаянии подумал: — о, Всеблагой, помоги мне! Я люблю эту сопливую зарёванную девчонку! Моё сердце сжимается от боли, когда я вижу её слёзы и ликует — ведь она плачет из-за меня! Лорд Ален, вы пропали! Ваше счастье и сама жизнь — в её руках.

Она близко видела его залитое кровью лицо, распухшие губы. Смахнув со щёк слёзы и шумно шмыгнув носом, жалобно сказала: — Ален, а этот отвратительный данн Джорджий пытался меня отговорить, чтобы я тебя не искала! Ненавижу его!

Он тихо сказал: — он всё делал правильно, Констанца. Если нам удастся спастись, я тебе обо всём расскажу, хорошо? Не плачь, милая, давай отсюда выбираться. — Она послушно кивнула, а Ален велел ей лечь на его место. Сам встал у двери, прижавшись спиной к стене, и громко застонал. Некоторое время спустя загремел засов, дверь медленно открылась, и на пороге встал, покачиваясь, охранник. Вглядываясь в лежащую на соломе Констанцу, он лениво сказал: — ну, чего тебе ещё? Потерпи, скоро наш лорд займётся твоими удобствами! — Он издевательски захохотал, но тут же смех сменился хрипом, и охранник осел к ногам Алена. Тот вытащил из его груди кинжал и хладнокровно обтёр его об одежду убитого. Констанца содрогнулась, и её чуть не вывернуло наизнанку, но она сдержалась. Ален, качаясь, стоял, держась за стену. Она подбежала к нему, забрала кинжал и сунула его в ножны. Выглянув наружу, прислушалась. Кругом было тихо, на скамейке у двери валялся тёплый плащ охранника. Преодолевая отвращение, она схватила его и

накинула на плечи Алена, только сейчас заметив, что он дрожит от холода в одной треконде. Он усмехнулся, но ничего не сказал, а шагнул к двери, потянув Констанцу за руку.

Они шли в обнимку по ночной деревне, потому что девушке пришлось положить его руку на свои плечи, иначе бы он упал.

Перед этим ей, преодолевая страх, пришлось подойти к конюшне, где стояли кони наёмников. Она осторожно открыла ворота и вернулась к Алёну. Он стоял, прислонившись к стене сарая, и она видела, что он лишь усилием воли держится на ногах.

Ворота постоянного двора она тоже оставила открытыми. А потом они побрели туда, где их дожидался привязанный жеребец. По приказу хозяина Гром послушно подогнул ноги и опустился на снег. Алён с трудом сел в седло и похлопал коня по шее. Тот легко поднялся, а Констанца привязала всадника к седлу прихваченными из сарая верёвками. Затем, уперевшись кончиком сапога в ногу Алёна, вскочила на жеребца сама.

В темноте и тишине они подъехали к воротам постоянного двора. Алён резко выбросил обе руки вперёд, а затем развёл их в стороны и толкнул Грома каблуками сапог. Едва они отъехали от ворот, сзади раздался топот конских копыт. Мимо них бешено промчались два десятка лошадей и скрылись во мраке. Алён хмыкнул: — вот теперь наёмникам будет тяжело нас догнать.

Они ехали весь остаток ночи и утро, иногда останавливаясь, чтобы дать отдых коню. Обняв Алёна сзади и прижавшись к его спине, Констанца всё время была настороже. Он держался в седле из последних сил, временами наклоняясь вперёд. Тогда она принималась звать его по имени, ещё сильнее обнимая его и понимая, что этим причиняет ему боль. Ей казалось, что дороге никогда не будет конца, но внезапно Гром остановился. Она подняла голову: рядом с головой коня стоял и держал его под уздцы маленький человечек, хозяин постоянного двора “Уютная гавань”. Он улыбался им, а за его спиной она увидела подводу с сеном, запряжённую невзрачной лошадейкой.

Вдвоём они помогли Алёну слезть с коня. Разворошив сено, данн Джорджий постелил на дно подводы большой меховой плащ. Уложив находящегося в полуобморочном состоянии Алёна, Констанца легла рядом, прижав его к себе. Данн Джорджий укрыл их с головой другим плащом, а сверху навалил сена, которое привязанный сзади Гром уже давно с наслаждением жевал. Подвода не спеша тронулась, и Констанца, чуть живая от пережитого ужаса и чувствуя, как тихо дышит Алён в забытьи, скоро уснула.

Проезжающие по дороге, немногочисленные с утра повозки, кареты и телеги огибали их, а седоки равнодушно скользили взглядом. Картина не вызывала удивления. Парнишка с работником грузят пьяного, едва стоящего на ногах хозяина, на телегу, чтобы тот не упал с коня. Ничего интересного.

Глава 14.

Алён медленно приходил в сознание, чувствуя, как постепенно отступает слабость. Он понял, что лежит на узкой кровати в крохотной коморке за обеденным залом на постоянном дворе Джорджия. В маленькое узкое окошко под самым потолком заглядывала луна, освещая его, раздетого и укрытого тёплым одеялом, и спящую на узкой кушетке у стены Констанцу. В лунном свете её лицо выглядело усталым и измученным. Он почувствовал, что голову что-то стягивает и нащупал повязку. Алён попытался сесть, но с тихим шипением опустился на подушку. Избитое тело давало о себе знать. Девушка зашевелилась и открыла глаза. Увидев его взгляд, улыбнулась и соскочила с кушетки, откинув одеяло. Он отметил, что на ней

купленные накануне юбка и светлая блузка из тонкого хлопка. В женской одежде она выглядела непривычно трогательно и незащищено. Он улыбнулся в ответ, и молодая кожа на разбитых губах лопнула, отчего он поморщился: — не могу улыбаться, губы больно.

Её глаза округлились, а лицо скривила жалобная гримаска. Она опустилась на колени перед его изголовьем: — молчи, пожалуйста! Тебе очень больно, да?

Ален с радостью вглядывался в её, такое близкое и родное лицо, глаза, на которые опять навернулись слёзы. Он тихо провёл рукой по её щеке, а она потёрлась о его ладонь: — Констанца, я люблю тебя, милая. Я чуть не умер со страха, когда увидел тебя там, в сарае.

Она прерывисто вздохнула, кажется, его признание её не удивило. — Ален, я тоже тебя люблю. — Констанца помолчала, как будто прислушиваясь к себе, добавила: — очень сильно люблю, правда.

Он смешливо фыркнул: — кажется, я должен был встать перед тобой на колени... — он подумал, — или на оба. Ведь именно так положено в любви объясняться?

Констанца засмеялась и тут же зажала себе рот обеими руками: — данн Джорджий велел не шуметь. Про эту комнату никто не знает, у неё даже дверь открывается сначала в кладовку с ведрами и вениками. Он сказал, что нас обязательно будут искать!

Ален кивнул, и это движение сразу отозвалось болью в голове: — да, Констанца, я знаю про эту комнату. Расскажи мне, что было, как вы меня сюда затащили?

Она села к нему на постель, но он потянул её к себе, повернувшись на бок на узкой кровати, и она не упираясь, без раздумий прилегла рядом, положив голову к нему на подушку. Он обнял её, чувствуя, как приятно пахнут её волосы, как напрягается её маленькая грудь, когда она тоже обняла его.

На какой-то момент она сбилась с мысли, и он улыбнулся про себя. Кажется, его любимая тоже подумала не о том, как его везли. Она немного отодвинулась и принялась рассказывать: — данн Джорджий решил, что если нам удастся сбежать, то мы поедем очень медленно. Он..., - она запнулась, — в общем, он догадался, что тебя сильно избьют. Поэтому он решил нас встретить на дороге. Ты всё время соскальзывал с Грома, и я боялась, что не смогу тебя удержать. А тут данн Джорджий. Я так обрадовалась! Мы уложили тебя на подводу, я тоже легла, и он закрыл нас сеном. Ты всю дорогу спал. Я тоже уснула. Проснулась уже поздно вечером, когда к постоялому двору приехали. Ален, ты ничего не помнишь? — Тот отрицательно мотнул головой, — ну вот. Данн Джорджий позвал какого-то парня, они вдвоём тебя принесли в эту комнату и раздели. Твою треконду пришлось разрезать, она вся в крови была... — Констанца зябко поёжилась, вспоминая. Ален потёрся щекой о её волосы:

— ты сильно испугалась, да?

Она внезапно обхватила его за шею и заплакала: — о, Ален, я думала, что никогда больше тебя не увижу! Я всё время думала, что не смогу без тебя жи-и-ить! — И расплакалась навзрыд, уткнувшись лицом ему в плечо.

Он тихо поглаживал её по спине, понимая, какое потрясение она пережила. Просто удивительно, каким мужеством и силой воли обладает его девочка. Он шепнул ей на ушко: — мне ужасно хочется тебя поцеловать, но я, пока, не могу.

Она улыбнулась ему сквозь слёзы.

— А потом мы тебя отмывали... от крови... — её губы опять задрожали, и он успокаивающе погладил её по голове:

— ш-ш-ш, моя хорошая, я ведь жив и почти здоров. Не надо плакать. Ты не знаешь,

Джорджий послал кого-нибудь за помощью?

Она всхлипнула: — да-а, послал. Он сказал, что отправил человека, но не в столицу, а в ближайший город в королевских землях. Ален, а почему королевские земли отдельно? Я думала, что земли лордов тоже, вообще-то, принадлежат королю.

— Да, правильно, лордства — это тоже королевство Семи Холмов, во главе стоит Его Величество. Но у Рихарда есть свои собственные поместья. Кроме того, лорды, находящиеся на службе у короны, тоже имеют поместья с некоторым количеством деревень, небольших городков и земли, конечно. Поместье значительно меньше, чем лордство. Вот у меня, к примеру, имеется полтора десятка деревень и два городка. Замка, увы, нет, а есть большой и уютный дом. Я надеюсь, он тебе понравится!

Констанца промолчала. Они только сегодня выяснили, что любят друг друга. О будущем она даже думать боялась, ведь совершенно ясно, что он не может жениться на ней. Она вспомнила: — Ален, твой меч лежит под кроватью. А ещё данн Джорджий подарил мне тот кинжал, которым ты охранника убил! Но мне его не надо, он тоже под кроватью.

Ночь подошла к концу, и в зарождающемся утреннем свете Констанца вдруг вспомнила, что лежит в постели с мужчиной, тесно к нему прижавшись, а он обнимает её. Она нерешительно отдвинулась. Ален не удерживал, с неохотой разжимая объятия. Девушка села и внимательно посмотрела на его лицо. Разбитые губы затянулись, покрылись корочкой, на скуле темнел синяк, один глаз заплыл, но опухоль уже спадает. Она осторожно потрогала синяки на его лице, а он прикрыл глаза, наслаждаясь прикосновениями прохладных пальчиков.

— Ален, данн Джорджий сказал, что тебе надо лежать. Мы не должны выходить из комнаты, пока за нами не приедут.

— Да, Констанца, придётся тебе потерпеть моё общество дней десять, не меньше, — он хохотнул.

В дверь тихонько поскреблись, вошёл хозяин постоянного двора, внимательно посмотрел на них: — ну, как вы тут, голубки? Придётся вам посидеть взаперти, деваться некуда. Приходить сюда никто не будет, я сам стану носить вам еду и воду для умывания. Так что отдыхайте и наслаждайтесь обществом друг друга, — он подмигнул Алену. Тот криво усмехнулся.

Данн Джорджий вышел и через несколько минут занёс два ведра воды, а потом большой поднос, уставленный тарелками.

Констанце хотелось умыться, поэтому она с радостью потащила одно ведро в крошечный закуток, имеющий, тем не менее, плотно закрывающуюся дверь. Это помещение являлось туалетом и служило для умывания затворникам, когда-либо обитающим в тайной комнатке. В нём имелся низенький стул с дыркой посередине. Под стулом, прямо в полу, имелось отверстие с крышкой. Это и был туалет. Рядом, на тумбочке, располагался таз и кувшин, куда наливалась вода для умывания. Здесь же стояла бутылка с мылом, а на стене висело большое полотенце. Одно на двоих.

Она с удовольствием умылась, сожалея, что нет возможности вымыться всей. Вернувшись в комнату, обнаружила, что Ален сидит, а данн Джорджий стоит около него и что-то тихо говорит. Увидев Констанцу, он бодро воскликнул: — ну что, Ален, обопрись на меня, и пойдём умываться!

Тот покачал головой: — не надо, Джорджий, я сам, — но попытавшись встать на ноги,

тяжело осел на кровать. На лбу выступили капли пота, лицо побледнело. Всё же, держась за спинку кровати, он медленно поднялся. Не спрашивая его согласия, Констанца подскочила и положила его руку себе на плечо, обняв за пояс. С другой стороны подошёл данн Джорджий. Они довели Алена до двери закутка, благо, что идти-то было ровно три шага. Потом он убрал руку с плеча Констанцы и вместе с хозяином вошёл внутрь.

В этот день они, действительно, отдыхали. Ален чувствовал себя плохо. Его подташнивало, болело тело и разбитая голова, всё ещё сказывалось действие сонного питья. Большею частью он дремал. Он не хотел обдумывать сейчас сложившуюся ситуацию. Потом, всё потом.

С удивлением и некоторой иронией он анализировал свою неожиданно нагрянувшую любовь к Констанце. Ей хватило деликатности не спрашивать, что ждёт их в будущем. Но перед ним этот вопрос встал в полный рост. Что скажут король и придворные, когда узнают, что его избранница — дочь кузнеца? Впрочем, до мнения придворных ему никогда не было дела, а вот Рихард... Есть ещё родители. С ними тоже предстоит тяжёлый разговор. Отец-то поймёт, хотя и будет недоволен, а вот матушка! Хм, о чём это он, собственно? Никак уже жениться надумал? Ему стало смешно. Его привычка продумывать всё наперёд здесь может дать осечку. Ведь он даже не знает, что обо всём этом думает Констанца. Кроме того, он не знал, как обойти закон о браках, формально не нарушая его.

Закон королевства гласил: “Браки заключаются с лицами своего сословия”. Нельзя сказать, что закон строго соблюдался. Простые люди не особо-то придерживались его. Изредка кто-то из благородных лордов женился на женщине из торгового или иного сословия, но никто из них не состоял на службе короны. Ален даже помыслить не мог, что он, требующий соблюдения законов королевства от подданных Рихарда, сам может пойти на нарушение одного из них.

Иногда мужчина просто признавал своего незаконного ребёнка и давал ему своё имя. Это не возбранялось, но женщина оставалась всего лишь любовницей лорда.

Ален даже думать не хотел о таком варианте. В конце концов, он признался себе: да, он хочет видеть Констанцу своей женой. Она не глупа и не легкомысленна. Некоторую наивность можно считать издержками молодости. Что же касается её образования, так подавляющее большинство придворных дам, желающих, кстати, видеть его своим мужем, не обладают и малой толикой тех знаний, что успела продемонстрировать, совершенно непреднамеренно, Констанца. Она не умеет играть на музыкальных инструментах, в чём как-то виновато призналась ему и наверняка не сможет часами рассуждать о том, что означает искусственная мушка на щеке или в уголке рта, но она, не задумываясь, бросилась ему на помощь и проявила при этом немалую находчивость и выдумку. Наверно, она плохо разбирается в нарядах и ничего не знает о драгоценностях, но она искренна и совершенно не способна к лживым увёрткам.

Он приоткрыл глаза, наблюдая за ней. Констанца тихо сидела на своей кушетке. Светлые пушистые волосы аккуратно забраны в старушечий пучок и заколоты на затылке стареньким костяным гребнем. Чистый гладкий лоб прорезала морщинка, а нижняя губка закушена. Его девочка сосредоточенно чинила его старую разрезанную треконду.

Почувствовав взгляд Алена, она подняла на него ясные глаза, застенчиво улыбнулась: — я думала, ты спишь! Есть хочешь? У нас имеется целая холодная курица и немного вина.

Она отложила шитьё и вынула из низенького шкафчика тарелку с курицей. Оттуда же

извлекла небольшую глиняную бутылку с лёгким фруктовым вином и плетёную корзинку с круглым хлебом.

Из-за стены доносился гул голосов, смех и стук тарелок и кружек. Как сказал им данн Джорджий, забежавший на минутку и принёсший им ужин, обеденный зал постоялого двора был битком набит народом. Хозяин принёс, также, чистые полотняные бинты и мазь, которую следовало нанести на рану на голове Алена. Отдав всё это Констанце, он убежал к посетителям, а она стала осторожно снимать повязку. Ален сидел на кровати и боролся с мучительным желанием обнять её за тоненькую талию, привлечь к себе, прижаться лицом, сунуть нос во впадинку между грудями, так соблазнительно выглядывающими в вырез платья. Этого делать было нельзя, поэтому он довольствовался тем, что глубоко вдыхал аромат её тела, наслаждался идущим от неё теплом. Всё же у него давно не было женщины. Джорджий украдкой смеялся над ним и как-то даже указал взглядом на Констанцу, но тут же скорчил постную физиономию, когда Ален нахмурился и отрицательно качнул головой.

Накладывая повязку Констанца почувствовала его напряжение и услышала тяжёлое дыхание. Отстранившись, озабоченно заглянула ему в глаза: — Алена, тебе... — смутившись от его откровенного жадного взгляда, потупилась, тихо закончила: — ...плохо?

И он не удержался, прижался лицом к её груди, пробормотал: — плохо! Потому что ты рядом и мне очень хочется тебя целовать и..., Констанца, может быть, мы могли бы... спать в одной постели?

Она резко оттолкнула его, сказала, с гневом глядя в глаза: — лорд Алена, скажите мне честно, кто я для вас?? Вы думаете, — её голос дрогнул, — вы считаете, что я... — Она чувствовала, что обязательно расплечется, если будет продолжать. Отвернувшись, села на кушетку и закрыла лицо руками, стараясь сдержать слёзы.

Констанце было мучительно стыдно. Опять она обманулась, поверив в любовь благородного лорда. Злость на себя высушила слёзы. Ведь и лорд Нежин что-то такое говорил о любви или, по крайней мере, о том, что она нравится ему. А теперь этот. Глупая наивная дуручка! А она опять влюбилась. Да не так, как в красавца-лорда Нежина. Красавцем-то Алена как раз и не был. Так, симпатичный, худощавый, среднего роста. Но она любила в нём всё: уверенный, немного насмешливый взгляд чёрных глаз, твёрдые губы и этот хвост из иссиня-чёрных волос, перевязанный грязным шнурком. Ей стало жаль себя и она, всё же, заплакала.

Неслышно ступая, подошёл Алена и сел рядом с ней на кушетку. Она с раскаянием подумала, что ему тяжело вставать. Он молчал, потом тихо и серьёзно сказал: — Констанца, мне неприятны твои подозрения. Ты спросила, кто ты для меня. Отвечаю: ты для меня единственная, без которой я не смогу жить. Я знаю, какие мысли мучают тебя, поэтому скажу тебе честно, как ты и потребовала. В том, что случилось с тобой, твоей вины нет. Лорд Нежин взял тебя насильно и будь он проклят на этом и на том свете. Но, Констанца, у меня никогда и мысли не было, что насилие над тобой сделало тебя ущербной. Я люблю тебя такую, какая ты есть: чистую, доверчивую, добрую. — Она подняла на него омытые слезами глаза, а он, усмехнувшись, добавил: — и зарёванную, сопливую, с красным носом тоже люблю.

Она улыбнулась, совершенно успокоившись, а Алена серьёзно продолжал: — я знаю, ты испугалась, наверно. Но, Констанца, в моём желании нет ничего необычного и плохого. Я люблю тебя, было бы странно, если бы я не хотел близости с тобой. Но ты должна быть совершенно спокойна. Я никогда не позволю себе ничего, оскорбительного для тебя.

Констанца прикрыла глаза и незаметно вздохнула. Какое счастье, что она ошиблась! Повернувшись, она несмело улыбнулась и обняла его за шею. Он привлёк её к себе, не имея возможности поцеловать, но она сама осторожно прикоснулась губами к уголкам его рта, прижалась щекой к отросшей колючей щетине.

Рано утром их разбудил грохот. Стучали в закрытую дверь постоянного двора. Ален, в одних нижних штанах за колено, сел на постели, прислушиваясь. Констанца спала в своей старой мужской рубашке, которую данн Джорджий отдавал в стирку. Она тоже села на кушетке, завернувшись в одеяло.

В обеденном зале раздавались громкие голоса: — где он?? — Орал кто-то грубо, — с ним была девчонка! Она тоже нам нужна! Хозяин, если ты укрываешь опасного государственного преступника, то тебе не поздоровится! Он бежал, убив при этом охранника!

За стеной послышался дрожащий голос данна Джорджия: — уважаемый данн, я скажу! Я всё скажу, ничего не утаю!

Констанца испуганно посмотрела на Алена. Тот успокаивающе, слегка улыбнулся ей, продолжая прислушиваться. Послышался звук удара, и рыдающий голос хозяина закричал: — не бейте меня, умоляю! Мужчина не вернулся с базара два три дня назад, а девчонка прибежала, заявила, что её попутчик сбежал, поэтому она уезжает!

— Опять тот же голос, перемежая речь грубой руганью, закричал: — куда она поехала?? Отвечай! — Опять послышался звук удара, Констанца в ужасе сжалась.

Хозяин постоянного двора плачуще кричал: — откуда мне знать, куда она поехала?? Постояльцы не докладывают мне, кто они и куда направляются!! Мне лишь бы деньги платили, а преступников ловить не моя забота!!

— Поговори мне ещё, червяк!! А вы общите этот сарай! Всё вверх дном переверните!

Констанца побледнела. Ален плавным движением потянул из-под кровати меч и кинжал, кивком головы приказал девушке лезть туда. Она замотала головой, но он нахмурил брови, и она безропотно распласталась на полу и закатилась под кровать.

Мужчина замер у двери с мечом в одной руке и кинжалом в другой. По всему зданию раздавался грохот выбитых дверей, возмущённые крики постояльцев и визг женщин, топот сапог по коридорам и обеденному залу, звон бьющейся посуды.

Констанца не помнила, сколько времени продолжался этот ужас. Она дрожала от страха и холода. Наконец голоса смолкли, и она услышала, как грохнула тяжёлая входная дверь. Она видела, как Ален босиком тяжело прошёл к кушетке и сел, не выпуская из рук оружие.

За дверью послышалось шебуршание, она открылась, и вошёл данн Джорджий. Констанца поползла из-под низкой кровати. Ален, положив меч, подал ей руку, помогая встать. Она выпрямилась и обнаружила, что стоит перед мужчинами в одной старой мужской рубашке выше колен. Констанца вспыхнула от смущения, но Ален уже накинул ей на плечи одеяло. Только завернувшись в него, она посмотрела на хозяина и ужаснулась: его лицо было разбито в кровь, и он, скривившись, держался за бок.

— Данн Джорджий, они избили вас! Вам надо лекаря! — Констанца жалостливо сморщилась, — у-у-у, как вам больно!

Она перевела взгляд на Алена. Тот насмешливо улыбался: — хорош артист! Тебя на базарную площадь можно выпускать, толпа будет рыдать от жалости! А уж сколько денег соберёшь, и представить страшно!

Хозяин гордо усмехнулся: — а то! Это тебе не мечом махать, тут талант нужен! Кстати, Ален, твоё ведомство теперь задолжало мне круглую сумму. Эти негодяи выбили двери в пяти комнатах, переломали мебель и разбили два окна.

— Ну-ну, Джорджий, — Ален откровенно смеялся, — сейчас под шумок ты мне насчитаешь столько, что я без штанов останусь!

— Хех, да твои штаны стоят меньше, чем содержимое ночного горшка в комнате у моей служанки!

Констанца посмотрела на штаны Алена неопределённой расцветки, которые он так и не смог поменять тогда, на базаре, и засмеялась. Она не понимала, как могут шутить эти мужчины, оба избитые и чудом избежавшие смерти. Не было сомнения, что если бы их нашли, то хозяин постоянного двора погиб бы вместе с ними.

Данн Джорджий ушёл, как он сказал, залечивать боевые ранения, а Констанца перебралась на постель к Алену, завёрнутая в одеяло и всё ещё не оправившаяся от охватившего её ужаса. Ален прилёг рядом, укрытый своим одеялом, но постепенно, сама не зная как, в полусне она перебралась к нему, тесно прижимаясь к его горячему телу, чувствуя его дыхание на своём виске и... упирающуюся ей в бедро затвердевшую плоть.

Глава 15.

Уже... — Констанца сосчитала в уме, — пять дней они с Аленом целовались. Конечно же, она считала себя опытным человеком по части поцелуев. Она целовалась с двумя парнями из её деревни, но ей не понравилось. Первый, сын шорника, был её ровесником. Они встретились у реки, куда Констанца ходила полоскать выстиранное бельё. Она присела на пригорок отдохнуть, а он подошёл и сел рядом. Они нравились друг другу, и оба догадывались об этом. Когда он полез целоваться, Констанца его не оттолкнула. Он прижался губами к её губам, да так сильно, что чуть не выдавил ей зубы. И продолжал давить, пока она не вырвалась. Ей не хотелось его обижать, и она сделала вид, что смутилась.

Они вместе возвращались домой, и он помог ей донести корзину с бельём, а потом пообещал, что обязательно сделает и подарит ей самый лучший хомут для их мерина. Она вежливо поблагодарила и сказала, что едва ли его отец позволит ему это. Кавалер приуныл и согласился, что шорник, пожалуй, будет недоволен. В таком случае, он подарит ей хомут на свадьбу, когда они поженятся! Констанца содрогнулась от мысли, что это может произойти, но ничего не сказала.

Потом она, некоторое время, избегала его, пока сын шорника не увлёкся другой девушкой.

Вторым был сын мясника. Его отец выращивал на продажу свиней. Три сына, двое из которых были уже женаты, помогали ему. Все мужчины семейства поразительно походили на отца. Невысокие, кряжистые, с тяжёлыми подбородками и короткими толстыми пальцами-сосисками. Поговаривали, что двум снохам живётся несладко.

Констанца знала, что нравится младшему сынку. Он был старше её на три года и однажды назначил ей свидание за сараем кузнеца. С замиранием сердца она тщательно причесала непослушные волосы и заколола их подаренными отцом заколками из тончайшей блестящей проволоки, а также вымыла руки и лицо с мылом.

Своё единственное выходное платье надевать Констанца не стала, чтобы не насторожить отца. Посмотревшись в зеркало, она сочла, что итак хорошо выглядит и, поколебавшись, сорвала и приколола к волосам цветок маргаритки.

Сын мясника уже ждал её за сараем. Опустив глаза, она ждала от него каких-нибудь приятных слов, но он сгрёб её в охапку и прижался к её рту. У него были мокрые слюнявые губы, а изо рта плохо пахло, поэтому она вырвалась и строго сказала, что неприлично лезть с поцелуями на первом же свидании. Он нисколько не смутился, а ухмыльнулся. Кое-как Констанца отделалась от него и с тех пор вспоминала о поцелуях, так воспеваемых в романах, с омерзением.

Ещё был лорд Нежин, но его поцелуи были агрессивно-нетерпеливыми, небрежными. Ей не нравилось, как его язык вторгался ей в рот, полностью заполняя его.

В общем, ей не нравилось целоваться.

С Аленом всё было по-другому. Как ни странно, ей самой хотелось его поцеловать, но разбитые губы не позволяли ему даже улыбнуться. Так что она пару раз легко прикоснулась к уголкам его рта, краснея от собственной смелости.

А потом синяки сошли с его лица, к его телу вернулись былые гибкость и подвижность и однажды, когда она стояла перед ним и, нахмурившись, рассматривала затянувшийся тонкой кожицей длинный шрам на лбу, он наклонился и обняв, осторожно прижался ртом к её губам. Она, вначале, замерла, а потом обняла его за шею и неумело ответила на его поцелуй. Он оторвался от её губ, серьёзно и внимательно посмотрел ей в глаза: — Я очень люблю тебя, Констанца. Обещай мне, что, что бы ни случилось, ты будешь верить мне! А я обещаю, что сделаю всё возможное и невозможное, но мы будем вместе. Обещаешь?

Она нетерпеливо кивнула, и он снова склонился к её губам, и этот поцелуй разом выбил из неё все прочие воспоминания. Так вот как это происходит! Ален не был слюняво-нежен, а скорее нетерпелив. Она с упоением отвечала ему, вдыхая его дыхание, прикасаясь своим языком к его языку. Они целовались долго, и от него чуточку пахло слабым виноградным вином, и она чувствовала, как напрягаются мышцы на его груди, когда он прижимает её к себе, и ей был приятен запах его тела и рубашки, прямо сказать, несвежей. Но этот запах показался ей родным, совершенно не вызывающим отвращения. Она провела губами по его щеке и подбородку, а он тихо засмеялся и опять нашёл её губы.

Потом она обратила внимание, как тяжело он дышит, а затем его рука соскользнула ей на попку, сжимая и прижимая её бёдра к его телу, но тут же вернулась на талию, а он глухо шепнул: — прости, родная, не смог удержаться.

Он отстранился и сел на кушетку, улыбаясь и глядя на неё снизу вверх мученическими глазами. Она села с ним рядом и положила голову ему на плечо: — тебе очень плохо, да?

Он обнял её за плечи и поцеловал волосы: — не обращай внимания, моя хорошая. Что поделаешь, я всего лишь мужчина, — он хохотнул, — и мои инстинкты дают о себе знать. Но я в состоянии держать их в узде. — Она потёрлась затылком о его плечо:

— мне тебя жалко. А можно что-то сделать?

Он сильно прижал её к себе: — можно. Но мы не будем.

Поздно вечером, когда постоялый двор затих и гости разошлись по своим комнатам, Констанца дунула на свечу и скользнула под одеяло на своей кушетке. Из закутка вышел Ален и прошлёпал босыми ногами к своей постели. Его долго не было, кажется, он мылся ледяной водой, принесённой данным Джорджием. Констанца содрогнулась. Она тоже мылась, но их хозяин не мог принести достаточное количество горячей воды, не вызывая подозрений, поэтому ей приходилось быть очень экономной. В довершение ко всему она

обнаружила, что после того, как они с Аленом долго целуются, её панталончики становятся влажными. Она пришла в ужас, не зная, что с ней такое.

Когда он целовал её, крепко прижимая к себе, она чувствовала его желание, ощущала твёрдость и пульсацию мужского естества. Ален гладил её спину, целуя лицо, шею, волосы, но никогда его руки не опускались ниже талии. В такие моменты Констанце казалось, что её груди, низ живота тяжелеют, наливаются истомой. А потом она вдруг обнаружила, что её панталоны влажны.

Ей сразу же вспомнилась старая-престарая старуха-соседка, от которой всегда неприятно пахло мочой. Она была неряшливой, вечно грязной, и дом у неё, в котором она жила с дочерью-вдовой, тоже насквозь, до рези в глазах, пропах застарелым запахом мочи.

Улучив момент, Констанца обнюхала себя, но мочой не пахло. Она вздохнула с облегчением, но тут же пришла мысль, что, возможно, она больна. Она прислушалась к себе, но ничего особенного не заметила.

В этот вечер Ален, кажется, прижимал её к себе немного сильнее, а потом, оторвавшись от её губ, он быстро прошёл в их закуток, и Констанца услышала плеск ледяной воды.

Он лёг на кровать и затих, но она чувствовала, что Ален не спит. Тогда она решилась. Встала с кушетки, подбежала к кровати и торопливо залезла под одеяло. Он чуть-чуть подвинулся, давая ей место, но кровать была узкой, так что они оказались прижаты друг другу. Он обнял её и шёпотом спросил: — что, Констанца? Чего ты испугалась? Страшный сон приснился?

Она нашла в темноте его губы и коротко поцеловала: — нет, Ален, я не испугалась, просто я подумала... ну..., в общем, я решила, что... — она набралась смелости и выпалила: — пусть у нас всё будет!

Он глубоко вздохнул и поцеловал её: — не нужно, милая. Я ведь знаю, как тебе неприятна сама мысль о близости с мужчиной. Я тебя очень люблю и все мои мысли только о тебе, но я не хочу, чтобы это произошло против твоей воли только потому, что ты мне сочувствуешь.

Констанца возмутилась: — Ален, я тебя тоже люблю и вовсе мне не противно! И... и... наоборот, мне очень даже приятно, когда ты ко мне прикасаешься, — добавила она шёпотом.

Кажется, он не мог решиться, тогда Констанца сама потянула через голову ветхую мужскую рубашку, в которой спала. Оставшись в одних панталонах, она повернулась к Алену. Тот втянул воздух через крепко жатые зубы: — что ты делаешь со мной, Констанца!

Она, не отвечая, прижалась к нему, с наслаждением ощущая, как короткие курчавые волоски на его груди щекочут затвердевшие соски. Он со стоном обнял её. Его ладонь скользнула по бедру, стягивая вниз панталоны, но Констанца, останавливая, прижала его руку. Ткнувшись носом ему около уха, она в смущении прошептала: — Ален, я... не знаю, ... со мной что-то не так, мне кажется. У меня... там... так мокро... — От стыда у неё на глаза навернулись слёзы. Наверно, сейчас он брезгливо отодвинется от неё и если даже ничего не скажет, то ей придётся встать и уйти на свою кушетку. А как она утром будет смотреть ему в глаза? Она была готова провалиться сквозь землю!

Но Ален громко расхохотался. Стянув с неё одеяло, принялся бесстыдно целовать шею и грудь, опускаясь ниже. Решительно дёрнул вниз панталоны, и вот уже его рука нахально трогает, гладит её тело, сильно прижимая, нетерпеливо раздвигая её ноги, отталкивая руки, которыми она старалась прикрыться.

— Ален! Подожди! Я так не могу!

Он притиснул её к себе, смеясь, сказал: — ты моя маленькая глупая девочка! Я просто счастлив, что там у тебя влажно! Это значит, что ты тоже хочешь меня, что я тебе не противен и всё у нас будет замечательно!

Она обрадовалась его словам. Значит, она не больная. Хотя смущение и стыд не оставили её, всё же ей стало немного спокойнее. Констанца с удовольствием гладила его тело, отмечая под пальцами неровности шрамов там, где когда-то он был ранен. Но, кажется, Ален не был расположен к длительным нежностям. Довольно настойчиво он перевернул её на спину и Констанца, почувствовав его твёрдую плоть на своём бедре, сжалась, замерла. Он почувствовал это, медленно опустился на согнутые в локтях руки и вглядываясь в темноте в её глаза, глухо сказал: — Констанца, тебе нечего бояться. Если ты передумала, то я не буду настаивать, — он через силу хохотнул: — хотя мне придётся несладко.

Ей стало стыдно. Разве она не любит его? Разве не видит его любовь? Она решительно притянула его на себя, шепнула: — нет-нет, Ален, я не боюсь, просто...решиться не могу...

О, Всеблагой, какое наслаждение! Её сердце было готово разорваться от переполнявшей её любви и нежности к нему. Его разрядка наступила слишком быстро, она знала, что что-то не так, но её разочарование длилось недолго. Не прошло и нескольких минут, как он вновь целовал её и, скользнув внутрь, с силой, жадностью и нежностью обладал ею. Только бы он не остановился! Она металась и выгибалась навстречу ему, задыхаясь, охваченная неведомыми ощущениями. Наслаждение нарастало, и, наконец, она достигла вершины и обмякла, разом потеряв силы и не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой.

Ален легко поцеловал её, шепнул: — видишь, как всё у нас хорошо получается. А теперь и мне можно насладиться твоей любовью, — и вскоре глухо застонал и обмяк.

Констанце не хотелось шевелиться. Он повернул её на бок, крепко прижал к своему обнажённому, чуть влажному телу. Стыда не было. Она дремала в его объятиях, чувствуя запах его кожи и чуть-чуть — пота. Ей нравилось, как он пахнет. Она просунула свою ногу между его ног, стараясь прижаться ещё крепче, чувствовать каждую частичку любимого мужчины.

Ален поглаживал её по спинке. Гибкие пальцы осторожно прошли по шрамам от плети. Она сонно спросила: — а ты не можешь что-нибудь сделать, ну,... чтобы они разгладились?

Он понял, что она имела в виду: — нет, любимая, не могу. Видишь ли, сила ведьмака не направлена на добро. Я бы мог попытаться, но не стану. Это может быть опасно. Потом мы что-нибудь придумаем. Съездим к лучшим лекарям, я поговорю с теми... кто в этом хорошо разбирается.

Она поняла, что он говорит о палачах. Её передёрнуло: — Ален, а они, эти ужасные люди, правда, тебе подчиняются?

Перебирая губами её волосы, он задумчиво ответил: — видишь ли, Констанца, они числятся служащими моего ведомства, получают у меня жалованье. Но свою работу они выполняют по решению Королевского Суда. Да, я являюсь их начальником, но я не могу приказать им казнить того или иного человека потому, что мне так захотелось. И, согласись, их работа тоже нужна.

Констанца подняла голову и подставила ему губы, пробормотав: — не хочу об этом говорить, мне страшно! Поцелуй меня, Ален!

Он с удовольствием выполнил её просьбу, а потом, вздохнув, сказал: — мы обо всём поговорим, родная моя. Нам ещё очень много нужно узнать друг о друге.

Она обвила рукой его за шею, чувствуя себя спокойно и уютно в его объятиях.

Его любимая тихо спала, уткнувшись носом ему в шею, а Ален думал о случившемся.

Конечно, он не был наивным чувствительным юнцом. В его жизни, полной опасностей и неприятных неожиданностей, встречалось немало женщин.

Эгоистичные и жадные до удовольствий благородные леди, простодушные и глуповатые служаночки постоялых дворов и таверн.

Более-менее постоянных любовниц объединяло одно непомерное желание иметь деньги, драгоценности, собственные дома, наряды и кареты. Ален не жадничал, но и проматывать своё состояние на временных подружек не собирался.

Той, единственной, которая бы любила его не за богатство, знатность, близость к королю и высокую должность Главного королевского дознавателя, всё не было. Матушка, леди Эмилия, не раз намекала, что неплохо бы, наконец, завести семью, тем более, что у леди такой-то подросли красавицы-дочери.

Он смеялся, целовал её и обещал, что обязательно присмотрится к ним. И присматривался. На деле оказывалось, что красота состоит из румян, толстого слоя белил, жеманного хихиканья и льстивого поддакивания матери завидного жениха.

Леди Эмилия не могла не замечать, как стараются очаровать её потенциальные невесты, но она надеялась, что её разумный сын сможет воспитать себе достойную жену.

Ален никого воспитывать не хотел, а хотел, чтобы его любили, чтобы радовались ему и чтобы глаза его жены также сияли ему навстречу, как сияют нежностью и любовью глазки его милой Констанцы. Он знал, что она любит его не за богатство и благородное звание, а его должность её даже пугает. Нет, она полюбила простого наёмника, разглядев под старой грязной трекондой его душу и без раздумий рискнула жизнью ради него.

Он ласково прижал Констанцу к себе, чувствуя, как в нём снова поднимается желание. Она доверчиво посапывала ему в ухо, и Ален подумал, что вот она, та долгожданная и единственная, и ради неё он готов сразиться с целым миром.

Глава 16.

Они целовались уже пять дней. Констанца смущённо улыбнулась. Это она так назвала про себя то, что происходило между ними. На самом деле, начинаясь с поцелуев, заканчивалось всё в постели, на узкой кровати Алена. Она чувствовала себя такой счастливой, что ей, порой, становилось страшно. Не может человек испытывать такое безграничное счастье безнаказанно. Как говорила данна Эдита, в жизни всё уравновешено и после светлого и радостного обязательно наступает тёмное и грустное. Думать об этом не хотелось, а хотелось смотреть в чёрные любимые глаза, целовать жёсткие насмешливые губы и чувствовать нахальные сильные руки на своём теле.

Ален был с ней откровенен и ничего не утаил. Она знала, что он не может на ней жениться, но он обещал обязательно что-нибудь придумать, и Констанца ему верила. Он просил набраться терпения и ждать, а также, что бы ни случилось, верить ему. Её любимый сказал, что она будет жить у его деда. Он старый, так что её репутации ничего не грозит. Констанца была согласна. Её огорчало лишь то, что скоро любовным ласкам придёт конец. Рассказывая о том, что их вскоре ожидает, Ален тоже приуныл. Было ясно, что посторонние

не должны знать об их близких отношениях. Ну а пока они наслаждались любовью, близостью и единением души и тела.

Констанце всё время хотелось к нему прикоснуться. Она никак не могла до конца поверить, что этот мужчина, умный, образованный, красивый, смелый, облечённый немалой властью, благородный лорд, в конце концов, любит её, дочь деревенского кузнеца. Она боялась спросить о том, что привлекло его в ней. Нет уж, пусть всё остаётся, как есть.

Теперь, когда содержимое яичек не давило на мозги, Ален мог толком подумать о деле и об отношениях с Констанцей. Он мысленно усмехнулся. Его девочка смотрит на него такими счастливыми сияющими глазками, что ему хочется плюнуть на заговор и заговорщиков, уложить её в постель и целый день целовать и ласкать её, наслаждаясь её телом и неумелыми поцелуями.

В конце концов, он испытывал ко всем этим предателям нечто вроде благодарности! Ведь если бы не необходимость расследовать заговор, он никогда бы не встретил Констанцу!

И всё же мысль о лорде Нежине не давала ему покоя. Даже себе он не хотел признаться, что жаждет мести за унижение и слёзы Констанцы. Прямых улик против дар Кремона не было, но посмотрим, что скажут заговорщики после ареста. Он вздохнул: работы предстоит немеряно, а ему нужно, всё же, и личную жизнь устраивать.

Ни одной секунды он не сомневался в том, что женится на Констанце. Предстоит преодолеть немало преград, но за своё счастье он намерен бороться до победного конца.

На днях Джорджий смеялся и подшучивал над ним. Как всегда, он принёс им утром два ведра воды для умывания. Ален попросил его принести ещё несколько полотенец и, на недоумённый взгляд хозяина, подмигнул ему за спиной Констанцы. Тот округлил глаза, высоко подняв брови, а Ален нахмурился. Не приведи Всеблагой, Джорджий вздумает пошутить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда ничего не подозревавшая Констанца ушла умываться, приятель отыгрался сполна. К счастью, до того, как она вернулась, Ален успел предупредить его, чтобы тот держал язык за зубами.

Помимо всего прочего Джорджий сообщил, что наблюдение за постоянным двором снято. По крайней мере, уже несколько дней он не видел оборванца, который днями напролёт околачивался поблизости. Работник Джорджия, которого он послал поговорить с бродягой, рассказал, что тот шарахнулся от него, как от больного дурной болезнью, но всё же парень успел заметить, что лицо у оборванца сытое и сам он упитанный, хотя и одет в грязные лохмотья.

Мужчины обсудили ситуацию и решили, что Ален и Констанца не станут рисковать и показываться на людях, тем более, что помощь скоро должна прибыть.

Ален подумал, что, пожалуй, он и не торопится покидать каморку за обеденным залом. Невольно ему хотелось продлить то ощущение счастья, безмятежности и упоения от того, что его любимая всё время рядом, днём и ночью. Джорджий вполне понимал его и смотрел сочувственно, но им обоим было ясно, что вскоре всё изменится.

Однажды утром их опять разбудил громкий стук в дверь “Уютной гавани”. Ален поцеловал девушку в лоб и быстро вскочил с кровати, натягивая брюки и, одновременно, нашаривая меч. Констанца боялась вздохнуть, но он, прислушавшись к голосам, уверенно

распахнул дверь и вышел в зал. Девушка торопливо оделась и села на кушетке, сцепив руки и страшась услышать звон мечей и яростные крики. К счастью, голоса звучали хоть и громко, но весело, а потом в зале и вовсе засмеялись. Она немного успокоилась. Кажется, это приехали долгожданные спасители.

Через несколько минут, стукнув в дверь, вошёл данн Джорджий. Он улыбался: — Констанца, пойдём, я отведу тебя в хорошую комнату. Хватит уже тебе здесь мучиться. Приехал Шамил со своими воинами. Они будут сопровождать вас до самой столицы.

Пойдём, Ален уже ушёл к себе умываться и переодеваться.

Констанца кивнула и принялась, было, собирать свои немногочисленные вещи, но хозяин остановил её: — оставь, служанка всё соберёт и принесёт тебе в комнату.

Она послушалась, окинув, напоследок, крохотную комнатку грустным взглядом. Как счастлива она была здесь! А теперь её будущее уже не казалось таким безоблачным и определённым. Ален даже не пришёл её успокоить, сообщить, что долгожданная помощь пришла.

Вслед за данным Джорджием она торопливо прошла по тёмному коридору и поднялась на второй этаж. В открытые двери небольшого обеденного зала было видно, что он битком набит рослыми широкоплечими мужчинами в кожаных нагрудниках поверх добротных шерстяных треконд. Толстые, шерстяные же штаны заправлены в высокие сапоги для верховой езды. У пояса тяжёлые мечи и кинжалы в ножнах. Они шумно переговаривались, громко хохотали каким-то шуткам. Алена среди них не было.

Комната, куда данн Джорджий привёл Констанцу, была другой, не той, где она жила в день приезда на постоялый двор. Эта, побольше, имела кровать с вытертым, когда-то парчовым балдахином, небольшой коврик с неведомым узором, кресло, стол, небольшое зеркало на стене и, что самое главное, отдельную комнатку с большой деревянной лоханью, наполненной горячей водой. Рядом стояли ещё два ведра с тёплой водой, чтобы смыть мыло. Восторгу Констанцы не было предела!

Вошедшая служанка принесла её вещи и сказала, что хозяин просил передать: данну Констанцу ждут в обеденном зале, как только она будет готова.

Вымывшись, девушка почувствовала себя значительно лучше. Чистое бельё, юбка и блузка из тех, что были куплены для неё Аленом перед его похищением, значительно подняли ей настроение. Влажные волосы пришлось заплести в коротенькую толстую косичку. Причёски она делать не умела, и помочь ей было некому.

Оглядев себя в зеркало, Констанца осталась довольна. Закрывая дверь на ключ, прислушалась к голосам в обеденном зале, но Алена не слышала.

Она нерешительно стала спускаться по лестнице и обнаружила, что разговоры замолкают, а присутствующие в зале мужчины с любопытством разглядывают её. Их было много, никак не меньше полусотни. За столами они не поместились, поэтому многие сидели прямо на полу вдоль стен, а данн Джорджий вместе со своей служанкой и работником разносят тарелки с тушёным мясом и овощами.

Смущённая вниманием Констанца остановилась у основания лестницы, но пробегающий мимо данн Джорджий с большим тяжёлым подносом в руках, подмигнул ей и сказал: — смелее, Констанца! Иди за ваш с Аленом столик, тебя ждут.

И правда, в общей суматохе она не обратила внимания, что Ален и какой-то мужчина сидят за столом сбоку от лестницы и выжидающе смотрят на неё. Она перевела на них взгляд, и оба встали. Мужчина отодвинул стул и улыбнулся ей. Констанца подошла, и Ален

равнодушно сказал: — Шамил, познакомься с данной Констанцей. Данна, позвольте представить вам лорда Шамила, начальника королевской стражи города Холмска.

Констанца вздрогнула от его холодного тона, присела в неглубоком реверансе. Начальник стражи опять улыбнулся: — я рад знакомству с вами, данна! Прошу вас, присаживайтесь! Мы не приступали к завтраку, ждали вас.

Она села, чувствуя, как заледенело всё внутри. Ален не смотрел на неё. Подвинув поближе поставленную перед ним служанкой тарелку, он с аппетитом принялся есть, односложно отвечая на вопросы лорда Шамила. Констанца поняла, почему она не узнала Алена. Он переоделся. В дорогой треконде цвета насыщенного красного вина, расшитой золотым шитьём, в белейшей шёлковой рубашке с пышным кружевным жабо и такими же кружевными манжетами, с чистыми блестящими волосами, завязанными в хвост шёлковой лентой в цвет треконды, с холодным надменным взглядом чёрных глаз, он выглядел настоящим лордом. Она заметила и чёрные, из хорошей тонкой шерсти штаны, заправленные в новые, высокие, за колено, блестящие кожаные сапоги, и широкий, кожаный же, пояс, расшитый красивыми камнями, наверняка, драгоценными. Только меч остался тот же, в старых облезлых ножнах.

Констанца неохотно принялась за завтрак, размышляя над тем, как резко изменился Ален, и украдкой разглядывая лорда Шамила. Он был, как и его стражники, рослым, на полголовы выше Алена, и широкоплечим. Грубоватые черты лица совершенно преображала улыбка. На вид он был даже моложе Алена. Одежда начальника стражи ничем не отличалась от одежды его воинов. Та же тёмно-синяя треконда с вышитым серебряным шнуром королевским гербом с левой стороны груди, тёмно-серые штаны и высокие сапоги, кожаный нагрудник, который сейчас небрежно висел на спинке стула. Он заинтересованно сказал: — лорд Ален сообщил, что вы, данна Констанца, едете с нами в столицу?

За неё ответил Ален: — Шамил, я же сказал тебе, что обещал её отцу доставить данну Констанцу в столицу. Как только её компаньонка догонит нас, так сразу же и отправляемся. — Он строго посмотрел в глаза девушке, и она догадалась, что его ложь вызвана необходимостью, а, значит, она должна его поддержать. Но лорд Шамил уже перевёл разговор на другое. Не скрываясь, он заигрывал с Констанцей, ласково заглядывая ей в глаза. Она смущалась, теряясь и не зная, как отвечать на его комплименты, а Ален молчал, хмуря брови и не глядя на соседей по столу.

Наконец-то завтрак закончился, и Констанца торопливо поднялась в свою комнату, провожаемая взглядами мужчин.

Она надеялась, что Ален придёт к ней, и они смогут поговорить, но он так и не появился. Более того, за столом во время обеда и ужина она сидела одна. Она заметила, также, что в зале стало заметно меньше королевских стражников. Видимо, они куда-то ушли вместе с Аленом и лордом Шамилом. Данн Джорджий, буквально сбивающийся с ног шепнул, что у Алена в городе есть незавершённые дела. Констанце хотелось поспрашивать хозяина “Уютной гавани” об ожидаемой компаньонке, но он лишь рукой махнул: — Некогда, Констанца! Ты же видишь, что у меня творится! Куда я их спать уложу, интересно? Их пятьдесят человек, а у меня только два десятка кроватей!

Стражники сами нашли себе спальные места. Поздно вечером они постелили свои меховые плащи прямо на пол в коридоре второго этажа и улеглись на них. Констанца поняла, что её надежды увидеть Алена сегодня ночью, когда он вернётся в гостиницу, тщетны. Она слышала, как он, вместе с лордом Шамилом, пробирался к своей комнате,

вполголоса ругаясь и поминая Мрачного Косаря и всех его нечистиков, когда наступал в темноте на спящего стражника. У дверей её комнаты он не задержался.

Констанца долго не могла уснуть. Стражники храпели так, что, казалось, сотрясаются ветхие стены постоянного двора. Кроме того, нахлынули чёрные мысли. Ален странно вёл себя сегодня: не смотрел на неё, сухо разговаривал. В какой-то момент она даже усомнилась, не приснились ли ей ночи, полные любви, нежности и жаркого шёпота. А его глаза! Ни одного ласкового взгляда! Суровое застывшее лицо, нахмуренные брови. Высокомерный, заносчивый благородный лорд. Констанца подумала, что, на самом-то деле она очень мало знает Алена. Может быть, он просто скучал, поэтому и увлёкся ею? Тем более, что она влюбилась и сама пришла к нему в постель? О, Всеблагой, стыдно-то как! Он обещал помочь ей добраться до столицы, потому что чувствует себя обязанным за своё спасение. А как он хмурился и, порой, иронически улыбался, слушая, как лорд Шамил рассыпается перед ней в комплиментах! Наверняка при этом думал, что женщине, побывавшей в постели двух лордов, ничего не стоит перебраться к третьему. О, как больно, как стыдно!

Констанца и не заметила, что слёзы давно уже намочили подушку. Опять, уже в который раз! — она чувствовала безысходность, бессилие изменить что-либо, и от осознания этого заплакала ещё сильнее.

Проплакавшись, встала и умылась, затем села на постели и задумалась. Сделанного не вернёшь. Нужно собраться с мыслями и решить, как она будет вести себя дальше. Ясно, что совместных обедов с лордами больше быть не должно. Пусть лорд Ален и лорд Шамил думают, что хотят. Она будет есть в своей комнате. Стражники, кажется, уверены, что она любовница одного из них. Недаром ухмыляются, глядя на неё. С этим ничего поделать нельзя, но, по крайней мере, она больше не станет мозолить им глаза в обеденном зале.

Она, также, не будет ни к кому приставать с расспросами об ожидаемой компаньонке. Раз лорд Ален сказал, что её прибытия ждут, пусть так и будет. Зачем эта компаньонка нужна, Констанца не понимала, но решила, что со временем узнает. Подумала, что её основная цель — добраться до столицы. Не бросит же её Ален на улице! Тем более, что он сильно потратился на неё, а она обещала расплатиться, как только найдёт работу. Значит, он поможет ей.

Все эти здравые мысли помогали ей успокаиваться, но сердце ныло и не хотело смириться с ними. Она прерывисто вздохнула: нужно постараться уснуть.

Как же тяжело с женщинами! Даже если они любимые, желанные, и вообще — свет в окошке! Вот, спрашивается, на что она обиделась? Отказалась от завтрака в обеденном зале и попросила Джорджия принести еду в её комнату. Надо будет потом, когда она станет его законной женой, не забыть спросить отца, как он управляет с матушкой. Как-никак сорок лет вместе прожили, вырастили четверых сыновей. Ведь вот стараешься даже не смотреть на неё, чтобы, ненароком, не выдать себя. И всё время отмалчиваешься, боишься, что дрогнет голос от любви, нежности к своей ясноглазой девочке. А уж вечером, в постели, вообще наступает настоящая пытка. Эх, кругом одни сложности!

Или ей показались оскорбительными комплименты Шамила? Тот ещё гусь-то. Дома жена, трое ребятишек, а он с Констанцей заигрывает! В какой-то момент прямо руки чесались блох на него напустить или вино превратить в слабительное питьё, сохранив винный вкус и запах. Но удержался. Зубами скрипел, но терпел. Во-первых, Шамил сразу

догадается, потому как знает, кто у нас тут ведьмак, а во-вторых, нехорошо это. Ревность ревностью, но умом-то он понимает, что не станет Шамил соблазнять Констанцу, так, ради развлечения языком мелет. Но ведь она улыбается ему! И эта улыбка, предназначенная другому, доставляет мучительную боль и лишает сна.

Выяснить отношения нет возможности. Десятки глаз наблюдают за каждым её шагом. Нехватало ещё, чтобы кто-то обнаружил, что он влюблён в молоденькую девочку-простолюдинку и везёт её в столицу. Слухов и сплетен нужно избежать любой ценой. В противном случае найдётся немало желающих помешать ему жениться на ней. О другом и думать страшно. Пока заговорщики не обезврежены, всякому, кто дорог Главному королевскому дознавателю, грозит нешуточная опасность. Шамил не может гарантировать, что кто-то из его стражников не подкуплен. Значит, только так: абсолютно равнодушные взгляды, минимум внимания.

Но поговорить с Констанцей надо. Сегодня утром он, случайно встретившись с ней в коридоре, заметил, что у неё заплаканные глаза. Вот же глупышка! Надо попросить Джорджия как-нибудь устроить их свидание. В конце концов, он просто соскучился по ней!

Констанце, всё же, пришлось обедать в общем зале. Данн Джорджий наотрез отказался носить еду ей в комнату, объяснив это чрезвычайной загруженностью.

Она рано вышла к обеду и села за маленький столик в углу, у двери на кухню. Хозяин укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. К ней подошла служанка и поставила на стол миску с мясной похлёбкой. Тушёного кролика пообещала принести попозже. Констанца скромно принялась за еду, краем глаза поглядывая в зал.

Вскоре пришёл лорд Шамил, шумно отодвинул стул, расслабленно опустился на него и огляделся по сторонам. В зале было шумно. Стражники входили и выходили из помещения, хлопали двери, гремело оружие, громкие разговоры, смех и шутки слились в глухой гул.

Он не сразу заметил Констанцу, а когда увидел, его брови удивлённо поползли вверх. Но встать и подойти к ней он не успел. На стул напротив него мягко опустился Ален:

— куда ты направился, Шамил?

— Да, понимаешь, я... хотел подойти к данне Констанце... — Ален нахмурился, в упор глядя на Шамила, — она села за другой стол, вот я и хотел поинтересоваться, за что нам такая немилость.

— Оставь её в покое, Шамил. Не нужно ставить девушку в неловкое положение. — Ален подвинул к себе миску с дымящейся похлёбкой и принялся есть.

У Констанцы дрогнуло сердце, когда она увидела Алена. Не глядя по сторонам, он с аппетитом обедал, а она украдкой смотрела на него. О, Всеблагой, какой он красивый! Сегодня он опять сменил одежду. Бархатная тёмно-синяя треконда, расшитая теперь уже серебряным узором и такие же штаны. А рубашка опять из шёлка, белейшая, но жабо другой формы, а по воротнику тоже кружева.

Насытившись, он откинулся на спинку стула, лениво оглядывая зал. Констанца исподтишка вглядывалась в любимое лицо, сейчас холодное, отстранённое. Обежав зал, чёрные блестящие глаза в упор глянули на неё, и она смутилась, покраснела, низко опустила голову. Когда вновь осмелилась посмотреть на столик у лестницы, он был пуст.

Констанца только что вымылась. Ей хотелось просушить волосы, прежде чем лечь спать. Она сидела перед небольшим зеркалом, грустно всматриваясь в своё отражение.

В дверь негромко стукнули. Она неохотно повернула ключ и с удивлением посмотрела на хозяина постоянного двора.

— Констанца, пойдём со мной! — Он повернулся и, не дожидаясь её ответа, двинулся к лестнице. Девушка, недоумевающая, поспешила за ним.

На втором этаже они не задержались, а свернули в другой коридор, узкий и тёмный, и поднялись в мансарду, где, как она знала, жил сам данн Джорджий. Хозяин толкнул дверь и, пропустив Констанцу вперёд, остался в коридоре. Она вошла в тускло освещённую комнату и не успела оглядеться, как очутилась в объятиях Алена. За спиной тихо закрылась дверь, а лорд Главный дознаватель уже покрывал её лицо поцелуями, бормоча о том, что он чуть не умер за эти три дня, не имея возможности не только получить причитающуюся ему долю ласки, но даже не смея взглянуть на свою девочку.

Опомнившись, Констанца упёрлась ему в грудь руками: — Ваша милость, подождите! Лорд Ален, пожалуйста!

Не выпуская её из объятий, Ален чуть отодвинулся, нахмурившись, заглянул ей в лицо: — что случилось, родная? Моя милость желает знать, на что ты снова обиделась?

Ей стало стыдно. Показалось, что её подозрения надуманны. Ведь его радость столь искренна! Совсем рядом она увидела внимательные чёрные глаза. В них ещё искорками вспыхивала радость, но жёстко сомкнулись губы, а брови сурово сошлись на переносице.

Она сбивчиво пробормотала: — лорд Ален, вам, наверно, тяжело со мной, я для вас являюсь лишней заботой и... и ещё компаньонка... я не знаю, зачем она вам нужна... и, может быть, если бы вы могли одолжить мне немного денег, то я осталась бы в Синае. Наверно, здесь можно найти работу... — Её голос затих, и Констанца отвернулась, чтобы он не заметил слёзы на глазах.

Преодолевая слабое сопротивление, Ален крепко прижал её к своей груди, твёрдо сказал: — Констанца, ты обещала, что будешь верить мне, что бы я ни предпринимал. Или ты уже передумала выходить за меня замуж? Ты разлюбила меня, Констанца?

Он снова требовательно смотрел ей в глаза, и она растерялась, радость и любовь смели все сомнения! Она замотала головой: — нет-нет, я люблю...тебя, Ален! Но ты! Ты даже не смотришь на меня! И не разговариваешь! И вообще... - она ткнулась носом в его плечо.

Он погладил её по спине, крепче прижал к себе, стал тихо целовать волосы, ушко: — хорошая моя, потерпи чуть-чуть. Так надо, верь мне, любимая. Самое главное, знаешь что? — Она подняла голову, вопросительно посмотрела ему в глаза, — самое главное, что мы любим друг друга.

Констанца сама потянулась к его губам, обняла его за шею, прижимаясь к нему, чувствуя его тяжёлое дыхание, твёрдость налитой желанием плоти и щемящую нежность в своём сердце. Она отвечала на его поцелуи и тихо смеялась тому, как много он успевает делать одновременно. Целуя её глаза, нос, губы, он споро освобождал её от одежды при этом, рассказывая, как сильно он соскучился по ней, как придумывал способ с ней встретиться и, в конце концов, решил прибегнуть к помощи Джорджия.

Подталкивая её к хозяйской кровати, он торопливо избавлялся от своей рубашки и штанов. Констанце не хотелось ложиться в чужую постель, где бельё хранит запах немолодого мужчины, но Ален понял, шепнул: — Джорджий заменил свои простыни на свежие, так что всё хорошо. — Она покраснела: как стыдно, что хозяин знал, зачем они встречаются в его комнате.

Ален заметил её смущение, улыбнулся: — мы очень давно знакомы с ним, моя хорошая.

Джорджий искренне рад, что я, наконец, встретил свою любовь.

Старая рассохшаяся кровать ужасно скрипела, и Констанце казалось, что весь постоялый двор прислушивается к этим звукам. Она старалась не двигаться, чтобы не добавлять отвратительно громких скрипов к тем, что производил своими энергичными действиями Ален. Внезапно он вскочил с кровати, схватил тюфяк вместе с лежащей на нём Констанцей и опустил его на пол. Навалившись на неё и жадно целуя, спросил: — так лучше? — Она благодарно улыбнулась, с наслаждением вдыхая его дыхание, чувствуя запах его тела. Любовь к нему переполняла всё её существо, и она с радостью приняла его плоть, ощутив, как содрогнулся он всем телом и на секунду замер, сладострастно переживая острое наслаждение.

Они достигли вершины быстро и одновременно. Счастливо хохотнув, Ален чмокнул её в кончик носа и повернул набок, прижимая к себе. Констанца хотела встать, но он задержал: — подожди чуть-чуть. Что-то я ничего не понял. Думаю, надо повторить.

Она округлила глаза, засмеявшись: — а как же данн Джорджий? Вдруг он придёт? — Ален, не спеша, поглаживал её по спине, по попке:

— он не придёт, пока я сам к нему не выйду.

Повторение вышло более медленным и ласковым, что ли. Они не торопились, наслаждаясь любовью и близостью друг друга.

Потом они оделись. Констанца не удержалась, потрогала кончиками пальцев пышное кружевное жабо на рубашке у Алена. Тот поймал её руку, перецеловал каждый пальчик: — пусть это не смущает тебя, счастье моё. Потерпи чуть-чуть, и у тебя будет всё: красивые платья, драгоценности, кареты...

Она досадливо сморщилась: — Ален, я вовсе не думаю о платьях!

Он притянул её к себе за талию, ласково заглянул в лицо: — а о чём же ты думаешь?

Констанца ткнулась ему в грудь, смущённо прошептала: — ты такой красивый, Ален! В столице у тебя, наверно, отбою нет от женщин!

— О, приятно-то как! — Он фыркнул ей в волосы, — ты меня ревнуешь, ясноглазая моя девочка!

Она надулась: — вовсе я не ревную, но ведь это же так, правда?

Ален нашёл её губы и, прежде чем поцеловать, серьёзно сказал: — нет, моя хорошая, не так. Нет у меня никаких женщин, и никогда не будет. Ты моя единственная.

Уже одетые, они чинно сидели в креслах, и Ален рассказал ей, зачем нужна компаньонка. Оказалось, в столицу Констанца поедет в карете, как и положено приличной девушке. Чтобы её присутствие среди полусотни мужчин не вызывало у тех, с кем им придётся встретиться, многозначительных усмешек, понадобилась компаньонка. Вездесущий данн Джорджий в конторе почтовых карет нашёл даму, которой крайне необходимо в столицу. Но вот с деньгами у дамы негусто. Поэтому мужчина предложил ей бесплатный проезд и питание в дороге при условии, что она согласится стать на время пути компаньонкой молодой девушки. Не попутчицей, а именно компаньонкой со всеми вытекающими из этого обязанностями. Дама согласилась и даже обрадовалась, но попросила два дня на сборы. Завтра с утра она должна подойти на постоялый двор.

Констанца всполошилась: — Ален, я же совсем не знаю, как мне с ней себя вести! Она из благородных, да?

Он улыбнулся: — ты умница и хорошо воспитана, так что учить тебя благородным манерам не нужно. Только не рассказывай ей ничего о себе, ни к чему ей лишние знания. В

столице вы расстанетесь и никогда больше не встретитесь, так что не мучайся ненужными мыслями. Всё будет хорошо, любимая, верь мне!

На следующий день Констанца опять завтракала за отдельным столиком, но с удовольствием улыбнулась лорду Шамилу в ответ на его поклон. Краем глаза глянула на своего любимого и с трудом удержалась, чтобы не засмеяться. Лорд Ален сидел мрачнее тучи. Губы плотно сжаты, на скул

ах ходят желваки, брови нахмурены, а чёрные глаза мечут молнии. Уловив её взгляд, нахмурился ещё сильнее и что-то отрывисто сказал лорду Шамилу. Тот заметно скис, опустил глаза и неловко уселся на стул. Он даже не повернул головы, когда Констанца, позавтракав, встала из-за стола и отправилась к себе в комнату. Ален грозно посмотрел на неё, а она, в нарочитом испуге закатив глаза, незаметным жестом, поддразнивая его, провела рукой по бедру. У него на скулах выступил слабый румянец, губы дрогнули, сдерживая улыбку.

Она вбежала в свою комнату и только там позволила себе расхохотаться. Как же она любила его! И нисколько не боялась его гнева и недовольства. Упав на кровать, прикрыла глаза. Нахлынули сладкие воспоминания о его жарких поцелуях, сильных умелых руках, горячем теле. Незаметно она задремала. В дверь постучали: данн Джорджий сообщал, что прибыла компаньонка, и приглашал Констанцу в зал для знакомства.

Глава 17.

Леди Леонида украдкой погладила мягкое сиденье кареты, которая везла её в столицу. Всё сложилось, как нельзя лучше. Она приехала в Синаю в надежде добыть немного денег. Жизнь в столице стоила дорого, особенно если твой муж, мот и игрок, пропил и прогулял не только своё небольшое состояние, но и то малое, что когда-то принесла ему жена в качестве приданого. Благородство и древние корни денег не приносили, а давали лишь право возвращаться в высшем свете, регулярно блистая в королевском дворце. Но вот блистать-то было и нечем.

Выходя замуж за лорда дар Беточчо двенадцать лет назад, леди Леонида, старшая дочь совершенно обнищавшего лорда, надеялась вырваться из той безысходности и бедности, окружающих её с самого детства. Пять сестёр постоянно донасивали то, что оставалось от старших. Леониде, в какой-то степени, повезло. Ей не приходилось носить обноски. Правда, и новые платья были лишь перешиты из старых материнских, вышедших из моды. Несмотря на вопиющую бедность, её мать любила общество, блеск и сияние ярко освещённых окон королевского дворца и домов благородной знати, красивые наряды, даже если они были сшиты её единственной служанкой, имеющей, к счастью, умелые руки и безукоризненный вкус.

Дар Беточчо, щёголь и болтун, очаровал мать, и ей ничего не стоило уговорить мужа дать согласие на брак старшей дочери с великолепным лордом. Тот был лишь рад поскорее спихнуть с рук долой двадцатитрёхлетнюю Леониду, красотой, прямо сказать, не блистающую, зато имеющую сварливый и довольно тяжёлый характер, сформировавшийся, во многом, под воздействием жизненных тягот.

Его милость сделал предложение девушке из довольно бедной семьи хладнокровно посчитав, что жена, привыкшая жить скромно, не станет настаивать на дорогих нарядах и драгоценностях, а приданое за ней, как за старшей дочерью, наверняка дадут неплохое. Рассчитывать на более выгодную партию он не мог: высший свет знал, что лорд дар Беточчо

играя в карты, в азарте мог проиграться до одних нижних штанов.

Таким образом, Леонида, совершенно не возражая против этого брака, переехала в особняк на окраине столицы. Особняк давным-давно не ремонтировался, был довольно облезлым как снаружи, так и внутри, но она стала в нём хозяйкой. Денег как не было, так и не появилось. Их брак оказался бездетным, о чём супруги не сожалели. Леди Леонида с содроганием вспоминала свою многодетную нищую семью и больше не желала себе такой жизни.

Когда муж в очередной раз продулся в карты, заложив у ростовщика её единственные золотые серьги с александритом, леди Леонида решила на поездку к его родителям в Синаю. В конце концов, это их беспутный сын спускает всё до последнего медяка. Она надеялась уговорить жадного свёкра выделить им немного денег из немалого дохода от имения, которым тот владел. Но ничего не получилось. Свёкор категорически отказал в её просьбе, а свекровь лишь недовольно поджимала губы, а потом сказала, что им, сколько ни дай, всё равно всё промотают.

Леди Леониде было очень обидно слышать такие слова! Ведь она не пьянствовала ночи напролёт в тавернах и не проигрывала в карты последние штаны, но её не слышали. Родители мужа нравоучительно сообщили ей, что только у плохой жены муж ищет развлечений на стороне.

Они больше не желали возвращаться к разговору о деньгах, спасибо, что не выпроваживали из дому. Леди Леонида не представляла даже, как сможет вернуться в столицу. Имеющихся у неё денег не хватало даже на место в самой захудалой почтовой карете. А ведь надо было ещё платить за комнаты на постоялых дворах и питание. Дорога отнимала пять — шесть дней до Холмска, а там ещё почти неделя и женщина пребывала просто в отчаянии. Она попыталась торговаться с хозяином почтового двора, но он, иронически улыбаясь, предложил ей самое дешёвое место — на облучке, рядом с кучером. Это было форменным издевательством.

Тем не менее, деваться ей некуда, и леди Леонида продолжала приходить на почтовый двор в надежде, что уехать, как-нибудь, удастся.

И вдруг ей несказанно повезло. Однажды утром хозяин, даже немного сочувствующий ей, показал на неё какому-то коротышке. Мужчина был очень мал ростом, но держался заносчиво и высокомерно. Он оказался хозяином постоялого двора “Уютная гавань” и искал компаньонку для молодой девушки, отправляющейся в столицу. Дальнейшие переговоры с ним привели леди Леониду в восторг. Ей предлагалось сопровождать девушку, исполняя обязанности компаньонки, а взамен гарантировался бесплатный проезд в хорошей карете, бесплатное питание и проживание в отдельных комнатах на постоялых дворах во всё время следования до Орегонии.

Она постаралась скрыть свою бурную радость, и, делая вид, что раздумывает, неохотно согласилась. Данн Джорджий, чуть улыбнувшись, перемигнулся с хозяином почтового двора, который уже посвятил его во все трудности благородной леди.

Через два дня леди Леонида пришла со своим небольшим сундучком на постоялый двор, откуда предстояло ехать в столицу. По дороге она молила Всеблагое, чтобы девица не оказалась чересчур капризной и не гоняла бы её ночь-полночь то за книгой, то за сладостями, а то и просто не требовала бы, чтобы её развлекали разговорами в четыре часа утра.

И опять всё складывалось великолепно. Девушка, тоненькая, несколько бледненькая, с

милыми чертами лица и доверчивыми ясными глазами, смутилась, когда их представили друг другу, присела в реверансе. Леди Леонида посмотрела на свою подопечную несколько высокомерно: девочка оказалась простолюдинкой, и было непонятно, отчего с ней такое обхождение. Она подумала, что непременно всё узнает, ведь дорога длинная, а поговорить она любит.

Потом к ним с Констанцей подошёл крупный высокий мужчина с грубым, маловыразительным лицом и небольшими вьедливыми глазами. Он вежливо поклонился и представился начальником королевской стражи города Холмска, лордом Шамилом. Девушка и не подумала встать и приветствовать лорда, как полагается лицам её сословия, глубоким реверансом. Она лишь ласково улыбнулась ему, а он улыбнулся ей в ответ и его лицо, на мгновение, утратило жёсткое и суровое выражение.

Леди Леонида проницательно подумала, что этих двоих что-то связывает. Может быть, лорд нашёл себе глупую девчонку, игрушку на месяц, но почему же он везёт её в столицу? Сплошные тайны...

Первое изумление постигло её, когда подали карету и их с Констанцей пригласили садиться. Раньше такое великолепие леди Леонида видела лишь издали. Карета, запряжённая четвёркой серых, в яблоках, лошадей, была очень красивой, изящной, имела рессоры, удобные, широкие, откидывающиеся подножки и чисто вымытые окна, прикрытые изнутри шёлковыми белыми шторами. Внутреннее убранство не уступало внешней роскоши. Стенки кареты, обшитые белым, с мелкими розочками, стёганым шёлком, прекрасно гармонировали с мягкими диванчиками друг против друга. Бархатная обивка алого цвета, маленькие подушечки, два стеклянных фонаря в виде цветочных бутонов, внутри горят толстые восковые свечи. На диванчиках аккуратной стопкой сложены меховые одеяла для защиты от холода. Леди Леонида даже не подозревала, что на грязном суматошном почтовом дворе имеются такие кареты. О том, что эта карета именно оттуда, она поняла, посмотрев на кучера. Его форменная треконда и серый плащ несли на плече знак всех почтовых дворов — витой толстый красный шнур, продёрнутый в специальную петлю. Поездка в такой карете стоила, наверняка, баснословно дорого, и её милость подумала, что едва ли начальник городской королевской стражи способен оплачивать такую разорительную роскошь. Любопытство нещадно терзало леди Леониду, но девчонка оказалась неразговорчивой.

Вторично она удивилась, когда, выглянув в окошко кареты, обнаружила, что та окружена дюжими всадниками в форменных тёмно-синих трекондах и тяжёлых меховых плащах с королевским гербом на левой стороне груди.

Лорд Шамил махнул рукой, и четвёрка лошадей рванула вскачь. Всадников было много, никак не меньше полусотни. Внезапно среди их безликой массы мелькнуло знакомое лицо. Леди Леонида, не веря своим глазам, тряхнула головой, на секунду зажмурилась. Этого просто не может быть! Среди стражников, в таком же форменном плаще, отличаясь от них лишь более хрупким сложением, на здоровенном жеребце скакал Главный королевский дознаватель лорд Ален дар Бреттон!

Она не раз видела его на приёмах в королевском дворце. Супруги дар Беточчо, в ожидании выхода Их Величеств, переминались у двери, в толпе придворных, не удостоенных чести находиться вблизи трона. Леди Леонида не раз видела, как лорд дар Бреттон появлялся вместе с королём и Её Величеством из какой-то неприметной двери в стене за тронном. Как правило, надолго он не задерживался, а окинув придворных внимательным взглядом чёрных глаз, от которого мурашки бежали по коже, незаметно исчезал, перед этим что-то шепнув

королю на ухо.

Многие его ненавидели, а большинство смертельно боялись. О подвалах ведомства Дознания ходили ужасные слухи, а кто-то видел, как лорд дар Бреттон обменивался улыбкой и рукопожатием с королевским палачом.

Леди Леонида, не в силах отвести глаза, самым глупым образом пялилась на этого опасного человека, а он вдруг почувствовал её взгляд и, повернув голову, уставился на неё блестящими чёрными глазами. Она так испугалась, что сидящая напротив неё Констанца, с тревогой вскрикнула: — что с вами, леди Леонида?! Вы так побледнели, у вас даже губы стали белыми! Вам плохо?

Та, через силу, улыбнулась, похлопала девушку по руке: — да, Констанца, что-то мне нехорошо, голова закружилась, но сейчас это пройдёт.

Констанца с недоверием смотрела на неё: — наверно, надо крикнуть лорду Шамилу, чтобы остановились. Может быть, вам прилечь?

Кое-как леди Леонида отделалась от её заботливой настойчивости. Не хватало только привлечь к себе внимание этих чёрных пронзительных глаз! Она содрогнулась.

Её спутница так побледнела, что Констанца перепугалась. Можно подумать, та увидела за окном кареты самого Мрачного Косаря! Девушка осторожно посмотрела, но ничего ужасного не обнаружила. Рядом, совсем близко от окна, она увидела пожилого стражника, данна Шайрона. Он подмигнул ей, и она улыбнулась. Впереди него скакал Ален, Констанца с нежностью посмотрела на его твёрдый профиль. Ему дали форменную одежду стражника, но треконда оказалась чуть великовата, и он насупился, когда поймал её смешливый взгляд.

Леди Леонида отказалась от помощи, и Констанца не стала настаивать. Компаньонка ей не нравилась. Она ничего не сказала данну Джорджию и, тем более, Алену, но попутчица вызывала в ней неприязнь. С первой минуты знакомства Констанце дали понять, что она происходит из низшего сословия. Леди Леонида смотрела на неё свысока, презрительно скривив тонкие бледные губы. Слова цедила нехотя, снисходительно одаривая своим вниманием.

Констанца сразу оробела, не зная, как себя вести. Она загрустила, понимая, что ей придётся провести в обществе этой женщины целых две недели. В довершение ко всему, леди Леонида, кажется, поставила перед собой цель, во что бы то ни стало узнать все подробности жизни Констанцы. Не скрывая своего возмущения, она удивлялась роскоши кареты, в которой они ехали, и намекала, что, наверняка, начальник стражи, лорд Шамил, берёт большие взятки у торговцев Холмска, чтобы оплачивать прихоти своей любовницы.

Констанце гадостно было слушать грязные предположения о себе и лорде Шамиле, но она терпела. Иногда, встречаясь глазами с Аленом, она пыталась изобразить спокойствие и безмятежность, но удавалось это ей плохо и, чем больше она старалась, тем озабоченней становился его взгляд.

Всё возмущало леди Леониду: прекрасные завтраки, обеды, и ужины, подаваемые в тавернах на пути их следования, чистые и тёплые спальни, в которых они ночевали на постоялых дворах. Её раздражало, что девчонке предоставлялись комнаты более комфортные, чем ей. В конце концов, она всего лишь простолюдинка, а благородной леди не пристало спать на кровати без балдахина. Она как-то не вспомнила, что в её собственной спальне кровать тоже не имеет балдахина, постельное бельё давно утратило первозданную

белизну, и она проводит немало времени, шпоая ветхие простыни.

Ночами она прислушивалась к звукам, раздающимся из-за тонкой стенки, в надежде услышать шёпот, смех и скрип кровати. Не может же лорд не наведаться к любовнице, но всё было тихо.

Леди Леонида давно забыла, что её согласились доставить в столицу с условием, что она станет исполнять обязанности компаньонки для Констанцы. Всё раздражало её в девочке: гладко причёсанные волосы, нежная, без малейшего прыщика, кожа, ясный доверчивый взгляд, улыбчивый рот. Но особое негодование вызывало упрямое молчание Констанцы. Та совершенно не желала посвящать свою спутницу в тонкости взаимоотношений с лордом Шамилем. Потеряв всякое терпение, Её милость принялась разглагольствовать о том, с каким презрением относятся в столице к содержанкам благородных лордов, особенно если те являются представительницами низшего сословия. — Сама она, если бы её муж, не дай Всеблагоей, завёл себе любовницу из простолюдинок, — с этими словами она окинула уничижительным взглядом Констанцу, — послала бы слугу гнать этакую бесстыдницу из столицы палками. — В пылу своей обличительной речи леди Леонида даже не помнила, что никакого слуги у неё нет.

Между тем Констанца давно уже тихо плакала, отвернувшись к окну. Поравнявшийся, как бы нечаянно, с каретой, Ален чуть не свалился с седла, увидев, как побледнело милое личико и как градом по нему катятся слёзы. Он рванул поводья, и мгновенно настиг лорда Шамила, ехавшего в голове их небольшого отряда.

— Шамил!! — Ален был в бешенстве, — эта сушёная треска довела Констанцу до слёз!! Прикажи остановиться, я выкину её прямо здесь, и пусть добирается, как хочет!

Начальник стражи с иронией посмотрел на его милость: — Ален, кругом чистое поле, снег и ни одной деревни вокруг. Да ещё скоро стемнеет. Ты хочешь, чтобы она погибла?

— Я пошлю кого-нибудь за ней из ближайшей деревни, — упрямо набычившись, Ален хмуро смотрел перед собой.

Лорд Шамил покачал головой: — успокойся, прошу тебя. Ты любишь Констанцу, да? — Он с любопытством смотрел на Алена. Тот скривился:

— больше жизни.

— Понятно. Я рад за тебя, она красивая и умненькая. А леди мы не будем высаживать в чистом поле. Потерпи чуть-чуть, я ей мозги-то вправлю, забудет, как нашу девочку обижать.

Карета остановилась у ворот постоянного двора на окраине небольшого городка, последнего на пути к Холмску. Дверца распахнулась со стороны Констанцы, и, громадный и неуклюжий из-за мехового плаща, лорд Шамил подал девушке руку, помогая спуститься с подножки.

Леди Леониде руки никто не подал, и она, кипя от возмущения, была вынуждена спуститься с подножки сама, придерживаясь рукой за дверцу.

Когда она вошла в зал постоянного двора, её спутники шумно располагались за столами. Между ними сновали две подавальщицы с тяжёлыми подносами. У стены за столом одиноко сидела Констанца, уже снявшая плащ, и Её милость направилась к ней. Пренебрежительно оглядев её тёмно-вишнёвое платье, она вздохнула и изящно опустилась на краешек стула. Подошедшая подавальщица принялась сгружать с подноса тарелки.

Леди Леонида не видела, что из-за дальнего стола сужившимися от ненависти глазами за

ней внимательно наблюдает Ален.

Констанца совершенно не хотела есть. Ей было обидно и больно, но жаловаться нельзя, нужно всего лишь немного потерпеть. Пожелав своей спутнице приятного аппетита, она поднялась в отведённую ей комнату и прилегла на кровать. Было грустно и хотелось плакать.

Между тем, к леди Леониде подошёл один из стражников и, коротко поклонившись, пробурчал: — Лорд Шамил велел вам подойти к нему.

Её милость удивлённо вскинула выщипанные в ниточку брови, но стражник, повернувшись к ней спиной, уже уходил. Тогда она, возмущённая, перевела взгляд туда, где сидел лорд Шамил, но в большом зале не смогла увидеть его. Мученически вздохнув и сохраняя на лице удивлённое выражение, она встала и направилась в дальний конец обеденного зала, где, она видела, сидел начальник стражи.

Увидев подходившую к нему леди Леониду, Его милость отодвинул тарелку и сурово взглянул на женщину. От его взгляда она оробела. Сразу, с неловкостью, вспомнилось, что сегодня Констанца расплакалась от её жестоких слов. С запоздалым испугом она подумала, что совершенно не проявляет никакой заботы о девочке, ради которой её везут, кормят и совершенно бесплатно предоставляют ночлег.

Мужчина не встал при её приближении, а лишь ногой толкнул ей навстречу стул: — присаживайтесь, леди Леонида. У меня имеются к вам претензии.

Он продолжал холодно разглядывать её, и от этого взгляда женщина помертвела, опустила глаза и вцепилась в кромку стола так, что побелели пальцы.

— Леди Леонида, вы забыли, на каких условиях вас везут в столицу. Если вас что-то не устраивает, оставайтесь здесь, на постоялом дворе. В случае, если на глазах Констанцы появится ещё хоть одна слезинка, я, клянусь честью, высажу вас в лесу или в поле, где придётся, и забуду о вашем существовании. — Он помолчал. Её милость боялась дышать и смотреть ему в лицо. — Вы поняли, леди? Только одно слово Констанцы, один её взгляд — и я прикажу выкинуть вас из кареты! — Не дожидаясь ответа, он встал и ушёл.

Ален, сидящий за спиной леди Леониды и слышавший весь разговор, тоже встал, с презрением посмотрел на понурую женщину и легко взбежал на второй этаж. Будь что будет, но он должен увидеть Констанцу наедине.

К счастью, коридор был пуст. Он постучал в дверь и услышал её лёгкие шаги. Констанца повернула ключ и грустно приоткрыла дверь. Ах! Его сильные нетерпеливые руки, быстрые поцелуи, блестящие радостные чёрные глаза и волосы, рассыпавшиеся по спине оттого, что потерялся шнурок.

Он схватил её на руки, прижал к своей груди, закружил, зацеловал, шепча о своей любви, о желании и нетерпении, о том, что осталось совсем чуть-чуть...

Констанца забыла обо всём. Вот он, самый лучший, любимый. Он пахнет потом и лошадьё, на ладонях у него мозоли, а губы сухие и обветренные. Но в целом свете нет для неё никого дороже и желанней.

В перерывах между поцелуями Ален рассказал ей о разговоре лорда Шамила и леди Леониды: — я думаю, теперь она побоится тебя обижать. Не обращай на неё внимания, родная, — добавил с досадой: — вот угораздили же нечистики Джорджия наткнуться именно на главную сплетницу королевства! Может, ещё мне с ней поговорить?

Констанца обняла его за шею, потянулась к губам: — не надо, Ален. Ты же не хотел, чтобы кто-то знал о твоём присутствии.

— Да чего там! — Он усмехнулся, потом ответил на её поцелуй, — она меня видела и

узнала, только не решается тебя расспрашивать.

— Иди, Ален, — она подталкивала его к двери, — я совсем успокоилась, правда-правда!

Он, нехотя, пошёл, но от самой двери вернулся. Нахальные и бесстыдные руки торопливо и сильно прижимая, обшарили её тело, отчего она ослабела и потянулась к нему снова. Но, коротко хохотнув, Ален выскочил за дверь.

Спустя несколько минут к Констанце пришла леди Леонида. Её лицо было заплакано: — Констанца,... прости меня, я не хотела тебя обидеть! — Она кусала губы, и было видно, что извинения даются ей нелегко, — я уверена, что ты порядочная девушка, не обижайся на мою невинную болтовню..., просто ты всё время молчишь..., я думала развлечь тебя разговором...

Внутри у Констанцы всё пело, она только что целовала Алена, её тело ещё горело от его жадных прикосновений. Ей не хотелось ни видеть, ни слышать леди Леониду. Кое-как успокоив её и заверив, что она не обижена, Констанца смогла выпроводить свою компаньонку. Потом упала на кровать, раскинув руки и улыбаясь своим мыслям. Ален, Ален! Любимый, нежный, грубый и жёсткий, она будет самой лучшей женой, сделает всё, чтобы он был доволен и счастлив!

Глава 18.

Город Холмск, первый из городов, принадлежащих короне, и увиденный Констанцей, был великолепен. Он стоял на высоком холме, одном из семи, по которым и было названо королевство. Вольготно раскинувшись на его склонах, своими широкими мощёными улицами Холмск сбегал к протекающей у подножия полноводной Дайне.

Констанца непрерывно вертела головой, боясь пропустить, не увидеть то изукрашенный замысловатой резьбой по белому мрамору особняк, горделиво просвечивающий сквозь голые чёрные деревья зимнего парка, то фонтан на городской площади, не действующий, замерший в ожидании лета. Он изображал группу сказочных существ, окруживших прекрасную деву, простирающую руки в умоляющем жесте.

На улицах было тесно от всадников, карет и лёгких повозок. Нарядно одетые дамы, кутаясь в меха, лукаво поглядывали на кавалеров, гарцующих на красивых и сытых лошадях. Скрип колёс, щёлканье кнутов, возгласы, крики, смех — Констанца зачарованно наблюдала за жизнью большого города.

Путники легко и беспрепятственно проехали городские ворота. Ещё бы! Ведь охраняли их подчинённые лорда Шамила. Городская стража с улыбками приветствовала их, но не забывала и о своих прямых обязанностях.

О чём-то коротко поговорив с Аланом, лорд Шамил привёл своих спутников на постоялый двор и тут же исчез. Впрочем, это был уже гостиный двор и носил он название “Бриллиант короны”. Название соответствовало содержанию. Гостиный двор, предназначенный для отдыха богатых путешественников, имел чрезвычайно удобные комнаты для постояльцев, а для особо привередливых и целые покои, состоящие из спальни, гостиной и туалетной комнаты. В ней, помимо удобного кресла с дыркой, под которым стоял обыкновенный объёмистый горшок, имелась ещё и большая медная лохань, которая по первому требованию гостя наполнялась тёплой водой.

Служанка проводила Констанцу именно в такие покои, а леди Леонида поселилась в комнату попроще, но тоже чистую и удобную. Помня об угрозе лорда Шамила, она ничем не выдала своего недовольства.

Констанца с восторгом пробежалась по комнатам, потрогала в спальне мягкую постель, с размаху плюхнулась в большое кресло в гостиной. Сняв сапожки, с наслаждением прошла по ковру с длинным пушистым ворсом.

Постучав и получив разрешение, в гостиную вошёл лорд Шамил, оставив приоткрытой дверь. Девушка предложила ему кресло, но он отмахнулся.

Его милость сообщил ей, что сегодня ночью он намерен заночевать дома. Стражников тоже останется лишь половина, но здесь, на землях короны, ей нечего бояться. Лорд Аллен пока что отсутствует. Его пригласил на ужин градоправитель, но ночевать он будет в гостинном дворе, его покои на этом же этаже, только чуть дальше по коридору.

Лорд Шамил, улыбаясь, сказал, что для Констанцы и её компаньонки, по случаю приезда в Холмск, заказан праздничный ужин. Он будет сервирован в отдельном кабинете, а не в общем зале. После этого он, раскланявшись, чем неимоверно смутил её, удалился.

Вскоре пришла служанка и пригласила девушку пройти с ней. Они спустились на первый этаж и, миновав общий обеденный зал, вошли в небольшой кабинет. Удивлённая Констанца замерла на пороге.

Весь центр комнаты занимал большой овальный стол. Накрытый накрахмаленной нежно — голубой скатертью, он был тесно уставлен тарелками с самыми разнообразными закусками. Красиво украшенные, они поистине представляли шедевр кулинарного искусства. Констанца видела серебряную посуду лишь в замке лорда Нежина, поэтому её поразили блестящие закрытые судки, из-под крышек которых плыл умопомрачительный аромат.

С дальнего конца стола ей снисходительно улыбалась леди Леонида: — ну что же ты, Констанца? Проходи, садись куда-нибудь. Вообще — то мне сказали, что этот ужин сервирован для нас, но я вижу на столе ещё один прибор. Для кого он, не знаешь? — Констанца отрицательно помотала головой. Совершенно непонятно, кто ещё будет с ними ужинать. Лорд Шамил уехал домой, Аллен в гостях у градоправителя... Может быть, хозяин гостинного двора? Она робко высказала это предположение, и была награждена презрительным смехом леди Леониды: — если он осмелится сесть за один стол с благородной дамой, то, уж ты извини, Констанца, но раз мы путешествуем вместе, то ты тоже должна будешь покинуть этот кабинет вместе со мной!

Констанца неопределённо пожала плечами. Хотелось есть, пахло вкусно, а присутствие, если так случится, за столом человека, организовавшего это великолепие, уж никак не могло повлиять на её аппетит.

Вошёл слуга, принялся разливать по высоким узким бокалам душистое тёмно-красное вино и открывать крышки серебряных судков.

Леди Леонида с неудовольствием отметила, что выполнив всё, что от него требовалось, слуга замер за креслом Констанцы. Похоже, так ему было приказано. Девчонка, непривычная к этому, пару раз оглянулась и натолкнулась на вопросительный взгляд мужчины. Покраснев, она перестала оглядываться, а слуга внимательно следил за её тарелкой и торопился наполнить её.

Констанца терялась от обилия блюд, не зная, что следует есть вначале, а что — потом. Смущало её и невиданное количество ножей и вилок, разложенных перед ней. Она украдкой поглядывала на свою компаньонку, которая уверенно справлялась с колюще-режущими предметами.

Пожалуй, Констанце так и не удалось бы толком поесть из опасения вызвать презрительную усмешку на тонких губах леди Леониды, но внезапно дверь распахнулась, и в

кабинет ввалился улыбающийся и совершенно довольный жизнью Ален! Она вскрикнула, вскочила из-за стола и чуть не бросилась ему на шею, но вовремя опомнилась, присела в низком реверансе. Краем глаза заметила, как побледнела компаньонка и тоже замерла в реверансе, приветствуя Главного королевского дознавателя.

Ален весело сказал: — я рад видеть вас, дамы, в добром здравии! Надеюсь, вы не откажете мне в тарелке какого-нибудь салата, а лучше бы мяса, потому что я умираю от голода!

Констанца изумлённо смотрела на него, не решаясь спросить об ужине у градоправителя, а леди Леонида, шустро вскочив с кресла, предлагала ему отведать перепёлок, тушёных в белом вине, копчёных голубей и тающий во рту мясной пирог.

Поблагодарив её кивком головы, Ален, не церемонясь, принялся за яства, коими был уставлен стол. Констанца с удовольствием наблюдала, как он, быстренько прикончив кусок нежнейшей телятины, шлёпнул себе на тарелку большую жареную рыбку, не затрудняясь её разрезать.

Слуга с неодобрением поглядывал на то, как благородный лорд, пренебрегая многочисленными столовыми принадлежностями, пользуясь одной — единственной вилкой с аппетитом уплетал и мясо, и рыбу, и изысканный мясной пирог — сияющую вершину кулинарных талантов повара.

Заметив его взгляд, Ален насмешливо ухмыльнулся и, мотнув головой, выпроводил слугу из комнаты: — надеюсь, мы и сами справимся, без посторонней помощи.

С уходом слуги Констанца сразу почувствовала себя свободней. Ален заразил её своей весёлостью и непринуждённостью. Она храбро положила себе на тарелку пару ложек салата из креветок, а Ален добавил туда же несколько ломтей тонко нарезанной копчёной ветчины. Она укоризненно покачала головой, сдерживая смех. В его глазах тоже нечистиками сверкали смешинки, но лицо оставалось невозмутимым.

А вот леди Леонида чувствовала себя в присутствии Алена неважно. Она не смела осуждающе смотреть на него за такое пренебрежение правилами этикета, поэтому, опустив глаза к своей тарелке, судорожно выискивала тему для разговора, потому что молчать было бы неприлично. Он сам, пригубив вина, стал рассказывать, что у градоправителя они долго обсуждали дела и последние новости королевства, а потом выяснилось, что на ужин в резиденцию приглашены все именитые граждане Холмска. Всех их интересовало его мнение по тому или иному вопросу, так что поесть толком не удалось. В конце концов, извинившись и сославшись на неотложные дела, он откланялся и поторопился в гостиный двор в надежде, — тут он улыбнулся, — что милые дамы оставили и ему что-нибудь после своего пиршества.

Констанца, да и леди Леонида, улыбнулись шутке, понимая, что он заранее планировал ужинать с ними. Недаром его ждал третий прибор.

Несмотря на превосходный аппетит лорда дар Бреттона, сотрапезники не справились с изобилием и разнообразием блюд, коими был уставлен стол. Его милость был любезен и предупредителен, его шутки невинны и остроумны, так что к окончанию ужина леди Леонида недоумевала, почему её знакомые с таким ужасом и неприязнью говорят о Главном королевском дознавателе. Она и не догадывалась, что его забавлял её страх и настороженность, а кроме того он радовался возможности видеть свою ясноглазую девочку, слышать её голос, наслаждаться её смущением и ласковым взглядом, брошенным на него тайком от компаньонки.

Наутро их путешествие продолжилось. Последняя неделя была наполнена нескончаемыми восторгами леди Леониды по поводу столь близкого знакомства с Главным королевским дознавателем. Она сетовала, что её столичные приятельницы в своей неприязни к Его милости руководствуются, скорее всего тем, что он так и не выбрал, пока, себе жену, а несколько месяцев назад расстался и с последней любовницей. Констанце пришлось выслушать подробные описания бывших женщин Алена, а также потенциальных невест, которых прочили ему в жёны. Однажды леди Леонида даже предположила, что лорд Алел воспыпал к ней нежными чувствами. Иначе чем объяснить его стремление поужинать с ними? Конечно, она несколько старше его, но разве она не выглядит моложе своих лет?

В течение целого дня она с удовольствием развивала эту тему, не замечая, как тошно слушать её излияния Констанце. На следующий день компаньонка дошла в своих рассуждениях до того, что стала прикидывать, что подарит ей дар Бреттон, когда она станет его любовницей.

Правда, лорд Алел больше не подходил к их столику, когда путешественники останавливались на постоянных дворах, а лишь раскланивался издали, не обращая, в дальнейшем, на них никакого внимания. Тем не менее, леди Леонида до того уверила себя в его особом к ней отношении, что старалась почаще попадаться ему на глаза, при этом соблазнительно, как ей казалось, улыбаясь и приседая в изысканном реверансе.

Несмотря на смехотворность ситуации, Констанца ничего не могла с собой поделать: она ужасно ревновала и даже всплакнула по этому поводу как-то ночью. Спустившись утром в обеденный зал очередного постоянного двора, где они заночевали, она встретилась глазами с жарким взглядом Алена, но не улыбнулась ему украдкой, а нахмурилась и сердито отвернулась. Он, ничего не понимающий, некоторое время озадаченно смотрел на неё, а потом, пожав плечами, повернулся к лорду Шамилу.

Тот опять сопровождал их лично, сократив, правда, количество стражников.

Таким образом, последняя неделя поездки была наполнена болтовнёй и мечтаниями леди Леониды, муками ревности Констанцы и надоевшими ночёвками на постоянных дворах.

Наконец однажды, после обеда, вдалеке показались высокие городские стены столицы, а над ними сияющие и взметнувшиеся ввысь шпили башен королевского дворца.

Констанца выглянула в окно, отыскивая взглядом Алена. Ещё в Холмске он переделался в свою одежду, и теперь она с удовольствием наблюдала, как непринуждённо и ловко держится он в седле, как мягкими крупными складками спадает на круп Грома его меховой, благородного вишнёвого цвета плащ, а невиданная ею ранее шляпа с роскошным, большим, вишнёвого же цвета пером как нельзя лучше гармонирует с его гордым профилем.

Он почувствовал её взгляд, обернулся, широкая улыбка озарила лицо. Рядом, у самого уха Констанцы, томно вздохнула леди Леонида: — ах, ты видела? Он мне улыбнулся! Интересно, куда он отвезёт меня? У него есть городской дом, но едва ли там будет удобно встречаться. В конце концов, у меня есть муж, так что придётся соблюдать приличия!

Констанца совершенно не слушала компаньонку. Её сердце учащённо билось. Вот она, Орегония, столица королевства. Здесь начнётся её новая жизнь.

Зачарованно она смотрела на проплывающие за окнами кареты улицы и площади столицы. Город был большим. После одноэтажных домиков окраины начались роскошные

особняки знати, вплотную подступающие к королевскому парку. Путешественники свернули на боковую улицу и вскоре остановились перед большим солидным зданием, от которого непрерывно отъезжали кареты. Суетились возчики, ржали лошади, к каретам подвозили мешки и тюки, стоял невообразимый шум и гам. “Почтовый двор”, прочла Констанца на длинной вывеске, протянувшейся по фасаду здания.

Дверца кареты открылась. Лорд Шамил, насмешливо улыбаясь, протягивал руку компаньонке: — леди Леонида, я выполнил свои обязательства и доставил вас в столицу. Благодарю вас за то, что вы составили компанию Констанце и желаю вам всего наилучшего! — С этими словами он, почти насильно, выдернул ошеломлённую женщину из кареты. Чуть помедлив, Констанца тоже вышла из кареты, не зная, что сказать, растерянно глядя на лорда Шамила и компаньонку. Та вертела головой, потом с недоумением спросила: — а где же лорд Ален?

Лорд Шамил, с нетерпением глядя на неё, ответил: — Его милость занят. — Повернувшись к Констанце, сказал: — ну что, едем дальше?

Девушка неловко пробормотала слова благодарности, адресуясь к женщине. Та, ошеломлённая, не могла прийти в себя: — но как же так, Констанца? Лорд Ален..., мы даже не договорились, когда и где встретимся!

— Э-э-э...?? — Удивлённый лорд Шамил круглыми глазами посмотрел на Констанцу. Та пожала плечами и отвела глаза. Он всё понял, не стесняясь, расхохотался: — леди Леонида, уверяю вас, вы ошибаетесь насчёт дар Бреттона! У него и в мыслях не было того, с чём вы подумали! — Он вновь засмеялся, повернувшись к Констанце, предложил ей руку: — Поехали, нас ждут!

Ещё раз поблагодарив леди Леониду, девушка вернулась в карету, оставив бывшую компаньонку на постоялом дворе. Кошки скребли на душе, ей было жалко женщину, уверившую себя в любви Главного королевского дознавателя.

Выглянув в окошко, Констанца помахала рукой лорду Шамилу. Когда он подъехал, спросила: — лорд Шамил, а нельзя было довести леди Леониду до дома? Как-то нехорошо получилось, что мы бросили её на почтовом дворе...

Он снисходительно похлопал её по руке: — успокойся, Констанца. Она живёт прямо за почтовым двором, тут ходу несколько минут. Её муж имеет захудалый домишко, доставшийся ему от какой-то родственницы, не очень богатой, правда. В нём они и живут. А нам некогда кататься. Ален приказал привезти тебя к его деду, сам он уже там. Ему нужно устроить тебя и срочно ехать во дворец. Его Величество, наверняка, знает, что Ален приехал в столицу.

Им пришлось ехать довольно долго по улицам Орегонии в столпотворении и людском водовороте. Чем ближе к королевскому дворцу, тем великолепнее выглядели особняки благородных лордов. Сплошь из камня различных оттенков, двух- и трёхэтажные, окружённые садами, украшенные башенками, красивой резьбой и скульптурами, они, казалось, насмешливо взирали на девушку с высоты своего каменного величия.

Она поёжилась, чувствуя себя чужой, неуклюжей и лишней среди этого воплощения богатства и знатности. Настроение, после расставания с леди Леонидой итак бывшее не слишком хорошим, окончательно упало. Она попыталась взять себя в руки. Разве она не верит Алену? Разве он давал ей повод усомниться в его любви? Тут же накатила мыслишка, что, может быть, вдалеке от столицы, от ярких, красивых и богатых женщин он просто

заскучал? А теперь, вернувшись в Орегонию, в окружении равных ему, он разлюбит её?

Неизвестно, до чего ещё додумалась бы Констанца, но карета остановилась перед парадным входом настоящего дворца. Она даже и не заметила, когда они свернули на подъездную аллею. Дворец был не такой громадный, как королевский, но тоже большой, в три этажа, с резными балкончиками, колоннами в виде скульптур, их поддерживающих.

Тяжёлая дубовая дверь с грохотом распахнулась, выпустив сбегающего по высоким ступеням Алена. Позади остался пожилой седовласый слуга в расшитой золотой нитью тёмно-зелёной треконде, укоризненно покачивающий головой.

Ален рванул дверцу кареты. Констанца неуверенно заглянула в блестящие чёрные глаза и... утонула в вихре радости, любви, нетерпеливого ожидания. Она протянула к нему обе руки, облегчённо вздохнула: — Ален, я так боялась!

Он засмеялся, схватил её в объятия, закружил: — чего ты боялась, глупышка?! Всё плохое позади, мы дома!

Наконец поставил её на ноги и подставил локоть. Она просунула под него свою руку и укоризненно сказала: — ты простудишься, Ален! Зачем ты выбежал раздетым? Можно же было накинуть плащ! — Ален опять засмеялся, наклонившись, поцеловал озябшие пальчики:

— скоро у меня будет жена, которая станет следить, чтобы я не бегал без плаща, а когда я заболел, она вылечит меня. — Он обернулся к шедшему сзади, улыбающемуся лорду Шамилу: — как вы распрощались с леди Леонидой? Надеюсь, она довольна поездкой?

Констанца фыркнула, а лорд Шамил расхохотался: — нет, Ален, мы оставили её в расстроенных чувствах! Она была уверена, что ты влюблён в неё, а ты даже не появился, чтобы проститься с ней!

Нахмурившись, Ален заглянул Констанце в глаза: — что за бред? Она сошла с ума?

Та покачала головой: — после того, как ты поужинал с нами, она подумала, что нравится тебе. Ведь не мог же ты явиться на ужин из-за меня! Мне кажется, бедная женщина очень несчастна, мне жаль, что лорд Шамил её разочаровал.

— Ну и ну! — Ален был до невозможности удивлён, — чего только не привидится женщинам!

Констанца отвернулась от него и надулась.

Важный седовласый слуга вежливо поклонился и придержал для них дверь. В большом холле, куда они вошли, было светло и тихо. Солнечный свет, падая через разноцветную мозаику окон, рисовал красочные узоры на светлом дубовом паркете натёртого до блеска пола, отражался сияющими бликами на узорном фарфоре напольных ваз. В его лучах оживали скульптуры прелестных сказочных существ и животных, стоящие в нишах. Удобные низкие диваны и кушетки, обитые светлым шёлком, приглашали дать отдых утомлённым ногам. Несколько небольших ярких ковров были разбросаны на полу.

Широкая лестница вела наверх. По ней торопливо спускался слуга в такой же тёмно-зелёной треконде, что и встретивший их мужчина: — лорд Ален, Его милость ждёт вас и ваших спутников в кабинете!

Кивнув, Ален потянул Констанцу к лестнице. Лорд Шамил последовал за ними. Они миновали несколько больших и красивых комнат со стенами, обшитыми блестящим шёлком, с дорогой и изящной мебелью, картинами, гобеленами, скульптурами и растениями до потолка, где натёртый паркет прикрывали мягкие ковры.

Наконец они остановились перед высокой дверью. Стукнув, Ален толкнул её, не

дожидаясь разрешения войти. Констанца неуверенно вошла следом за ним. Навстречу им, из-за громадного тёмного стола морёного дуба поднялся очень высокий и очень худой старик. Суровые чёрные, как у Алена, глаза смотрели проницательно и остро. Констанца, окончательно оробев, присела в низком реверансе, боясь поднять на старика глаза. Алэн усмешливо сказал: — знакомься, дед, это Констанца, твоя компаньонка. Ты ведь мечтал, чтобы тебе кто —нибудь книжки по вечерам читал. Вот она и будет. Пока я получаю у Рихарда разрешение нам пожениться.

Констанца покраснела, не решаясь поднять глаза на мужчин. — Ну-ну, — услышала она заинтересованный голос, — а не сбежит такая молодая красивая девушка через пару дней, когда ей надоест книжки старику читать? — Она выпрямилась, неуверенно посмотрела в лицо говорившему и увидела, что он улыбается.

Глава 19.

Ален торопливо шёл по залам и переходам королевского дворца, рассеянно кивая головой в ответ на поклоны встречающихся на пути придворных.

Прежде чем отправиться к королю, он заехал в Ведомство Дознания и отдал приказ об аресте заговорщиков. Материала собрано более чем достаточно, а промедление лишь подтолкнёт злоумышленников к более решительным действиям. Теперь, когда Констанца находится в доме у деда, можно спокойно заниматься делами. Вчера, после того, как он проводил свою ясноглазую девочку в отведённые для неё покои и убедился, что она устроена вполне удобно, Алэн вернулся в кабинет. Они просидели с дедом допоздна, обсуждая сложившуюся ситуацию и потягивая подогретое тягучее красное вино столетней выдержки из винного подвала хозяина.

Наконец-то Алэн мог откровенно выложить всё, что терзало его во время долгого путешествия. Лорд Касилис дар Матторн, бывший Главный королевский дознаватель, верой и правдой служивший ещё отцу Рихарда IV и предотвративший более десятка заговоров и покушений на жизнь Его Величества, бывший министр юстиции, а ныне Глава Тайного Совета, хмурия брови, внимательно слушал внука. В первую очередь, конечно, Алэн поделился своими соображениями касательно участи заговорщиков. Не скрыл он и сомнений относительно участия в заговоре лорда Нежина дар Кремона. Лорд Касилис был с ним согласен: прямых доказательств участия дар Кремона в злодейском замысле нет. Следует послушать, что скажут те, чьё участие доказано.

Он поцокал языком и посмеялся, слушая рассказ о похищении Алекса и спасении его Констанцей. Продолжая улыбаться, спросил: — теперь расскажи мне, что связывает тебя с этой девушкой кроме благодарности за спасение твоей шкуры? Я заметил, как сладко ты жмурился, глядя на неё. Прямо кот у чашки со сливками!

Ален смутился, но твёрдо ответил: — ты можешь смеяться, сколько хочешь, но я её люблю и намерен вскорости жениться. Хотя, — он замялся, — я предвижу всяческие осложнения...

— Начиная с твоей матушки и заканчивая Его Величеством! — Продолжил лорд Касилис. Алэн нехотя кивнул.

— Ну что же, дорогой внук, дерзай, девочка достойна того, чтобы за неё побороться. Она мне понравилась, но поживём — увидим, — лорд Касилис усмехнулся: — насколько хорошо она книжки читать умеет! И, Алэн, предупреждаю тебя: в моём доме — никакого блуда!

— Дед! — Возмущённо воскликнул тот, но хозяин покачал головой:

— не позорь её, Ален. Я верю, что вы любите друг друга, но тем бережнее ты должен относиться к её репутации. Запомни — никаких свиданий наедине. Я приставлю к ней пожилую добропорядочную служанку. Она постоянно будет находиться при Констанце, чтобы у тебя не появилось соблазна.

Опустив голову, Ален нехотя кивнул.

Сейчас он торопился на встречу с Его Величеством, обдумывая на ходу ещё раз то, о чём должен рассказать Рихарду.

Король ждал его в Потайном кабинете. На условный стук дверь открыл доверенный слуга, низко поклонился Алену и неслышно исчез в боковом коридоре. Навстречу Главному дознавателю с мягкого, обитого жёлтым бархатом дивана поднялся пышно одетый полноватый мужчина чуть моложе Его милости: — Ален! Ты напугал меня! — Несколько капризно воскликнул он, протягивая к вошедшему руки. Тот склонился в поклоне:

— Ваше Величество, прошу меня простить! Не было никакой возможности известить вас о моих перемещениях.

Рихард IV обнял Его милость за плечи, повёл к дивану: — оставь свои церемонии для парадных выходов и рассказывай! Я умираю от любопытства: что, заговор, действительно, существует? Или это выдумки твоих бдительных подчинённых?

Ален печально покачал головой: — нет, Рихард, не выдумки. Лордам надоела спокойная жизнь, и они хотят народных волнений и крови. Кровь будет, но их собственная, а вот волнений я не допущу.

Они сели на диван, разглядывая друг друга. Его Величество и Главный королевский дознаватель были знакомы давно, ещё с тех пор, когда Рихард был наследным принцем, а лорд Ален в качестве рядового дознавателя предотвратил покушение на молодого наследника, подставив себя под удар ножа наёмного убийцы. Даже будучи раненным, он смог задержать человека, выдававшего себя за одного из королевских гвардейцев, приставленных для охраны принца. Позднее он же проводил дознание и занимался розыском и поимкой людей, желавших устранить наследника и привести к власти одного из королевских племянников.

После покушения Ален настоял на тщательной проверке всех, кто служит в королевской гвардии. При этом, если ранее, для вступления в её ряды было достаточно иметь благородное происхождение и хорошие внешние данные, то теперь Его милость приказал проверить всех гвардейцев и их ближайших родственников на лояльность короне. Вскоре лорд Ален, указом Его Величества был назначен заместителем Главного королевского дознавателя, а сразу за этим в Ведомстве Дознания создаётся Тайное подразделение, призванное выявлять и предотвращать заговоры и покушения на короля и членов его семьи. Его служащие бывали в большом и мрачном здании ведомства крайне редко и неохотно. Если бы кому-то удалось собрать их вместе, ему представилась бы удивительная картина. Вот дородный и важный купец степенно беседует с нищим в живописных лохмотьях, а там хозяин постоянного двора тычет кулаком в плечо благородного лорда и оба заразительно хохочут.

Необъятных размеров, в ярком, крикливых расцветок одеянии содержательница низкопробного весёлого дома для моряков, согласно кивая головой, чинно и внимательно слушает благообразного священника Всеблагого.

Лишь несколько человек в Ведомстве Дознания знали о существовании Тайного подразделения, в том числе, конечно, и Главный королевский дознаватель, лорд Касилис,

дед Алена. Он с интересом наблюдал за внуком, которого не раз обсуждал с тогдашним королём, Его Величеством Александером III.

Сейчас Алэн видел, что король несколько похудел и выглядит озабоченно. Он спросил: — Рихард, ты здоров? Как чувствует себя Её Величество? — Королева совсем недавно подарила Его Величеству долгожданного наследника, но роды были тяжёлыми, и Рихард IV беспокоился за её здоровье.

Тот успокоительно похлопал Его милость по руке: — я здоров, Алэн, Её Величество тоже поправилась и дети здоровы, но, знаешь, — Рихард зябко поёжился, — когда тебя нет рядом, я чувствую себя как-то неуверенно, — он улыбнулся: — тем более, мне доложили, что тебе потребовалась помощь стражи из Холмска.

Они проговорили довольно долго и Его Величество, не стесняясь в выражениях, весьма неприличными словами называл лордов, затеявших его свержение. Он несколько усомнился в необходимости немедленных арестов, но Алэн сообщил ему, что приказ уже отдан, и кареты ведомства Дознания с прочными решётками на окнах скоро привезут в подвалы первых заключённых.

Король махнул рукой, не желая вдаваться в подробности, привычно передоверив решение своему Главному дознавателю.

Констанца некоторое время лежала, не открывая глаз. Впервые за много времени она чувствовала, как спокойствие и лень одолевают её. По спальне неслышно ходила служанка, та полная, аккуратно одетая и причёсанная женщина, которую лорд Касилис к ней приставил. Она сразу понравилась Констанце. Её лицо дышало покоем и умиротворённостью, и она легко и охотно улыбалась.

Именно данна Ольгия, так звали служанку, вчера привела девушку в покои, ей отведённые. Восхищённая Констанца медленно ходила по двум большим комнатам и осторожно прикасалась к шторам из тяжёлого плотного шёлка, цветной мозаике высоких окон, шкафчикам, столикам, креслам и диванам и плотному балдахину над кроватью, резным столбикам, его удерживающим. Её ноги по щиколотку утопали в толстом ворсе ярких дамьянских ковров, она любовалась великолепными фресками, коими был расписан потолок.

Просторная комната для мытья имела большую вместительную лохань, уже наполненную тёплой водой, а на стоящем рядом столике теснились баночки, коробочки, флакончики, которые Констанца тут же открыла и с интересом пересмотрела.

К её глубокому разочарованию небольшая гардеробная комната, притаившаяся за узкой узорчатой дверью в углу спальни, встретила её рядами пустых вешалок и полок. Впрочем, ей хватило здравого смысла, чтобы понять, что её совершенно не ждали.

После ванны пришлось надеть одно из двух своих платьев. Ольгия принесла тапочки, взамен сапожек, которые Констанце изрядно надоели. Они оказались великоваты, и девушка боялась показаться смешной, если тапочки слетят с ног во время ходьбы.

Служанка усадила её за туалетный столик в спальне и принялась укладывать волосы. В зеркале отражалась светлая, покрытая блестящим лаком поверхность столика и на углу его большая красная роза в узкой высокой вазе. Роза появилась, пока она отмывала дорожную грязь. Данна Ольгия с улыбкой сообщила, что принёс её лорд Алэн.

Расчёсывая не слишком длинные волосы Констанцы и просушивая их полотенцем, служанка, не торопясь, рассказывала ей о лорде Касилисе, его семье и правилах,

установленных для обитателей дома.

Его милость был отцом леди Эмили, матери лорда Алена. Желу он потерял много лет назад, во время одной из эпидемий, свирепствовавших в королевстве, да так больше и не женился. Леди Эмили была его младшим ребёнком, и лорд Касилис души не чаял в дочери. Старшая, леди Рамона, холодноватая и расчётливая, рано ушла в монастырь, лишь изредка присылая отцу весточки о себе. Любовь к младшенькой он перенёс и на лорда Алена, когда она вышла замуж и родила сына. Вместе с нею он тяжело перенёс смерть её дочери, родившейся слабенькой и умершей через неделю после рождения. Он недолюбливал зятя, лорда Николса дар Бреттона, надменного и холодноватого, но лорд искренне и, по-своему, страстно любил жену, поэтому ему простили некоторое высокомерие и заносчивость. Лорд Николс возглавлял Казначейство Его Величества.

В доме лорда Касилиса царили строгая дисциплина и порядок. Слуг было много, и каждый из них имел определённый круг обязанностей.

За стол садились в раз и навсегда отведённое время, опоздавшие к столу не допускались и довольствовались вкушением пищи на кухне. Хихикнув, данна Ольгия сообщила, что даже лорд Николс, который частенько обедал в резиденции Главы Тайного Совета, однажды был вынужден расположиться в одиночестве на кухне, откуда в панике сбежали все повара. Он не разговаривал с тестем два дня, а лорд Касилис лишь посмеивался.

В доме родителей лорда Алена такой строгости не было, и обед, частенько, растягивался на пару часов.

Данна Ольгия пообещала Констанце обязательно показать дом. Тем более, что об этом распорядился хозяин. Он, также, приказал пригласить портных, белошвеек и сапожника, чтобы гостя могла заказать для себя всё необходимое.

В свете услышанного, Констанца с некоторой робостью отправилась в сопровождении данной Ольгии в малый обеденный зал на ужин. Но всё оказалось совсем не страшно. Несмотря на роскошную сервировку, подаваемые на стол блюда были простыми и сытными.

Ещё на пороге она натолкнулась на тревожный вопросительный взгляд любимых чёрных глаз. Ей хотелось сесть рядом с Аленом, но невозмутимый и важный слуга отодвинул для неё стул с высокой резной спинкой рядом с лордом Касилисом, и ей ничего не оставалось, как, сожалеющее вздохнув, занять указанное ей место.

К её большой радости, ужин прошёл весело. Да, именно так — весело. Хотя за её стулом стоял важный слуга, а лорды, старший и младший, успешно управлялись с разнообразными вилками и ножами, Констанца совершенно не чувствовала стеснения. Может быть потому, что, отложив серебряную вилку, хозяин дома домакал оставшийся на тарелке соус кусочком хлеба и с наслаждением отправил его в рот, при этом подмигнув Констанце? Или потому, что её милый Ален, некоторое время чинно насыщавшийся в соответствии с правилами этикета, в очередной раз заспорив с дедом, решительно ткнул вилкой в тушку какой-то, жаренной во фритюре птички, и принялся энергично обглаживать её, для удобства уперев локти в стол?

Лорд Касилис оказался очень остроумным человеком. Он подшучивал над Аленом и его родителями, рассказывая забавные случаи из их жизни. По улыбке Алена Констанца догадывалась, что кое-что специально преподносится в таком, несколько утрированном, виде, чтобы подчеркнуть смешную сторону случившегося и повеселить её.

Дед Алена ужасно нравился ей. Уже к концу ужина она не удивлялась его нескладной,

долговязой костлявости, узкому лицу, испещрённому глубокими морщинами, громкому, пронзительному голосу. Его движения не отличались изяществом и плавностью, как положено благородному лорду. И весь он напоминал Констанце складной портновский метр. Иногда он взглядывал на неё, внимательно и остро, но она несколько не боялась этих чёрных, проникающих в душу глаз, а наоборот, видела в них ободрение и поддержку.

Она весело схватилась за его локоть, когда, по окончании ужина, он галантно предложил ей руку. Сзади Ален возмущённо воскликнул: — дед! Как тебе не стыдно! — Но лорд Касилис лишь насмешливо фыркнул, похлопав Констанцу по руке, лежащей на сгибе его локтя.

Таким манером они и направились в кабинет хозяина, и Констанца поймала себя на том, что, несмотря на кажущуюся внешнюю нескладность и простоту Его милости, она выпрямила спину, горделиво приподняла подбородок и старается ступать неспешно и плавно, как и подобает хорошо воспитанной девушке, идущей под руку с благородным лордом. Краем глаза она заметила, что лорд Касилис с любопытством глянул на неё, но ничего не сказал, а с лёгким поклоном открыл перед нею дверь.

Они удобно расположились в больших уютных креслах перед громадным камином, от которого шло приятное тепло. На небольшом столике тёмного дерева, из которого была сделана вся мебель в кабинете хозяина, уже стояли высокие хрустальные бокалы на тонких ножках и пыльная, в какой-то паутине, замшелая тёмная бутылка. Констанца с удивлением и отвращением уставилась на неё, не понимая, как она оказалась в чистом и чопорном кабинете Его милости. Ален рассмеялся, увидев выражение её лица, как бы случайно подвинул своё кресло рядом с ней, проигнорировав, как дед укоризненно покачал головой: — Констанца, эта бутылка очень старая, поэтому её не стали мыть, чтобы подчеркнуть, что в ней хранится драгоценное столетнее вино.

Девушка удивлённо наблюдала, как слуга у них на глазах обтер бутылку белоснежной салфеткой с вышитым гербом лорда Касилиса, осторожно открыл её и разлил рубиновую жидкость по бокалам.

Она с опаской пригубила из бокала, но никакой особенной разницы по сравнению с винами, которые подавались на постоянных дворах, не почувствовала. Сказать об этом она не решилась, а тихонько поставила бокал на столик. Тем не менее, лорд Касилис, повернув голову, кивнул слуге и тот вышел, чтобы через минуту вернуться с большим хрустальным кувшином ягодного морса, который и был торжественно водружён перед Констанцей.

Допив вино из своего бокала, Ален наполнил его морсом и подал девушке, забрав её бокал с вином. Слуга, опешив, смотрел на эти манипуляции. В руке он держал небольшой поднос, на котором стоял предназначенный для Констанцы чистый бокал. Хозяин поморщился, махнув рукой, приказал слуге оставить их и сказал Алену: — мы, кажется, договорились, что ты воздержишься от намёков на ваши особые с Констанцей отношения. Но только что ты дал понять Роберту, что вы близкие люди!

Констанца вспыхнула, укоризненно посмотрела на Алена. Тот совершенно бесстыже расхохотался, сказал: — дед, не забудь, ты мне обещал, что оставишь нас одних хотя бы на двадцать минут!

— О-о-о! — Лорд Касилис страдальчески поднял глаза к позолоченной лепнине потолка, — я, кажется, начинаю сочувствовать мамашам, стоящим на страже добродетели своих дочерей! — Он сделал глоток из своего бокала и с наслаждением причмокнул губами: — нет, никогда вы, молодые, не поймёте божественного вкуса старого вина.

— Ага, — невоспитанно перебил его внук, — разве только когда сами станем такими же древними, как это вино!

Они просидели в кабинете до поздней ночи. Лорд Касилис ни о чём не спрашивал Констанцу, и она поняла, что Ален рассказал ему всё. Ей было неловко от этого и она стеснялась поднять на него глаза, но в разговоре Его милость вскользь сказал ей: — я такой старьёй, милая, и так много знаю и видел на своём веку, что ты вполне можешь иногда поплакать на моей груди, когда будет больно и горько, а ты устанешь удивляться человеческой подлости.

От этих слов Констанце сразу стало легко и спокойно, и она с благодарностью улыbnулась старику.

Лорд Касилис и Ален обсуждали то, чем она станет заниматься в качестве компаньонки хозяина. Он даже обещал платить ей — еженедельно по серебряной монете, и Констанца чуть не захлопала в ладоши от радости, но удержалась и лишь чинно поблагодарила. А ещё Его милость сказал, что он с удовольствием оплатит то, что она закажет из одежды и обуви.

Ален хотел остаться ночевать у деда, но тот категорически возражал и велел ему ехать к родителям, которые тоже его ждут. Утром Главному королевскому дознавателю предстояло явиться к Его Величеству, и они пообсуждали, что нужно сказать королю, а о чём — пока умолчать.

Потом лорд Касилис, погрозив им на прощание пальцем, вышел из кабинета, и Констанца бросилась в объятия любимого. Они целовались так, как будто не виделись несколько лет, и Ален попытался задрать подол платья, пробормотав, что он так соскучился, что даже думать ни о чём не может. Констанца пришла в ужас, когда он стал пристраивать её на столе у деда, предварительно сдвинув на угол бумаги: — нет, Ален, прошу тебя! Я тоже очень соскучилась, но не хочу так, бегом и... и мне не нравится, Ален!

Со вздохом разочарования он отпустил её, целомудренно оправил платье: — прости, любимая, ты права, мы немного потерпим, осталось всего чуть-чуть.

Она благодарно его поцеловала, а он, усадив её к себе на колени и крепко прижимая к груди, стал тихо рассказывать о том, что они с дедом решили.

Утром он едет к королю и обязательно поговорит о своей женитьбе. Ещё необходимо как можно быстрее арестовать заговорщиков. Пока они на свободе, сохраняется опасность покушения и на короля, и на самого Алена. Да и Констанце нужно соблюдать осторожность.

Ещё он скажет родителям о том, что намерен жениться, и его невеста живёт у деда.

Он прижался губами к виску девушки, потёрся лицом о её волосы: — родная моя, собери всё своё мужество и будь готова к разговору с моей матушкой. Я не знаю, когда она приедет сюда, да я и не смогу быть всё время рядом с тобой, так что ты будешь одна. Она не зверь и не злодейка, но будет возражать против нашего брака. Дед будет рядом с тобой, но он мало что может. От отца тоже никакой помощи я не жду. Держись, девочка моя ясноглазая, мы всё равно будем вместе, только бы ты не испугалась!

Констанца повернулась к нему, обхватила руками за шею, прижалась щекой к его щеке: — я очень боюсь, Ален! Я очень тебя люблю и боюсь встречи с твоими родителями! Я не знаю, что тебе обещать, но постараюсь понравиться твоей матушке!

Он вздохнул: — как же я люблю тебя, моя храбрая девочка! Я ещё поговорю с дедом, попрошу его заступничества и совета.

Они ещё немного поцеловались, при этом Ален попытался спустить платье хотя бы с одного плеча, но раздался стук в дверь и покашливание лорда Касилиса. Они отскочили друг

от друга, улыбаясь и поправляя одежду.

Вошедший хозяин, скрывая улыбку, сурово велел внуку убираться и позволить им с Констанцей отправиться, наконец, отдыхать.

Ален церемонно раскланялся с ними, а потом, неожиданно схватив девушку в объятия, жарко поцеловал её и выскочил в дверь под возмущённый вопль деда.

Глава 20.

Завтракали вдвоём: лорд Касилис и Констанца. Его милость был задумчив и немногословен. Девушка оробела, не зная, как себя вести, украдкой поглядывала на хозяина. Он, отвлекшись от своих дум, поднял на неё глаза, улыбнулся: — не обращай на меня внимания, Констанца. Ты вот скажи мне: если я приглашу к тебе учителей, ты как, согласна учиться?

Констанца зарделась: — а-а, лорд Касилис, а я смогу? То-есть, — она окончательно смутилась, — я пойму, о чём мне учителя говорить будут?

— Ну, милая, что же ты такого невысокого мнения о себе? Кстати, Ален мне рассказал, что ты уже училась, многое знаешь и умеешь. Так что смелее вперед!

Они улыбнулись друг другу с взаимной симпатией и пониманием. Констанца внутренне ликовала. Она научится всему, что должна знать благородная леди, чтобы не позорить Алена, чтобы он мог гордиться ею, а не краснеть, когда она попадает впросак. Кстати, она внутренне улыбнулась, что-то ей ни разу не приходилось видеть, чтобы он смутился и краснел. Или она забыла? Нет, точно, её лорд от скромности не умрёт, нахальства и самоуверенности в нём, хоть отбавляй. А она любила его именно таким.

Ей не давала покоя будущая встреча с леди Эмилией и она решила спросить совета у её отца. Лорд Касилис задумчиво пожевал губами, потом сказал: — ты только не лги ей, Констанца, и не старайся показаться лучше, чем есть на самом деле. Ты итак хорошая девочка и, со временем, она оценит тебя. Ведь для любой матери самое главное — что её ребёнок был любим, а ты Алена любишь. Вот и будь сама собой. Только, знаешь, не говори ей, пока, что произошло с тобой в замке лорда Нежина. Для первого знакомства это излишне. — Констанца почувствовала, что краснеет и отвела глаза. Все прошлые события на фоне её нынешнего, почти безоблачного, счастья казались ей далёкими и незначительными. Его милость вернул её к тягостным воспоминаниям.

После завтрака они гуляли по зимнему парку. Было тепло, ярко светило солнце и ощущался скорый приход весны. Констанца держала лорда Касилиса под руку, а он рассказывал о Закатном королевстве, где ему пришлось жить некоторое время. Ей нравилась его неспешная плавная речь, красочные картины чужой жизни, остроумные и яркие описания встреченных им людей. Он замолчал и хлопнул её по руке: — о чём задумалась, Констанца? Или я совсем замучил тебя своей старческой болтовнёй?

— Нет — нет, Ваша милость, что вы! Вы очень интересно рассказываете!

Незаметно, исподволь, он расспрашивал её о родителях, о жизни в Вишняках, о семье священника и бегстве от лорда Нежина. Констанца увлеклась, с воодушевлением рассказывая, как много книг у святого отца и есть даже самые современные и модные поэты. Лорд Касилис мысленно усмехнулся: надо показать девочке дорогу в его библиотеку, авось, заинтересуется.

Внезапно она замолчала, а потом тихо сказала: — а знаете, Ваша милость, мне моя жизнь кажется широкой бурной рекой. Вот оторвало меня от берега и понесло, а плавать я

не умею. Мне кажется, что я вот-вот пойду ко дну, но внезапно река вынесла меня к утёсу, который возвышается над стремниной. Он стоит, такой прочный, такой твёрдый. Река бьётся о камень, но сделать ничего не может. И я вцепилась в него и держусь, сколько есть сил, а в душе боюсь, что стремительная река оторвёт меня от утёса и вновь понесёт, пока не разобьёт о скалы...

Лорд Касилис удивился, а потом мягко сказал: — мне твоя жизнь видится по-другому. Не река тебя несла, а страшная буря. А на пути у неё встал крепкий молодой дуб. Тот дуб обхватил тебя своими ветвями, укрыл от непогоды и никакие бури тебе не страшны. — Он улыбнулся: — поверь, Констанца, я хорошо знаю своего упрямого внука. Он всегда добивается того, что считает правильным. Тебе нужно лишь набраться терпения.

Обедали они снова вдвоём. Констанца боялась встречи с лордом Николсом, ведь он часто обедал у тестя. Но Его милость сообщил, что зять очень занят и в ближайшую неделю вряд ли появится.

С замиранием сердца она ждала Алена. Ведь он должен был поговорить с Его Величеством об их браке.

Лорд Касилис старался отвлечь её от мрачных мыслей. После обеда они пошли в библиотеку и, глядя на стройные ряды книг, заполняющих полки по стенам большой комнаты, у неё, в радостном предчувствии, затрепетало сердце.

Хозяин ласково гладил позолоченные корешки массивных фолиантов, снимая с полок то одну, то другую книгу. — Вот, Констанца, я думаю, эти книги ты станешь мне читать, когда нам нечем будет заняться. Мне прислали их ещё в прошлом году, но я так и не добрался до них. Да и, признаться, глаза меня, с возрастом, стали подводить.

Они забрали книги и унесли их в кабинет, а потом пришла данна Ольгия и сообщила, что Констанцу ждут портные и белошвейка.

А к ужину приехал Ален. Констанца, радостно вскочившая ему навстречу, почувствовала неладное и тревожно посмотрела на него. Он хмуро глянул на неё и деда: — я поговорил с Его Величеством...

— И... что, Ален?? — Она стиснула у груди руки, а слёзы уже стояли в глазах.

— Он сказал, что я сошёл с ума.

Само небо обрушилось ей на голову. Под его тяжестью подкосились ноги, но она не упала. Подскочивший Ален схватил, удержал, прижал к себе. Она даже не поняла, что плачет, молча прижимаясь к его груди. Золотое шитьё его роскошной треконды царапало щёку, драгоценные пуговицы впивались сквозь платье, но никакие силы не смогли бы оторвать её, разомкнуть его руки.

Неслышно ступая, лорд Касилис вышел из кабинета и тихо притворил за собой дверь. Они не заметили, что он ушёл. В целом свете были только они и их непомерная, неподъёмная тяжесть.

Ален опомнился первым. Продолжая её обнимать, подвёл к дивану и усадил. Медленно налил из стоящего на столике кувшина морс и подал ей бокал, потом допил остатки и, не глядя, ткнул бокал на место.

Констанца хлюпала носом, платка не было. Она протянула руку, и Его милость сунул в неё свой, батистовый, с вышитым белым шёлком гербом дар Бреттонов. Она вытерла слёзы и высморкала нос, а затем подняла красные заплаканные глаза на любимого: — Что теперь

будет со мной, Ален?

Он зло фыркнул: — Ты так легко готова меня бросить, Констанца?? — Она снова расплакалась и потянулась к его губам. Он легко поцеловал её, погладил по волосам, опять прижал к своей груди, сказал шёпотом:

— девочка моя ясноглазая, перед ликом Всеблагого ты — моя жена. Я никогда не откажусь от тебя, лишь бы ты сама меня не оставила, не усомнилась во мне.

Она обвила его руками за шею: — о, Ален, мне страшно! Я очень — очень люблю тебя, но я боюсь короля и... и ... твоих родителей!

Он решительно отодвинул её от себя, спокойно посмотрел ей в лицо: — Констанца, сейчас я поеду к родителям и скажу, что намерен жениться на тебе. Я расскажу им, что ты дочь кузнеца, и король против нашего брака. Завтра утром матушка будет здесь. Я, примерно, догадываюсь, что она тебе скажет. Всё это не страшно. — Он строго поглядел на неё, — Констанца, я запрещаю тебе плакать! Леди Эмилия не станет тебя оскорблять, но скажет всё, что думает о нашем браке. Постарайся не обижаться и понять её. Она совсем тебя не знает, Констанца! Я уверен, что матушка полюбит тебя, когда узнает лучше. А пока — потерпи.

— Я обещаю, что не буду плакать и не стану обижаться на твою матушку! Конечно, она же мать, а ты единственный сын. Я думаю, ей будет очень неприятно узнать, что ты собрался жениться на простолюдинке..., но, Ален,... раз король не разрешает нам пожениться, что мы будем делать?

Он поцеловал её в волосы и встал: — скажи мне, для тебя очень важно, что я богат и занимаю высокую должность?

— Ален! — Констанца оскорбленно смотрела на него, — как тебе не стыдно так плохо обо мне думать! Разве ты забыл, что я влюбилась в грязного оборванного наёмника?

Он засмеялся: — забыл! Я уезжаю, родная. Завтра вечером приеду, может быть, даже к обеду удастся вырваться.

Леди Эмилия прилежно склонилась над вышивкой. Неизвестно, приедет Ален сегодня, или будет ночевать дома. Она соскучилась по сыну, ведь они так редко виделись! Он нечасто бывал даже в собственном городском доме, что уж говорить о родительском. Она усмехнулась. Ведомство Дознания требовало много времени и сил, а ещё любовницы... Конечно, их мальчик давно уже взрослый и имеет, как и все мужчины, свои потребности. Ей было трудно смириться с этим. Её милость не походила на большинство своих знакомых. Ей никогда не нравились светские развлечения и она, о, ужас! — ни разу не изменила мужу. Приятельницы леди Эмилии втихомолку смеялись над ней, но злословить остерегались. Не приведи Всеблагой, если грязные намёки и сплетни дойдут до близких ей мужчин. Семья была богатой и влиятельной, а Глава Тайного Совета, лорд Касилис, славился своей мстительностью. Неприятной чертой характера — злопамятностью, обладал и муж Её милости, лорд Николс. А уж про сына и говорить нечего. Защищая доброе имя матери, лорд Ален мог запросто арестовать и бросить в жуткие подвалы ведомства Дознания для последующего допроса, возможно даже с применением пыток, любую благородную леди. По крайней мере, так считали и об этом шептались в некоторых гостиных.

Ещё там с воодушевлением обсуждали лорда Николса, скептически поджимая губы и с иронией называя его “снулой рыбой”, “бледной поганкой” и удивляясь, как может леди Эмилия ласково улыбаться ему и искать взглядом в гостиных, в толпе народу.

В настоящий момент Его милость лениво просматривал какие-то бумаги, аккуратной стопкой лежащие перед ним на небольшом столе. Стол совершенно не вписывался в нарядную, и даже кокетливую обстановку малой гостиной, но по распоряжению лорда Николса он был принесён и поставлен перед большим стрельчатым окном, потому что леди Эмилия не желала проводить вечера в кабинете у мужа, а ему хотелось быть рядом с ней. Изредка они обменивались двумя — тремя предложениями, а потом каждый вновь погружался в свою работу и свои мысли.

Её милость забрала у сидевшей рядом с ней и тоже вышивающей служанки последний моточек шёлка и отправила её на кухню с приказанием принести лорду Николсу бокал подогретого лёгкого вина и несколько слоёных печений, оставшихся от ужина.

Оторвавшись от бумаг, тот кивнул служанке, которая поставила на краешек стола небольшой серебряный поднос, и улыбнулся жене, ласково смотревшей на него.

— Да, Николс, — леди Эмилия нахмурилась, — я должна рассказать тебе новость, которая меня очень неприятно поразила!

Его милость вежливо вскинул брови и, вопросительно посмотрев на жену, с удовольствием отпил из бокала.

— Сегодня утром ко мне заезжала леди Гражина...,- лорд дар Бреттон насмешливо скривился:

— я тебе удивляюсь, Эмилия. Как ты, при твоём уме, можешь поддерживать знакомство с такой абсолютно глупой и пустой особой. Сплетницей, к тому же.

Её милость рассмеялась: — зато она не злая! Глупая, поверхностная, но злости в ней нет, одно любопытство.

— Ну, как знаешь, — муж пожал плечами.

— Так вот, о новости. В гостиных появилась леди Леонида дар Беточчо. Она посещала родственников мужа в Синайе. Там она встретила нашего Алена, и он любезно пригласил её составить ему компанию. Его сопровождал большой отряд королевских стражников, а для неё он нанял роскошную карету. Леди Леонида так подробно описала её, что леди Гражина совершенно уверена, что это не выдумка. Теперь все уверены, что Ален имеет виды на леди Леониду. Сама она ни в чём не признаётся, но вздыхает, загадочно улыбается и опускает глаза.

Лорд Николс, который давно уже хмуро слушал жену, резко отодвинул кресло и встал. Пройдясь по гостиной, остановил взгляд на служанке, слушавшей хозяйку, разинув рот. Он недовольно мотнул головой, и девушка, покраснев, убежала из комнаты, а Его милость медленно сказал: — не может быть. Всё же Ален слишком умён, чтобы взять в любовницы такую женщину, как леди Леонида. Она же страшна, как Мрачный Косарь, да и старше его. А уж про глупость я и не говорю. — Он помолчал, — нет, Эмилия, тут что-то не то. — Взглянув на жену, болезненно поморщился: — ну что ты, на самом деле! И не вздумай плакать! Если ты расплачешься, я тоже расстроюсь и не смогу просмотреть последние данные по оплате наших поставок льна соседям!

— Как ты можешь думать о каких-то поставках, когда твой единственный сын попал в лапы такой неприятной особе, как леди Леонида-а-а!! — Естественно, Её милость расплакалась, а лорд Николс был вынужден обнять жену. Немного успокоившись, она решительно сказала: — нужно заставить его жениться! Полным — полно молодых красивых девушек! Не может быть, чтобы ему никто не нравился! Николс, ты должен меня поддержать!

Лорд дар Бреттон ничего не сказал, а, опять пожав плечами, вернулся за свой стол, предварительно позвонив в серебряный колокольчик. Вошедшая служанка, укоризненно посмотрев в его спину, бросилась к своей заплаканной хозяйке.

Постепенно леди Эмилия успокоилась, обдумывая слова мужа. Кажется, она чересчур доверчива.

Внезапно дверь распахнулась, и вошёл Ален, на ходу сбрасывая плащ на руки спешащему за ним слуге. Он церемонно поклонился родителям, а потом чмокнул в щёку мать. Она залюбовалась сыном, с удовольствием разглядывая его и втайне им гордясь. Он улыбнулся: — мои дорогие, позвольте мне сегодня переночевать у вас. И ещё у меня есть к вам разговор!

Лорд Николс, давно уже снова отодвинувший от стола кресло, с иронией смотрел на сына: — надеюсь, разговор не о леди Леониде? Впрочем, о чём это я?! Ты никогда не спрашивал нашего мнения относительно твоих любовниц!

Смутившийся Ален покосился на мать: — о чём ты, папа? Какие любовницы? И причём тут леди Леонида?

Вздыхая и комкая в руках носовой платок, леди Эмилия рассказала ему о слухах, гуляющих в дамских гостиных. Ален разозлился: — вот и делай доброе дело человеку! Эта дура, — Её милость недовольно поморщилась, но он упрямо повторил: — так вот, эта дура сидела на почтовом дворе, без всякой надежды уехать домой, потому что имеющих у неё денег не хватило бы нанять и крестьянскую телегу. Я пригласил её всего лишь побыть компаньонкой... — он запнулся, — для молодой девушки, из-за которой и была нанята карета! А она что вообразила?

Леди Эмилия внимательно смотрела на сына: — что это за девушка, Ален? Мы знаем её?

Тот криво усмехнулся: — дорогие родители, позвольте мне попросить вашего согласия на брак. Я женюсь.

Наступило молчание. Лорд Николс откинулся на спинку кресла, заинтересованно глядя на сына и ожидая продолжения. Леди Эмилия недоверчиво спросила: — почему такая спешка? Кто она, эта девушка? Надо полагать, именно её ты вёз из Синаи?

— Мама, я увёз её, потому что влюбился. С нашим браком будут большие проблемы, потому что моя Констанца не благородных кровей, она — дочь кузнеца.

Леди Эмилия холодно выпрямилась: — да, пожалуй, я бы даже больше была рада леди Леониде! Ален, ты, случайно, не заболел? Что за нужда жениться на простолюдинке? И что скажет Его Величество?

— Он уже сказал, мама.

— Что же?

— Он сказал, что я сошёл с ума.

Сидя на постели в ночной рубашке, Констанца думала о событиях прошедшего дня. Король не дал согласия на их с Аленом брак. Сегодня вечером ему предстоит тяжёлый разговор с родителями. Ей было страшно. Встав на колени перед кроватью, она закрыла глаза и принялась молиться Всеблагому, прося его сжалиться над ней и Аленом, укрепить их решимость перед лицом невзгод и даровать им счастье.

Потом, лёжа на мягкой постели под пуховым одеялом, она улыбнулась своим мыслям и вдруг вскочила, растерянно вспоминая, когда у неё в последний раз были женские дни.

Кажется, что очень давно. Нет, она припомнила, как на постоялом дворе в Гваренедде подавальщица Коста приносила ей ворох каких-то тряпок. Но с тех пор прошло больше месяца! Итак, — она горько усмехнулась, — на неё свалилось новое несчастье. Вполне может быть, что она беременна. Правда, оставалась слабая надежда, что постоянное нервное напряжение, в котором она пребывала довольно давно, так воздействовало на её организм. Она слышала, что от этого тоже бывают задержки, но верилось с трудом. Скорее всего, она всё же беременна. И Алэн — отец её ребёнка!

Констанца прижала руку к животу, не замечая, что улыбается. Она родит его, что бы с ней не случилось. Пусть это будет сын. И чтобы у него были чёрные блестящие глаза, и волосы цвета воронова крыла. Алэну она ничего не скажет. Мало ли, вдруг и правда задержка, ведь она ничего не чувствует, всё, как обычно.

Констанца откинулась на подушки, прикрыла глаза, представляя крохотного младенца, с пухлыми ручками и розовыми пяточками. И он улыбается ей улыбкой любимого.

Глава 21.

Почти месяц жила Констанца в доме лорда Касилиса. Важные события произошли за это время.

На следующий день, после разговора Алэна с родителями, к лорду дар Матторну приехала дочь, леди Эмилия.

Когда слуга доложил Его милости об её приезде, они с Констанцей сидели в кабинете. Девушка читала вслух на — днях присланный трактат “О природе философского смысла”. Временами ей казалось, что лорд Касилиус дремлет под монотонный звук её голоса. Она, хотя и пыталась читать выразительно, как ей внушала данна Эдита, но получалось плохо. Витиеватые выражения и рассуждения древних философов ей были совершенно непонятны.

Лорд Касилис, с удобством расположившийся в большом мягком кресле, внезапно выпрямился и открыл глаза: — Ты что-нибудь поняла, Констанца?

Та виновато покачала головой: — очень мало, Ваша милость. Эта книга написана для более умных людей, чем я.

— Да уж, — он засмеялся, как мне кажется, моего ума тоже маловато, чтобы понять, о чём этот трактат! Констанца, я хотел спросить тебя: ты написала ответ отцу и своей покровительнице?

— Да, Ваша милость, написала, но ещё не отправила. Завтра данна Ольгия пойдёт на рынок и занесёт моё письмо на почтовый двор.

Три недели назад Констанца, испросив согласия лорда Касилиса и Алэна, написала отцу большое ласковое письмо. Не желая ещё более расстраивать его, она описала своё путешествие в несколько сглаженном виде. Совершенно не упоминая лорда Главного королевского дознавателя, она кратко упомянула о том, что на постоялом дворе познакомилась с леди Леонидой и далее путешествовала уже вместе с ней. Также, с целью успокоить отца, данну Эдиту и священника, она написала, что ей удалось получить место компаньонки у Главы Тайного Совета, лорда дар Матторна.

Алэн, которому она дала прочитать письмо, засмеялся и сказал: — я даже не могу назвать тебя хитрой лгунишкой, ведь ты нигде прямо не сообщаем, что к деду тебя устроила леди Леонида. Но тот, кто станет читать твоё письмо, поймёт именно так.

Два дня назад пришёл ответ из родной деревни. Писала его, конечно, данна Эдита, которая постаралась сохранить все, не слишком гладкие, обороты речи кузнеца.

До крайней степени взволнованный и обрадованный весточкой от дочери, Даниил

сумбурно сообщал, как истосковался по ней, как потерял всякую надежду увидеть её когда-нибудь; перечислял деревенские новости и снова возвращался к той огромной радости, что пришла в его дом с её письмом.

В самом конце была небольшая приписка от данны Эдиты. Она передавала Констанце благословение от святого отца. А также и Феониста кланялась ей и наставляла не забывать тех, кто любит её.

Ещё данна Эдита строго наказывала блюсти свою чистоту и хранить в тайне всё, что произошло с ней в замке лорда Нежина. Она выражала надежду, что Всеблагой не оставит безнаказанными его чёрные деяния.

Констанца немедленно села писать ответ, в котором подробно рассказала о своей жизни в роскошной резиденции Главы Тайного Совета. Сообщила, что Его милость относится к ней очень хорошо, и обязанности её не обременительны. У неё есть даже личная служанка, данна Ольга, пожилая и очень добрая женщина. А слуги её не обижают и относятся к ней по-дружески. Его милость очень старый и часто засыпает, когда она читает ему книгу, но сразу же просыпается, стоит ей лишь замолчать, и тогда смеётся над собой.

Хотя Констанца и ждала приезда родителей Алена, она побледнела и встала с кресла, судорожно сжимая руки у груди.

Леди Эмилия решительно вошла в кабинет и остановилась, окидывая внимательным взглядом невысокую тоненькую девушку со светлыми пушистыми волосами, несколько бледную, с дрожащими губами и испуганным взглядом. В следующую минуту Констанца присела в низком реверансе, склонив голову и не решаясь взглянуть в лицо Её милости.

— Ну — ну, Констанца, довольно! — Ленивый голос лорда Касилиса привёл девушку в чувство. Она выпрямилась, по — прежнему не поднимая глаз. Хозяин продолжил: — Эми, знакомься, Констанца живёт у меня в качестве компаньонки, ну а, в дальнейшем, — он хохотнул, — наш Алэн объявил, что она станет его женой!

— Замечательно! — Сарказма в голосе Её милости хватило бы на десяток таких констанц. — А это ничего, что Его Величество не даёт своего согласия? Даже если не принимать во внимание наши с лордом Николсом возражения?

Констанца поняла, что леди Эмилия обращается к ней и подняла глаза. Та смотрела на неё холодно и с неприязнью.

Набравшись мужества, она ответила: — простите меня, Ваша милость! Я понимаю, что не должна мечтать выйти замуж за ... лорда Алена, но я его очень люблю, правда! — Она умоляюще смотрела на леди Эмилию, а слёзы уже подступали к глазам и щипали в носу.

Чёрные блестящие, как у Алена! — глаза глянули прямо ей в душу. Леди дар Бреттон смягчилась: — сядь, Констанца, и расскажи, как вы познакомились.

Та села назад в кресло и, повернув голову, натолкнулась на острый, предупреждающий взгляд старого лорда. Да, она помнила, что леди Эмилия не должна знать всю историю её коротенькой жизни.

Сцепив на коленях руки, Констанца принялась рассказывать о деревне Вишняки, об отце — сельском кузнеце, о том, как была похищена стражниками лорда Нежина и увезена в его замок, как ей удалось бежать и как Алэн спас её от возвращения к ненавистному лорду.

Ей пришлось солгать, и сделать ничего было нельзя. Алэн строго — настрого наказал ей молчать об изнасиловании. Он несколько раз прослушал историю, которую она должна была рассказать его родителям. Так что теперь, в этом рассказе, Констанца совершила побег в

день похищения, не задержавшись в замке. Было неясно, поверила ли ей леди Эмилия.

Она закончила рассказ приездом в столицу и замолчала, всё также не поднимая глаз и выпрямившись в кресле.

За своим столом завозился лорд Касилис. Откашлявшись, сказал: — ты умолчала о похищении Алена, девочка. И о том, как ты спасла его от пыток и смерти.

— А-ах-х! — не то вскрикнула, не то всхлипнула леди Эмилия, — к-как?! О чём таком ужасном вы говорите, Ваша милость??

Не торопясь, лорд дар Мотторн принялся рассказывать историю похищения Алена, непоколебимой решимости Констанцы и его счастливого спасения.

Леди Эмилия, побледнев, как полотно, в изнеможении откинулась на спинку дивана. Констанца вскочила, налила в бокал вина из кувшина, стоящего на угловом столике, и неуверенно протянула его женщине.

— Может быть, немного лёгкого вина поможет вам, леди Эмилия? — Та трясущейся рукой взяла бокал, немного пригубила:

— спасибо, Констанца, — взглянула на девушку более приветливо. Та поразилась, как же сильно Ален походил на мать. Те же чёрные яркие глаза, прямой нос, твёрдо очерченный подбородок, у матери чуть более мягкий. Но средний рост он, кажется, позаимствовал у отца. Леди Эмилия была очень высокой, худощавой, даже как бы костлявой, чем разительно походила на отца, лорда Касилиса. Но умные глаза, чистый гладкий лоб, густые и блестящие чёрные волосы, уложенные в сложную причёску, красиво очерченные полные губы придавали ей вид величественный и благородный.

Уже мягко Её милость сказала: — а теперь, Констанца, ты расскажешь мне всю правду! — Та вздрогнула, растерянно посмотрела на хозяина. Он пришёл на выручку:

— ну что же, Констанца, расскажи подробно, как ты искала Алена и нашла его в заброшенной конюшне, ну и дальше: как почти тащила на себе, как везла...

Приободрившись, девушка описала их злоключения и даже заулыбалась, вспомнив, как обрадовалась данну Джорджию, встретившему их на дороге с телегой сена.

Она увлеклась, вспоминая. Картины благополучного спасения Алена вставали перед глазами одна за другой и, внезапно, голос внимательной и заинтересованной слушательницы вторгся в них: — а теперь скажи мне, сколько дней вы с Аленом прятались в этом закутке, ни на минуту его не покидая?

Констанца запнулась, не зная, что сказать. Леди Эмилия с иронией смотрела на неё. Опустив голову, та прошептала: — две недели...

— Ясно. — Леди дар Бреттон встала. — Ваша милость, я поехала, но вначале оставьте нас с Констанцей одних, пожалуйста!

Пожав плечами, лорд Касилис пошёл к двери, ободряюще подмигнув девушке. Та приуныла. Когда дверь за хозяином закрылась, леди Эмилия села в кресло рядом с Констанцей, ласково взяла её за руку: — послушай меня, дорогая. Я знаю, что вы с Аленом были близки. Невозможно находиться днём и ночью в одной комнате с молодым мужчиной и устоять перед его напором. Я знаю своего сына. Не думаю, что он силой взял тебя, скорее уж уговорил. Я права?

Констанца плакала, опустив голову: — нет, Ваша милость, я сама... Я полюбила его ещё раньше, он очень хороший, он самый лучший на свете...

Та похлопала девушку по руке, мягко сказала: — конечно, я с тобой согласна, он очень хороший. Но тебе лишь кажется, что ты его любишь. Он был ласков с тобой и щедр. Наверно,

мы можем купить тебе небольшой дом здесь, в столице. У тебя будут слуги, своя карета и лошади. И, конечно, много платьев. Ален станет тебя время от времени навещать, а если родится ребёнок, то мы признаем его как дар Бреттона. Это ведь замечательно, правда? Но жениться на тебе он не может! — Она встала и жёстко сказала: — даже не думай об этом. Этого никогда не будет!

Леди Эмилия вышла из кабинета, оставив Констанцу горько оплакивать свою любовь.

Вечером приехал Ален. Скрепя сердце, лорд Касилис опять оставил их в своём кабинете, напоследок нахмурил брови и строго погрозив им пальцем.

Констанца, которая проплакала, с небольшими перерывами, весь день, бросилась ему на шею. Покрывая её лицо поцелуями, он шептал, как сильно любит её, как скучает и мечтает поскорее окончательно закончить дело о заговоре против короны, чтобы заняться личными делами.

Она рассказала о приезде его матушки и, рассказывая, снова заплакала. Но он не казался расстроенным. Усадив её к себе на колени, он потёрся носом где-то у неё за ухом и, перебирая губами волосы на виске, задумчиво сказал: — не плачь, моя хорошая, я знаю, что нужно сделать, чтобы король утратил интерес к нашему браку. Скоро я разделаюсь с заговорщиками, и мы поженимся. Ты мне веришь?

Вместо ответа она крепко обняла его и подставила губы, которые он долго и с удовольствием целовал.

Леди Эмилия больше не приезжала к отцу. Лорд Касилис вскользь сообщил Констанце, что Ален пригрозил матери разрывом всяких отношений, если она не оставит его невесту в покое. Было непонятно, поддерживал Его милость внука, или осуждал.

Констанцу удивляло, что леди Эмилия называла отца “Его милостью”, а не папой, и она как-то спросила его об этом. Лорд Касилис вначале посмеялся, а потом сообщил, что это всё спесь и гонор благородных лордов. На самом деле, он никогда не возражал против того, чтобы дочь звала его папой, что, собственно, она и делает, но только наедине.

После этого разговора Констанца подумала о том, что многие правила поведения в обществе ей ещё неизвестны, хотя лорд Касилис сдержал слово и пригласил к ней учителей. Весь прошедший месяц она прилежно разучивала модные танцы, нещадно терзала старенький клавесин, стоящий в малой гостиной и, под руководством чопорной старой девы, осваивала премудрости этикета. А ещё Его милость пожелал, чтобы она научилась ведению домашнего хозяйства, для чего ей было велено ежедневно в течение двух часов помогать домоправительнице в проверке счетов, поступивших от торговцев.

Учитель танцев хвалил её и говорил, что у неё природное чувство ритма и хороший слух. Тем не менее, клавесин ей не давался, и учитель музыки отчаялся продвинуться с нею сколь — нибудь дальше разучивания простеньких пьесок.

Зато Констанца с удовольствием слушала старого, с длинной седой бородой, учителя естественных наук. Порой, рассказывая ей о загадках природы, он входил в раж и бегал по её гостиной, потрясая кулаками над головой или возмущённо дёргая себя за бороду. К слову сказать, он начисто отвергал хитрый умысел Всеблагото в деле создания таинственных явлений, таких как сверкание молний в грозу, извержение вулкана в горах Закатного королевства и многих других. Он утверждал, что это всего лишь явления природы, и людям предстоит их изучить.

Лорд Касилис, кажется, тоже любил слушать старого учителя. Он часто вступал с ним в

спор, и тогда Констанца, затаив дыхание, с восторгом внимала яростным речам обоих спорщиков. Но, конечно, её симпатии оставались на стороне Его милости.

Как — то раз, за несколько минут до начала обеда, дверь зала распахнулась, и в неё, не торопясь, вошёл невысокий, лысоватый, с иронически поджатыми тонкими губами мужчина.

Несмотря на средний рост, держался он очень высокомерно и, окинув Констанцу холодноватым взглядом бледно — голубых глаз, отвернулся. Лорд Касилис весело сказал: — знакомься, Констанца, это мой зять и отец Алена, лорд Николс!

Его милость небрежно кивнул и, усевшись на стуле, который услужливо пододвинул слуга, обратился с каким — то вопросом к тестю.

Констанца исподтишка рассматривала его, удивляясь, насколько родители Алена не похожи друг на друга.

Если леди Эмилия была яркой, привлекающей внимание, то в облике Его милости не было ничего, за что мог бы зацепиться глаз. Светлые, с сединой, волосы, почти не прикрывающие лысеющую макушку, бледно — голубые, как летнее выцветшее небо, глаза, ироничная усмешка на тонких губах. Но Констанца помнила, с каким уважением Алэн рассказывал ей об отце и о той глубокой, проверенной временем любви, связывающей родителей.

С тех пор лорд Николс довольно часто приезжал обедать в резиденцию Главы Тайного Совета. Он уже не смотрел презрительно на Констанцу, а порой даже достаивал её какого — нибудь вопроса.

Однажды Алэн не появлялся у деда целых три дня. Шёл второй месяц, как Констанца поселилась у лорда Касилиса. Она приуныла, всё валилось из рук. На четвёртый день он приехал к обеду, хмурый и неразговорчивый. За столом всё молчал, на вопросы отвечал отрывисто и односложно. Девушка в растерянности смотрела на него. Он поднял голову от тарелки, через силу улыбнулся: — не обращай на меня внимания, Констанца. — Лорд Касилис понимающе сказал:

— привезли?

Алэн молча кивнул, презрительно скривился: — их ещё и не допрашивали, а они уже друг на друга вину сваливают.

— Своя — то шкура дороже! — Лорд Касилис расхохотался.

Обед прошёл невесело. Алэн молчал, думая о своём и, кажется, даже не замечал, что ест. Хозяин не докучал ему разговорами, а после обеда они оба ушли в кабинет и плотно прикрыли за собой дверь.

Констанца грустно вздохнула и вместе с данной Ольгией отправилась гулять по парку. Весна была в полном разгаре, ярко светило солнце, и снег стремительно превращался в грязные лужи. Они медленно брели по аллее, освободившейся из — под снега и подсыхающей в лучах горячего солнца. Констанца думала об Алэне и арестованных заговорщиках. Она даже немного позлорадствовала, вспомнив, сколько они натерпелись по вине лорда дар Феррена.

Когда они с данной Ольгией вернулись в дом, Алэн уже уехал. Лорд Касилис тоже был задумчив и попросил Констанцу почитать ему тот философский трактат, который они никак не могли одолеть: — мне под него лучше спится! — Сказал он со смешком.

День тянулся медленно, наконец, наступил вечер, и пришло время спать. Констанца рано улеглась в постель. Она неважно чувствовала себя. По утрам стало подташнивать, резче

чувствовались запахи, а недавно её чуть не вырвало, когда, забежав зачем — то на кухню, она почувствовала, как неприятно пахнет жареная морская рыба.

По утрам она подолгу вглядывалась в зеркало, страшась появления ужасных коричневых пятен на лице, но их, пока, не было. Живот по-прежнему оставался плоским, и она облегчённо вздыхала, прислушиваясь к себе.

Постучав и получив разрешение войти, данна Ольга тихо открыла дверь в покои хозяина. Тот, в тёплом халате из мягкой шерсти задумчиво сидел в кресле перед камином, глядя на огонь. Несмотря на весну, в доме было холодно.

Его личный слуга, данн Мэттью, почти такой же старый, как Его милость, неслышно ступая вышел из спальни и неодобрительно посмотрел на Ольгию. Он всегда не одобрял, когда к хозяину приставали с вопросами или просили что — то сделать.

Лорд Касилис вопросительно посмотрел на женщину. Она замялась: — Ваша милость, я не знаю, должна ли я говорить вам..., - он продолжал выжидающе на неё смотреть, и она решилась: — Констанца, она..., Ваша милость, она беременна!

Хозяин удивлённо поднял брови. Слуга замер с большим полотенцем в руках, растерянно глядя на данну Ольгию. Потом, покачав головой, скрылся в умывальной комнате.

— М-м-м, — лорд Касилис казался ошарашенным, — откуда такие сведения, Ольгия? Тебе сказала Констанца?

— Нет, Ваша милость, она не говорила, но я вижу, что она в интересном положении, — женщина выглядела уверенной, — срок совсем небольшой, и живот пока что незаметен.

Лорд Касилис усмехнулся. Ай да внук! Теперь всё становится гораздо сложнее. И интереснее! — Ольгия, никому ничего не говори, в том числе и самой девочке, — он повернул голову к умывальной: — Мэттью! — и, когда слуга высунул голову в дверь: — помалкивай, понял? — Тот кивнул, не достаивая хозяина ответом. Лорд дар Матторн продолжил: — Ольгия, ты теперь повнимательнее смотри за ней. Чтобы нигде не ушиблась, не упала. Ну, и чтобы не расстраивалась по пустякам, что ли. — Он неуверенно посмотрел на женщину: — хотя как это сделать, не представляю...

Данна Ольга улыбнулась: — я постараюсь, Ваша милость!

Глава 22.

Две недели прошли для Констанцы тихо и незаметно. Она редко видела Алена, да и лорд Касилис появлялся дома лишь к ужину. По обрывкам их с Аленом разговоров она догадывалась, что в Ведомстве Дознания идут допросы, все, кто стоял во главе заговора, арестованы, но никто не знает, что делать с принцем — заговорщиком. Тайный Совет настойчиво предлагает Его Величеству казнить младшего брата, но Рихард IV колебался. Пока что принц Демонд содержался под стражей в своём дворце в Зелёной Долине, в трёх роенах от столицы.

Король пытался обсуждать судьбу брата с Главой Тайного Совета, но лорд Касилис был непреклонен. Он считал, что ничто не сможет помешать принцу вновь попытаться захватить власть. Но в следующий раз заговорщики станут осторожнее.

Сегодня Его Величество приказал передать Главному королевскому дознавателю, что ждёт его с результатами первых допросов.

Лорд Ален приехал под вечер и, скромно ожидая короля в приёмной Тайной комнаты, о чём — то тихо беседовал с секретарём.

На ходу сдирая с себя регалии королевской власти и сунув в руки секретарю корону,

довольно громоздкое сооружение из золота и драгоценных камней, — король принимал нового посла Закатного королевства, — Рихард IV быстрым шагом прошёл через приёмную в кабинет, кивнув склонившемуся в поклоне Алену головой.

Войдя следом, тот плотно притворил дверь. Король, с облегчённым вздохом опустившись в кресло, сказал: — налей мне и себе что-нибудь, Ален. Просто сил нет никаких, до того я устал!

Лорд дар Бреттон не спеша открыл резную дверцу шкафа, стоящего за спиной короля, достал хрустальные бокалы и высокий кувшин с прозрачным лёгким вином: — Шанейское искристое будешь?

— О-о, Ален, не томи, наливай, что хочешь! В горле всё пересохло! Ведь два часа говорить ни о чём — это же какой талант нужен!

Ален усмехнулся, подавая королю полный бокал: — на то ты и король, чтобы много говорить и, при этом, ничего не сказать.

— Смейся, смейся над несчастным деспотом и тираном! Вот убили бы меня заговорщики, посмотрел бы я, как ты смеялся!

Тот фыркнул: — боюсь, у меня не осталось бы времени для смеха. Скорее всего, я последовал бы за тобою в ближайшие несколько часов. Слушай, Рихард, давай, я тебе всё расскажу и мы обсудим, что делать дальше?

— Ален, — король был серьёзен, — мне нужен твой совет. Я не хочу казнить брата! Он ведь молод и глуп, ему всего двадцать! Я не могу, понимаешь? А твой дед настаивает на казни, говорит, что это будет для меня постоянная опасность...

— Да, Рихард, я тоже не думаю, что мальчика надо убить. — Ален устроился в соседнем кресле с бокалом в руках и внимательно смотрел на Его Величество, — но что с ним делать? Нет никаких гарантий, что он снова не попадёт под влияние очередных заговорщиков.

— Вот! Для этого я тебя и позвал! Давай, советуй что-нибудь моему величеству. Клянусь, я не выдам тебя деду даже под пыткой!

— Ну, надеюсь, — Ален усмехнулся, — до этого дело не дойдёт. Что же касается Его Высочества принца Демонда, то я думаю, что он связался с заговорщиками от безделья. Мне кажется — извини, Рихард, он довольно легкомысленный и пустой человек...

Король кивнул: — так и есть. Он не способен заниматься чем-то дольше недели. Но что мне делать-то с ним? Ты давай от вопроса не уходи. Излагайте свои соображения, Ваша милость! Я знаю, что они у вас, наверняка, имеются!

Лорд дар Бреттон задумчиво поболтал в бокале золотистое вино, медленно отпил. Его Величество нетерпеливо смотрел на него.

— Я слышал, Рихард, твой начальник городской стражи Орегонии, благородный лорд Владимир уходит в отставку?

Его Величество недовольно скривился: — вот так совет! Ты не мог придумать что-то более нелепое? Поставить капризного взбалмошного мальчишку во главе городской стражи столицы! Все воры и бандиты сопьются, пока будут праздновать столь радостное событие!

— Ну, так это же замечательно! — Ален улыбнулся, — а чтобы столица, не приведи Всеблагой, не лишилась разом всех преступников, назначь лорда Владимира советником при молодом начальнике стражи Орегонии.

Э-э-э..., послушай, Ален, — король нахмурился, — а в этом что-то есть! Лорд Владимир мужчина суровый, я и сам, порой, робею, когда он эдак неодобрительно на меня взглядывает!

— Ну да, — кивнул собеседник, — только согласится ли он? С Его Высочеством ему придётся нелегко.

Но Рихард уже воодушевился: — я его уговорю! Не настолько он стар, чтобы дома сидеть! Пусть воспитывает себе замену, а то, ишь, на покой собрался! — Внезапно его осенило: — слушай, Ален, а поговори с ним, а? Мне кажется, у тебя это лучше получится!

Но Главный королевский дознаватель наотрез отказался: — нет уж. Ты король, ты и уговаривай, а меня уволь!

Его Величество тяжело вздохнул, но настаивать не стал.

Потом собеседники некоторое время обсуждали показания арестованных заговорщиков. Семь благородных лордов были брошены в мрачные подвалы Ведомства Дознания. Их ждали палачи и камеры пыток. Кроме того продолжались аресты людей, так или иначе участвующих в заговоре: слуги, стражники, градоправители, кое-кто из придворных.

Арестованные неохотно признавались в затеянном преступлении, всё ещё надеясь сохранить жизнь. Дознаватели, которые допрашивали их, были терпеливы и настойчивы, ничего не обещая, но и не угрожая. Но Ален знал, что всех заговорщиков ждут страшные пытки и жуткая казнь. Он не любил это завершение своей многотрудной работы, но понимал, что преступники должны понести наказание.

Лишь одного из них он с удовольствием желал видеть в руках палача. Лорд Нежин! Он не был арестован, и Главный королевский дознаватель пребывал в сомнении, но сегодня главарь заговора, лорд Корт дар Джулем, назвал лорда Нежина одним из участников преступного сговора. Ален торжествовал! Он отомстит за боль, слёзы и унижение Констанцы! О, как он ненавидел этого красавца! Его ясноглазая девочка и вида не подаёт, что ни днём, ни ночью не забывает случившееся, и это мучает и терзает её. Но он, горячо любящий и сострадающий, отомстит за неё, пусть и руками Закона.

Совесть не мучила Алена. Лорд Нежин дар Кремон понесёт заслуженное наказание. Ещё утром он приказал арестовать лорда, и стражники давно скачут во весь опор, чтобы доставить того в столицу.

Уже много дней Ален дневал и ночевал на службе. Он давно не был у деда и ужасно соскучился по Констанце. Встречаясь, временами, с лордом Касилисом в переходах королевского дворца, он торопливо расспрашивал о ней. Дед отвечал, что у них всё хорошо и как-то загадочно поглядывал на него, но Ален спешил. Хотелось поскорее развязаться со всем этим делом и заняться устройством собственной жизни.

А объём работы был велик. Зачастую он поднимал голову от бумаг, разложенных на столе, когда за окном давно уже стемнело. Только тогда он вспоминал, что не обедал и не ужинал. Его секретарь отправлялся в ближайшую таверну и приносил большую миску с тушёным мясом, обильно сдобренным острыми приправами, и кувшин кислого дешёвого вина. Ален съедал всё, не глядя, не задумываясь о том, что ест.

Конечно, Главный королевский дознаватель не допрашивал подозреваемых. Давно ушли те времена, когда он целыми днями просиживал в подвалах Ведомства, записывая показания людей, снова и снова, по его приказу, подвергаемых пыткам.

Теперь его задача была неизмеримо сложнее. Анализируя показания, сопоставляя их, отбрасывая ненужное и выбирая крупинцы из нагромождения истинных и ложных фактов, он должен был определить степень участия, а, следовательно, и виновности каждого из заговорщиков.

Иногда Ален, в сердцах оттолкнув гору бумаг на край стола, думал о том, что не должен он, скромный королевский слуга, единолично решать вопросы жизни и смерти множества людей. В конце концов, для этого есть Высокий Суд!

Вздыхнув, он снова тянулся за очередным документом. Высокий Суд состоял из семи лордов, настолько древних, что они и сами не помнили, сколько им лет. Их решения уже давно были лишь формальным подтверждением его выводов. Много раз Ален предлагал королю отменить пожизненное назначение судей и определить срок, в течение которого лорды могут заседать в суде. Или установить возрастной ценз, при достижении которого судья должен уйти в отставку. Но нет, Его Величество не хотел что-либо менять в системе справедливого дознания и суда. — Конечно, — уныло думал Ален, — ему-то что, не он не спит ночами, терзаемый мыслями о возможной ошибке, когда невиновный будет отправлен на казнь.

Сейчас Его милость, скрупулёзно вчитываясь в протоколы допросов, зачастую противоречивые, искал доказательства причастности к заговору лорда Нежина. Пока что против него свидетельствовал лишь лорд дар Джулем. Остальные заговорщики о нём ничего не знали. Не желая признаваться самому себе, Ален испытывал сомнения в его виновности. Ему было жаль расстаться с мечтой о жестоком наказании лорда, но он и мысли не допускал о возможности скрыть правду, если дар Кремон невиновен.

Сегодня вечером, решил Ален, он, во что бы то ни стало, выберется к деду. Желание видеть Констанцу стало нестерпимым. Может быть, дед разрешит заночевать у него, а там, чем нечистики не шутят, удастся прокрасться к Констанце.

Поздно ночью, в тишине и темноте спальни, с нежностью прислушиваясь к ровному дыханию спящего Алена, Констанца вспоминала события прошедшего дня.

Она так давно не видела любимого, что, ей казалось, он больше никогда не появится в доме лорда Касилиса. Да и сам хозяин приезжал поздно вечером, устало ужинал в малом обеденном зале, поглядывая на Констанцу живыми чёрными глазами.

Она категорически отказывалась садиться за стол до приезда Его милости. Данна Ольгия, в присутствии девушки, наябедничала ему об этом, и он укоризненно покачал головой. Потом, когда они остались одни, лорд Касилис сказал, серьёзно глядя ей в глаза: — Констанца, не нужно ждать меня, это может плохо отразиться на ребёнке.

От неожиданности та вспыхнула, залилась румянцем, не зная, куда девать глаза, а он продолжил: — я думаю, о своей беременности ты должна поставить в известность Алена. Ведь он ещё не знает, что скоро будет отцом? — Она отрицательно покачала головой, не глядя ему в лицо.

Констанца не ожидала, что её состояние сколь-нибудь заметно. Но оказалось, что тайна скоро станет известна всем.

Прервав её воспоминания, Ален завозился во сне. Повернувшись на бок, крепко обнял Констанцу, прижал к своему телу. Глубоко вздохнул, что-то пробормотал и вновь погрузился в тяжёлый сон. Она ласково провела рукой по его спине, прижалась губами к упрямому подбородку, не целуя, чтобы не разбудить, а лишь слегка прикасаясь. Он уснул обнажённым, перед этим тихо смеясь, когда она стыдливо отводила глаза от его нагого тела. Констанца смущённо призналась себе, что ей нравятся не только его нетерпеливые грубоватые ласки, когда жёсткие настойчивые губы целуют самые потаённые уголки её тела, а нахальные руки,

легко преодолевая её слабое сопротивление, трогают, гладят, сжимают то попку, а то грудь, а то раздвигают ноги, и вот уже его язык бесцеремонно вытворяет такое, о чём ей и думать-то стыдно. Ей нравилось прикасаться к нему. Её руки ласково скользили по гладкой коже, она чувствовала, как нежность и любовь переполняют её сердце. Она любила всё его тело. Касаясь ладошками упругого живота и опускаясь ниже, она дразнила Алена. Когда шаловливые пальчики обхватывали тугую плоть, сжимая, поглаживая, он рычал, изображая дикого зверя, и набрасывался на неё, беспорядочно и быстро целуя, слегка прикусывая соски и подминая под себя.

Ален приехал поздно вечером, вместе с дедом. Констанца, всё же, ждала лорда Касилиса и обрадовалась, увидев их вдвоём. Её любимый похудел, под глазами залегли тёмные тени. Она с жалостью устремила к нему, с трудом удержавшись, чтобы не поцеловать. Он ласково улыбнулся: — Констанца, сегодня мне разрешили переночевать в резиденции Его милости, так что мы сможем поговорить. — При этом подмигнул ей. Лишь позднее он признался, что уговорил деда позволить им провести эту ночь вместе.

Они ужинали троём, в малом зале, и Ален решительно подвинул к себе её стул и на мгновение обнял, когда помогал сесть за стол. Она чувствовала его нетерпеливое ожидание в том, как он притрагивался к её руке, как наклонялся, касаясь губами волос. Его яркие чёрные глаза блистали страстью и желанием. Тем не менее, предвкушение сладостной ночи любви не мешало ему ужинать со всем присущим ему аппетитом.

Констанца опять, с восторгом и наслаждением наблюдала, как её любимый, высокородный лорд, одетый в лилового цвета треконду, расшитую золотым шитьём и драгоценными камнями, в тончайшей, белейшего шёлка рубашке с пышным кружевным жабо, навалившись грудью на стол уплетает копчёный окорок, одновременно присматриваясь к горке румяных пирожков с грибами и ветчиной.

Лорд Касилис, поймав её взгляд, смешливо фыркнул. Вытерев рот накрахмаленной салфеткой, сказал: — Ален, ты пугаешь Констанцу! Она думает, что ты целый месяц не ел!

Отправив в рот последний кусок окорока и подтянув к себе тарелку с пирожками, Ален засмеялся: — дед, ты ошибаешься! Она видела меня в разной степени оголодалости, так что её ничем не испугаешь!

Констанца тоже рассмеялась и подвинула к Алелу блюдо с жареными колбасками, на что он благодарно кивнул ей.

После ужина они немного посидели в кабинете лорда Касилиса, и Констанце было неловко оттого, что Ален, не скрывая своего нетерпения, часто взглядывал на неё и, наконец, предложил ей отправиться спать. Его милость серьёзно покивал и вскользь заметил, что он отпустил данну Ольгию на несколько дней в деревню, навестить сестру.

Торопливо пожелав мужчинам спокойной ночи, Констанца поднялась в свою спальню. Она только вышла из умывальной, едва успев натянуть длинную, в пол, ночную рубашку, как в комнату без стука ворвался Ален. Схватив её в охапку и тяжело дыша, он принялся её целовать. Констанца с удовольствием отвечала ему, и некоторое время они просто целовались.

Он скинул на диванчик расшитую золотом треконду, нетерпеливо затеребил жемчужные пуговицы. Констанца ласково отвела его руки, с улыбкой посмотрела в глаза, провела пальцем по густым нахмуренным бровям: — позволь, я расстегну, Ален! — Он

послушно опустил руки, а она медленно расстёгивала пуговицы, вглядываясь в его лицо, наслаждаясь любовью и бешеным желанием, горящим во взоре.

Потом она лежала без сил, тело сладко ныло, а Ален, лениво поглаживая её по спине, сказал: — ты поправилась, родная. Я рад, что тебе хорошо у деда. Вот, даже груди побольше стали! — Он со смешком поцеловал сначала один сосок, потом другой, они тут же отвердели. Он снова погладил её по спине. Констанца почувствовала, как от его руки распространяется тепло, шрамы от кнута зачесались. Он немедленно убрал руку. Она сказала: — Ален, я почувствовала, как спине под твоей рукой стало тепло...

Он виновато ответил: — я забылся, милая. Представил, что разглаживаю шрамы, что они постепенно исчезают. Прости, мне нельзя так делать, я боюсь тебе навредить. — Она погладила его по щеке, потом прижалась покрепче:

— ты не можешь навредить мне, Ален, ведь ты любишь меня, да?

— Люблю. Всё моё счастье в тебе, Констанца.

Она немного помялась: — Ален, — решилась и бросилась, как в холодную воду: — Ален, у меня... будет ребёнок!

Он резко приподнялся на локте, вглядываясь в её лицо: — ты... не ошибаешься, Констанца?

— Не-е-ет, я уже точно знаю... Ты расстроился, Ален? — Слёзы тут как тут, вот-вот хлынут ручьём. Он хохотнул:

— я не расстроился, Констанца, просто очень неожиданно. Вот почему ты поправилась! — Он нашёл в темноте её губы и замер, почувствовав солоноватый вкус слёз. Спросил удивлённо: — ты что, моя хорошая? У нас будет ребёнок, радоваться надо, а ты плачешь, глупая!

— Но ты..., тебе он не нужен, наверно, а я-а-а... — она окончательно расплакалась. Он вздохнул, обнял её, прошептал на ухо:

— немедленно прекрати плакать. С чего ты взяла, что он мне не нужен? Вы нужны мне оба. Теперь я думаю, что мне нужно поторапливаться с окончанием расследования. Нам нужно пожениться как можно скорее. Ты согласна? — Она быстро закивала головой, благодарно отвечая на его поцелуи, а он задумчиво проговорил: — собственно, расследование подходит к концу, остался один из преступников, лорд Нежин, между прочим! Констанца, он заплатит за всё! Очень удачно, что он оказался в числе заговорщиков!

Она села на постели, расширенными глазами глядя на мужчину: — но, Ален, он не заговорщик!

— Тот поморщился: — ты не можешь этого знать, Констанца. Я знаю, у тебя доброе сердечко, но он заслужил палача и казнь, так что пусть получит сполна.

— Ален, я знаю! — Констанца взволнованно принялась рассказывать обстоятельства их с лордом Нежином знакомства. Ален слушал её молча. Когда рассказ был окончен, он неохотно сказал:

— ну, посмотрим. Давай, оставим этот разговор на утро. Нехватало ещё, чтобы мы в постели об этом негодяе разговаривали!

Он притянул её к себе, уложил сверху. Она завопилась, устраиваясь поудобнее, а он приподнял бёдра, снова стремясь в тёплую влажную глубину. Дыхание стало прерывистым, тяжёлым, и Констанца тихо хихикнула: — о, Ален, разве ты не устал?

Усаживая её на себя, он пробормотал: — я не успел устать. Я даже ничего не понял за эти два раза. Только вот теперь боюсь, не вредно ли тебе это?

Констанца наклонилась, потёрлась щекой о начавшую отрастать щетину: — я бы почувствовала, наверно, если бы что-то было не так, но мне... очень хорошо с тобой.

— Только и всего, что хорошо? — Протянул он нарочито обиженным голосом, отыскивая в темноте её губы, — а я-то надеялся, что тебе так же сладостно, как и мне?

— Конечно также! — Она куснула его за нижнюю губу и тихо засмеялась, чувствуя, как он начал медленно двигаться, придерживая её за бёдра и направляя, прижимая плотнее к себе.

Потом он быстро уснул, провалился в тяжёлый сон глубоко усталого человека. Констанца боялась пошевелиться, лишь осторожно проверила, плотно ли он укрыт со всех сторон одеялом. Он немного вспотел, но мыться не пошёл, а так и уснул, и теперь она вдыхала слабый запах его пота, слушала мерное дыхание и чувствовала себя совершенно спокойной и умиротворённой. Её мужчина, отец её ребёнка здесь, рядом с ней, его тяжёлая рука по-хозяйски притиснула её к его груди, и она твёрдо знала, что будет счастлива только с ним.

Утром она проснулась оттого, что ночную рубашку осторожно потянули вверх, а горячие руки легко пробежались по спине и животу. Она глубоко вздохнула и потянулась к нему, чувствуя его желание и сладостную истому ожидания в своём теле.

Они не стали вставать сразу, как только вымылись вместе в лохани с несколько остывшей водой, а вернулись в постель и ещё немного полежали, он — на спине, а Констанца — у него на плече, обняв его поперёк груди. Ален рассказал ей, в общих чертах, как продвигается расследование, поинтересовался её учёбой. Констанца важно сообщила, что, пожалуй, займётся с ним правилами этикета, потому что ей стыдно смотреть на его безобразные манеры за столом. Он с удовольствием посмеялся и согласился учиться.

Потом она вспомнила, что за время его отсутствия дважды приезжала леди Эмилия. Она была холодна и спокойна, с Констанцей почти не общалась и беременности, кажется, не заметила. Вот только неизвестно, сказал ей об этом лорд Касилис, или нет?

Ален уверил её, что дед ничего не скажет, но он сам сообщит родителям при первом удобном случае. Констанца поёжилась, но промолчала. Он понял, что она боится, легко поцеловал в волосы, ласково поглаживая по спине. Она опять почувствовала, как чешутся шрамы, а он опомнился и отдёргнул руку.

Повернувшись на бок, он строго посмотрел ей в глаза: — Констанца, я требую, чтобы ты не голодала, хорошо питалась, много гуляла и не расстраивалась по пустякам! Да, ещё тебе надо показаться врачу. Я скажу деду, чтобы он пригласил лорда Викториана. Это самый лучший врач в столице. Характер у него, конечно, тот ещё, но деда он слушает. — Констанца чувствовала себя прекрасно, но спорить с Аленом не решилась, а он продолжил: — ещё тебе, моя хорошая, придётся съездить со мной ко мне, в Ведомство Дознания. Сейчас там идут допросы, в том числе и лорда Нежина. Ты должна будешь рассказать дознавателю то, что рассказала мне, — нахмурившись, он посмотрел ей в глаза, — но, впрочем, если тебе страшно, то можно оставить всё, как есть, и пусть Его милость отправляется за все его преступления на казнь. Топор палача он вполне заслужил, пусть и не в качестве заговорщика.

Содрогнувшись, Констанца обняла Алена за шею. Уткнувшись лицом ему в плечо, прошептала: — нет, пожалуйста, не надо казни! Я простила его, ведь сбежав из замка, я встретила тебя... Я поеду, Ален, и всё расскажу дознавателю.

Разочарованно вздохнув, Ален поднялся с постели и стал одеваться: — ну что ж, тогда я приеду за тобой, как только дознаватель будет готов выслушать тебя.

Глава 23.

Завтракали они вдвоём. Лорд Касилис уже уехал во дворец, когда они, наконец, спустились в малый обеденный зал. Слуги накрыли на стол, а потом Ален отпустил их, не желая видеть посторонних наблюдателей. Он сам ухаживал за Констанцей, подавая ей то одно блюдо, то другое, при этом не забывая и себя. Им было весело и смешно. Стоило Констанце посмотреть в смеющееся блестящие чёрные глаза, как она фыркала, не в силах удержаться от ответной улыбки и ласкового взгляда.

Наконец, Ален неохотно поднялся из-за стола, воровато оглянувшись на дверь, крепко поцеловал её и на секунду прижал к себе: — я не знаю, когда приеду за тобой, Констанца. Вообще, пока, ничего не знаю, но ты ничего не бойся и запомни: тебе нельзя нервничать и расстраиваться, иначе — он шутливо подмигнул ей, — наш малыш не даст нам потом ни минуты покоя!

— Откуда ты знаешь, что это будет малыш? — Она обиженно насупилась, — может, родится малышка?

Он опять обнял её, потёрся носом о волосы, шепнул: — ну и ладно, ну и замечательно, только у меня условие: пусть она будет похожа на маму! Обещаешь?

Констанца выпуталась из его объятий, ворчливо сказала: — Ален, тебе давно пора ехать! Поезжай, пожалуйста!

Она напрасно ждала его целый день. Не приехал Ален и вечером. Лорд Касилис тоже не мог сказать ничего определённого. Несмотря на обещание не волноваться и не нервничать, Констанца не находила себе места и бесцельно бродила по залам и комнатам резиденции, не замечая удивлённых взглядов прислуги. Она даже забрела на кухню, где священнодействовали два важных повара в белоснежных трекондах и десяток смешливых поварят под руководством необъятной толщины и невозможной величавости Главного повара, данна Романа, чей великолепно накрахмаленный белейший колпак был натянут до самых бровей, чтобы, не приведи Всеблагой, седой волосок с головы данна упал в приготавливаемое блюдо.

Когда Констанце сообщили об этом в первый раз, она серьёзно покивала головой, не позволив мелькнуть в глазах ни малейшей смешинке. Данн Роман внимательно посмотрел на неё, но, не заметив насмешки, успокоился. Дело в том, что Главный повар был лыс, как коленка, но Констанца и виду не подавала, что удивилась его опасениям. Зато с тех пор ей всегда были рады на кухне. Вот и теперь её усадили за небольшой столик у окна, и данн Роман, колыхаясь необъятным животом собственноручно поставил перед ней тарелку с только что вынутыми из печи сладкими пирожками. Не торопясь она съела их, запивая кисловатым прошлогодним вином и рассеянно слушая ворчливую перебранку поваров.

Так и не дождавшись Алена, она отправилась спать, но сон не шёл. Не желая того, Констанца вспомнила дни, проведённые в замке лорда Нежина. Перед глазами возникло лицо Его милости, его взгляд: то ласковый, а то бешеный, жестокий. Она боялась встречи с ним и гадала, что происходит с дар Кремоном в подвалах Ведомства Дознания. Констанце совершенно не хотелось видеть лорда Нежина и она надеялась, что Ален предотвратит эту встречу. На самом деле: она вполне может дать свои показания и в кабинете Главного дознавателя! Возможно, так оно и будет. Успокоенная, она уснула.

В это время Ален сидел в кресле напротив матери и хмуро слушал, как леди Эмилия мягким голосом рассказывала ему, что ждёт их семью в случае его брака с дочерью кузнеца. Однозначно, они не будут приняты в домах лорда и леди N, а также многих других благородных семейств. При виде дар Бреттонов леди будут шептаться и хихикать, прикрываясь веерами, а лорды укоризненно качать головами и выражать фальшивое сочувствие его отцу и деду.

Лорд Николс, которому было запрещено прикасаться к бумагам, привезённым им со службы, ввиду важности разговора, тоскливо поглядывал на сиротливо заброшенную стопку документов и время от времени непроизвольно зевал. В какой-то момент, задремав под монотонный голос жены, он громко всхрапнул, сконфузился и натужно закашлялся.

Ален смешливо фыркнул и покосился на отца. Вообще-то он тоже не особо прислушивался к тому, что говорит ему мать. Он думал о том, что сегодня вечером и ночью допрос лорда Нежина будет продолжен, что бы ни утверждала Констанца. Его беспокоило лишь состояние его милости после умелых действий лорда Карима, самого опытного палача Ведомства Дознания. Нехватало ещё, чтобы его ясноглазая девочка расстроилась при виде окровавленного куска мяса, в который вполне мог превратиться заносчивый лорд Нежин после допроса. Он прямо увидел, как наполняются слезами милые глазки, как дрожит мягкий подбородок и нежные губы. А ведь ей ни в коем случае нельзя плакать! Ясно же, что её переживания могут плохо отразиться на ребёнке. Ребёнок! Он с трудом удержался, чтобы его губы не расплылись в глупой улыбке. Сегодня весь день он выглядел дурак — дураком. Подчинённые недоумённо косились, а его заместитель, лорд Анастас, прямо спросил, что с ним случилось. Он даже не мог ни с кем поделиться своей радостью. Пока что всё следовало держать в глубокой тайне.

Ален сморгнул, снова нахмурился и подумал, что придётся вернуться в Ведомство и предупредить Карима. Завтра он привезёт Констанцу и нужно, чтобы негодяй имел презентабельный вид и не пугал её.

Он представил Констанцу с большим круглым животом, осторожно идущую под руку с ним, и себя, горделивого и надутого.

Его глупая улыбка заставила леди Эмилию повысить голос: — я не понимаю, Ален, чему ты улыбаешься?? Ты ставишь нас и себя в ужасное положение, но лишь улыбаешься на все мои доводы! — И, отчаявшись убедить упрямого сына, возвала к мужу: — Николс, почему ты молчишь?? Разве ты со мной не согласен?? Мы не можем допустить, чтобы он женился на этой девочке! Сколько благородных девиц были бы счастливы связать с ним свою судьбу, но нет же, он желает видеть женой только дочь кузнеца!

Лорд Николс, с трудом удержав зевок, пожал плечами: — Эми, ты ведь и сама знаешь, что убеждать его бесполезно. Правду сказать, девочка не так уж и плоха, как тебе кажется. Я чаще, чем ты, вижу её. Ты уж не сердись на меня, Эмилия, но она мне даже нравится. Скромная, не дурочка, да и воспитана неплохо, особенно если учесть, что лорд Касилис усиленно занимается её обучением.

— Но её происхождение, Николс! — Леди Эмилия всплеснула руками.

— А что происхождение? — Муж с усмешкой смотрел на неё, — ты хотела бы сыну в жёны глупую пустышку, которая через год стала бы ему изменять, требовать всё больше нарядов и драгоценностей, превратила бы его жизнь в сущий кошмар, но зато она была бы из благородной семьи?

— Не нужно преувеличивать, Николс! — Взорвалась Её милость, — не все благородные девушки таковы, как ты их обрисовал! Среди них достаточно умных и хорошо образованных!

— Мама, тогда они страшнее Мрачного Косаря и всех его нечистиков! — Расхохотался Ален, а, вслед за ним и его отец.

Успокоившись, лорд Николс увещевающе сказал: — вспомни, Эми, как против нашего брака восставали твои, да и мои, родители!

Удивлённый Ален с недоумением посмотрел на родителей. К его изумлению, леди Эмилия заметно смутилась, а отец продолжал: — да-да, Ален, нам пришлось пережить настоящую войну со своими родителями. Видишь ли, они были против нашего брака потому, что считали: мы будем выглядеть смешно в глазах окружающих. Ты сам знаешь, что твоя матушка почти на голову выше меня. Вот это-то и смущало всех, кроме нас. Кроме того, она у нас ещё и красавица, а я, сам знаешь, не обладаю яркой внешностью.

Смущённая леди Эмилия перебила его: — послушай, Николс, ты несколько уклонился от нашего разговора! К чему все эти неприятные воспоминания, там всё было по-другому, но мы это пережили!

Его милость невозмутимо ответил: — нет, Эми, здесь то же самое: ты боишься осуждения, насмешек и сплетен, но, я думаю, они это переживут, как пережили мы с тобой. В конечном счёте, они молоды, любят друг друга и не очень-то нуждаются в одобрении их поступков обществом.

— Тем более, что ты, мама, скоро станешь бабушкой! — Выпалил Ален.

— Ах!! — Леди Эмилия в изнеможении закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Отец с кислой улыбкой смотрел на сына:

— н-да-а, что же ты так... неаккуратно?

Ален, улыбаясь, пожал плечами: — а что? Я рад! Будет настоящая семья. А через годик — другой ещё одного родим!

— Ну — ну, молодой папаша, я смотрю, ты уже всё продумал наперёд. Но ведь король против твоей женитьбы?

— Я уйду из Ведомства. Его Величеству нет дела до иных — прочих лордов, не состоящих у него на службе.

Лорд Николс покачал головой, а мать в ужасе воскликнула: — да ты и правда с ума сошёл, Ален! Вам не на что станет жить! — Затем, подумав, сказала: — пожалуй, если ты скажешь ей, что скоро будешь нищим, она откажется выходить за тебя замуж.

— Мама, — усмехнулся тот, — ты не знаешь Констанцу. Она, скорее всего, обрадуется тому, что у меня не будет богатства. Нищим я, конечно, не стану, но без жалованья Главного королевского дознавателя городской дом мне придётся продать, да и в поместье жить поскромнее. Ничего, мы с Констанцей справимся!

— Ален, — казалось, что Её милость смирилась с судьбой, — ты знаешь, что мы не сможем помогать вам! Всё наше богатство, — она неодобрительно покосилась на мужа, уже опять клюющего носом, — это расположение и доверие Его Величества и честь дар Бреттонов!

Сын встал, ласково обнял мать, прижался щекой к её щеке: — мама, мне ничего не надо, об одном прошу — будь поласковой с Констанцей! Она ещё очень наивная и доверчивая. Прими её к своему сердцу, и она никогда не отплатит тебе злом!

— Ах Ален — Ален, — леди Эмилия сжала его руку, — бедный мой мальчик. Не с такой жене для тебя я мечтала!

— Мама, — он не выпускал её из объятий, — скажи мне, что для тебя важнее: чтобы моя жена была богатой, из благородной семьи, умела зазывно строить глазки, но, при этом, была холодной ледышкой и думала лишь о том, чтобы хорошо выглядеть в глазах общества? Или же, как Констанца, любила меня ради меня самого, независимо от того, расшита ли золотом моя треконда и умею ли я пользоваться вилкой для рыбы?

— Не знаю, Ален. Может быть, ты встретил бы благородную леди, которая способна любить?

В кресле у стола проснулся и иронически фыркнул лорд Николс: — была одна такая, но она досталась мне! И вообще, я спать хочу, Эми! Пойдём, а то я без твоего похрапывания уснуть не смогу.

— О! Ваша милость! Что вы себе позволяете!? — Леди Эмилия с обиженным видом горделиво выпрямилась в кресле. Муж посмотрел на неё сонными глазами:

— Я ошибся? А, ну, значит, это я от собственного храпа просыпаюсь!

Ален засмеялся: — у нас с Констанцей тоже будет общая спальня.

— Но это же неприлично, Ален! — Её милость укоризненно покачала головой и встала, — ты останешься ночевать у нас или поедешь домой? Твои комнаты к твоим услугам. Кстати, я недавно заезжала к тебе. Это какой-то ужас! Ты совершенно распустил слуг! Везде пыль, ковры не чищены. Не знаю, сможет ли твоя жена с этим что-то сделать. Боюсь, она слишком молода, чтобы призвать к порядку слуг. — С этими словами, не дожидаясь ответа, леди Эмилия выплыла из гостиной.

Неохотно вынырнув из объятий уютного кресла лорд Николс, похлопав сына по плечу, направился вслед за женой, а Ален, подхватив плащ из рук слуги вышел под ночное небо. Карима, всё же, надо предупредить.

Её милость долго не могла уснуть. Она осторожно сняла с себя тяжёлую руку мужа, который имел счастливую привычку засыпать сразу же, как только голова коснулась подушки, и отодвинулась к краю кровати. Не давали покоя мысли о сыне, его предстоящей женитьбе и связанным с ней неприятностям. Не выдержав, она позвала: — Николс, послушай...

— М-м-м? — Лорд Николс опять подвинулся к ней, снова обнял и пробормотал: — не думай об этом пока, Эми! Спи, утром тебе не будет казаться всё таким трагичным.

— Ты сейчас столкнёшь меня с кровати! — Леди Эмилия оттолкнула мужа, — знаешь, я сейчас думала: — да, простолюдинка, общество её не примет, и нам придётся пережить сплетни и насмешки, которые обрушатся на нашу семью, но, может быть, она и правда любит нашего сына, а не просто гонится за богатством и возможностью называться благородной леди? Ведь, как — никак, она решилась рискнуть своей жизнью, чтобы спасти Алена? Или это просто глупость и непонимание ситуации?

— Эми, — Его милость окончательно проснулся, — она не показалась мне глупой вертихвосткой. Дед очень внимательно наблюдает за ней. Он говорит, что девочка и вправду очень любит Алена, но старается на людях это не показывать, сдерживается и ведёт себя достойно. Что же касается всеобщего осуждения, то скажи мне откровенно: так ли сильно это тебя волнует? И кто посмеет, скажи мне, в открытую осуждать нашу семью?

Жена возразила: — но если Ален оставит службу, он будет одним из многих лордов, которые не имеют доступа в королевский дворец...

— Ну и что же? — Лорд Николс лениво зевнул, — мы-то с дедом никуда не делись, по-

прежнему обладаем влиянием и властью, и Его Величество прислушивается к нашему мнению. Что касается Алена с его девочкой, так, мне кажется, не очень-то им и хочется общаться с нашими благородными лордами и леди. Вот опять же скажи: много королевских балов Алена посетил в этом году, хотя бы?

— У него времени нет, ты же знаешь! — Фыркнула Её милость, — а вот уйдёт со службы, и время появится! Доступ во дворец у него всё равно будет, как члену нашей семьи.

— Но захочет ли он, вот в чём вопрос... — задумчиво протянул лорд Николс. — В любом случае, Эми, мы с тобой, едва ли сможем что-то изменить. Подумай и о том, что девочка беременна. Ведь это ребёнок Алена, представляешь?! — Она слышала по голосу, что он улыбается, и сама как-то отмякла, ушло ожесточение против нахальной простолюдинки, так крепко привязавшей к себе лорда.

— Николс, я вот подумала, а вдруг это будет девочка? — Он вздохнул в ответ, вспомнив их умершую малютку:

— Эми, ты съезди к ней, поговори. Ты ведь совсем её не знаешь. Я думаю, ей нелегко с мужчинами. Дед, Алена..., но ведь есть вопросы, которые женщина может обсудить только с женщиной, разве не так?

— Ты, как всегда, прав, мой умный муж. Наверно, мне надо смириться с выбором Алена...

— Нам, моя хорошая, нам... — тихо поправил её лорд Николс.

Они замолчали, каждый думая о своём в тишине и темноте спальни. Потом Его милость повернулся на бок, игриво провёл рукой по бедру жены: — ну-у, раз уж мы всё равно не спим, то, пожалуй, я не прочь заняться чем-нибудь более интересным, чем обсуждение поступков Алена...

— Как ты можешь, Николс, думать об этом, когда с твоим сыном случилось такое несчастье! — Леди Эмилия сердито оттолкнула его руку.

— Ну уж и несчастье! А вот сам Алена вполне, кажется, счастлив. — Его милость решительно не принимал отказа.

Утром Алена за Констанцей не приехал, зато слуга доложил ей, что в малой гостиной её ожидает леди Эмилия. Она почувствовала, как кровь отлила от лица, ноги подогнулись. Мужчина сочувственно посмотрел на неё: — не бойтесь, данна Констанца, леди Эми, вообще-то, хорошая, это только с виду она суровая и неприступная.

Констанца встала с дивана, на который присела, пережидая, когда пройдёт минутная слабость, благодарно улыбнулась и кивнула утешителю: — передайте, пожалуйста, Её милости, что я сейчас приду. — Когда дверь за слугой закрылась, она подошла к зеркалу, внимательно осмотрела себя. Светло-голубое скромное платье, отросшие волосы аккуратно уложены в незатейливую причёску. Вздохнув, она двинулась к выходу, оттягивать неприятную встречу было невозможно.

Констанца не знала, следует ли ей постучать, или войти в гостиную так, без стука. Решила, что не будет стучать, и несмело потянула дверь. Переступив порог, увидела сидящую в кресле леди Эмилию и присела в низком реверансе. И не поверила себе, когда услышала мягкое: — иди сюда, Констанца! В конце концов, ты — моя будущая невестка, так что нам пора поговорить откровенно.

Стояли по-летнему тёплые дни, парк резиденции покрылся молодой зеленью,

садовники высаживали на клумбы рассаду ранних цветов.

Ален приехал к обеду, вместе с лордом Касилисом и Констанца увидела их в окно своей гостиной.

Мужчины были без плащей, в одних шерстяных трекондах. При взгляде на Алена у неё защемило сердце, так сильно она любила его. Он торопливо шёл к парадному входу, а она любовалась его гибкой сильной фигурой, решительным и смелым выражением лица. Он был таким красивым в роскошной чёрной, с серебром, треконде, распахнутой на груди. Кипенно-белая шёлковая рубашка с уже наполовину отстёгнутым пышным кружевным жабо насмешила её. Рубашка была довольно старой и несколько мала, но Ален любил её, несмотря на подшучивания деда.

Констанца торопливо сбежала вниз, им навстречу. Они уже входили в распахнутую перед ними слугой дверь, и её радостные глаза встретились с горящим нетерпением взглядом Алена. Ей хотелось броситься к нему на шею, почувствовать его жаркие объятия и поцелуи и самой целовать жёсткие обветренные губы, чувствовать его дыхание на своём лице и запах весны, солнца, которым пахла его кожа, а от треконды чуть-чуть пахнет потом, и этот запах был ей родным и уютным.

Но рядом стоял лорд Касилис и насмешливо смотрел на них, поэтому Констанца присела в церемонном реверансе, а Ален низко поклонился ей.

Потом, когда он переоделся и умылся, они встретились в малой гостиной, под присмотром Ольгии, которая, впрочем, занялась шитьём у дальнего окна, всем видом показывая, что она не обращает на них внимания.

С благодарностью взглянув на пожилую женщину, Констанца рассказала Алenu о встрече с леди Эмилией. Она с удивлением поведала ему, что его матушка, кажется, не питает к ней ненависти. Её милость даже рассмеялась, когда Констанца, в ответ на сообщение, что Алenu придётся оставить службу, чтобы жениться на ней, с радостью выразила надежду, что, при его-то образованности, он легко найдёт работу писаря в каком-нибудь ведомстве. Ален тоже засмеялся и согласился, что, пожалуй, с работой писаря он бы справился, но к счастью, у него ещё есть поместье, так что смерть от голода им точно грозить не будет.

Оглянувшись на Ольгию, Ален потихоньку поцеловал ладошку Констанцы, а она на секунду прижалась губами к склонённой макушке. Выпрямившись, он серьёзно посмотрел на неё: — Констанца, ты готова ехать со мной в Ведомство Дознания, чтобы свидетельствовать в пользу лорда дар Кремона?

Она быстро покивала головой: — да-да, Ален, я поеду! Только... ты никуда не уйдёшь?

— Ну что ты, моя хорошая, я всё время буду рядом. Но если тебе страшно, то можешь не ездить. Я не хотел бы, чтобы ты напугалась. Меня беспокоит, что это может отразиться на малыше! — Тревога в блестящих чёрных глазах насмешила её:

— Уж не такая я и трусиха, Ален! А если я не поеду, что будет с лордом Нежином?

— Его казнят! — Жёстко ответил тот.

После обеда они поехали в Ведомство Алена. Констанца немного робела, но виду не показывала. Время от времени её любимый, скакавший на Громе рядом с каретой, поглядывал на неё в окошко, и тогда она успокаивающе улыбалась ему, что, впрочем, не могло его обмануть.

Громадное угрюмое здание появилось внезапно, когда карета миновала королевский

дворец и пересекла площадь перед ним.

Констанца подумала, что едва ли те, кто строил это трёхэтажное приземистое сооружение из серого камня, хотели придать ему какой-то особо угрожающий вид. Просто род деятельности людей, служащих в Ведомстве Дознания, внушал священный трепет и некоторый страх всем, кто даже случайно оказывался поблизости.

Карета остановилась перед центральным входом. Нахмуренный Ален открыл дверцу и подал девушке руку, на которую она с благодарностью оперлась. Подбежавший смешливый подросток взял под уздцы Грома и повёл его куда-то за здание. Их никто не встречал, никто не распахивал перед ними дверь. Поднявшись по широким каменным ступеням вместе с Аленом и войдя внутрь, Констанца очутилась в небольшом холле, от которого влево и вправо отходили широкие коридоры. По обе стороны их она видела плотно закрытые двери. Большой, вытертый до основы грязноватый ковёр на полу, выстроенные в ряд вдоль стены жёсткие деревянные стулья. Из окна падает солнечный луч, в нём кружатся пылинки. Из-за ближайших дверей в левом коридоре доносится негромкий гул мужских голосов, оборвавшийся взрывом смеха.

Констанца была разочарована. Она и сама не знала, чего ждала: то ли жутких орудий пыток, развешенных на стенах, то ли воплей истязаемых людей, а, может быть, и лужи крови в укромном уголке...? А тут всё обыденно и скучно. Казённое заведение с запахом пыльных бумаг, мастики и пятнами чернил на затёртом полу.

С шумом открылась дверь, и голоса стали слышны громче. Из кабинета выскользнул щуплый молодой человек, русоволосый, вихрастый, с по-детски пухлыми щеками и весёлыми глазами. Увидев Алена с его спутницей, посерьёзnel, просунул голову в приоткрытую дверь и что-то сказал оставшимся. Смех и голоса стихли, а Ален укоризненно покачал головой. Молодой человек вновь украдкой взглянул на Констанцу и быстрым шагом удалился вглубь коридора.

— Пойдём, я покажу тебе мой кабинет, — Ален потянул девушку к широкой, с пологими каменными ступенями лестнице на второй этаж. Там не было коридоров, а в большой холл выходило всего пять дверей. Они вошли в одну из них. Навстречу, из-за стола, заваленного бумагами, поднялся пожилой мужчина, молча глядя на вошедших.

— Познакомься, Констанца, это мой помощник, данн Ирвин. Ирвин, данна Констанца — моя невеста. — Помощник вежливо поклонился ей, в то время как она перевела испуганный взгляд на Алена. Тот подмигнул: — всё нормально, моя хорошая. Ирвин умеет хранить мои секреты!

Помощник едва заметно улыбнулся: — я рад знакомству с вами, данна Констанца! — У него оказался приятный глубокий баритон. Констанца неуверенно улыбнулась в ответ и присела в реверансе.

Бесцеремонно обняв за талию, Ален потянул её в двери кабинета, предупредительно открытые перед ними данным Ирвином. Едва дверь закрылась, Его милость торопливо притиснул Констанцу к себе, жадно припал к губам. Она с удовольствием обвила его руками за шею и ответила на поцелуй. Некоторое время они целовались, а потом Ален со стоном оторвался от её губ и пробормотал: — Мрачный Косарь бы побрал этого дар Кремона! Не стоит он того, чтобы мы прерывались на таком интересном месте!

— Что, Ален? — Не разжимая объятий, Констанца откинулась назад в его руках, заглянула в глаза.

— Нам надо идти, родная, иначе этому мерзавцу придётся несладко!

Он отпустил её, шагнул к большому столу у окна и принялся рыться в бумагах, лежащих аккуратными стопками.

Констанце кабинет Алена понравился. Три больших окна с плотными портьерами из тёмно-синего шёлка, большой ковёр на полу, выдержанный в бежево-синих тонах, рабочий стол Алена из тёмного морёного дуба и такой же, но гораздо больше, длинный, вдоль одной из стен. Мягкие стулья и глубокое кожаное кресло для Алена. Такой же кожаный диван расположился под окном.

Он поднял голову от бумаг, хмуро сказал: — ну что, пойдём спасать шкуру одного лорда? — Она поспешно кивнула, поёжилась:

— Ален..., мы... в тюрьму пойдём, да?

Он внимательно посмотрел на неё: — ты как себя чувствуешь, родная? Голова не кружится? Может, ну его, к нечистикам, лорда Нежина, а? Мне кажется, ты бледненькая... Если мы по его милости потеряем ребёнка, я его сам убью, не буду палача дожидаться!

Констанца улыбнулась. Несмотря на угрожающие слова и резкий тон, его слова о потере ими обоими! — ребёнка её насмешили. — Пойдём уже, Ален! Он в тюрьме, да?

— Нет, Констанца, всё гораздо хуже. Поэтому я так не хочу тебя туда вести. Лорд Нежин в камере пыток, у лорда Карима.

Она постаралась сдержаться, но голос всё равно дрогнул, когда она спросила: — лорд Карим? Кто это?

— Это Главный королевский палач. — Ален усмехнулся, пожал плечами, — считается, что рвать клещами тело благородного лорда и рубить ему голову может только такой же лорд. А по мне, так не имеет значения, кто приводит в исполнение приговор Королевского Суда.

— О, Ален, так пойдём же скорее! Нельзя допустить, чтобы страдал невинный человек! — Она решительно отправилась к двери. Усмехнувшись, Главный королевский дознаватель направился вслед за ней. Да, его ясноглазая девочка проявляла, порой, недюжинную силу воли и храбрость. Может быть потом, после вызволения мерзавца, они смогут вернуться в кабинет и... Идущий вслед за Констанцей к лестнице, Ален окончательно разулыбался: зря, что ли, ещё вчера он украдкой принёс в свой кабинет свежие простыни. А диван у него хоть и кожаный, но мягкий и большой.

У лестницы, ведущей в мрачные подвалы Ведомства, Констанца оробела, замедлила торопливый шаг, а затем и вовсе отстала, пропустив вперёд Алена. Он насмешливо обернулся к ней, чёрные глаза искрились смехом: — может быть вернёмся, милая? — она насупилась, стараясь сдержать дрожащие губы:

— как ты можешь смеяться, Ален! Неужели тебе не страшно??

Он отрицательно качнул головой: — мне не страшно, но противно. Но других методов дознания я не знаю. — Он помолчал, задумавшись, потом добавил: — но и пытки не гарантируют правдивость сказанного. Во многом всё зависит от опытности и беспристрастности дознавателя.

Они спускались по каменной лестнице, и Констанца с опаской поглядывала на каменные же, влажные стены, от которых тянуло сырым холодом. Слабо освещённая редкими фонарями лестница уходила вниз, в мрачную темноту. В конце концов, она незаметно придвинулась поближе к Алenu. Он почувствовал её страх, нашёл узкую ладошку и сжал её: — я с тобой, милая, ничего не бойся!

Наконец лестница закончилась, и они ступили на ровный каменный пол. Вдаль уходил узкий полутёмный коридор. В начале его Констанца увидела широко открытую дверь, из которой лился яркий свет и доносились голоса. Она с любопытством заглянула в комнату и увидела несколько здоровенных стражников, играющих в карты за грубо сколоченным деревянным столом. Увидев Главного королевского дознавателя, стражники смутились, вскочили на ноги, с грохотом упали стулья. Хмыкнув, Ален с иронией окинул их взглядом, от чего те потупились, продолжая стоять навтыжку. Констанце стало смешно: так неприкрыто стражники боялись Его милости. Но она помнила, зачем они здесь, и потихоньку дёрнула Алена за рукав. Он скривился и ровно сказал: — Себастьян, когда сменишься, зайдёшь ко мне.

Краснолицый дюжий стражник побагровел и, не поднимая глаз, гаркнул: — слушаюсь, Ваша милость, зайти к вам, когда сменюсь!

Удаляясь от комнаты вглубь коридора, Констанца прислушалась: сзади царил тишина. Внезапно её разрезал нечеловеческий вопль, полный страданий и боли. У Констанцы подкосились ноги, и она бы упала, если бы Ален её не поддержал. — Это... он??

— Нет. Возьми меня под руку и пойдём. Я уже сто раз пожалел, что привёл тебя сюда! Может, всё же вернёмся?

— Нет! — Она упрямо мотнула головой. Ужасные крики затихли, а они, ускорив шаг, остановились перед окованной железными полосами дверью. Ален открыл её и вошёл. Констанца, на секунду прикрыв глаза и стиснув зубы, шагнула следом.

Запах. Тяжёлый, густой, режущий глаза запах мочи и крови. Прямо у самой двери — стол. Деревянный, облезлый, с выдвигаемыми ящиками. За ним, на таком же облезлом деревянном стуле сидит, развалившись, молодой человек и задумчиво грызёт тростниковое перо. Перед ним чистый лист бумаги и чернильница. Увидев вошедших, он шустро вскочил на ноги, согнулся в поклоне. Ален кивнул, сказал: — вот, Горин, познакомься: данна Констанца желает дать свидетельские показания по делу лорда дар Кремона.

Сзади, за их спинами, кто-то глухо застонал. Констанца оглянулась. На неё смотрел... лорд Нежин!

Но, милостивый Всеблагой! В каком страшном виде он был! Констанца пошатнулась. Закружилась голова, в глазах потемнело, к горлу подступила тошнота. Где-то далеко услышала тревожный голос Алена, почувствовала, как её усадили на стул, ко рту поднесли бокал с водой. Она сделала глоток, собрав в кулак всю силу воли. Темнота в глазах потихоньку рассеялась, она увидела, как побледнел Ален, а во взгляде плещется паника. Стоящий рядом молодой дознаватель с любопытством смотрел на них.

Превозмогая себя, Констанца повернула голову туда, где она увидела лорда Нежина. И опять с трудом удержала ускользящее сознание: он лежал на железной решётке, прикованный к ней полосами такого же железа. Они обхватывали его руки, ноги и талию. А внизу, под решёткой, — она с трудом сглотнула, сдерживая тошноту, на большой жаровне тлели угли. Благородный лорд был совершенно голым, а его холёное тело, залитое свежей и застарелой кровью, показалось Констанце одной сплошной кровоточащей раной. Лишь лицо оставалось нетронутым и на нём нечеловеческой мукой горели яркие синие глаза.

Рядом с решёткой, на которой собрались поджарить лорда, стоял громадный зверообразный мужчина. В свете грязных закопчённых фонарей, Констанца разглядела его грубое, как будто вытесанное из камня, лицо, коротко остриженные чёрные волосы, руки-

лопаты с буграми чудовищных мышц. Расширенными от ужаса глазами она увидела, что на нём надет грязный, заскорузлый от крови мясницкий фартук, а в руках он держит раскалённый докрасна железный прут.

Проследив за её взглядом, Ален поморщился и кивнул кому-то головой. Откуда-то со стороны прилетел грязный и такой же, как фартук палача, заскорузлый от крови кусок брезента и накрыл лорда Нежина. Она повернулась и почти рядом с собой увидела ещё одного мужчину. В камере было темновато из-за тусклого света фонарей, дыма от жаровни и зловонных испарений, поднимающихся с грязного, залитого ужасными жидкостями пола. Всё же она рассмотрела, что мужчина несколько полноват, румян, роста среднего, одет чисто и аккуратно, на неё смотрит с улыбкой и ласково. И вдруг она с содроганием заметила на нём такой же мясницкий, до полу, фартук!

— Констанца, я хочу представить тебе лорда Карима, — голос Алена был спокоен. Главный королевский палач с улыбкой поклонился девушке, ласково сказал:

— я рад знакомству с вами, данна Констанца! Лорд Ален консультировался со мной по поводу повреждений, причинённых вам моим нынешним подопечным! — Улыбаясь, он кивнул в сторону прикованного к решётке лорда Нежина, который глухо стонал под брезентом, — я предлагал дар Кремону испробовать такой же кнут на его спине, но он как-то промолчал. Может быть, всё же...? — Он вопросительно посмотрел на Алена. Тот, покосившись на бледную Констанцу, отрицательно покачал головой:

— оставь это, Карим. И прикажи своему помощнику убрать жаровню.

Брови Главного королевского палача удивлённо поползли вверх, а зверообразный что-то глухо, как в бочку, проворчал, но, по знаку лорда Карима, выволок жаровню из-под решётки. Констанца, наконец, вздохнула. До этого ей казалось, что она забыла, что нужно дышать.

Молодой дознаватель привлёк их внимание, громко откашлявшись. Он важно притянул к себе лист бумаги и сказал: — итак, данна Констанца, что хотели бы вы заявить по поводу измены лорда дар Кремона?

Наступила такая тишина, что девушка услышала, как где — то под полом отвратительно пискнула крыса. Даже лорд Нежин сдержал стон и затаил дыхание. Она возмутилась: — ничего подобного! Я знаю, что Его милость не изменял Его Высочеству! — Лорд Нежин, со всхлипом, громко втянул воздух, и Ален, поморщившись, покосился в его сторону.

Почти час Констанца рассказывала молодому дознавателю о том, как она нашла на лесной тропе холодным зимним вечером раненного арбалетной стрелой лорда Нежина, как он был возмущён заговором против короля. Дознаватель, прилежно записавший её рассказ, попросил расписаться и сказал: — что же, ваши слова, данна Констанца, подтверждают показания слуги, данна Ласси, который пострадал от заговорщиков. — Девушка согласно кивнула, вспомнив, что того столкнули с лестницы, чтобы он не смог помешать покушению на лорда Нежина.

Она и не заметила, как за её спиной двое слуг уложили на носилки Его милость и унесли из пыточной.

Констанца с трудом дошла до кабинета Алена на втором этаже, где со слезами обхватила его за шею. Обняв, он подвёл её к дивану и усадил к себе на колени. Она продолжала плакать навзрыд, чего никогда с ней не случалось. Ален почувствовал укол ревности и сказал: — кажется, ты забыла, сколько зла он тебе причинил! Неужели тебе настолько его жаль, что ты никак не можешь успокоиться?

Она замотала головой и гундосо пробормотала: — ничего я не забыла! Просто... я не могу, Ален! Это ужасно, когда человека, живого, свежуют, как убитого барана-а-а!! — С ней приключилась настоящая истерика, и Ален, который никогда не видел её в таком состоянии, растерялся. Он целовал заплаканное лицо, крепко прижимая Констанцу к себе и шепча, что всё-всё теперь будет замечательно, они скоро поженятся, у них родится малыш, поэтому ей надо поберечься, чтобы он родился здоровым...

Он шептал и шептал ей на ухо милые глупости, не задумываясь о том, что говорит, страстно желая принять на себя её боль, успокоить, утешить, а сердце сжималось от жалости к ней. И постепенно она стала плакать не так отчаянно, а вскоре лишь судорожно всхлипывала, пряча лицо в его кружевном жабо: — Ален, прости, мне так стыдно! Я напугала тебя, да? — Он не ответил, лишь глубоко вздохнул, легко поглаживая её по спине. — А что теперь с ним будет? — Констанца понимала, что её любимому неприятен разговор о лорде Нежине, но не могла не спросить.

— Его перевели в другую камеру, — неохотно ответил тот. — Она не в подвале, а на первом этаже моего Ведомства. Там обычная мебель, только на окнах решётки. Сейчас у него лекарь. Когда его подлечат, король будет решать его судьбу.

— Но ведь он не виноват! Почему ты его не отпустишь?

— Ты не права, Констанца, — жёстко ответил Главный королевский дознаватель, — он виноват хотя бы в том, что не поставил в известность Его Величество о готовящемся заговоре. Это тоже серьёзное преступление, моя хорошая.

— Та приуныла: — его казнят, да?

— Едва ли, — Ален усмехнулся, — Рихард великодушен. Скорее всего, отделается конфискацией части своих земель.

Задумавшись о незавидной судьбе лорда Нежина, Констанца и не заметила, как рука Его милости, поглаживающая её по спине, незаметно сместилась на бедро. Его поцелуи стали более жаркими, а дыхание участилось. Она отвлеклась от своих печальных мыслей и шаловливо прикусила его нижнюю губу: — а как же твой помощник? Ты не боишься, что он может войти?

Ален, деловито расстёгивающий пуговицы на платье, фыркнул: — не войдёт. Я его пораньше домой отпустил.

Констанца тихо засмеялась и прижала ладошкой вздыбившийся бугор в его штанах: — я тебя очень сильно люблю, Ален! — И застенчиво добавила: — и тело твоё тоже люблю.

— Девочка моя ясноглазая! — Ален растроганно целовал припухшие от слёз губы, опускаясь всё ниже, вслед за спущенным с плеч платьем, я тоже очень тебя люблю и... — он, наконец, добрался до груди, приподняв их в ладонях, принялся по очереди целовать, осторожно покусывая и посасывая сосочки, — и всё время тебя хочу, но только, — он поднял голову и, нахмутив брови, серьёзно посмотрел ей в глаза, — только я отчаянно боюсь повредить малышу!

Она прерывисто и счастливо вздохнула и потянулась к нему: — не повредишь. Беременность ещё очень маленькая.

Крепко обнявшись, они лежали на кожаном диване. Внезапно Ален засмеялся: — Констанца, а ведь у меня в шкафу лежат чистые простыни!

Констанца тоже фыркнула. Закинув ему на бедро ногу, потёрлась носом о чуть колючий подбородок: — мы используем их в следующий раз! А пока и так хорошо!

Глава 24.

Загаив дыхание, Ален прижался ухом к округлившемуся животу любимой. Она насмешливо погладила его по волосам, но он с досадой отклонился: — не мешай, Констанца! Не слышно же, когда ты шуршишь!

Она расхохоталась: — скажешь тоже — не слышно! Да он так толкается, что, мне кажется, даже посторонним заметно!

Ален встревожился: — а это нормально? Может, ему чего-нибудь не хватает? Ему, может, тесно там, а, Констанца? Я как подумаю, что ребёнок в скрюченном положении должен ещё несколько месяцев находиться, так прямо в ужас прихожу!

— Я не знаю, — она пожала плечами, — личный врач твоей матушки говорит, что он развивается нормально, но велел мне побольше гулять на свежем воздухе, побольше есть фруктов и не злоупотреблять пирожками и булочками.

— Ну да, — Ален нахмурился, — сейчас пойду на кухню, скажу, чтобы повара забыли о сдобном тесте. Но я бы тебя мясом кормил. Что толку в траве? Съешь, а через полчаса снова есть хочется.

Не отвечая, Констанца поплотнее прижалась к нему, но этого ей показалось мало. Она растегнула на нём треконду и с удовольствием скользнула под неё руками, провела по спине, через тонкую шёлковую рубашку ощущая тепло его тела, напрягшиеся мускулы, когда он прижал её к себе. Он, прихватив губами прядку волос, шепнул ей на ушко: — даже не думай! Тебе врач что сказал? Сократить! Не чаще, чем один раз в неделю. Так что прекрати меня дразнить... — Скользнув губами по её щеке, он легко поцеловал её и отодвинул от себя, насмешливо глядя на её насупившееся лицо. Потом вздохнул, взял её за руки и прижал ладони к своим щекам: — мы потерпим, да, родная?

Констанца улыбнулась. С некоторых пор лорд Касилис делал вид, что не замечает их частых встреч наедине. Тем не менее, каждый вечер Ален добронравно отправлялся ночевать в свой городской дом. Слуги ласково поглядывали на Констанцу, а данна Ольга незаметно выскальзывала из комнаты, когда лорд дар Бреттон, забывая порой постучать, энергично распахивал дверь в покои девушки.

Иногда Констанца думала, как много необычного случилось с ней за короткий промежуток времени. Её побег из замка, встреча с Аленом и их любовь, его счастливое спасение и знакомство с лордом Касилисом, арест заговорщиков и ужасное свидание с лордом Нежином в камере пыток, её беременность и удивительная, неуклонно нарастающая симпатия к родителям её любимого. Теперь она с улыбкой вспоминала тот ужас, с которым ждала приезда леди Эмилии.

С тех пор многое изменилось. Как-то незаметно матушка Алена в своей обычной суровой манере развеяла её страхи по поводу беременности и родов. А потом появился пожилой степенный врач, лорд Викториан дар Каменес. Ей было стыдно рассказывать постороннему мужчине о том, когда у неё в последний раз были месячные и как болят и набухают груди, но лорд Викториан смотрел серьёзно и внимательно и, кажется, совершенно не обращал внимания на её стыдливость.

Он осторожно помял её живот и через деревянную трубочку долго слушал, как бьётся маленькое сердечко. Наконец, выпрямившись на стуле и убирая трубочку в коробку, он неожиданно улыбнулся Констанце, отчего его лицо приобрело мягкое и доброе выражение, и смущённо сказал: — знаете, данна Констанца, всякий раз, когда я принимаю под своё наблюдение беременную женщину, в моём сердце появляется такая трепетная нежность к

ней и её малышу, такое благоговение перед великим таинством зарождения новой жизни, что я не устаю благодарить Всеблагого за то, что он позволил мне помогать женщине в её тяжком труде.

Поражённая Констанца смогла лишь неуверенно улыбнуться ему в ответ и, в свою очередь, спросить: — а у вас есть дети, Ваша милость?

— О! — Лорд Викториан в шутливой гордости вздёрнул подбородок и важно надул щёки, — моя драгоценная супруга подарила мне четверых сыновей и трёх дочерей! А кроме того, — он с улыбкой подмигнул Констанце, — у меня уже имеется десяток ужасных шалунов — внуков и внучек!

Констанца и не заметила, как куда-то ушёл стыд и неловкость, и она уже внимательно слушала советы лекаря.

Потом приехала леди Эмилия и лорд Викториан, раскланявшись с дамами, отбыл по своим делам, а Её милость подробно расспросила Констанцу обо всём, что он ей сказал.

И снова та не заметила, как, видя искренний интерес и внимание Её милости, с воодушевлением рассказала всё, о чём они беседовали с лекарем, а потом задумчиво посетовала, что не знает, где брать одежду для малыша.

К её несказанному удивлению, леди Эмилия с энтузиазмом приняла на себя руководство по изготовлению детских вещичек. Констанце казалось, что портнихи лучше их справятся с шитьём крошечных рубашечек и платьиц, но Её милость категорически отвергла эту мысль. Так что отныне леди дар Бреттон взяла за правило приезжать в отцовскую резиденцию сразу после завтрака и, при участии двух служанок и Констанцы, обложившись ворохом нежнейшего батиста, шёлка, фланели всех цветов прикидывала, кроила и руководила шитьём всевозможных изделий в таком количестве, что Алэн, впервые увидев и оценив размах матушкиной деятельности, громко присвистнул: — Констанца, я вижу, тут будет нашито одежды с большим запасом! Я это одобряю, — он засмеялся, — мы же не остановимся на достигнутом? — Констанца бурно вспыхнула, залилась румянцем, укоризненно посмотрела на Алэна. Тот, за спиной матери, нагло подмигнул ей и скрылся за дверью. Служанки прыснули и тут же сделали постные лица под строгим взглядом леди Эмилии, но Констанца видела, что в чёрных, как у любимого, глазах мелькают насмешливые искорки.

Иногда в швейной комнате появлялся лорд Николс. Кивнув девушке, он усаживался в кресло и молча наблюдал за их работой. Так сидел он недолго, э всего несколько минут, а потом уходил. Её милость не обращала на него внимания, а Констанца робела, путалась в словах и терялась, пока однажды лорд Николс, уходя, не погладил её ласково по волосам.

С тех пор она встречала его неуверенной улыбкой, а он отвечал ей, улыбаясь лишь одними глазами.

Две недели назад были казнены заговорщики. Констанца с ужасом наблюдала, как на площади перед дворцом из толстых досок возводится эшафот. Они с данной Ольгией даже стали обходить площадь кружным путём, когда отправлялись в одну из многочисленных лавочек, торгующих милыми женскому сердцу вещичками: кружевами, заколками для волос, иголками, разноцветными шелками для вышивки. Они любили, также, неспешно прогуливаться по базару, шумному от криков и ругани торговцев, ржания лошадей, скрипа повозок, пронзительных воплей разносчиков, предлагающих купить сидра, пирожков со всякой всячиной, серьги с огромными фальшивыми бриллиантами, разноцветные бусы и

яркие красивые платки, краска на которых не продержится и недели.

Леди Эмилии не нравились такие прогулки, и она не раз выговаривала за них Констанце. Лорд Касилис, присутствующий однажды при таком разговоре, лишь незаметно ухмылялся.

При последней прогулке Констанца заметила, что базар как-то притих, сжался. Неслышно было громкоголосых разносчиков, не шутили и не смеялись зазывалы у дверей лавок.

Немного побродив между торговых рядов, Констанца и данна Ольга заторопились домой. Теперь и на улицах, в лицах встреченных прохожих девушка заметила некую подавленность и тревогу. Как будто тень эшафота легла на столицу, чёрным покрывалом придавила её к земле.

Вечером приехал Ален, как всегда спокойный и невозмутимый. Они втроем ужинали за небольшим столом малого обеденного зала, и Констанца внимательно слушала, а потом, как-то совершенно незаметно для себя, вначале неуверенно хихикала, а потом смеялась до колик в животе, забыв о той тревоге, что окутала столицу. Лорд Касилис, замечательный рассказчик, под большим секретом поведал ей несколько забавных историй из жизни внука и его родителей.

Сколько ни старалась, Констанца не могла без смеха представить холодного и чопорного лорда Николса, растерянно сидящего посреди большой грязной лужи, в которую он упал, спасая от такого же падения леди Эмилию, поскользнувшуюся на жидкой грязи у самого входа в свой дом.

Ален смеялся вместе с ней, а все истории были так забавны и нелепы, что, укладываясь в постель, Констанца снова улыбнулась, вспоминая весело проведённый ужин.

Проводив её до порога покоев и украдкой поцеловав на прощание, Ален вернулся в кабинет деда.

— Это что на тебя нашло сегодня? — Он удивлённо смотрел да лорда Касилиса. Тот вздохнул:

— когда уж всё кончится, наконец? Видел бы ты, в каком состоянии она вернулась сегодня с прогулки! Бледная, глаза испуганные. Ольга сказала, что в городе царит страх, все в ожидании казней. Так что моя клоунада была вынужденной.

Ален нахмурился, сжал челюсти, потом пробурчал: — зачем ты её отпустил? Знал ведь, как чутко она улавливает чужие эмоции. Проследи, пожалуйста, чтобы эту неделю дальше твоего парка она никуда не ходила.

— Да, пожалуй, — лорд Касилис задумчиво покивал головой, пожевал губами, — мне тут прислали три фолианта. Лорд — хранитель Королевского архива откопал их в старом хранилище. Пожалуй, нам с Констанцей надо бы их попытаться прочесть...

— Дед, да ты с ума сошёл, что ли?! Она ведь беременна, ей гулять нужно, свежим воздухом дышать, а ты её за пыльные книжонки собираешься усадить! — Ален решительно встал, прошёлся по кабинету, — нет, придумай что-нибудь другое. Просто погуляй с ней по парку, сейчас ведь весна, солнышко светит, цветочки там, травка... птички, в конце концов! Она же девушка, ей это нравится... Наверное. Садовников привлеки, пусть рассказывают ей что-нибудь. В общем, я не знаю, но под любым предлогом в город её не отпускай. Вот завтра головы отрубим этим мерзавцам, а там я увезу её в “Жемчужный Ручей”. Лорд Касилис звякнул серебряным колокольчиком, стоящим на углу стола. Неслышно вошедший слуга внёс поднос с двумя высокими хрустальными бокалами и бутылкой светлого прозрачного вина.

— Поставь здесь, Мэттью, мы сами справимся, — кивнул ему лорд Касилис. Плеснув себе в бокал немного из бутылки, он отпил и спросил:

— а с дар Кремоном что? Как я понял, Констанца спасла его от плахи?

— Да что! — Ален недовольно дёрнул плечом, скривился: — Рихард отбирает у него в казну половину земель. В том числе и родную деревушку Констанцы, кстати. Я — то советовал вообще всё забрать, оставить пару деревень для прокорма и хватит с него. Но король не согласился, пожалел. Правда, страху на него нагнал. Ну и приказал на завтрашней казни быть. — Он усмехнулся, — пусть полюбуется, чего он избежал, благодаря Констанце. А, чуть не забыл: Рихард приглашает тебя на свой балкон. Её Величество не пожелала присутствовать, так что ему нужна компания.

Лорд Касилис кивнул и допил вино: — попробуй, Ален, неплохое, между прочим, хоть и молодое.

— Спасибо, что-то не хочется. — Ален зевнул, небрежно спросил: — дед, ты не возражаешь, если я сегодня у Констанцы переночую? Всё же моя ясноглазая девочка испугалась сегодня, перенервничала...

— Возражаю, — лорд Касилис аккуратно поставил бокал на стол, насмешливо посмотрел на внука: — она уже, наверняка, спит, а тут ты примешься под ушко сопеть.

— Ну уж ты и скажешь — сопеть! — Обиженно буркнул внук, — ладно, тогда я домой поехал. Завтра ещё на этих... любоваться!

Констанца проснулась рано и подумала, что деревенские привычки не отпускают. Казалось бы — спи да спи, но нет. Она просыпалась с первыми лучами солнца, как будто кто-то толкал её в бок. Теперь, когда их с Аленом отношения перестали быть секретом, а её беременность стала заметной, она ясно видела, как бережно относятся к ней окружающие. Слуги, встающие в резиденции затемно, на цыпочках ходили мимо её покоев и разговаривали шёпотом.

Гуляя с ней по парку, лорд Касилис непременно предлагал взять его под руку, а когда ей случалось опаздывать к столу, что, кстати, бывало довольно редко, но всё равно смущало её и вызывало неловкие оправдания, он добродушно улыбался и подшучивал над ней.

Её дорогой Ален, всегда такой уступчивый и предупредительный, предстал перед нею в совершенно ином свете — тираном, требующим беспрекословного подчинения. Он самолично поговорил с лордом Викторианом и дотошно записал всё, что советовал лекарь. После этого состоялся долгий и серьёзный разговор с Констанцей на тему, что она может делать, а что — нет. Он запретил ей заниматься танцами и приказал данне Ольгии выбросить все корсеты. Он сократил её занятия с учителями до двух часов в день и запретил домоправительнице водить Констанцу в холодные подвалы резиденции. Он строго попросил её не сбегать вниз по лестницам, потому что она может запнуться и упасть. Он потребовал, чтобы она не засиживалась допоздна, а вовремя отправлялась в постель. А, самое главное, повара отказывались готовить её любимые блюда, к которым она пристрастилась в доме Главы Тайного Совета: густой острый суп из мидий и сильно прокопчённые, тоже острые, колбаски.

Виновато улыбаясь, Главный повар предложил ей взамен тарелку тёртой моркови со сметаной. Она кисло отказалась.

Констанца не спеша оделась, умылась и собрала волосы в пучок на затылке, мельком

подумав, что попозже, когда станет одеваться к завтраку, данна Ольга соорудит ей на голове что-нибудь миленькое.

Она неторопливо прошла в правое крыло резиденции и, постучав, но не получив ответа, нерешительно потянула на себя тяжёлую дверь кабинета лорда Касилиса.

Комната была пуста. Это удивило её, потому что было ещё слишком рано. Как правило, Глава Тайного Совета отправлялся во дворец после завтрака, на котором они, не торопясь, обсуждали, чем займутся в течение дня. Его дела не отнимали у него много времени, и Констанца подозревала, что Его Величество держал на этой должности лорда Касилиса исключительно из — за своей привязанности и дружеских чувств к этой семье. Ну и советы человека опытного и абсолютно преданного короне тоже значили немало. Его милость, кажется, тоже это отлично понимал, потому что частенько шутил над своими, не слишком обременительными, обязанностями.

Констанца, так же не торопясь, побрела к покоям деда. Пробегающие мимо слуги ничего не могли сказать о столь раннем отбытии хозяина, поэтому она, приоткрыв дверь в покои, заглянула туда и, увидев его личного слугу, спросила: — данн Мэттью, а куда так рано уехал Его милость?

— Мэттью успокаивающе улыбнулся, сказал: — лорд Касилис просил вас, данна Констанца, завтракать без него. Он вернётся, как только освободится.

— У него какие-то срочные дела, да? — Она удивилась, потому что, обычно, лорд Касилис с вечера предупреждал её, если планировал уехать рано утром.

Мэттью отвёл глаза и что-то пробормотал. Констанца не поняла, но встревожилась. И вдруг она догадалась, спросила дрожащим голосом: — сегодня... казнят... этих, да?

Слуга молча кивнул, всё также не глядя на неё.

— А — а, Ален... лорд Ален тоже там?

Мэттью поёжился, неохотно ответил: — да, данна Констанца, они все должны присутствовать... на казни. Его милость не велел вам говорить, но вы сами догадались...

Констанца кивнула, медленно пошла к лестнице. Есть не хотелось.

В этот день она не находила себе места. Пришёл учитель естественных наук и, рассказывая ей о движении светил на небе, он, как всегда, вошёл в раж. Бегая по её гостиной и потрясая над головой сухонькими кулачками, он кричал, что, по воле Всеблагого, людям не дано взлететь туда, высоко в тёмное ночное небо, гораздо, гораздо выше, чем взлетают птицы и раскрыть, наконец, великую тайну того, почему так ярко светят людям звёзды. И, также быстро успокоившись, он пробормотал: — а ещё не мешало бы узнать, как Всеблагой устроил, что солнце обогревает весь человеческий мир.

В другое время Констанца с удовольствием бы понаблюдала за учителем и, возможно, вместе с ним строила бы догадки, но только не сегодня. Как будто камень лежал на сердце и давил на него тяжким грузом. Кое-как она дождалась окончания урока, а затем ещё целый час под руководством леди Гризетты училась изящно поворачивать голову, грациозно подавать руку воображаемому кавалеру и приседать в особом, только для королевской семьи предназначенном, глубоком реверансе. Констанца здорово сомневалась, что ей доведётся когда-либо продемонстрировать это своё умение, но покорно выполняла все требования леди Гризетты.

Наконец закончились два тяжких часа уроков, и она вновь не знала, чем заняться. Всё валилось из рук. Перед глазами стояли то жуткие картины пыточной, заскорузлые от крови

кожаные фартуки и, одновременно, круглое, румяное, улыбающееся лицо лорда Карима, а то лорд Нежин ласково улыбался со старого сундука в домишке Феонисты, а потом это же лицо, искажённое злобой и похотью, вставало перед её мысленным взором.

Накинув лёгкий плащ, она вышла в парк перед домом. День был уже по-летнему тёплым, солнечным. Констанца медленно побрела по центральной аллее, а затем свернула на одну из боковых тропинок, которая вывела её на прелестную небольшую лужайку, уже покрытую молодой травкой. На фигурную клумбу два садовника высаживали принесённую из оранжереи рассаду цветов. Они заговорили с Констанцей, интересуясь её мнением о высаживаемых растениях, но она лишь отвлечённо улыбнулась и пожала плечами.

Ребёнок активно возился, и она немного обеспокоенно подумала, что, наверно, ему тесно в животе, а ведь до родов ещё почти четыре месяца. Тут же нахлынули мысли, что она так и не написала отцу о своей беременности. Не желая лгать ему, она не знала, как сообщить о том, что он скоро станет дедом. Констанце было мучительно стыдно признаться, что она ждёт ребёнка, не будучи замужем. Она просто не могла причинить ему такую боль и муку. Ей хотелось посоветоваться с кем-нибудь, может быть, с леди Эмилией, потому что Ален, не понимая её терзаний, лишь легкомысленно ответил: — я не вижу проблемы, милая! Напиши ему, что ты вышла за меня замуж, и мы ждём ребёнка.

Констанца тогда промолчала. Она не чувствовала себя его женой: — нет, — думала она, пока наш брак не будет подтверждён в храме Всеблагого, я всего лишь его любовница, не более того.

Внезапно ей подумалось, что она не хочет выходить за него. Что она знает о нём? Да ничего! Она даже ни разу не была в его городском доме. Они редко виделись последнее время. Аресты заговорщиков, допросы, королевский суд, а теперь ещё и казнь... Порой Ален приезжал поздно вечером, с серым от усталости лицом. Он украдкой, торопливо целовал её, хмуро ужинал, невпопад отвечая на вопросы, а потом они с лордом Касилисом уходили в кабинет. Рано утром он опять уезжал на службу.

Констанца чувствовала себя одиноко. Все были предупредительны и приветливы с ней, но она опять остро ощущала свою ненужность и чужеродность.

Леди Эмилия приезжала реже и, по-прежнему, была ласкова с Констанцей, но к себе в дом её не приглашала.

Она вернулась на главную аллею и заторопилась к дому, как будто кто-то ждал её там. Опомнившись, замедлила шаги и вдруг, внезапно, воспоминания о пыточной, удушливый запах крови накрыл её. Она представила, как сейчас, на том жутком деревянном помосте из неструганных досок рубят головы людям, и её затошнило. Её рвало и, кажется, выворачивало наизнанку. Она опустилась на колени и оперлась руками на песок, которым была посыпана аллея. Спазмы сотрясали её тело, а у Констанцы не было сил, чтобы подняться на ноги. Она упала на бок, и сознание медленно уплыло, погрузив её в сладостное забытьё.

Констанца слышала шёпот данны Ольгии. Ей отвечал мужской голос, также тихо и неторопливо. Это был не Ален, она подумала о нём с удивившей её неприязнью. Она нехотя открыла глаза, увидела, что лежит на своей кровати, а рядом сидят её служанка и лорд Викториан. Они заметили её взгляд, и данна Ольгия радостно восторгалась, облегчённо вздохнула: — ах, данна Констанца, ну и напугали же вы нас! Когда я пошла вас искать и обнаружила лежащей в парке, на холодной земле, я прямо-таки обезумела! Мы принесли вас домой, а вы всё не приходили в сознание! Потом уж Мэттью отправил Роберта к Его

милости, а сам побежал за лордом Викторианом. Но Роберт вернулся ни с чем, потому что... — данна Ольга замаялась, растерянно посмотрела на лекаря. Тот солидно откашлялся, торопливо сказал:

— неважно, почему Роберт не смог поговорить с лордом дар Матторном и лордом дар Бреттоном! Как только Их милости освободятся, они приедут домой и сами всё узнают.

А вы, данна Констанца, скажите мне, как вы себя чувствуете? Возможно, у вас болит низ живота? Не появились ли тянущие боли?

Констанца добросовестно прислушалась. Нет, более не было, только ребёнок как-то притих, не возился и не пинал её. Она сказала об этом лекарю, и тот улыбнулся: — это замечательно, что нет более! А малыш решил, видимо, дать вам отдохнуть, поэтому и притих. Не скажете ли мне, данна Констанца, что с вами случилось в парке? Возможно, вы съели что-то несвежее?

Они ещё немного пообсуждали её внезапный обморок, а потом лорд Викториан поднялся и раскланялся: — прошу меня простить, но я вынужден вас покинуть, данна Констанца. Я думаю, вам нужно дня три-четыре провести в постели.

После этого он, улыбнувшись ей, вышел из комнаты. Следом, подоткнув вокруг Констанцы одеяло и спросив, не принести ли ей что-нибудь перекусить и получив отрицательный ответ, ушла и данна Ольга.

Откровенно говоря, Констанца чувствовала себя плохо. Её подташнивало, а возникающие в мозгу страшные картины казни вызывали головокружение. А ещё ей представлялся Ален, с интересом наблюдающий за действиями палача. И невозмутимый лорд Касилис.

Она пребывала в отчаянии. Ей не хотелось замуж, и видеть кого-либо она тоже не хотела. Прикрыв глаза, Констанца подумала, что была бы счастлива очутиться прямо сейчас в Вишняках, в маленьком домике отца, где не нужно переодеваться к обеду, где нет слуг, а пол и посуду она с успехом могла вымыть и сама. Вечером усталый отец, положив на стол натруженные руки, ласково смотрел бы на неё и с восхищением слушал её рассказ об уроках данны Эдиты.

Вечерело, когда она услышала торопливые шаги за дверью, а потом встревоженный Ален вошёл в спальню.

— Нет! Не подходи!! — Пронзительно вскрикнула она, протестуя выставив навстречу ему ладони. — Не подходи... — повторила она, — от тебя...пахнет... кровью!!

Ален побледнел, остановился, чёрные глаза вспыхнули гневом: — что за глупости ты говоришь, Констанца?? Что за чушь ты несёшь??

— От тебя...пахнет...кровью... — тихо прошептала она и заплакала.

С бешенством глянув на неё, он выругался и выскочил за дверь. Констанца зарыдала в голос.

Глава 25.

Лорд Касилис поднял голову от бумаг, разложенных на столе, когда в кабинет ворвался бледный и взбешённый Ален. Его милость нахмурился: — что с нашей девочкой? Я специально не пошёл вместе с тобой, чтобы не смущать её. Ты неважно выглядишь, Ален, с ней что-то неладно?

Тот со злостью глянул на кресло. Кресло послушно приподнялось над полом, сделало попытку подвинуться и... с грохотом опрокинулось на бок. Лорд Касилис насмешливо фыркнул. Кресло поднялось на ножки и подвинулось к Алenu. Тот раздражённо пнул его и

плюхнулся на мягкое сиденье.

Дед хмуро наблюдал за ним: — что случилось, Ален? И чем провинилось перед тобой безобидное кресло?

Тот скрипнул зубами: — можешь не демонстрировать мне свои ведьмовские таланты! Я и так знаю, что ты сильнее!

— Да что случилось, Ален?? Можешь ты мне вразумительно ответить?? — Старик выглядел не на шутку встревоженным, и Ален взял себя в руки:

— Констанце стало плохо во время прогулки по парку. Её вырвало, а потом она потеряла сознание.

Лорд Касилис нетерпеливо отмахнулся: — я слышал это вместе с тобой по приезду. Но сейчас — то она в сознании, что она сама — то говорит? И лорд Викториан уже побывал, я знаю!

Ален сидел, сгорбившись, в кресле. Уперев локти в колени, он, уставившись мрачным взглядом в рисунок ковра на полу, глухо пробормотал: — она не хочет меня видеть. Я даже не смог с ней поговорить, она закричала, чтобы я не подходил к ней!!

— Ничего не понимаю, — старик в недоумении, нахмурившись, смотрел на внука, — вы что, поссорились? Из-за чего?

— Мы не ссорились, — Ален покачал головой, — я и вижу-то её редко. Никаких уже сил нет выносить эту неопределённость.

— Да-а, тяжёлый случай, — к Его милости вернулось присущее ему хладнокровие и ироничность, — ну, если ты вёл себя в её спальне также, как у меня в кабинете, то я её понимаю.

— Дед, перестань! — Ален поднял голову, — я умирал от беспокойства, пока добежал до её комнат. Что с ней такое — ума не приложу! Она кричала, что от меня пахнет! Кровью!! — Он опять опустил голову, спрятал лицо в ладони.

— Вот как, значит. Пахнет кровью... Ну что же, видимо, слуги проболтались о казни. А ведь я строго-настрого запретил им говорить с ней на эту тему.

— Ты думаешь... — Ален недоверчиво смотрел на деда, — но причём здесь я? Они казнены по приказу Его Величества! — Он скривился: — проклятая служба! Кажется, моя ясноглазая девочка начинает меня презирать. Да, но ведь её вырвало! Лорд Викториан предположил, что она съела что-то несвежее!

В следующие полчаса в кабинет были вызваны Главный повар, домоправительница, данна Ольга и Мэттью.

Главный повар клялся Всеблагим, что на завтрак данне Констанце были поданы самые свежие продукты. — Хотя, — он помялся, — данна Констанца съела только половину телячьей котлетки и немного картофеля-фри, а фруктовый салат и десерт есть не стала.

Домоправительница и данна Ольга сообщили, что у девушки весь день было подавленное настроение, она совсем не улыбалась и, кажется, не находила себе места.

Когда лорд Касилис перевёл взгляд на Мэттью, тот опустил глаза и побледнел. Его милость холодно сказал: — ну, что молчишь? Мне что, в пыточную тебя тащить? Тебе что было приказано?

Слуга поднял глаза на хозяина, твёрдо сказал: — Ваша милость, данна Констанца сама догадалась, что сегодня состоится казнь заговорщиков. Она спросила, должны ли вы с лордом Аленом присутствовать, и я не смог ей соврать...

Лорд Касилис вздохнул, махнул рукой: — вы все свободны, можете идти. — Когда они с

Аленом остались одни, он сказал: — ну вот, всё и прояснилось. Ты же сам говорил, что с ней было после того, как она побывала в твоих подвалах. А тут вообще головы рубили. Что она, по-твоему, должна чувствовать? И тебя рядом не было. — Он опять вздохнул: — впечатлительная она у нас. Вон, благородные дамы — хоть бы одна в обморок упала ради приличия! Так нет же, всё шеи тянули, чтобы ничего не пропустить. А Констанце теперь везде запах крови будет мерещиться. Беременность ещё эта...

Ален встал, нетерпеливо прошёлся по кабинету, болезненно сморщился: — прямо не знаю, что делать! Она ведь заплакала, когда я зашёл. У меня сердце разрывается, когда она плачет. — Он остановился, посмотрел на лорда Касилиса: — слушай, а, может, она меня разлюбила? — Тот молчал, у Алена в глазах мелькнула паника: — дед, ты что, думаешь...?

— Почему бы тебе самому не спросить её об этом? — У старика дёрнулся уголок рта, но он сдержал улыбку. Ален крутнулся на каблуке, резко повернулся, решительно сказал:

— ты прав. Мне нужно с ней поговорить!

Констанце казалось, что её жизнь окончена. Кому она нужна, куда пойдёт, беременная, без денег, если не считать то небольшое, что удалось скопить, благодаря лорду Касилису? Ведь совершенно ясно, что Ален её разлюбил! Он хмуро смотрел на неё, а потом и вовсе ушёл, несмотря на то, что ей было очень плохо и страшно.

Ей было ужасно жалко себя, одинокую и всеми покинутую. Даже данна Ольгия не идёт. Констанца представила, как она тайком, ночью, с узелком и в тёмном плаще, выбирается из резиденции, забирает из конюшни свою спокойную и невозмутимую Весту и бежит из столицы. Утром её побег обнаружат, и Ален бросится за ней в погоню, но будет поздно. Он найдёт её, бездыханную, в лесу за городской стеной. Она будет скромно лежать на полянке, а рядом Веста щиплет молодую траву. Наверно Ален её пожалеет, такую молодую и умершую из-за того, что он её разлюбил.

Она опять поплакала и как-то, совершенно незаметно, задремала, а, открыв глаза, увидела вплотную подвинутое к кровати кресло, а в нём Алена, напряжённо вглядывающегося в её лицо.

Увидев, что она проснулась, он облегчённо вздохнул. Наклонившись к ней, обнял, приподнял, вместе с подушкой и прижал к себе: — прости! Пожалуйста, прости меня, родная! Не сердись на меня, милая, я тебя очень люблю! Через неделю мы уедем из города, осталось потерпеть всего чуть-чуть.

Констанца облегчённо разревелась. Оказывается, он не разлюбил, он по-прежнему любит её! — Ален, я сама не знаю, что со мной случилось! Прости, что я тебя обидела! Эта... казнь, мне казалось, что всё вокруг... пропахло... кровью...! Мне так стра-а-ашно! — Где-то глубоко внутри ей было радостно, что он чувствует себя виноватым, что он переживает за неё и ей не надо снова убегать и... вообще всё просто замечательно!

Потом они лежали, тесно обнявшись, прижавшись друг к другу. Он шептал ей о своей любви, о том, как славно они заживут в их небольшом поместье. Она находила красивым его название: «Жемчужный ручей», а он рассказывал о лугах и рощах, о заросшем парке, где будут играть их дети. Она окончательно развеселилась, пробежалась шаловливыми пальчиками по его обнажённому животу, опустила ниже, легко погладила снова напрягшуюся, перевитую венами шелковистую на ощупь плоть. Ален глухо зарычал, перевернув её на спину, прижал к кровати и принялся целовать, слегка покусывая и снова целуя затвердевшие розовые соски, увеличившуюся грудь и довольно большой живот. Она

тихо смеялась, чтобы не услышали слуги в коридоре, с удовольствием откликаясь на его ласки.

Его Величество Рихард IV гневно оттолкнул от себя великолепный чернильный прибор, только утром преподнесённый ему послом Дамьянского королевства. Прибор был сделан в виде кареты, выточенной из цельного куска горного хрусталя. Из такого же, только чёрного, хрусталя были сделаны кони. Чётвёрка красавцев — коней, исполненных так искусно, что казалась живой. Огнём горели рубиновые глаза, крохотные золотые подковы как будто высекали искры.

Его Величество всё утро любовался работой мастеров: тончайшей золотой инкрустацией по бокам кареты, фигурками коней, скрупулёзно выточенными, замершими в стремительном беге.

Теперь он с силой толкнул подарок и тот, не удержавшись на краю стола, упал на пол. С печальным звоном раскололась карета, порвались золотые нити, которыми она была привязана к лошадям. Его Величество скривился, закричал: — что ты стоишь?? И молчишь, к тому же!! Неужели твоя совесть позволяет тебе бросить своего короля в такое тяжёлое для королевства время!??

Бледный, но упрямо сжавший губы лорд Ален дар Бреттон, вытянувшись, стоял у двери, опустив глаза.

Он уже выслушал от короля угрозы конфисковать всё его имущество и выслать, ко всем нечистикам, на окраину королевства. Затем было предложено наградить лорда Алена, за выдающиеся заслуги перед короной, самым большим поместьем, конфискованным у заговорщиков. Тот, нахмутив брови, не разжимал губ, и тогда Его Величество, окончательно разозлившись, столкнул подаренный прибор на пол и закричал. Он опять угрожал, просил, а потом, печально посмотрев на всё также молча стоящего дар Бреттона, вздохнул: — садись, Ален. Далась тебе эта женитьба! Уж чем она так тебя очаровала, эта девчонка? Хоть бы привёл посмотреть, что ли.

Ален усмехнулся уголком рта, не спеша прошёл и сел в кресло: — простите меня, Ваше Величество, но я не изменю своего решения. Я уйду. — Рихард поморщился:

— и как я буду без тебя? Я чувствую себя так, будто меня выставляют голым и беззащитным среди толпы хищников! И перестань, в конце концов, называть меня Величеством! Мне и так тошно, а ты издеваешься!

— Рихард, я не бросаю тебя, пойми! Заговор раскрыт, заговорщики казнены. Мои люди сообщают, что всё спокойно. Я не оставил бы должность, если бы существовала хоть небольшая угроза тебе и твоей семье. Вместо меня будет очень умный и знающий дело человек, лорд Эдмон дар Труффин. Поверь, он не хуже меня.

— Ну да..., - Его Величество уныло смотрел на Алена, — хуже — не хуже, а не ты. Ты меня просто наповал убил, Ален! А твоя семья? Неужели леди Эмилия согласилась, что её невесткой будет простолюдинка?

— Скажем так — она смирилась. Я надеюсь, что со временем, она полюбит Констанцу. — Ален улыбнулся: — ты же счастлив с Её Величеством, Рихард. Вот и я хочу для себя немножечко счастья!

Его Величество опять вздохнул, встал, принялся подбирать обломки чернильного прибора: — из-за тебя такой красивый подарок сломал! Вот, смотри, жадные они, всё-таки, в Дамьянии. У них такие роскошные ковры ткнут, мы ведь их за золото покупаем, а они

королю в подарок карету из камня прислали!

Ален продолжал улыбаться: — тебе ковров не хватает, что ли, Рихард? Это ты жадничаешь, твоё величество. Игрушка-то была сделана с любовью, мастер над ней, похоже, долго трудился, а ты со злости её сломал. Нехорошо!

— Нехорошо, — согласился король, возвращаясь в своё кресло.

Глава 26.

Констанце казалось, что у неё за плечами выросли крылья. Они с Аленом собирались уезжать, и она вихрем летала по резиденции Главы Тайного Совета. Или почти летала. Потому что бегать было уже тяжело, а кроме того, множество глаз следили за тем, чтобы она не оступилась на лестнице, не запнулась за ковёр и не наткнулась нечаянно на стул, на большую напольную вазу или скульптуру в коридорах и холлах. Ей улыбались и исполняли её мелкие прихоти. Надо сказать, Констанца никогда не была капризной, ведь с самого детства на её плечах лежала вся домашняя работа. Теперь её не было, но появились другие обязанности. Она не ходила с домоправительницей, как прежде, в холодные подвалы, чтобы учесть продукты и вина, но подолгу разбирала счета от торговцев и определяла потребность в поставках. Она не пожелала отказаться от уроков танцев, но теперь её партнёром был Ален, который специально приезжал на этот час из своего Ведомства. Она не хотела, чтобы он отрывался от работы, потому что он спешил передать дела своему заместителю, который указом Его Величества был назначен Главным королевским дознавателем, но Ален не согласился. Он боялся, что учитель танцев может не уберечь её от падения. Иногда его заменял сам лорд Касилис, и тогда бедный учитель бледнел и краснел, косноязычно объясняя, что требуется от партнёров в танце. Глава Тайного Совета искренне веселился и многократно переспрашивал, подмигивая Констанце.

Иногда приезжала леди Эмилия, и тогда Констанце приходилось скрупулёзно записывать всё, что хотела сказать будущая свекровь по части управления домом. А ещё Её милость беспокоили предстоящие роды, и она уже исподволь намекала лорду Викторину, что лорды дар Бреттон и дар Матторн были бы ему несказанно благодарны, если бы он согласился некоторое время пожить в поместье “Жемчужный Ручей”. Лекарь делал вид, что не понимает намёков, но леди Эмилия была уверена, что сломает его сопротивление.

Её милость приехала в резиденцию отца вечером, когда Констанца напряжённо ждала Алена. Он собирался подать королю прошение о своей отставке, и Констанца понимала, что решение далось ему нелегко.

Леди Эмилия без стука вошла в её покои и молча прошла к дивану. Констанца со страхом смотрела на неё, боясь услышать, что король отказал Алену в отставке. Та была бледна, но спокойна. Девушке показалось, что Её милость плакала.

— Констанца, Его Величество удовлетворил просьбу Алена. — Та молчала, тревожно глядя на собеседницу. Леди Эмилия грустно усмехнулась: — ну да, я плакала, как ты заметила, конечно. Связь с тобой перечеркнула блестящее будущее моего сына, и я ничего не могу с этим поделать. Наверно, мы с лордом Николсом могли бы принудить его отказаться от тебя, но я чувствую, что это сделало бы его несчастным. А какая же мать хочет видеть несчастным собственное дитя? — Она тяжело вздохнула, на глаза навернулись слёзы. У Констанцы защемило сердце. Гордая и высокомерная леди предстала вдруг в ином свете.

Она нерешительно подошла и села рядом с леди Эмилией, стиснув на коленях руки, тихо сказала: — я тоже его очень люблю, Ваша милость. Я бы всё сделала, о чём он бы ни

попросил!

Леди Эмилия выпрямилась, грустно улыбнулась девушке: — хорошая ты, Констанца... Я очень надеюсь, что вы будете счастливы вместе и его жертва не напрасна. Что ж, — она тяжело вздохнула, встала, — видать, так угодно Всеблаговому.

Теперь все волнения и страхи были позади. Вещи собраны, упакованы и уложены на повозку, которая направится вслед за каретой лорда дар Бреттона. Его Гром и Веста Констанцы будут привязаны сзади. Ехать недалеко, “Жемчужный Ручей” всего лишь в восьми роенах от столицы.

В нетерпеливом ожидании Констанца поднялась, едва взошло солнце. Многочисленные обитатели большого дома ещё спали, но ей не терпелось. Она умылась и расчесала волосы, а потом ещё раз прошла по своим комнатам. За месяцы, проведённые в резиденции лорда дар Матторна, она привыкла к этому дому и полюбила его. В глубине души ей было жаль расставаться и с хозяином, въедливым и насмешливым лордом Касилисом, и с добродушной улыбчивой данной Ольгией, которая, порой, надоедала Констанце своей излишней заботой. Она вспомнила, как накануне неожиданно расплакалась леди Гризетта, всегда сдержанная, чопорная старая дева, обучающая её этикету. Она изящно вытирала нос кружевным надушенным платочком и промакивала глаза, а слёзы лились, и она не могла их остановить. Растроганная Констанца порывисто обняла свою учительницу, и та не указала ей, что откровенное изъявление чувств недопустимо в приличном обществе. — Может быть, потому, — подумала девушка, — что сама наставница забыла об этом? — Они тепло простились, и Констанца, смеясь, обещала, что обязательно пригласит её обучать своих детей.

Наконец-то закончился завтрак, и в столовую торопливо вошёл Ален. Он был радостен и возбуждён. Поклонившись деду, он подхватил на руки Констанцу, вставшую из-за стола ему навстречу, и закружил её, не обращая внимания на слуг, с трудом сдерживающих улыбки, и неодобрительно скривившегося лорда Касилиса.

— Ты готова, моя хорошая? Всё собрала? — Он осторожно поставил её на пол, продолжая обнимать за располневшую талию. Она, покраснев, потихоньку высвободилась и потянула его к стулу. Лорд Касилис знаком приказал слугам выйти и спросил:

— как дела, Ален?

Констанца вопросительно посмотрела на мужчин. Она не видела Алена два дня, он был занят, и ей казалось, что он всё ещё передаёт дела в Ведомстве Дознания. Он улыбнулся ей и ответил:

— всё прекрасно. Документы оформлены на отца, а он займётся дальнейшим. — И, обращаясь к Констанце, пояснил: — я продаю свой городской дом, милая. Отец этим займётся, а нам надо ехать.

— Но почему, Ален?? — Она недоумевала.

— Потому что, Констанца, мы не сможем его содержать, — усмехнулся тот, — теперь у меня не будет жалованья Главного королевского дознавателя, так что нам придётся жить только на доходы от небольшого поместья.

Карету умеренно трясло на ухабах, но Констанца, дремлющая на плече у Алена, этого не замечала. Кроме них в “Жемчужный ручей” ехала данна Ольгия, на этом настояла Её милость. Правда, позднее ей было разрешено вернуться. Констанца радовалась этому, да и

пожилая женщина не выглядела расстроенной.

Сейчас данна Ольга рассеянно смотрела в окно кареты, раздумывая о том, что, пожалуй, ей надо бы задержаться в поместье подольше. По крайней мере, дожидаться появления малыша. Она любила Констанцу и искренне желала ей счастья. Женщина решила, что, если Её милости не удастся уговорить лорда Викторiana принять роды у Констанцы, то она останется помогать лекарю из Каменного Брода, городка, принадлежащего дар Бреттонам. Лекарь, наверняка, будет приглашён к Констанце, но данна Ольга сомневалась в его высоких профессиональных качествах и решила, что обязательно будет присматривать за ним.

Повернув голову, Ален осторожно прижался губами к волосам Констанцы: — ты спишь, родная?

— М-м-м, — она вздохнула, повозилась головой на его плече, устраиваясь поудобнее. Он почувствовал, как её рука скользнула под треконду, расстегнула пуговицу на рубашке и погладила его по голой груди. Он благодарно прижал руку, ощущая тепло и радуясь её лёгкой ласке. Шепнул, едва слышно, в волосы: — ты моё счастье, девочка моя ясноглазая! Я люблю тебя, Констанца! Очень сильно люблю!

Она сквозь дрёму пробормотала: — я тоже очень люблю тебя, Ален! А ты будешь иногда мне говорить об этом потом...?

— Обязательно! — Он смешливо фыркнул: — два раза в день, утром и вечером! — Она засмеялась, открыла глаза и выпрямилась на диванчике. Данна Ольга ласково улыбнулась ей:

— поспала немного? Ты сегодня рано поднялась, Констанца. — Та подвинулась на сиденье, выглядывая в окно. Стекло было опущено, и лёгкий ветерок чуть шевелил светло-голубую шёлковую штору. Светлая и чистая молодая зелень раннего лета радовала глаз. Констанца радостно вздохнула: к вечеру они будут на месте.

Ален задумчиво смотрел на девушку. Он надеялся, что ей понравится поместье. Им предстоит скромная и умеренная жизнь, но ведь она и не привыкла к роскоши, балам во дворце и изощрённым уловкам и лжи благородных лордов и их жён. Его девочка скучает по отцу, и ясные глазки порой затуманиваются тягостными мыслями, но она скрывает от него, как ей тяжело. Нужно будет что-то придумать. Может быть, пригласить кузнеца в “Жемчужный Ручей”? Это было бы прекрасно, но ехать далеко, согласится ли он?

Скоро ей рожать. О, Всеблагой, как пережить этот ужас? Матушка обещала приложить все силы, чтобы уговорить лорда Викторiana приехать и пожить в поместье, пока младенец не появится на свет. Отец с дедом тоже боятся. Они, трое мужчин, уже обсуждали, как воздействовать на упрямого лекаря. Он, Ален, предлагал грубую силу: затолкать лекаря в карету и привезти в “Жемчужный Ручей”. А здесь к его комнате приставить охрану, чтобы не улизнул. Отец предложил заплатить лекарю втрое, соблазнить его большими деньгами. Дед отверг оба варианта. Его поднял на смех, а отцу сказал, что лорд Викторian богаче дар Бреттонов, так что деньгами на него не воздействуешь. В конце концов решили, что леди Эмилия быстрее найдёт подход к упряму.

Вчера дед отправил в поместье нарочного с приказом подготовить дом к приезду новой хозяйки. Ален немного побаивался, что поместье запущено. В доме постоянно жили несколько слуг, но сад, наверняка, в запустении, да и комнаты нуждаются в ремонте. Конечно, обо всём этом нужно было подумать заранее, но громадная нагрузка, которая свалилась на плечи в последнее время, не позволяла подумать о личных делах. Ален

скривился от этих неприятных мыслей и Констанца, заметив его помрачневшее лицо, озабоченно заглянула к нему в глаза: — что, Ален? — Он успокаивающе улыбнулся, но она настаивала: — я же вижу, ты чем-то расстроен! Скажешь мне? — Пришлось рассказать, что дом довольно старый, принадлежал, когда-то, деду и его семье, а потом лорд Касилис подарил его Алену. Там давно живут только слуги и, вполне вероятно, дом нуждается в ремонте.

Констанца облегчённо улыбнулась, снисходительно сказала: — вы, мужчины, такие паникёры! Может быть, там достаточно просто его отмыть? — Ален пожал плечами, засмеялся:

— вот приедешь и сама посмотришь!

Постепенно дорога сузилась, к ней вплотную подступили поля, зеленеющие всходами озимых растений. Возницы встречных повозок и телег с любопытством косились на карету с гербами дар Бреттонов. Селяне, идущие пешком по обочинам дороги, останавливались и низко кланялись.

Констанца отодвинулась от окна и, нахмурившись, опустила штору. Она уже и забыла, как боялись лорда Нежина её односельчане и, наверняка, также кланялись ему. Данна Ольгия взяла её за руку: — так и должно быть, Констанца. От тебя будет зависеть, станут ли они ненавидеть хозяев "Жемчужного Ручья" или вы сможете жить в мире с этими людьми.

Дорога сбегала в неглубокую долину. Её надвое пересекала узкая и быстрая речушка, через которую — Констанца в восхищении широко раскрыла глаза, был переброшен резной каменный мостик. Неширокий, только-только проехать карете, он был прелестен! Светло-серый гранит кое-где покрылся от старости мхом. Резные столбики перил, узорчатое обрамление по низу мостика придавали ему кокетливость и очарование. Констанце захотелось выйти из кареты, ступить на гладкие, плотно пригнанные плиты мостика, потрогать каменные узоры.

— А вон наш дом, Констанца! — Негромкий голос Алена отвлек её. Она повернула голову, и вздох вырвался у неё из груди. За мостом, на другом склоне долины, из-за зарослей черёмухи и ивы, покрывавшим берега, поднималась остроконечная, блестящая на ярком солнце крыша большого дома.

Копыта лошадей простучали по каменному настилу: — познакомься, милая, это Жемчужный ручей, — сказал Ален, с улыбкой глядя на речушку под мостом. Констанца же не отрывала глаз от вырастающего впереди дома. Невысокий каменный забор окружал его. Дорога уходила вправо, где вдалеке виднелись крыши небольшого городка.

Карета подъехала к закрытым воротам. Кучер соскочил с облучка, но не успел он постучать кнутовищем, как из стоящей рядом сторожки выбежал небольшого росточка старик и, непрерывно кланяясь, принялся открывать деревянные створки. Путники въехали на широкую аллею, вдоль которой тянулись густые, давно не стриженные кусты живой изгороди. Констанца с жадностью глядела на дом, невысокий, в два этажа, даже несколько приземистый, из искрящегося красноватого гранита, он уверенно и спокойно смотрел на неё чисто вымытыми стрельчатыми окнами, за которыми белыми пятнами мелькали человеческие лица.

Карета, не спеша, катилась по аллее, а ей навстречу, из широко распахнутых дверей центрального входа уже бежали люди. Около десятка мужчин и женщин окружили карету. Констанца видела радостные улыбки, счастливые и довольные лица. Но это всё были

пожилые люди! Она повернулась к Алену, растерянно спросила: — но почему они старые, Ален!? Им всем очень много лет!

Не отрывая глаз от окна и улыбаясь встречающим, он ответил: — они были молодыми, Констанца, когда был молод мой дед. Эти люди помнят меня маленьким мальчиком, родная. Они вырастили меня, а я о них забыл намного лет.

Карета остановилась перед высоким полукруглым крыльцом. Чьи-то руки открыли дверцу, а в следующую минуту Констанца увидела низко склонённые спины. Слегка изменившимся голосом Ален сказал: — довольно! С вашими радикулитами вы рискуете не разогнуться! — Он не выдержал и со смехом обнял ближайшего к нему мужчину: — Коста, ты жив! Я боялся, что ты меня не дождёшься! — Констанца увидела, что мужчина стар, может быть, даже старше лорда Касилиса. Он был высоким, чуть полноватым. Годы согнули его плечи, и, кажется, он немного хромал. Мужчина обнял Алена, и девушка увидела, как на его глазах блеснули слёзы:

— мальчик мой, какой же ты вырос большой и красивый! Добро пожаловать, Ален, в родной дом! — Он спохватился: — да что же это я! Ведь ты привёз невесту! — Он торопливо шагнул к карете, низко поклонился Констанце: — добро пожаловать, Ваша милость, в “Жемчужный Ручей”! — Она растерянно глянула на Алена. Тот, улыбаясь, подмигнул ей и протянул руку:

— прошу тебя, дорогая!

Констанца неловко выбралась из кареты, слуги согнулись в низком поклоне, а она не знала, что сказать.

— Всё, хватит! Мы устали и хотим есть. И, да, данна Констанца — ваша будущая хозяйка. — Ален, положив руку Констанцы себе на сгиб локтя, решительно двинулся к двери. Негромко переговариваясь, слуги двинулись за ними. Констанца чувствовала, как десяток пар глаз рассматривают её. Ей было неуютно, она поёжилась, подумав, что женщины сразу определили, что она беременна. Ален наклонился к её уху и прошептал: — ничего не бойся. Всё будет так, как ты скажешь. Я представлю тебе слуг немного позднее, когда мы поужинаем и отдохнём. Или завтра утром. — Нахмутив брови, он заглянул ей в лицо: — ты плохо себя чувствуешь, милая? Ты молчишь, и мне как-то беспокойно...

Констанца улыбнулась ему: — я очень устала, Ален и, наверно, не буду ужинать. Хочется побыстрее добраться до постели! — Он растерянно оглянулся на данну Ольгию, шедшую за ними. Та кивнула:

— да, Ваша милость, ей надо прилечь. Может быть, вы распорядитесь, чтобы ужин принесли в её покои?

Констанца проснулась и неспешно оглядела комнату, которую вчера вечером не успела рассмотреть. Большая, с высоким лепным потолком и двумя окнами, прикрытыми тяжёлыми бархатными шторами густого тёмно-вишнёвого цвета. Такой же ковёр на полу, не новый, чуть потёртый. И позолота на лепнине потолка кое-где облупилась, осыпалась. Мебель массивная, старая, но натёрта до блеска, как и пол там, где не прикрыт ковром. За закрытой дверью чуть слышные осторожные шаги, скрип дверцы какого-то шкафа. Она улыбнулась, вспомнив, что отныне этот дом — её. Ребёнок толкнулся, напоминая о себе, и она ласково погладила живот. В отличие от Алена, она совершенно не боялась родов. Да, говорят, это больно, но ведь женщине природой предназначено рожать и терпеть эту боль. Она вспомнила, как однажды ей довелось помогать соседке, когда та принимала роды у коровы.

Бедное животное тяжело вздыхало, и Констанца от всей души жалела её. — Ну а её, — она хихикнула, — обязательно пожалеет Ален!

Дверь осторожно приоткрылась, и показалось свежее и улыбающееся лицо данны Ольгии: — доброе утро, Констанца! Мне показалось, ты меня позвала?

Заботливая женщина уже разобрала и разложила по шкафам все вещи девушки. Их, в общем-то, было немного. Хотя лорд Касилис был готов оплачивать все наряды, которые пожелала бы заказать Констанца, ей было неловко злоупотреблять его добрым к ней отношением.

Пока она, с помощью данны Ольгии, одевалась и причёсывалась, та рассказывала ей о своём знакомстве со слугами и домом.

В поместье “Жемчужный ручей” постоянно проживали четырнадцать человек. Это были повара, слуги, садовники, привратник и конюх. Ещё был домоправитель, данн Коста. Как, со смешком рассказала данна Ольгия, домоправитель с успехом заткнул бы за пояс любую женщину по части управления хозяйством. Несмотря на то, что хозяин не появлялся в поместье много лет, данн Коста считал своим долгом содержать поместье в таком порядке, как будто лорд дар Бреттон лишь ненадолго отлучился.

Теперь его надежды и усердие были вознаграждены. Лорд Ален приехал, наконец, домой и, о, великая радость! — он привёз невесту.

Данна Ольгия смеясь, сказала, что кажется, домоправитель так и не ложился спать.

В доме было пятьдесят четыре комнаты, но жили лишь в южном крыле. Комнаты северного стояли закрытыми. Как поняла данна Ольгия, немногочисленные слуги, к тому же немолодые, просто не в состоянии были поддерживать порядок и чистоту в таком количестве помещений.

Она уже познакомилась с женской прислугой. Все они с нетерпением ждали знакомства с будущей хозяйкой, настроены были доброжелательно и, конечно же, заметили беременность Констанцы, о чём осторожно попытались поспрашивать данну Ольгию.

В это же утро Констанце представили всю прислугу, живущую в поместье. Она немного волновалась, но её дорогой Ален стоял рядом, ободряюще улыбался ей, да и люди, она чувствовала это, были ей рады. Мужчины низко кланялись, а женщины приседали в реверансе. Констанце хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Ведь все они были ровесниками её отца, или значительно старше.

Она не знала, кто станет у неё личной служанкой, а женщины смотрели с надеждой, затаив дыхание.

Как всегда, Ален понял её затруднения и объявил, что они идут завтракать, а всеми делами станут заниматься потом.

Столовый зал был небольшим, и Ален сказал, что это комната для завтраков, а большую столовую они посмотрят попозже.

Они завтракали втроём. Хозяин пригласил за стол данна Косту. Тот вежливо отказывался, украдкой поглядывая на Констанцу, и сел лишь после её приглашения. Ален был откровенно доволен почтительным отношением к ней домоправителя. Он объявил, что после завтрака они с данной Констанцей идут осматривать дом, а пока он хотел бы послушать о состоянии дел в поместье.

Констанца подумала, что Ален не очень-то вежлив со старым слугой и лучше бы было позволить ему поесть. Но вмешиваться она не стала, лишь украдкой подвигала ему блюда с тем или иным кушаньем.

Завтрак был обильным, и Констанца подумала, что в их нынешнем положении подобная расточительность ни к чему. Она привыкла к лёгким завтракам у лорда Касилиса, и вереница судков и тарелок, вносимых слугой, повергла её в трепет.

Занятый разговором с домоправителем Ален ничего не замечал, лишь энергично подкладывал себе на тарелку то кусок мясного пирога, то ломоть нежнейшего окорока. При этом он уже съел два яйца-пашот и несколько рулетиков из тонких ломтиков телятины, начинённых орехами, пряными травами и острым сыром. Сейчас он поглядывал на горку свежеспеченных бисквитиков, политых тимьяновым мёдом.

Констанца давно уже позавтракала, а теперь с удовольствием и интересом наблюдала за Аленом. Ей нравилось, как непринуждённо и энергично он расправляется с изысканными блюдами своих поваров.

Почувствовав её взгляд, он с улыбкой повернулся к ней: — смотри, Констанца, как расстарались нынче на кухне! Это на тебя стараются произвести благоприятное впечатление!

Данн Коста серьёзно покивал головой: — а как же, Ваша милость! Слуги стараются создать у хозяйки хорошее мнение о себе! Вы, данна Констанца, не сомневайтесь: у нас всё хороший народ работает, трудолюбивый и добросовестный! Вы скажите только, если что не понравится, я живо всё исправлю!

После завтрака Ален повёл Констанцу знакомиться с домом. Он галантно предложил ей взять его под руку, а данн Коста шёл сзади, поддакивая Алену и иногда вставляя словечко-другое. Ещё утром он вручил Констанце две увесистых связки с ключами, терпеливо поясняя, от каких помещений тот или иной из них. Она, конечно, ничего не запомнила и тут же вернула ему один из комплектов, на что он осторожно спросил: — выходит, данна Констанца, вы оставляете меня домоправителем?

Она удивилась: — конечно! А вы, данн Коста, разве хотели уйти с должности?

Старик улыбнулся: — нет, данна Констанца, не хотелось бы. Но я боялся, что вы захотите сменить слуг, а вместо меня взять женщину помоложе. Но я вас уверяю, что мы вполне в силах обеспечить вам и лорду Алену все удобства!

Констанца покраснела. Домоправитель угадал: она на самом деле думала, что хорошо бы принять на службу людей помоложе. Она решила, что надо поговорить об этом с Аленом. Всё же именно он был хозяином “Жемчужного Ручья”, а её положение опять представлялось ей туманным.

Итак, они не торопясь шествовали по залам и покоям дома, и чем больше видела Констанца, тем сильнее нравился ей старый, несколько заброшенный дом. Они начали осмотр с южного крыла первого этажа, и её позабавило несколько хаотичное расположение комнат, узких коротких коридоров, открывающихся то на чёрную лестницу, ведущую на второй этаж, то в буфетную, то в какую-то каморку, набитую старым хламом, из которого Ален с торжествующим воплем выудил, вдруг, громадную, грубо сделанную, рогатку. Данн Коста рассмеялся, а Ален пояснил Констанце, что это его первое оружие, да ещё сделанное своими руками.

Южные комнаты были светлыми и какими-то радостными. Шёлковая и парчовая обивка стен несколько выцвела и нуждалась в замене, о чём домоправитель, вздыхая, намекнул, но молодые люди оставили намёк без внимания. Констанца восторженно рассматривала старую, но чистую и натёртую до блеска мебель, выдвигала ящички шкафов,

комодов и туалетных столиков, подолгу стояла перед портретами мужчин, женщин и детей в старинных красочных одеждах. В одной из гостиных портрет изображал хмурого недовольного мальчика лет пяти с пухлыми щёчками и чёрными сердитыми глазками. Констанца радостно засмеялась, узнавая в ребёнке Алена, а тот смущённо хмыкнул, торопясь увести её от портрета.

Они зашли на кухню. Два дородных немолодых повара в высоких белых колпаках и белых накрахмаленных фартуках чинно поклонились вошедшим. Один из них незаметно отвесил подзатыльник мальчишке-поварёнку, принуждая его к вежливости.

Констанца постеснялась осматривать кухню, хотя ей очень хотелось. Она лишь увидела громадную, пышущую жаром, плиту, два больших котла на ней, а также сковороды под крышками, источающими аппетитные запахи. По стенам, на крюках, висело множество кухонных приспособлений, а на полках теснились до блеска начищенные кастрюли, жаровни и противни.

Осмотр северного крыла дома решили оставить на вечер. Несмотря на то, что чувствовала себя Констанца хорошо, у неё устали ноги и хотелось побыстрее присесть. Она шепнула об этом Алелу, и он повёл её на второй этаж, в её спальню, а данн Коста отправился по своим делам.

Данна Ольга деликатно оставила их одних, а Констанца с облегчённым вздохом вытянулась на кровати. Присев рядом, Алел освободил её ноги от чулок и принялся массировать ступни. Она терпела, сколько могла, а потом принялась смеяться и брыкаться, не в силах выносить щекотку.

Опершись на локоть, он прилёг рядом с ней, наклоняясь, чтобы легко коснуться губами глаз, носа, волос. Она задумчиво всматривалась в его глаза, и он нахмурился, обеспокоенно спросил: — что? Ты думаешь о чём-то неприятном, Констанца! Боишься рожать, да? — Не отвечая, она чуть улыбку, отрицательно качнула головой. Он поцеловал её, облегчённо вздохнул и стал рассказывать. О том, что через три дня приедет леди Эмилия. С ней приедут две портнихи и белошвейка. Они сошьют бельё и свадебное платье для Констанцы. Через десять дней он, Алел, намерен жениться, поэтому скоро приедет ювелир, привезёт кольца, которые давно заказаны. Наверно, им не стоит ждать, что соседи соберутся на свадьбу, хотя приглашения надо бы разослать. Он надеется, что Констанца этим займётся. Ещё он поинтересовался, кого из женщин она хотела бы видеть личной служанкой. Констанца замаялась и призналась, что никого. Она не сможет просить пожилую женщину сделать ей ванну или сходить на кухню и принести пирожок или бокал сока. Алел кивнул понимающе: — да, они староваты для того, чтобы бегать по поручениям молодой девчонки. Мы наймём кого-нибудь помоложе.

— Но, Алел, ты же сам говорил, что с деньгами у нас негусто, а это лишние расходы...

Он положил голову к ней на подушку, обняв, осторожно прижал к себе: — больших расходов не будет. Одна из служанок сказала Косте, что хотела бы уйти на покой, а вместо себя она предлагает свою дочь. Я всю жизнь знаю эту семью. Хорошие добрые люди. Её муж служит у нас конюхом, ты уже с ним познакомилась, помнишь?

Констанца помнила. Конюха ей тоже представили. Ничем не примечательный пожилой лысоватый мужчина с носом-картошкой и простецким выражением лица. Он застенчиво поглядывал на неё и бормотал, что пусть “Её милость не беспокоятся, лошадки у него всегда обихожены, накормлены — напоены, а уж выгулять их так это и вовсе дело святое...”

Поскольку Ален был в одной рубашке с расстёгнутым воротом, она, повозившись, с удовольствием уткнулась носом ему в шею, прихватывая губами и целуя подбородок и ключицы. Он тяжело задышал, но не раздевал её, хотя Констанца и чувствовала его желание. Он качнул бёдрами, покрепче прижимаясь к ней отвердевшей плотью, и остановился. Она ждала, но он лишь целовал её.

— Ален, ты что? Боишься, что кто-нибудь зайдёт?

Он нехотя отодвинулся, пробормотал: — смертельно боюсь тебе навредить. Лорд Викториан сказал, что, когда до родов останется месяц — полтора, нам лучше воздержаться.

— Но я же прекрасно себя чувствую! — Ей было его жаль, — я думаю, мы можем попробовать как-нибудь... по- другому, наверно... — Констанце было ужасно стыдно предлагать мужчине взять её как-то не так, как обычно. Но ведь это был её мужчина, её любимый, и он страдал, но не искал удовольствия на стороне. Поэтому она решительно прижалась к нему и прошептала ему в губы: — Ален, ну пожалуйста... я же не знаю, как, а ты наверняка знаешь...!

Он вздохнул, опять поцеловал её и стал расстёгивать платье: — давай договоримся: если только ты почувствуешь малейшее неудобство, не боль, Констанца, а просто неприятные ощущения, ты сразу же скажешь мне, поняла?

— Поняла. Не бойся, всё будет хорошо.

Он с сомнением провёл рукой по её голой спинке и вдруг замер: — а где шрамы? — Она вывернула шею, стремясь заглянуть себе на спину, — Констанца, у тебя шрамы разгладились!! — Она удивилась и подумала, что с некоторых пор не чувствует жара, идущего от его руки, когда он гладит её по спине.

Как была, обнажённая, она соскочила с кровати, но опомнилась и прикрылась платьем. На туалетном столике схватила маленькое ручное зеркало и, повернувшись спиной к зеркалу большому, кое-как (живот мешал!) заглянула в него. Шрамов, оставленных кнутом лорда Нежина, не было! Она не верила своим глазам, но от них остались бледно-розовые тонкие полоски.

Констанца подбежала к кровати: — Ален, любимый, это ты!! Ты не верил, что шрамы исчезнут! Говорил, что сила ведьмака не направлена на добро! О, Ален, я люблю тебя, ты самый-самый лучший, самый замечательный! — Она с упоением целовала его, а он, орадованный ничуть не меньше её, горячо отвечал тем же.

Констанца и не заметила, как он поставил её на колени на кровати и велел упереться руками, а сам пристроился сзади, придерживая её за бёдра. Ей опять стало ужасно стыдно, но он шептал, как любит её и как благодарен за эту близость. К её огорчению, он был, хотя и нежен, но тороплив. Констанца немножко обиделась, но он сказал, что после рождения ребёнка всё обязательно будет, как прежде, а пока не стоит рисковать.

Они долго лежали, обнявшись. Приближался обед, в гостиной, за дверью тихо ходила данна Ольга, а Констанце было спокойно и уютно в объятиях Алена и она, незаметно для себя, задремала.

Укрыв её простыней, Ален вышел из спальни и аккуратно прикрыл за собой дверь. Встретив вопросительный взгляд данной Ольгии, он улыбнулся и кивнул: — пусть спит. Обед можно и перенести.

Глава 27

Констанца ещё не успела толком познакомиться с помещьем, как нагрянула леди Эмилия, а с ней три женщины: портнихи и белошвейка. Под строгим взглядом Её милости

они крутили и вертели Констанцу, снимая с неё мерки. Было решено, что свадебное платье сошьют из зелёного, цвета весенней травы, шёлка. Она с затаённым восторгом погладила ладошкой ткань, раскинутую на столе в комнате для шитья. Вкраплённый в неё тонкой золотой нитью узор искрился и переливался на солнце. — Нравится? — леди Эмилия с улыбкой наблюдала за девушкой. Та застенчиво кивнула:

— Очень! Только... Ваша милость, не будет ли такое платье... чересчур роскошным..., - она намекала на свою беременность, и Её милость поняла, нахмурилась:

— даже не думай об этом! Мне кажется, этот цвет будет хорош к твоим волосам и глазам. А теперь посмотрим, что можно сшить из этого шёлка.

В конце концов, они приняли фасон, предложенный портнихами. Перехваченное под грудью и ниспадающее тяжёлыми складками, платье удачно скрывало живот, а глубокий вырез, чуть-чуть приоткрывающий пополневшую грудь и нежную шейку, притягивал взгляд. О чём незамедлительно сообщил Констанце в заалевшее ушко заглянувший в швейную Ален.

Весь день он ездил по деревням, встречаясь со старостами. По его озабоченному виду Констанца поняла, что не всё благополучно на его землях. Она вопросительно подняла брови, глядя на него, но он улыбнулся: — милая, ты будешь самой красивой из невест, когда-либо выходявших замуж! — Она понимала, что это комплимент любящего мужчины, но всё равно слышать было приятно.

Вечером приехал ювелир. Он привёз кольца, которые новобрачные наденут друг другу перед алтарём Всеблагого. У Констанцы захватило дух, таким красивым и изящным было её кольцо. Довольно широкое, но не тяжёлое, потому что состояло из тонкой золотой проволоки с вкраплением сияющих бриллиантов и одного, но крупного, рубина. Кольцо Алена было посромнее, но тоже красивое, повторяющее узор её кольца.

Вместе с леди Эмилией Констанца вчитывалась в строки предлагаемого поварами свадебного меню. Она призналась себе, что, если бы не будущая свекровь, она ни за что не справилась бы с подготовкой к свадьбе. Ей показалось смешным, что она, простолюдинка и дочь кузнеца, должна будет принимать благородных лордов и леди. Правда, Её милость осторожно сказала, что все их знакомые в столице, приглашённые на свадьбу в “Жемчужный Ручей”, под благовидными предлогами отказались, а они с лордом Николсом не стали настаивать. С жалостью глядя на Констанцу, она сказала, что не стоит рассчитывать и на соседей, хотя никто из десятка приглашённых семей пока что не прислал отказа. Та улыбнулась: — Ваша милость, я буду вполне счастлива, если на нашем бракосочетании будете только вы с лордом Николсом и лордом Касилисом! — Про себя она подумала о том, как же сильно она соскучилась по отцу, данне Эдите и её скромном и застенчивом муже, да и ворчливую старую травницу ей тоже хотелось бы увидеть. Она тяжело вздохнула. Может быть, потом, после рождения ребёнка, ей удастся уговорить Алена навестить отца?

Констанца и не представляла, какой поток сплетен и насмешек обрушился на семью дар Бреттонов. Ведь они нарушили все неписанные правила приличия, которым свято следовало общество. Кроме того, бывший Главный королевский дознаватель собирался нарушить закон, запрещающий жениться на девушке низшего сословия! Неважно, что теперь он стал обычным мелкопоместным лордом и жил в захолустье. Те, кто всегда завидовали ему, его влиянию на короля и политику короны, теперь торжествовали. Было совершенно ясно, что лорд Ален больше никогда не появится во дворце.

Однажды, не удержавшись и видя, что Его Величество не вспоминает о лорде Алене,

один из придворных, допущенный на большой королевский приём, имел неосторожность в присутствии короля язвительно заметить, что, возможно, “лорд Ален скучает без своих пыточных подвалов”. Услыхав это, Его Величество дёрнулся, как будто его укололи иголкой и резко ответил, что Ален дар Бреттон честно и, зачастую, с риском для жизни, выполнял свой долг, “за что мы, Рихард IV, питаем к нему величайшее уважение”.

Придворный стусевался, всеми силами пытаясь стать незаметным, но король уже отвернулся и занялся разговором с Её Величеством. А незадачливый лорд более не был допущен на большие королевские приёмы, что послужило уроком всем злопыхателям.

Всё же, во дворце шептались, что Его Величество не одобряет женитьбу лорда Алена, а значит, присутствовать на этой свадьбе нежелательно.

Спустя три месяца Констанца сидела на скамейке парка и с улыбкой вспоминала прошедшие события.

У неё подкашивались ноги, когда она, выйдя из кареты у храма Всеблагого, подала Алену руку, и они двинулись к высоким стрельчатым дверям. Её любимый был очень красив в треконде из винного цвета парчи, в рубашке с белопенным кружевным жабо. Она чувствовала, как он напряжён. Искося посмотрев ему в лицо, Констанца увидела нахмуренные брови и жёстко смотрящие перед собой глаза. Она вздохнула и незаметно чуть сжала пальцы, затянутые в перчатку и лежащие на сгибе его локтя. Уголок его рта дёрнулся в улыбке, и он слегка прижал к себе её руку.

В храм они вошли одни. Таинство бракосочетания совершалось без присутствия посторонних людей. Лорд и леди дар Бреттон, а также лорд Касилиус, прибывший накануне, остались во дворе храма. Сзади них толпились немногочисленные гости: соседи из трёх близлежащих поместий, именитые горожане с семьями. В настежь распахнутые ворота с любопытством заглядывал простой люд, пришедший поглазеть на свадьбу хозяина “Жемчужного Ручья”.

Констанца трепетала, когда шла к алтарю Всеблагого по звонким плитам храма. От алтаря им приветливо улыбался старый сухонький священник. Одетый в белоснежное одеяние, он торжественно простёр руки над их головами. Как во сне она слушала глуховатый голос Алена, обещавший любить её и беречь, быть ей поддержкой и опорой и в горе, и в радости... А затем она сама звенящим от волнения голосом клялась любить мужа и быть ему верной и преданной женой и матерью его детей... Она почувствовала губы Алена на своих губах, а затем он поднял её на руки и вынес из храма. К их ногам бросали цветы, гости окружили их, поздравляя и желая счастья.

Стоя рядом с мужем, Констанца заметила, что он чем-то озабочен. Наклонившись, она с улыбкой заглянула ему в лицо, и он ответил ей таким любящим и открытым взглядом, что она почувствовала себя совершенно счастливой. Она засмеялась: — ты чем-то озабочен, Ален? Скажи мне, ведь я только что поклялась делить с тобой все тревоги и горести!

Среди общего шума, разговоров и смеха он, наклонившись, сказал: — мы с дедом собирались преподнести тебе самый дорогой подарок, но..., - он прервался, взял её за руку и, раздвигая толпу, двинулся навстречу небольшой группе всадников, въезжающей в ворота храма. Сзади них катила карета, запряжённая парой лошадей.

Всадники торопливо спешили, и в самом рослом из них Констанца узнала... лорда Шамила! Радостно вскрикнув, она отпустила руку Алена и бросилась к Его милости Споткнулась, была поймана мужем, но не заметила этого, а схватила лорда Шамила за обе

руки, и, не обращая внимания на осуждающие взгляды благородных леди, вскричала: — о, лорд Шамил! Вы приехали на нашу свадьбу! Действительно, это очень дорогой подарок! Как я рада вас видеть! — Она повернулась к стражникам, с улыбкой глядящим на неё, и узнала тех, кто когда-то сопровождал их с Аленом до столицы. Они поклонились, приветствуя и поздравляя её.

Гости притихли, глядя на них издалека, а лорд Шамил расхохотался: — леди Констанца, — она перебила его:

— Ваша милость, не называйте меня так, прошу вас!

Он упрямо мотнул головой: — леди Констанца, я польщён, что являюсь для вас дорогим подарком, но, всё же, взгляните сюда! — Он отступил и потянул за собой лошадь. За ними, из раскрытой дверцы кареты, задом, неуклюже выбирался крупный широкоплечий мужчина, а высокая сухопарая женщина в платье, висящем как на доске, уже стояла рядом и скептически смотрела на встречу Констанцы и лорда Шамила.

— А-а-ах!! — У Констанцы перехватило дыхание, а в следующую минуту она рванулась к карете и повисла на шее мужчины: — папа!!! Милый, родной, неужели это ты??! — Она, не выпуская отца из объятий, повернулась к женщине: — данна Эдита!! — бросилась в объятия к женщине, смеясь и плача. Потом опомнилась, отступила на шаг, протянула руку мужу: — папа, данна Эдита, познакомьтесь, пожалуйста, с моим мужем, лордом Аленом! — Приехавшие переглянулись. Ален вежливо поклонился, улыбнулся, удержал кузнеца и женщину от поклонов:

— я счастлив видеть вас, данн Даниил и вас, данна Эдита. Прошу вас, садитесь в нашу карету, и едем домой.

Кузнец что-то неловко пробормотал, а данна Эдита с интересом разглядывала Алена.

В карете Констанца не находила себе места от радости. Одной рукой она держалась за руку Алена, а другой — то притрагивалась к отцу, то к данне Эдите, как будто боялась, что они исчезнут. Она засыпала их вопросами, требуя ответить сразу на все. Ей хотелось знать, почему они приехали вместе с лордом Шамилом, как они нашли её, можно ли им пожить в “Жемчужном Ручье” подольше и ещё много других, ответы на которые ей требовалось знать немедленно. Его милость не мешал ей, тихо поглаживая по руке и внимательно вглядываясь в гостей. Его взгляд не смущал данну Эдиту, и она чувствовала себя уверенно, а вот кузнец ёжился, не зная, что сказать и как себя вести. Наконец, он осмелился: — Констанца, ты... такая красивая, нарядная..., и ты здорово поправилась, дочка! Наверно, ты ела гораздо лучше, чем дома?! — Данна Эдита насмешливо фыркнула, Констанца покраснела, ей стало жарко и она беспомощно посмотрела на Алена, не зная, что сказать. Он спокойно обнял её за плечи и притянул к себе, улыбаясь, сказал: — данн Даниил, мы с Констанцей ждём ребёнка, так что совсем скоро вы станете дедом. — Кузнец поперхнулся, покраснел так сильно, что его лицо, опалённое жаром горна, стало бурого цвета. Он растерянно переводил взгляд с дочери на её улыбающегося мужа:

— но... как же... вы ведь только сегодня поженились!

Тут уж заулыбалась Констанца, а Ален сказал: — Мы знали, что обязательно поженимся, данн Даниил. Поверьте, я очень люблю вашу дочь и надеюсь, что вы простите меня. — Кузнец сокрушённо покачал головой, а Ален протянул ему руку, вопросительно глядя на него. Даниил, помедлив, протянул свою, и тонкие длинные пальцы лорда утонули в широкой жёсткой ладони.

Потом было свадебное застолье, и Констанца опять не могла поговорить с отцом и данной Эдитой. Их усадили на почётные места, рядом с Аленом, а около неё сидели лорд Касилис и родители мужа.

Дед был очень оживлён и с любопытством поглядывал на Даниила. В конце концов, когда гости, выпив немало вина и насладившись великолепными блюдами, приготовленными поварами дар Бреттонов, специально привезёнными леди Эмилией, шумно обсуждали последние новости и сплетни королевства, Констанца вдруг увидела, что лорд Касилис сидит рядом с её отцом и внимательно слушает его. Она удивилась: ведь кузнец никогда не отличался разговорчивостью. Её, как громом поразило: отец обращался к Его милости по имени — Касилис! — Она дёрнула Алена за рукав: — ты видишь?? — Он засмеялся, наклонившись, шепнул на ухо:

— кажется, твой отец совсем не глуп, раз ему удалось заинтересовать деда! Посмотри, с каким жаром они о чём-то спорят!

Констанца окончательно потеряла дар речи, когда увидела, как степенно беседуют лорд Николс и данна Эдита. Она подумала, что они даже в чём-то похожи: оба некрасивые, но с благородной осанкой, преисполненные чувства собственного достоинства, холодноватые, не склонные к проявлениям эмоций.

Ален потянул её за руку, и ей пришлось встать. Он громко, перекрывая шум, сказал: — дорогие гости, мы с Констанцей благодарны вам за то, что вы почтили нас своим вниманием. Надеемся и впредь видеть вас в своём доме. Теперь позвольте нам откланяться! — Он предложил ей руку и повёл из парадного столового зала вдоль столов, из-за которых на них смотрели любопытные глаза.

Они торопливо поднялись в большую комнату, которая стала их общей спальней. Констанца устало опустилась на кровать, а Ален бросился в кресло, глядя на неё блестящими чёрными глазами. Ей хотелось поскорее избавиться от тяжёлого платья, целого вороха накрахмаленных нижних юбок, а также тяжёлой диадемы, торжественно врученной ей леди Эмилией. Чуть приподняв юбки, она подрыгала ногой, стараясь скинуть туфли, красивые, украшенные пряжками с драгоценными камнями. Ноги немного отекали, и туфля не снималась. Подскочивший Ален сдёрнул туфлю и медленно повел рукой вверх по ноге, глядя ей в лицо загоревшимися глазами. Констанца наклонилась, обвила его за шею руками, уткнулась лицом в жёсткие чёрные волосы, вдохнула запах его тела, прошептала: — я такая счастливая, Ален! — Он потёрся чуть колючей щекой об её руку: — я тоже счастлив, родная. И я люблю тебя, Констанца! — Он помолчал: — а ты меня любишь? — она засмеялась, потянула его за волосы, а когда его голова запрокинулась, легко поцеловала, а потом куснула за нижнюю губу. Он зарычал, опрокинул её на постель и принялся целовать, постепенно спуская платье с плеч. Она продолжала смеяться: — Ален, ты не сможешь выколупнуть меня из платья, оно очень плотно на мне сидит. Придётся звать служанку.

У неё теперь была новая служанка, молоденькая смешливая девушка, немного безалаберная и рассеянная, но Констанца надеялась, что со временем это пройдёт.

— Ну нет, служанку звать не будем! В конце концов, я могу и разорвать это платье! Зачем оно тебе? Или ты ещё раз собираешься замуж выходить? — Он помог ей избавиться от платья, юбок и корсета и они ещё некоторое время баловались, наслаждаясь своим новым положением, а потом любили друг друга и, несмотря на усталость, долго не могли заснуть. Ребёнок время от времени шевелился, а Ален сказал, что он даже чувствовал маленькую ступню, когда прижимался щекой к животу. Они немного поговорили о родах, и он заявил,

что будет рядом, чтобы держать её за руку. Констанца пришла в ужас и сказала, что тогда она отказывается рожать. Он засмеялся, а потом и она присоединилась к нему.

Ей не давало покоя любопытство. Неожиданный приезд дорогих ей людей в сопровождении лорда Шамила — ей хотелось узнать все подробности. И Ален рассказал, что они с дедом давно мечтали порадовать её. Идея приурочить приезд отца и данны Эдиты принадлежит лорду Касилису. Он же оплатил отправку почтового голубя лорду Шамилу с поручением от Алена. В связи с невозможностью отправить большое письмо, пришлось ограничиться несколькими фразами: нанять карету, забрать в деревне Вишняки кузнеца Даниила и жену священника данну Эдиту и срочно, к указанной дате, доставить в поместье “Жемчужный Ручей”. Оказывать знаки внимания и уважения. Шамил, замечательный человек, выполнил всё в точности. Так и получилось, что дорогие гости прибыли как раз вовремя.

Констанца повернулась на бок, повозилась, укладываясь головой на его плече: — наверно, они были напуганы, ведь Его милость не мог им ничего объяснить, да? — Ален привычно провёл гибкими пальцами по шрамам на её спине, с удовлетворением отметил, что почти не чувствует их:

— да, наверно, но я не мог ничего написать Шамилу. Сама понимаешь, голубь не унесёт тяжёлое письмо. Правда, Шамил сказал, что потом, уже в Холмске, он узнал, к чему такая спешка и сообщил данну Даниилу и женщине, что их везут на твою свадьбу.

Лорд Шамил со своими стражниками уехал на следующий день, но перед этим Констанца взяла с него честное — расчестное слово, что он будет их навещать. Его милость обещал приехать на имянаречение их ребёнка, и Констанца опять покраснела: вот и для него её беременность — не тайна. Он расхохотался и шепнул в заалевшее ушко: — леди Констанца, моя жена выносила троих ребятшек, поэтому женщину в интересном положении я вижу сразу! — Она хотела то ли обидеться, то ли рассердиться на такое откровение, но не выдержала и сама засмеялась, а он подмигнул ей и сказал: — ну так как? Приглашаете на имянаречение? — Она кивнула и, помедлив, обняла его на прощанье.

Потом она вдосталь наговорила с отцом и данной Эдитой. Они, действительно, были поражены и напуганы, когда рано утром в Вишняки ворвались всадники, за которыми ехала карета. Лорд Шамил вежливо, но непреклонно приказал им немедленно собираться. Он получил распоряжение в кратчайшие сроки доставить их в столицу. На вопрос, от кого исходит такой приказ, он сообщил, что получил письмо от самого Главы Тайного Совета. Данна Эдита добавила: — тогда мы с твоим папой немного успокоились, ведь мы знали, что ты служишь у Его милости. — Покачав головой, кузнец добавил:

— но, Констанца, всё же было как-то боязно: неужели ты что-то натворила? Но все стражники с нами хорошо обращались, мы ночевали на постоянных дворах, в хороших комнатах. Только очень спешили, выезжали всегда рано утром. А потом, в Холмске, к нам в карету сел лорд Шамил и сказал, что только что ему стало известно: данна Констанца выходит замуж, поэтому ему приказано привезти нас на свадьбу. Знаешь, дочка, мы опять расстроились: неужели ты за Главу Тайного Совета выходишь? Тут, конечно, ничего не поделаешь, может, он принудил тебя, да нам-то с данной Эдитой тебя жалко было. Ты ведь писала, что он старый, а ты молоденькая, красивая. И мужа бы тебе надо молодого, да чтоб любил тебя и ты его тоже. — Такая длинная речь была необычна для кузнеца, и Констанца поняла, как же сильно он был взволнован. Они одни сидели в гостиной, поэтому она

вскочила с кресла и пересела к отцу на диван. Крепко обняв, она прижалась к его груди головой: — я так соскучилась, папа! Теперь-то ты успокоился? Ален меня любит, и я его тоже. Он тебе понравился? — Она повернулась к своей наставнице: — а вам, данна Эдита, мой муж нравится?

Та поджала бледные губы, задумчиво кивнула: — да, кажется, лорд Ален — неплохой человек, по крайней мере, лучше многих из тех, кого я знала. Но, Констанца, он ведь, кажется, Главный королевский дознаватель? Не слишком ли высоко ты взлетела, моя милая? Я опасаясь за твоё будущее...

— А-а... как — королевский дознаватель!?? — Даниил вскинул голову, переводя тревожный взгляд с женщины на Констанцу. Дочь взяла его за руку:

— папа, всё хорошо, Ален ушёл со службы, потому что король не разрешал ему жениться на мне.

Данна Эдита со стоном закатила глаза под лоб: — ах ты, глупышка! Да и муж твой не умнее! Как вы посмели пойти против короля! — Кузнец растерянно моргал глазами, а женщина продолжала: — известно ли тебе, Констанца, что стало с теми лордами, которые пошли против короля? Даже наш лорд Нежин побывал в подвалах Ведомства Дознания и вышел оттуда наполовину седым. Его счастье, что он не участвовал в заговоре, но виноват в том, что не донёс о заговорщиках, хотя и знал. Король пощадил его, но отобрал большую часть земель, в том числе и нашу деревню. Теперь он почти нищий, а мы принадлежим короне.

Констанца не знала, нужно ли рассказывать им о своём участии в освобождении лорда Нежина и о том, что именно расследование Алена привело на плаху заговорщиков. Она замялась, но в это время распахнулась дверь, и весёлый голос Алена спросил: — а о каком нищем идёт разговор? И нельзя ли мне присоединиться к вашей дружной компании?

Констанца радостно бросилась ему навстречу и увидела, как счастьем и лаской вспыхнули чёрные глаза. Она на секунду прильнула к нему и облегчённо вздохнула: Ален обязательно найдёт нужные слова, всё объяснит и успокоит дорогих ей людей. Так оно и вышло.

Спустя две недели они уехали. Все эти дни лорд Касилис жил в поместье, и Констанца с Аленом удивлялись, что общего у него с неграмотным кузнецом. Кажется, обоими ими двигало любопытство. А Констанца подолгу гуляла в парке с данной Эдитой, порой присаживаясь на скамейки, когда уставали ноги. Она откровенно рассказала той обо всём, что довелось ей пережить за этот год. Строгая, выдержанная данна Эдита не раз всплакнула украдкой, слушая о том, что довелось пережить воспитаннице. Теперь она волновалась за будущее молодой семьи, и Констанца, как могла, успокаивала её.

Потом они уехали, и Констанца с мужем провожали их до Холмска. Ален возражал, потому что приближался срок родов, но она настояла на своём.

Воспоминания вызвали на лице Констанцы улыбку, но надо было возвращаться домой. Их с Аленом драгоценное дитя, крохотная Лиззи, наверняка проснулась и требует маму.

Она смущённо вспомнила события, предшествующие рождению малышки.

Констанца чувствовала, что её время вот-вот наступит. Ночами Ален чутко отзывался на любое её движение и тут же поднимал голову с подушки. Ей было жаль его, и она старалась не шевелиться, но ночами становилось особенно тяжело: затекала спина, болели ноги, невозможно было найти удобное положение. Её милый очень уставал. Целые дни он

проводил в разъездах, встречался с арендаторами в деревнях, выслушивал их жалобы и просьбы. Много вопросов к нему было у горожан. Ален узнал, что без должного присмотра поместье стало приходить в упадок, старосты и ростовщики разоряли крестьян и ремесленников. В городках, находящихся на его землях, градоправители безнаказанно установили свои, выгодные им, законы. Все требовали его внимания и помощи, но всё же, последние две недели перед долгожданным событием, Ален старался не уезжать далеко и часто навещался домой или присылал посыльного.

Лучшая городская повитуха, немолодая и не очень опрятная женщина, побывала у Констанцы и заверила её, что всё будет хорошо, она всегда дома и только ждёт гонца из “Жемчужного Ручья”.

Ален поморщился при виде её, но ничего не сказал. А через месяц приехала леди Эмилия. Вместе с ней прибыл недовольный и сердитый лорд Викториан. Он осмотрел Констанцу и сухо сообщил, что всё идёт, как надо, и не сегодня-завтра она будет рожать.

Леди Эмилия была весела и довольна, а на хмурый вид знаменитого лекаря посоветовала не обращать внимания.

Вечером к парадному подъезду подкатила ещё одна карета и из неё, нарочито кряхтя и стеновая, вылез лорд Касилис.

Констанца была искренне рада ему, а Его милость, укоризненно поглядев на живот, сказал: — ну что же ты, Констанца? Я-то надеялся, что ты встретишь меня с малышом на руках! — Она смутилась, улыбнулась и пожала плечами, а он похлопал её по плечу: — ладно-ладно, это я неудачно пошутил, не обижайся на старика. Сама понимаешь, мы все на нервах. — Она не обижалась, а подхватила его под руку и повела в малую гостиную.

А ночью начались роды.

Боль усиливалась, и Констанца с ужасом, в промежутках между схватками, думала, что скоро не сможет удержаться от крика. Хмурый лорд Викториан, в одной рубашке с засученными рукавами, сидел у окна и, отвернувшись, смотрел на далёкие крыши города.

Около постели Констанцы стояли Ален, леди Эмилия и лорд Касилис и, перебивая друг друга, убеждали её оставить глупые и несвоевременные капризы и разрешить лорду Викториану принять у неё ребёнка. Та, бледная, с разметавшимися по подушке мокрыми от пота волосами, с дорожками слёз по щекам, упрямо смотрела в стену и требовала позвать повитуху. Кажется, только Ален понимал причину её нежелания принять помощь Его милости.

Леди Эмилия была в отчаянии. Ей стоило больших трудов уговорить лорда Викториана приехать в поместье, и вот, пожалуйста! Всегда покладистая и уступчивая Констанца стояла насмерть. Только повитуха. А Его милость потом посмотрит, чтобы с ребёнком было всё благополучно.

Ален склонился над её изголовьем, прошептал: — родная моя, девочка моя ясноглазая, ну что же ты меня мучаешь? — Она повернула голову, взглянула на него, также, шёпотом, ответила:

— я не могу, Ален, как ты не понимаешь?? Я умру от стыда!! Я не могу, нет, ни за что на свете!! — Она опять заплакала.

Лорд Викториан, украдкой отсчитывающий время между схватками, решительно поднялся на ноги, громко сказал: — прошу всех выйти! — К нему повернулись в растерянности, было лишь слышно, как всхлипывает Констанца. — Я сказал, всем выйти! —

Повторил лекарь.

Присутствующие нехотя, оглядываясь на Констанцу, двинулись к двери. Его милость громко захлопнул за ними дверь и, мрачнее тучи, повернулся к роженице: — ну? Может быть, ты прекратишь истерику, и мы займёмся, наконец, делом? — Та возмущённо посмотрела на него, дрожащим голосом сказала:

— почему... вы так грубо... разговариваете со мной, Ваша милость?

Склонившись над ней, он резко сказал: — да потому, что ты маленькая идиотка! Из-за глупой стыдливости ты готова погубить и себя, и ребёнка! Муж избаловал тебя, а, на мой взгляд, тебя надо бы на конюшне пороть хотя бы раз в неделю! — Она ошарашенно смотрела на него широко раскрытыми глазами: — решай, — презрительно сказал он, — или мы с тобой сейчас будем рожать, или я немедленно уезжаю, а что будет с тобой — я знать не хочу! Пусть к тебе привезут грязную бестолковую бабу, и, если что-то пойдёт не так, вы с ребёнком погибнете оба! Ну??

Она потупилась, уже сдаваясь: — я... не могу..., вы мужчина... и...и...

— О-о-о!! Да ты, действительно, идиотка!! — Он схватился за голову, — где ты видишь мужчину, дурочка??! Я мужчина лишь в постели с собственной женой, да и то, в последнее время, не всегда из-за таких вот истеричек, которые всю душу вынут!! Уеду из столицы, к нечистикам, и буду спокойно жить в поместье, лишь бы не видеть таких вот избалованных мужьями девчонок! — Он передохнул и уже спокойно спросил: — ну так как? Мне уезжать?

Констанца крепко зажмурила глаза и пробормотала: — останьтесь, пожалуйста, Ваша милость...

Он облегчённо вздохнул, приоткрыл дверь и сказал людям, напряжённо глядящим на него: — пусть принесут много тёплой воды, чистые простыни и полотенца. — Две женщины-служанки, стоящие в отдалении, у открытой двери гостиной, не ожидая распоряжения, устремились к лестнице. Вскоре они несли тазы с водой и стопку чистого белья.

Лорд Викториан хотел уже скрыться за дверью, когда Ален задержал его: — Ваша милость, позвольте мне войти. Я хотел бы быть рядом с Констанцей!

Тот вспыхнул, закричал: — никогда! Вы слышите, лорд Ален, никогда мужчины не будут присутствовать при родах! Я этого не допущу! Это вам не представление в театре, а тяжёлое и кровавое зрелище! Нечего вам нервировать девчонку, ей и так не сладко! — В спальне вскрикнула Констанца, и Его милость с грохотом захлопнул дверь под носом у Алена.

Тот, побелевший, с серыми губами, тяжело опустился на подвернувшийся пуфик. Леди Эмилия, нервно ломая пальцы, быстро ходила по гостиной. Лишь лорд Касилис спокойно сидел на диване у окна.

Схватки слились в одну сплошную боль, разрывающую тело. Констанца пыталась терпеть, но крик так и рвался из груди. В какой-то момент, открыв глаза, она увидела сидящего у постели лорда Викториана. Он аккуратно вытирал салфеткой пот и слёзы на её лице. Встретившись с ней взглядом, улыбнулся: — всё идёт хорошо, Констанца, твой малыш вот-вот увидит свет. Вот, выпей немного вина, оно придаст тебе сил, — он приподнял её голову вместе с подушкой и поднёс к губам бокал с красным сладким вином. Она уже не обращала внимания, что лежит с широко раздвинутыми ногами, с задранной до пояса рубашкой. Краем сознания отметила, что его большие белые, чисто вымытые руки осторожно исследуют её тело. Она почувствовала, как лекарь ввёл два пальца в её лоно, но

больно не было.

Крики прекратились, и люди в гостиной напряжённо прислушались. И, вот оно — слабый писк младенца оповестил о рождении новой жизни.

Леди Эмилия без сил упала в кресло, лорд Касилис выпрямился, глядя на закрытую дверь, а Ален решительно потянул за ручку: лорд Викториан спокойно мыл в тазу окровавленные руки, укрытая простынёй бледная обессиленная Констанца, со спутанными, влажными волосами слабо улыбалась ему с кровати, а на небольшом столике у окна служанка пеленала попискивающего младенца.

Лекарь с улыбкой обернулся к Алену: — Ваша милость, поздравляю вас с рождением дочери!

Войдя в дом, Констанца торопливо поднялась в детскую. Лиззи, немного подросшая, с пухлыми ручками и ножками, весело лепетала что-то своё лёжа на диване, под присмотром бдительной няни. Рядом, на корточках, сидел Ален. Девочка крепко держала отца за палец, а он осторожно поглаживал ножки, животик, тонкие волосики на головке, ласково и негромко разговаривая с ней. Они оба были абсолютно счастливы, и Констанца задержалась у дверей, не желая им мешать. Ален поднял голову, мягко улыбнулся: — мама говорит, что Лиззи очень похожа на их с отцом дочь, — Констанца поняла. Он говорил о своей, умершей в младенчестве сестре. Леди Эмилия, тяжело пережившая её смерть, увидела те, родные черты, в крохотной внучке, которую любила без памяти.

Констанца присела на диван, расстёгивая лиф специально сшитого для удобства кормления платья. Няня подала ей дочь, которая нетерпеливо сучила ножками и сразу же припала к груди, торопливо плотая и захлёбываясь. Ален погладил пальцем пухлую, как будто перевитую у запястья ниточкой ручонку. Дочь оторвалась от груди и, повернув голову, беззубо заулыбалась. — Не мешай, Ален! — Строго сказала Констанца, — пусть ест, потом поиграете.

Эпилог.

— Ваша милость! Ваша милость! — Опрятно одетый подросток бежал по дорожке сада навстречу Констанце, — там два лорда спрашивают Его милость!

Передав Лиззи на руки няне, Констанца торопливо встала со скамейки. Сегодня девочке исполнилось два года. Гостей не ждали, лишь обещали подъехать родители Алена, да лорд Касилис. Лорд Викториан тоже хотел побывать у них, если позволят его больные. Неизвестные люди насторожили её.

Она на ходу осмотрела себя: кажется, Лиззи не испачкала её. Дочь всё утро играла на лужайке со щенком неизвестной породы, подаренным ей отцом, потом они с няней ходили собирать крупные спелые ягоды клубники, некоторые из них давились, пачкая ручки и щёчки, а затем подошёл пятилетний внук садовника и стал учить маленькую Её милость выбирать из лунки под кустом жимолости красных дождевых червей для рыбалки. Но тут Лиззи обнаружила, что очень устала. Она подошла к маме и попросилась на ручки. Да так и уснула, положив черноволосую головку матери на плечо.

Теперь Констанца торопилась к неожиданным гостям, на ходу поправляя кокетливую кружевную шляпу, бросающую лёгкую ажурную тень на её лицо. Она провела руками по бёдрам, расправляя складки простого летнего платья из батиста цвета сливочного масла. Чуть-чуть помято, но, хвала Всеблагому, Лиззи нигде не оставила ягодных пятен. Скорей бы

приехал Ален! Он был в соседней деревне, всего-то в полутора роенах от дома. Там староста, недавно назначенный Его милостью, развернул кипучую деятельность. Он решил, что деревня займётся разведением гусей, благо, река, то-бишь Жемчужный Ручей, протекала неподалёку. Ален поддерживал начинание и поехал передать старосте небольшую сумму денег для покупки породистых птиц.

Констанца вышла из калитки сада и увидела двух незнакомцев на больших и красивых лошадях. Она ничего не понимала в породах лошадей, но и ей было ясно, что кони очень породистые и очень дорогие. Сами незнакомцы ничего из себя не представляли. Довольно молодые, один излишне полный, как ей показалось, одеты в простые серые треконды и чёрные кожаные брюки. Она улыбнулась про себя, представив, как же жарко в такой одежде летним днём. Её Ален давно уже одевается удобно и по погоде. Вот и сегодня он уехал в жилете-безрукавке поверх рубашки и брюках из тонкой шерсти.

Незнакомцы выжидающе смотрели на неё, и ни один из них даже не подумал слезть с коня и поклониться хозяйке, как оно и приличествует. Более того, они смотрели на неё холодно и высокомерно. Констанца была поражена такой неучтивостью, но, подойдя ближе, присела в вежливом реверансе, приветствуя гостей. В конце концов, она не переломится, а эти мужчины не похожи на лордов из соседних поместий. Они лишь кивнули ей — какая наглость! — Возмущённо подумала Констанца, но сдержалась. Один из мужчин, полный, с холодным и надменным взглядом, сказал: — так вот вы какая, леди...Констанца! А где же ваш муж?

Безмятежно, хотя в груди всё кипело, она ответила: — лорд Ален скоро будет, он уехал в соседнюю деревню, но обещал не задерживаться. А пока, прошу вас, Ваша милость, проходите с вашим спутником в дом. Я распоряджусь, чтобы вам подали напитки.

Мужчины переглянулись и спешили. Констанца кивнула головой выглянувшему из конюшни конюху, который подбежал и с поклоном принял поводья из рук всадников.

В малой гостиной она предложила мужчинам удобные кресла и, извинившись, покинула их, чтобы распорядиться о напитках. Правда тот, полный, потребовал только бокал холодной воды, что и было выполнено.

Она немедленно отправила слугу за Аленом, а сама вернулась к гостям. Те тридцать минут до приезда мужа показались ей сущей пыткой. Гости не назвали ей своих имён, а лишь вскользь сказали, что они давние друзья Его милости. Она усомнилась в их дружеских отношениях, потому что никогда не видела их раньше. Они с любопытством рассматривали скромное убранство гостиной, не стесняясь, разглядывали и её. Бесцеремонные расспросы об их деревенской жизни окончательно возмутили, а уж когда второй мужчина, который всё время молчал, вдруг спросил, неприятно усмехаясь: — наверно, лорд Ален клянёт на чём свет короля за то, что ему пришлось уйти со службы? — она вспыхнула:

— я думаю, Ваша милость, вам должно быть стыдно наговаривать на моего мужа! Во всём королевстве не найти более верного и преданного Его Величеству человека, чем лорд Ален! Он не раз рисковал жизнью и Его Величеству, я думаю, не в чем его упрекнуть! — Мужчины переглянулись и расхохотались, а первый, самый разговорчивый, мягко сказал:

— вы совершенно правы, леди Констанца. А тебе, Франц, урок — не задавай глупых вопросов. — Тот усмехнулся уголком рта, глядя на собеседницу. Она ответила ему твёрдым взглядом.

В холле раздались быстрые шаги, и Констанца вспыхнула от радости. Ален широко распахнул двери, вошёл, и... согнулся в низком поклоне! Она остолбенела, глядя на мужа, а

тот сказал: — Ваше Величество, я в растерянности... — Король перебил его:

— Не надо, Ален! Мы рады видеть тебя в добром здравии и полном сил. Садись и расскажи нам, как ты жил эти два года. Сразу скажем — мы без тебя жили плохо.

Ален кивнул второму гостю: — приветствую тебя, лорд Франц.

Король засмеялся: — ты бы его не приветствовал, а выгнал взащей, если бы видел, до какого состояния он довёл твою жену!

— Что такое? — Ален нахмурился, чёрные глаза блеснули угрозой, — ты оскорбил Констанцу, Франц?

— Нет-нет, Ален, никто меня не оскорблял! — Она всполошилась, совершенно не желая ссоры и зная, почему муж старается оградить её от неприятных переживаний: она опять была беременна.

Но Ален продолжал смотреть в глаза лорду Францу, и тот суетливо сказал: — не беспокойся, твоя жёнушка дала мне достойный отпор.

После долгих и пустых разговоров ни о чём, во время которых Констанца с удивлением думала, что, видимо, королю совершенно нечем заняться, раз он в сопровождении всего лишь одного человека едет в поместье к изгнанному лорду, Его Величество сказал, наконец, о цели своего приезда:

— Ален, мы хотим, чтобы ты вернулся на службу.

Тот опустил глаза: — вы прекрасно знаете, Ваше Величество, что это невозможно.

Констанца затаила дыхание. О, как бы она хотела, чтобы король забыл женитьбу Алена на простолюдинке и разрешил ему вернуться в Ведомство Дознания! В этот момент она совершенно не думала о высоком жалованье и приёмах во дворце. Ей до слёз было жалко мужа. Она знала, как он скучал по службе, по жизни, полной опасностей. Он никогда не говорил ей об этом, но чуткое любящее сердце подсказывало ей, что он слишком молод для того, чтобы жить затворником в своём поместье.

Вот почему она, стиснув у груди руки, зачарованно смотрела на короля. Почувствовав её взгляд, Его Величество усмехнулся и сказал: — это будет возможным, Ален, после того, как твоя Констанца станет дочерью лорда.

Ален хмуро смотрел на короля, и тот пояснил: — её удочерят.

— Кто же?

— Лорд Нежин.

Ален шумно выдохнул, взгляд стал растерянным. Констанца, ничего не понимая, смотрела на короля во все глаза. Улыбка слегка тронула его губы: — как нам помнится, он её должник. Мы вызвали его в столицу и напомнили о долге. Он не возражает. А вы?

— Я в растерянности, Ваше Величество, — Ален пожал плечами.

— Тогда решать будет Констанца! — Король сурово посмотрел ей в глаза: — я слушаю тебя?

У неё задрожали губы, но она взяла себя в руки, решительно сказала: — я согласна, Ваше Величество, если это поможет Алену вернуться на службу! Только..., - она замялась, король молча смотрел на неё, ожидая продолжения, — только как же мой настоящий отец?

— Пф! — Фыркнул Его Величество, — причём тут твой отец? Лорд Нежин удочерит тебя, но это не значит, что ты переезжаешь жить к нему или приобретаешь какие-либо обязанности в отношении его. Так, формальность, дающая тебе право официально

принадлежать к благородному сословию.

— Да! Да, Ваше Величество! — Несусветная радость захлестнула её. Ведь Ален вернётся на службу, его жизнь станет снова полнокровной и насыщенной событиями. А их любовь никуда не денется, она уверена! Констанца опустила перед королём на колени, её голос дрожал от волнения: — Ваше Величество, я не нахожу слов, чтобы выразить ту благодарность, какую я испытываю к вам! Ведь Ален... — она поправилась, — лорд Ален будет рад вернуться на службу! Не ради жалованья, Ваше Величество, не подумайте, — она смутилась, заторопилась, глядя на короля умоляющими глазами.

Король задумчиво смотрел на Констанцу: — а знаешь, Ален, если бы мы не были женаты на Её Величестве, мы попробовали бы увести у тебя твою жену... А жалованье..., что ж, оно тоже не помешает, мы думаем. Встаньте, леди Констанца. Через три дня мы ждём вас с мужем во дворце.

В малой королевской приёмной было пусто. Лишь доверенный секретарь Его Величества торопливо встал из-за обыкновенной канцелярской конторки навстречу вошедшим Алену и Констанце, с достоинством поклонился: — лорд и леди дар Бреттон, прошу подождать, его Величество примет вас чуть позже!

Констанцу терзало любопытство: всё же ей первый раз в жизни довелось попасть в королевский дворец.

До приёмной они дошли какими-то закоулками и пыльными коридорами. На её вопрос, почему они идут там, где даже слуги не ходят, Ален, досадливо дёрнув плечом, ответил: — не хочу, чтобы придворные видели меня в качестве просителя! И, родная, ты точно хочешь этого удочерения? Может быть, ну её к Мрачному Косарю эту мою службу! Разве нам плохо в “Жемчужном Ручье”? Мы с тобой не богаты, но детям есть, что оставить, да и родители с дедом не вечные. А, Констанца?

О-о, она знала, что он горд и самолюбив, но знала также и то, что ему тяжело чувствовать себя на обочине жизни, поэтому Констанца, исполненная решимости, потянула его за руку: — Ваша милость, возвращаться на службу, или нет, это вы решите позднее, а сейчас мы должны испортить настроение лорду Нежину!

В кабинете Его Величества звякнул звонок, и секретарь торопливо скрылся за дверью. Спустя минуту он пригласил их войти и аккуратно прикрыл за ними дверь.

Констанце ужасно хотелось разглядеть убранство королевского кабинета, но она понимала, что глазеть неприлично. Стоящий к ним спиной высокий мужчина отступил в сторону, обернулся. Она увидела насмешливые глаза лорда Нежина, а из-за большого стола для письма на них с интересом смотрел Его Величество.

Её враг издевательски поклонился, а она присела в низком реверансе перед королём. Рядом кланялся Ален, не обративший на дар Кремона никакого внимания.

— Ну что же, почти все в сборе, — Его Величество, с улыбкой наблюдая за ними, звякнул серебряным колокольчиком. Вошедшему секретарю приказал: — зови его, Тимоти. — Тот, поклонившись, вышел, придержал за собой дверь. В неё важно вплыл чрезвычайно толстый, ярко одетый розовощёкий мужчина. Он сделал вид, что низко кланяется королю, но громадный живот не позволял. Тогда он постарался как можно ниже склонить голову, но тройной подбородок упирался в жирную грудь. Констанца с трудом удержалась, чтобы не фыркнуть смешливо. Его Величество строго посмотрел на неё, но она

видела, что его губы дрогнули в улыбке. Тем не менее, он сказал: — мы рады видеть вас, лорд Кенинглас. Вот те люди, которые нуждаются в ваших услугах.

Ален и лорд Нежин стояли с каменными лицами, не глядя друг на друга. Забавляясь, Его Величество произнёс: — лорд Кенинглас, позвольте представить вам данну Констанцу, жену лорда Алена. Именно её желает удочерить лорд дар Кремон. — Она видела иронический взгляд короля, направленный на насупленного лорда Нежина и хмурого Алена.

Лорд Кенинглас, стряпчий королевской семьи, важно прошествовал к конторке у окна кабинета. Из богато изукрашенного сундучка он извлёк большую книгу, с золотыми чеканными застёжками, переплетённую в телячью кожу. Не торопясь, с осознанием собственной значимости, он заполнял страницу в книге благородных семейств королевства Семи Холмов.

Два лорда молча стояли рядом. Констанца украдкой нащупала руку Алена, он тихонько пожал её и отпустил. Король поднял голову от бумаг на столе: — данна Констанца, мы разрешаем вам сесть, — Ален легко подтолкнул её к креслу. Она послушно опустилась в него, исподтишка рассматривая лорда Нежина.

Да, отец был прав. Её мучитель очень изменился. Он поседел и похудел, скорбные морщины пролегли от уголков рта, но глаза, по-прежнему, смотрели насмешливо и вызывающе.

Лорд Кенинглас посыпал песком заполненную страницу. Полюбовавшись на написанное, подхватил книгу и осторожно положил её перед королём. Тот, не торопясь, пробежал глазами страницу и кивком головы подозвал лорда Нежина. Мужчина подошёл, не читая, размашисто расписался под текстом и шагнул назад, не поднимая глаз.

Его Величество весело произнёс: — ну-с, супруги дар Бреттоны, ваша очередь! — Поставивший свою подпись Ален передал перо жене. У Констанцы так дрожали руки, что она с трудом могла расписаться. Король встал, повозившись с замком небольшого шкафа, вынул из него большую королевскую печать и, тщательно примерившись, шлёпнул её на подписи лордов и Констанцы. Лорд Кенинглас с поклоном принял из королевских рук книгу и аккуратно уложил её в свой сундучок. Кланяясь, он задом вышел в дверь.

Его Величество холодно и презрительно сказал: — лорд дар Кремон, мы разрешаем вам удалиться. — Тот низко поклонился, тихо проронил:

— Ваше Величество, надеюсь, мой долг леди Констанце исчерпан?

Она увидела, как глаза её мужа вспыхнули гневом, и предостерегающе схватила его за руку. Король усмехнулся: — мы допускаем, что леди Констанца не имеет более к вам претензий, но ваша дружба с заговорщиками по-прежнему вызывает подозрения. Избавьте нас, лорд Нежин, от вашего присутствия! — То снова поклонился и вышел из кабинета.

Король облегчённо вздохнул: — садись, Ален, не стой над душой! Ну, ты доволен? А вы, леди Констанца? — Ален усмехнулся:

— благодарю вас, Ваше Величество, ваша милость к нам безгранична!

— Ну да, ну да, — король покивал головой, — надеюсь, завтра ты приступишь к своим обязанностям! — Констанца, которой и слова вставить не удалось, испуганно посмотрела на короля. Тот поморщился: — вы уж меня простите, леди, я всё забываю, что Ален теперь семейный человек. Конечно, вам надо время на сборы. Кстати, лорд Главный королевский дознаватель, ваша семья может занять ваш прежний городской дом. Я выкупил его и снова дарю тебе. — Он фыркнул: — надеюсь, это в последний раз!

Им пришлось спешно вернуться в Орегонию. Констанце было жаль расставаться с “Жемчужным ручьём”. Маленькая Лиззи капризничала, не желая уезжать из поместья, где в её распоряжении был весь дом, сад и балующие её слуги. Лишь напоминание о бабушке и двух дедах, которые с нетерпением ждут внучку, примирило её с отъездом.

Почти месяц Ален с семьёй жил в резиденции лорда Касилиса. Городской дом нуждался в ремонте, нужна была и новая мебель.

Лиззи быстро освоилась на новом месте, и вскоре её звонкий голосок разогнал чопорную тишину старого особняка.

Целыми днями Ален пропадал в Ведомстве Дознания, приезжал поздно, усталый и несчастливый. Констанца радовалась за него и прислушивалась к ребёнку, который уже заявлял о себе то тошнотой по утрам, а то неожиданным желанием съесть, например, отвратительно пахнущую мелкую рыбёшку с забавным названием “лупоглазка”. Иногда приезжал лорд Викториан, ворчливый и недовольный. Кричал на Констанцу за то, что она берёт на руки Лиззи. Та не считала, что дочь тяжела для неё, но лекарь был иного мнения. Он нажаловался Алену, и муж строго запретил брать девочку на руки.

Вместе с данной Ольгией Констанца возобновила прогулки по большому столичному базару. Однажды на ступенях овощной лавки она увидела высокого измождённого мужчину. Он с надеждой смотрел на дверь, ожидая хозяина. Констанца знала, что этот человек хотел бы получить какую-нибудь работу. Но, внезапно, она поняла, что он ей знаком. В следующую минуту она уже схватила мужчину за руку: — данн Джеймс!! Что вы здесь делаете?? — Он удивлённо посмотрел на неё, а потом искра узнавания мелькнула в его усталых глазах:

— Констанца! Маленькая Констанца! Ты жива, девочка! Как я рад, что тебе удалось скрыться от нашего хозяина! — Она оттащила его от дверей лавки, на которую он продолжал с надеждой поглядывать. В следующие несколько минут Констанца узнала, что Джеймс, вместе с большинством стражников лорда Нежина, был уволен со службы после того, как король отобрал у Его милости значительную часть земель. Сам лорд вернулся из подвалов Ведомства Дознания седым и со следами пыток. Он утратил былую нагловатую весёлость, перестал возить в замок девушек из окрестных селений.

Потерявший жалованье стражника Джеймс некоторое время работал на постоянных дворах то конюхом, то возчиком, постепенно пробираясь в столицу. Он надеялся, что в Орегонии сможет вновь поступить на службу к какому-нибудь благородному лорду. К сожалению, заработанных денег не хватало на приличную одежду и коня, так что теперь, и Констанца видела это, её спаситель, который помог ей бежать от лорда Нежина, выглядел, как обычный нищий. Он сильно исхудал, постарел и поседел. Подошвы изношенных сапог подвязаны кусками верёвки, грязная выцветшая треконда пестрит заплатами, наложенными неумелой мужской рукой. Тем не менее, он радостно улыбался, ласково глядя на неё: — ты замечательно выглядишь, малышка! Хвала Всеблагому, он спас тебя!

У неё слёзы наворачивались на глаза, так ей было его жалко. Не выпуская его руки, Констанца потащила бывшего стражника за собой. Удивлённая данна Ольгия едва поспевала за ними. Надо ли говорить, как был поражён этот добрый человек, когда узнал, что его давняя знакомая стала женой Главного королевского дознавателя?

До приезда Алена со службы данн Джорджий был вымыт, переодет в новую чистую одежду и накормлен. Потом, в гостиной Констанцы, где он стеснённо присел на краешек дивана, они долго говорили о том, что произошло с ними с момента их расставания. Так и

застал их Ален, вошедший в гостиную к жене с Лиззи на руках.

Джеймс окончательно растерялся, низко кланяясь Главному королевскому дознавателю и не зная, куда девать руки.

Постепенно неловкость прошла, чему немало способствовало дружелюбное и приветливое отношение к нему Алена. Констанца умоляюще поглядывала на мужа, надеясь, как всегда, на его разумное решение. И, конечно, он оправдал её ожидания и предложил Джеймсу остаться у них в качестве стражника.

Как и любой благородный лорд, Ален содержал некоторое количество людей для охраны своего дома.

Констанцу интересовала судьба данна Ласси, слуги лорда Нежина. Оказалось, что тот остался со своим хозяином, не желая его покидать. А вот палач Кром тоже был уволен и сгинул где-то на просторах королевства.

Спустя положенное время у лорда и леди дар Бреттон родился сын, Анатоль. Кузнец Даниил, иногда навещающий дочь, сокрушённо качал головой: и внучка, и внук были черноволосыми, с яркими чёрными глазами. Зять смеялся и говорил, что дети получились похожими на него потому, что он любит свою жену гораздо больше, чем она его. Констанца обижалась на его слова, но ненадолго.

В пять лет Анатоль посмотрел на блюдо с жареными куропатками, и покрытая хрустящей корочкой птичка послушно приземлилась к матери на тарелку. Та от неожиданности вскрикнула, а отец нахмурил брови и строго сказал: — лорд Анатоль, я запрещаю вам шалить за столом и пугать матушку!

Ещё через восемь лет перед особняком Главы Тайного Совета лорда Алена дар Бреттона остановилась карета. Из неё вылез неприметный человек в чёрной одежде, представившийся стряпчим лорда дар Кремона.

Констанца велела проводить его в кабинет мужа, куда вскоре пришла, предварительно отправив слугу с сообщением к Алену.

Стряпчий сообщил ей, что лорд Нежин погиб. Жестоко исхлётанный плетью конь на всём скаку сбросил его на землю. Его милость неудачно ударился головой о камень и умер на месте.

Многочисленные, неизвестно откуда объявившиеся родственники предъявили права на наследство, но много лет назад лорд Нежин написал завещание: абсолютно всё имеющееся имущество отходило его названной дочери, леди Констанце дар Бреттон.

Констанца вскочила с кресла. Ей не надо ничего от лорда Нежина! Она отказывается от наследства и более не желает слышать об этом человеке! Стряпчий невозмутимо сказал: — я хотел бы выслушать, Ваша милость, мнение вашего мужа. — Подъехавший вскоре Ален жену не поддержал и велел стряпчему оформлять документы на вступление в наследование.

Гость уехал, а надувшаяся Констанца направилась в детскую, но была поймана мужем. Обняв, он усадил её к себе на колени и, преодолевая сопротивление, прижал к себе: — девочка моя ясноглазая, ты не права. Ты можешь не брать и медяка с доходов от поместий лорда Нежина, но подумай о тех, кто пострадал от его самодурства! Может быть, ты учредишь школу для его незаконнорожденных детей? Хотя многие из них уже выросли, но, я боюсь, они неграмотны. Кроме этого, их можно обучать какому-нибудь ремеслу. Или назначить пособия нуждающимся?

Обняв его за шею, Констанца с благодарностью поцеловала Алена, прижалась щекой к его щеке: — ты, как всегда, прав. Пусть это будет школа. Мы наймём самых лучших учителей, а при школе будет пансион, где станут бесплатно кормить. А ещё пусть в школе служат мастера, которые обучат молодых людей какому-нибудь ремеслу. И девочек тоже, да, Ален? — Они допоздна обсуждали, какая школа нужна и где она будет располагаться. А на следующий день к ним присоединился лорд Николс, который обещал посчитать все затраты.

Спустя год школа ремёсел в Вишняках приняла первых учеников. Их было двадцать человек и восемь из них — девушки.

Те, кто был дорог Констанце, стали учителями: данна Эдита учила писать и читать, её муж — рассказывал о милостях Всеблагого, ведьма и травница Феониста посвящала учениц в таинства природы.

Лишь один из учеников решил стать кузнецом, что несказанно огорчало Даниила. Но зато нашлись те, кто с удовольствием учился лекарскому искусству, умению владеть мечом, шорному делу, а также плотницкому и гончарному.

Благодаря школе деревня Вишняки превратилась в небольшой городок, а лорд и леди дар Бреттон принимали живейшее участие в его процветании.

К О Н Е Ц

Больше книг на сайте - Knigolub.net